

Марина Суржевская



КОРОЛЕВСТВО

*Дездучи*

## Annotation

Одна встреча может изменить все.

Из-за встречи со мной молодой заклинатель, наследник династии Вандерфилдов и блестящий студент столичной академии проиграл главное состязание своей жизни. Из-за первой встречи с этим проклятым снобом я, девушка-пустышка с окраины, обрела магические чары.

Из-за меня он потерял будущее. Из-за него я потеряла себя.

Нас связала постыдная тайна и ненависть друг к другу.

И как же посмеялись небеса, вновь сведя нас вместе в Королевстве Бездуш.

**18+!**

---

- [Марина Суржевская](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
-

**Марина Суржевская**  
**Королевство Бездуш. Академия**  
**Книга первая**

# Глава 1

Это был тот октябрь, в котором морозы ломали каменную кладку домов, а птицы замерзали на лету. По крайней мере, именно так писали газетенки различных мастей, предлагая новые улучшенные тепловаторы для обогрева, варежки с жар-нитью и куртки на особой подкладке, призванной защитить обладателя от холодов.

Для меня это был октябрь, в котором я умерла.

Порой самое значительное и судьбоносное событие жизни случается в самый обычный и даже хороший день. И с утра ничто не предвещало моей скорой кончины. Я, как обычно, проснулась на заре, быстро умылась в тесном закутке, где стояло ведро, железная бочка для омовения и узкое сидение для естественных нужд. Потом прошла на кухню и поставила на огонь пузатый чайник, сыпанула в щербатую кружку ложку дешевого чая и сунула в рот кусочек творожной ватрушки.

Настроение было отличным. Мне всего девятнадцать, я молода и полна сил, дядя уже почти неделю не проваливался в очередной приступ, а тетушка Маргарит обещала выделить мне к празднику Костров целых три свободных дня и даже подкинуть монет, чтобы я могла съездить в переулоч мастеровых за покупками. Чем не поводы для счастья? Я уже предвкушала покупку новых ботинок — обязательно с небольшим каблучком, платья с модным круглым воротничком и, если хватит синов, лакомств вроде шоколада и конфет с ореховой начинкой. Возможно, настоящий кофе тоже окажется в числе моих приобретений, хотя это, конечно, вряд ли. Да и без него вполне можно обойтись, а монеты лучше потратить на новый иллюзион, который поставят на площади прямо за переулком, где жители Котловины делают важные и приятные покупки.

А после прогулки по лавочкам и магазинчикам можно пройтись вдоль реки и завернуть на зачарованный каток, не тающий даже летом. Поглазеть на лихих ребят, любящих красоваться перед девушками, выделявая на льду невероятные трюки и прыжки. Или мы пойдём туда с Йеном!

Вот на этом этапе мечтаний сердце привычно дало сбой, а потом зачастило, как сумасшедшее. И на миг я застыла с одним ботинком в руке, мечтая о темноглазом парне, который на прошлой неделе подарил мне фиалку и позвал гулять. Приглашение я приняла и теперь с волнением ожидала вечера, чтобы встретиться с дарителем.

Но пока предстоит рабочий день, и я постаралась взять себя в руки и

унять расшалившееся воображение.

Однако настроение уже подскочило до невообразимых высот, а после улетело куда-то к звездам. Напевая и подпрыгивая, я влезла в шерстяные чулки и платье, натянула старую обувь, с досадой осмотрела сбитые носы и вздохнула. Вот бы тетушка выделила денег уже сегодня. И тогда я смогла бы купить обновку до встречи с Йеном и пойти в парк, уже щеголяя каблучками. Но тетя и так старается, а у нее больной муж на руках!

Увы, с ботинками придется повременить. Зато пальто у меня новое, в красную и серую клетку. Модное. Агнесса — дочь соседки Матильды — заявила, что пальто почти такое, как носят богачи столицы, те, что проживают за оградой из белого камня и ажурных плетений зачарованной решетки. А уж она — Агнесса — знает наверняка, ведь принадлежит к числу тех счастливец, которым удалось попасть на работу в Королевство Бездуш.

Своим пальто я чрезвычайно гордилась, тем более что сшила его собственноручно. И мне оно невероятно шло, не зря же Йен из всех девчонок обратил внимание именно на меня? Так что выше нос, буду смотреть на пальто, а не на ботинки!

Наряд дополнила шапочка и вязаные варежки, тоже не очень модные, зато теплые. Все-таки на дворе не лето!

Улыбаясь и предвкушая чудесный вечер, я чмокнула в лысеющую макушку дядю, пожелала ему хорошего дня и покинула нашу маленькую квартиру на втором этаже старого дома в Третьем Тупиковом переулке.

Конечно, птицы на лету не замерзали, несмотря на вопли газетенок, хотя было довольно прохладно. Но меня грели предвкушение и азарт, и до мастерской я долетела, не заметив кусающего щеки ветра.

«Платье на заказ, переделка и штопка» — гласила кривоватая надпись над входом. Мастерская находилась недалеко, всего в двух кварталах от дома, и добежала я быстро. А там уже окунулась в привычную атмосферу ниток, иголок, кусочков ткани, вредных и не очень клиенток — всего того, что составляло мою работу. Я была на подхвате, как говорила тетя — девочка на все. Где подать, где убрать, где улыбнуться противной старухе с Вербной Аллеи, которая уже в третий раз требует перешить платье, потому что в нем ее грудь кажется плоской. И не скажешь ведь, что груди у нее нет уже с десятков лет!

Я улыбалась, поила женщину какао и разливалась птичьей трелью, потому что старуха хоть и пакостная, но постоянная клиентка, и возможно, именно на оставленные ею монеты я куплю себе новые ботинки!

А потом, выпроводив успокоившуюся клиентку, я бросилась в

мастерскую, и там уже кроила и сшивала до обеда. Ну а после понеслась в чайную старого Пантерса, где меня ожидали ряды грязных чашек, запятнанных скатертей и новая порция жалоб от хозяина заведения. Его я слушала в пол уха, зная наизусть каждый рассказ о жадных посетителях, жалеющих лишней син за чашечку такого восхитительного чая. А ведь господин Пантерс выписывал коробочки из самих предгорий, а заваривал по старинным рецептам своей бабушки. Да разве есть во всей Тритории напиток вкуснее. Да в самом Бездуш не подают такой чай!

Я сочувственно кивала, не забывая драить полы. Иногда мне казалось, что господин Пантерс оплачивает мои уши, безропотно выслушивающие его стенания, а не умение мыть чашки!

Вечером я возвращалась домой выжатая, как несчастный персик, из которого богачи делают сок с мякотью. Зачем делать такой сок и почему просто не съесть сладкий плод — я никогда не понимала, но ощущала себя именно так.

Мысли о предстоящем свидании придали сил, и вдоль темнеющей улицы я понеслась стрелой, надеясь успеть к назначенному времени.

Йен сказал, что будет ждать на месте встречи всех влюбленных — у памятника святому Фердиону.

Вот только до площади мне надо пройти несколько кварталов, а на небе уже загорелись звезды. Я занервничала. Вдруг Йен не дождется? Мы ведь не оговорили точное время. Он сказал — буду ждать вечером, а я кивнула, не веря своему счастью. Но когда наступает этот самый вечер? С первой звездой или десятой?

А может, для Йена и вовсе уже ночь, и он ушел, не дождавшись глупую девчонку в клетчатом пальто, которая не подумала уточнить время!

Ругнувшись про себя, я завертела головой. Можно срезать путь через заброшенный мост. Но я поколебалась на развилке — об этом месте ходили нехорошие слухи, говорили, что каменные опоры подточило время и поэтому мост закрыли для транспорта. Да и ходить по нему не стоило. Не потому, что мост не выдержит мою тонкую фигурку, конечно. Выдержит и стадо буйволов, на мой взгляд. Просто жители города опасались старинного, выгнутого дугой сооружения с жутковатыми фигурами мифических существ по углам. Слева от моста, за рекой, темнел парк, больше похожий на лес, а за ним тянулась витая ограда, отделяющая мир простых смертных от избранных. И не стоит обольщаться ажурностью этой почти невидимой границы. Там, за кружевом из металла, все было по-другому.

Но сейчас я совсем не думала о тех, кто проживал в Бездуш. Все мои

мысли были сосредоточены на Йене и переживаниях о том, дождется ли меня черноглазый красавчик.

Торопясь, я подлетела к мосту. Скалящиеся горгульи, застывшие с двух сторон, меня нисколько не пугали, ходить мимо них приходилось частенько.

Я даже дала им имена. Левая — с отколотым ухом — Пыж, потому что каждый раз пыжится, пытаюсь протянуть ко мне когтистые лапы. Правая — Кыш, потому что смотрит презрительно и пренебрежительно, как смотрят любые создания Королевства Бездуш на таких, как я, обыкновенных людей, без капли чар.

Впрочем, мне было наплевать на мнение и Кыша, и Пыжа, потому что, несмотря на холод, я уже предвкушала свидание. Почему-то возникла уверенность, что Йен дождется, а как же иначе? Да и памятник святому Фердиону совсем рядом, вот пробегу мост и окажусь на другой стороне реки, а там дворами да закоулками выберусь на площадь. Конечно, лучше бы по проспекту — и безопаснее, и чище, но время. Время стремительно улетало!

Поэтому, вежливо поздоровавшись с ощерившимися горгульями, я ступила на мост. Напевая под нос любимую песенку, миновала добрую половину пути. В голове вертелись мысли о красивом парне да о новых ботинках, которые — эх, куплю нескоро.

Щеки горели от предвкушения, и я решила пожертвовать минутой, чтобы замереть на краю моста и остыть. Как бы ни нравился мне улыбочивый черноглазый Йен, но незачем ему видеть мое волнение. А то прибегу запыхавшаяся и красная, сразу станет ясно — неслась со всех ног!

Вот еще!

Поэтому я замерла на середине моста, глубоко втягивая воздух и остужая щеки. Огромная круглая луна зависла над лесом белым шаром, заливая реку и мост призрачным сиянием. Полнолуние. Да ещё какое. Такая луна — низкая, объемная — редкость, как говорит тетушка.

Казалось — протяни руку и тронешь, так близко белый налитый шар. А дальше — шлейф рассыпавшихся звезд, ярких, синих.

Красиво-то как!

Что произошло дальше, моя память сложила из обрывков цветных и черно-белых картинок.

Первое — звук. Мощный, рычащий, утробный. Так режут только низкие и хищные мобили, пролетающие вдоль проспекта.

Следом свет — ослепляющий, сбивающий с толка непониманием.

Чувства застыли, ощущения притупились. Время замерло. И в

страшный, невозможно растянутый в бесконечности миг пришло понимание — конец. По мосту летел мобиль. По узкому мосту, давно закрытому для проезда транспорта!

Оглохшая и ослепшая, в каком-то жутком стопоре я из последних сил дернулась в сторону, пытаюсь избежать неминуемого столкновения с железной машиной. И полетела вниз.

С моста, в стянутую тонким ледком реку.

Тело ударилось, пробивая ещё неокрепшую корку, и камнем пошло ко дну. Я закричала — только сейчас, совершенно не понимая, что уже на глубине. В горло хлынул острый поток воды. Тяжелая одежда промокла в миг. От ужаса вскипела кровь, я заколотила руками и ногами, пытаюсь сделать хоть один глоток воздуха. Тщетно. Совершенно бесполезно. Вокруг меня была тьма — ледяная и безжалостная. Она обнимала уже почти нежно, утаскивая в свои недра, шептала на ухо: тише, милая, все будет хорошо... просто прекрати бестолково колотить замерзающими конечностями, просто позволь случиться неизбежному... ведь все уже произошло. Тебя уже нет. А через миг река зарастет новой коркой льда, затянет рану, пробитую глупой девчонкой, рухнувшей с неба... И все снова будет по-прежнему. Тихо. Холодно. Спокойно...

Это даже удивительно, как мало времени надо, чтобы живое и сильное тело перестало дышать, а юное сердце — стучать. Лишь миг. Всего лишь краткий миг — неожиданный и даже почти неосознанный, и меня нет.

— Нет!!! — я закричала.

Наверное. Мне хотелось бы думать, что я кричала. Хотя, конечно, это было не так. Но мой крик — настоящий или мнимый — рвал мне слух и оставался единственным живым звуком в царстве воды и льда.

Нет. Я не хочу. Я не желаю умирать в девятнадцать лет. Я не хочу умирать. Я так много ещё не сделала, не почувствовала, не попробовала!

Я хочу жить!

— Interitum! — крик прозвучал на грани моего восприятия, и меня подбросило. И ледяная глыба льда встала ребром, выплевывая меня на поверхность.

Я зависла на краю, судорожно кашляя. Воздух. Я дышу. Неужели я дышу?

Снова вопль, и река вспучивается на миг. А потом грузно опадает обратно, ломая ледяной наст.

— Руку!

Что?

— Руку дай, тупица! — голос злой и хриплый.

Я ничего не понимаю. Какую руку? Зачем?

Сознание уплывает, ныряет обратно в ледяные воды Тайвин, норовя спрятаться и от раздирающей боли и от обладателя злого голоса.

— Идиотка проклятая!

Кто это кричит?

Меня хватают за шкуру, словно напакостившего щенка, и куда-то тянут. Тяжело, с усилием, по ломающейся ледяной зыби. Тащат прочь от объятий реки, прочь от острого холода. Смутно осознаю этот факт, но ничего не чувствую.

Темнота...

Тишина...

Шепот...

Vita spirant...

И взрыв обжигающей грудь боли.

Меня трясут и снова кричат. С трудом разлепляю веки. Первое, что изумляет — губы. Чужие губы на моих. Меня целуют? Вряд ли...

Потом — глаза. Зеленые. Как солнечный луг летом, надо же. Красивые глаза, совершенно не сочетающиеся с искаженным от злости мужским лицом. Перекошенные бледные губы, прилипшие ко лбу мокрые пряди светлых волос. Нос. Обычный такой нос — ровный. Детали чужого облика я выхватывала бездумно, и они совершенно не складывались в общую картину.

— Слышишь меня, придурочная?

Жесткие руки встряхнули, больно сжав плечи. Я глотнула воздух, моргнула. Нос, глаза и пряди встали на свои места, а я, наконец, увидела того, кто на меня орал. Незнакомец. Молодой. Жажущий меня убить.

— Самоубийца проклятая! — продолжал парень, встряхивая меня в подтверждение своих слов. — Ты зачем под колеса лезла, идиотка?

— Пошел... — губы размыкаться не желали катастрофически. Кажется, они навечно склеились ледяной стылостью. Кажется, я вся пропиталась ею до самого доньшка.

— Что? Что ты там мяукаешь?

— Пошел... в задницу!

Вот, все-таки разлепились губы. Я не безнадежна.

Зеленые глаза сверкнули губительной тьмой, ладони, сжимающие мои плечи, разжались. И я снова рухнула на землю, с каким-то удивлением понимая, что ноги меня не держат. Осела и нелепо раскинула нижние конечности. Булькнула горлом. Закашлялась. Подняла дрожащую руку.

— А где мое... пальто? — прохрипела я.

Пальто. Где пальто. Оно же совсем новое, лишь месяц назад сшитое. Оно же модное. Я на него полгода деньги собирала. И где оно? Где пальто?

Осталось там, в недрах реки. Видимо, я стянула тяжелую ткань, пытаюсь выбраться, хотя совершенно этого не помню.

— Вот дура, — в сердцах сплюнул зеленоглазый.

Он возвышался надо мной, как гора, и почему-то казался нереальным. Фигуру незнакомца я не могла рассмотреть — мешали слезы в глазах.

— Что за невезение. Дернуло меня срезать дорогу... Гадство!

— Пальто, — всхлипнула я. — В клетку...

Жестокие руки снова вздернули, заставляя подняться, перед лицом оказались яркие радужки, которые заливала чернота зрачка.

— Слушай ты, недоделанная, — с угрозой произнес обладатель зрачков. — Мне катастрофически некогда с тобой возиться. Скажи спасибо, что вытащил. — Парень скривился и, кажется, хотел снова сплюнуть. — Теряю время. Надо же так влипнуть... Слушай сюда, пустышка. — Зелени в глазах незнакомца почти не осталось, и это почему-то завораживало. — Я дико опаздываю. Это очень важно. Проклятие! — меня тряхнули и отпустили. — Я оставлю тебе свою куртку и вот это, держи, — в руку опустилось что-то плоское. — И... тебе лучше меня забыть. Ну-ка, посмотри в глаза.

Да я и так смотрела. Пялилась изо всех сил. В лице моего убийцы на миг мелькнула растерянность.

— Смотри, — повторил он. И сразу: — Забудь меня... oblivis

И я своим замороженным и растерянным разумом наконец поняла, кто передо мной. Ну, конечно. У кого ещё может быть рычащий хромированный мобиль? Только у богача из Бездуш. У одного из тех, кому повезло родиться в нужной семье. У одного из тех, кому принадлежит этот мир.

Перед глазами поплыло и потемнело. Воздух исчез. Знающие люди, сталкивающиеся с заклинателями, говорили, так бывает от чужих чар. Но такая пустышка, как я, никогда и подумать не могла, что прошлое перекуется ради меня. А вот надо же. Для меня создали иную картинку прошлого. В котором не было никакого незнакомца с зелеными глазами.

## Глава 2

Очнулась я все на том же берегу. Сколько прошло времени — не имела понятия. Сознание все ещё тормозило, мысли ворочались вяло. Я закашляла и от этого очнулась. Кое-как поднялась, покачиваясь. Растерянно осмотрелась. Мост дугой, Кыш и Пыж — косящиеся сверху. Река, стянутая льдом. Ночь. Холод.

И я — дрожащая и кашляющая на берегу.

Побрела вперед, подчиняясь скорее инстинкту, чем разуму. Но с каждым шагом мысли прояснялись. Я упала в реку. Что-то случилось, и я упала. Надо идти. Надо добраться до дома.

И я пошла. Кашляя, спотыкаясь, кажется, даже падая. Но потом упрямо поднимаясь и снова топая вперед. Людей в это время ночи на улицах не было. Хотя если и были бы, вряд ли я обратила внимание. Сознание порой уплывало, меня трясло. Мокрые волосы повисли сосульками.

Я плохо помню, как оказалась возле своей обшарпанной двери. Сунула руку в карман, растерянно вытащила что-то плоское. Кошелек. Мужской. Открыла и уставилась на пачку денег. Откуда? Что это? В глазах снова темнеет...

\* \* \*

Когда я очнулась, где-то поблизости тарахтел голос, и я узнала соседку, мать той самой Агнессы.

— ...а я иду, думала — опять забулдыга какой залез. Ведь валяется в наглую, даже не стесняясь. И лампа ведь не горит, снова кто-то стащил. Я и струхнула... А потом... потом смотрю — волосенки торчат. И вроде как рука. Присмотрелась да как ахнула. Тинка там лежит, представляешь? Валяется, словно баклажку вина в одиночку выдула. А ведь с виду и не скажешь... Да ещё и в куртке с мужского плеча, да дорогой, кожаной. Вот я к ней... а она...

Разлепила глаза. Лежу в своей комнате. На своем продавленном диване. Рядом тетя и соседка — блестят встревоженными глазами и причитают. Ну, все как обычно, в общем.

— Очнулась! — завопила тетушка так, что захотелось снова

отключиться. Соседка бросилась ко мне, принялась бестолково поправлять старый плед, дергать подушку — то ли выдернуть хотела, то ли оставить.

— Тина. Вот так учудила, ненормальная ты девчонка. Я же думала, ты умерла. Совсем без дыхания валялась. Мокрая и холодная, как ледышка. Что случилось?

Я облизала пересохшие губы, и тетя понятливо сунула под нос кружку с водой. И уставилась ожидающе.

— Я упала в реку, — выдавила чуть слышно. — Я упала... с моста.

— С моста? На лед? И жива?

Соседка захохала, замахала руками, глядя на меня, как на спятившую.

— Да.

Я устало прикрыла веки. Свет неяркой лампы почему-то жутко раздражал глаза. И горло сохло.

— Дайте ещё воды.

— Да у тебя жар, Тина! — тетя прижала ладонь к моему лбу и нахмурилась. Несмотря на любовь к сплетням, которые она с радостью разносила по всем знакомым, злой она не была. И сейчас всерьез встревожилась. — Надо вызвать врача.

— Нет, я просто... устала. Надо... поспать.

— Устала? — вскричала соседка. — Да если ты не врешь и действительно свалилась с моста, то тебе точно нужен доктор. Тинка, да это вообще чудо, что ты выбралась. Это же... да это же чудо!

Выбралась... я нахмурилась. А как я выбралась? Зажмурила веки, восстанавливая хронологию вечера. Вот я вышла из мастерской. Вот решила срезать путь. Вот — мост. И я иду... а потом?

В висках заломило, да так, что я вскрикнула и прижала дрожащие ладони к голове. Под закрытыми веками заплясали разноцветные круги, горло обожгло так, словно мне в рот насыпали раскаленных углей. Я выгнулась и закричала.

... снова провал.

— Странно. Никогда такого не видел. Любопытно, очень необычный случай... Говорите, она упала в реку? — голос мужской, знакомый.

Память рисует образ — сухой сутулый старик с чемоданчиком. Врачеватель из соседнего дома. Обращалась к нему как-то, берет недешево, но дело свое знает. Что он забыл в моей комнате? Я больна? А если так, то чем платить, ведь услуги специалиста дороги...

А у меня нет синов... Я оставлю тебе свою куртку. И ещё вот это...

В руку ложится что-то плоское. Кошелек из мягкой дорогой кожи. И куртка тоже кожаная, теплая и легкая. Укрывает меня до бедер, прячет от

зеленых глаз. Все потому что пальто утонуло. И в нем — девушка. Как же ее звали? Тинка — Тина. Вот так, да.

— Очень, очень странно. Ну, надо же, как необычно... кто бы мог подумать, что такое бывает!

Да вот бывает. Живешь себе, мечтаешь о ботинках и парне с катка, который подарил цветок, а тут вам — бах, и прощай Тина. Нет тебя. И правда, очень необычный случай!

Я открыла глаза.

И ойкнула от яркого света.

Закрылась ладонью.

— Уберите лампу, ну же, госпожа Приния. Посмотрите на меня. Вот так. Осторожно. Вы знаете, кто я?

— Врачеватель, — выдохнула я. — Господин Арьен.

— Прекрасно! — мужчина радостно всплеснул ладонями. — А свое имя вы помните?

— Конечно. Тина.

— Замечательно!

Я перевела взгляд с лекаря на свою тетку, скорбно застывшую на заднем плане, и не выдержала.

— Что происходит? Я заболела?

— Заболела. Да ещё как. Несколько дней на грани, мы уж думали, не выкарабкаешься. Ты упала в реку, милая!

В реку? Ну да...

— Вы помните, как это случилось, Тина? — блеснул стеклами очков лекарь.

— Я... поскользнулась, — медленно произнесла я. — А там... нет ограды. Я не удержалась.

— Святые праведники. Сто раз тебе говорила, чтобы не бегала через мост. И вот!

Тетушка потрясла кулаком. Показывая, что именно — вот. Допрыгалась вот, непутевая.

Но я лишь прикрыла веки.

— А куртка? — на тебе была куртка, милая. И деньги. Откуда?

— Что? Я... не знаю. Не помню.

В комнате повисло напряженное молчание.

— Вероятно, кто-то помог девочке дойти до дома. Вряд ли девушка смогла бы осуществить это самостоятельно, вы ведь понимаете? — ровно произнес лекарь. — Но по неизвестной причине этот человек решил остаться безымянным. Что ж. Вы должны его благодарить. Теперь даже я

не сомневаюсь в вашем выздоровлении, Тина.

Я промолчала.

Отвернулась к стене, чтобы скрыть усмешку.

Потому что соврала и тетушке, и почтенному лекарю. Я помню того, кто одолжил мне дорогую куртку на меху. И кто небрежно сунул в ладонь пачку купюр. И из-за кого я свалилась в обледеневшую реку.

Я все это прекрасно помню, хотя и не должна.

Ведь незнакомец постарался стереть мне память. Вот только что-то у него не вышло, и мои воспоминания остались при мне.

А ещё — зарождающаяся злость. Из-за богатенького придурка я чуть не погибла. Мост закрыли, он не имел права по нему ехать!

И мне очень хочется снова увидеть этого уroda, чтобы плюнуть ему в лицо!

Хотя даже сейчас, в своем полубессознательном состоянии я понимаю, что это почти невозможно.

И, пожалуй, к лучшему.

\* \* \*

После нескольких дней темноты я пошла на поправку. Причем так быстро, что врачеватель лишь поднимал куцые брови и многозначительно хмыкал. Навещать меня он перестал через неделю, правда, велел наведываться в лекарскую. Я, как здравомыслящая и ответственная девушка, эти указания честно выполняла. Но вот чего не понимала — это почему каждый раз врачеватель помимо стандартного осмотра ушей, носа и горла, простукивания легких и тому подобных манипуляций, прикладывал ко мне всем известный предмет — блестящий кругляш с несколькими стрелками, измеритель потенциала, или чаронометр, как называли его обыватели.

Не выдержав, я спросила.

— Что вы делаете? Мои данные снимали при рождении, а потом в десять лет, как у каждого ребенка. У меня нет и никогда не было чар, зачем вы снова проверяете показатели?

Лекарь задумчиво поднес к глазам блестящий кругляш, пожевал губы. И снова хмыкнул.

— Видите ли, Тина... Это покажется вам странным... и вполне возможно, напугает... но ваши показатели изменились.

— Что?

Честно говоря, я не сразу осознала сказанное. Чары — это некий внутренний потенциал. Получить его извне невозможно. Счастливики, родившиеся с ним, относятся к привилегированному обществу, к Королевству Бездуш. Но я всегда была самой обычной, пустышкой — как презрительно именуют остальных людей заклинатели.

— Простите, но ваш прибор просто сломался, — нашла я разумную причину.

— Это вряд ли, — в десятый раздражающий раз хмыкнул лекарь.

— Но я пустая. Всегда была!

— И все же. Посмотрите сами, Тина.

Мужчина протянул мне кругляш. Тонкая стрелка на серебристом циферблате отклонилась на одно деление. Всего таких штрихов девяносто девять, и говорят, у самых сильных заклинателей стрелочка совершает полный оборот. Но такое бывает лишь у чистокровных, и то далеко не у всех.

А у меня — одно деление. Ничтожно мало для обитателей Бездуш. И невероятно много для пустышки с окраины.

— Но это невозможно! — закричала я.

Лекарь убрал чаронометр.

— Вы что-нибудь слышали о случайниках, Тина?

— Случайники? — растерялась я. Кажется, что-то такое нам рассказывали в школе. Признаться, Бездуш с его чудесами тогда был настолько далек от меня, что слушала я невнимательно. — Кажется, это те, чей потенциал возрос в результате несчастного случая? Удара молнией, например.

— Все верно, — довольно улыбнулся врачеватель, словно я продемонстрировала недюжинный ум. — Конечно, большинство заклинателей получают потенциал от рождения. Он передается по линии обоих родителей, как знаете. Поэтому заклинатели так рьяно оберегают чистоту крови. Чем сильнее чары у отца и матери, тем большая вероятность высокого потенциала у ребенка. Но иногда, очень редко, чары пробуждаются в пустом человеке. В результате случайности, рокового события на грани жизни и смерти. Это большая редкость, Тина. Но кажется, вам невероятно, немыслимо повезло. И ваш пустой сосуд наполнился!

Ледяной водой он наполнился, хотела сказать я, но промолчала.

У меня появились чары? Святые праведники, да неужели это возможно?

— Я что же... — ахнула, начиная осознавать. — Я что же теперь...

потеряю душу?

Лекарь досадливо поморщился. Конечно, как любой образованный человек, он не признавал неофициальное название столицы нашего королевства.

— Не говорите глупостей, Тина, вы ведь не сельская девчонка. Обладатели чар не бездушны.

— Но все знают, что чары располагаются как раз на месте души, — я растерянно ткнула пальцем себе в грудь. — И ее они отдают взамен способности колдовать!

— Заклинание — сложный процесс и результат работы разума! — недовольно протянул мужчина. Похоже, его мнение обо мне резко скатилось до уровня бездновой впадины. — Разума, а не эфемерной души, существования которой пока никто не доказал!

Он поднялся, недовольно косясь на меня. Похоже, экзамен на тот самый разум я все-таки провалила. Ну и ладно.

— Пойдите... я что же теперь... заклинательница?

— Пока вы лишь девушка со слегка подростим потенциалом чар. Ничтожным, но все же. Без знаний и тренировок он совершенно бесполезен. И вообще может оказаться лишь временным явлением. Ну, а что вам делать... Вам следует сообщить в Магистерию Чар о вашем удивительном случае. В обязательном порядке.

На окончательное осознание новой реальности и моего нового положения ушло ещё две недели. Честно говоря, я до последнего думала, что почтенный лекарь ошибается. Или что его чаронометр неисправен. Я не ощущала в себе изменений, лишь порой тянущую боль в груди, словно отголосок той, что пронзила меня во льду. Но это лишь фантомная память — непонятно и заумно объяснил врачеватель. Мои легкие и внутренности были совершенно здоровы. Купание в реке не оставило после себя неприятных сюрпризов.

Только вот чары...

Сколько я ни всматривалась в зеркало, не замечала там новой Тины. Все та же девчонка — глаза светло-карие, с лукавыми золотистыми искорками, волосы светлые, кудрявые и растрепанные, фигура с необходимым набором впадин и выпуклостей. Нос вздернутый, улыбка во все зубы и вечно не к месту. Симпатичная, как мне всегда казалось. Но понятно, невероятно далека от красавиц из-за ажурной ограды. Девушек из Бездуш я видела не так уж и много, ведь они не приходили в мастерскую тетушки за новыми платьями и не покупали булочки в пекарне Хромого Роба. Изредка они проносились по улице на блестящих мобилях, да и то

случайно. И в затемненных окнах виднелись горделивые и безупречные красавицы, бросающие на окраину удивленно-снисходительные взгляды. Словно обитательниц шикарных транспортных средств удивляло само существование подобного места, а тем более — людей, бесполезно топчущих брусчатку.

И разве есть у меня с ними что-то общее?

Конечно, нет.

Однако в Магистерию я все-таки пошла. Больше для того, чтобы окончательно удостовериться — нет у меня никаких чар. И продолжить жить, как прежде — спокойной и понятной жизнью.

Со мной собралась тетушка. Моя родственница никак не могла прийти в себя от бед, свалившихся на дитячко — то есть меня. И поглядывала жалостливо, и все норовила подсунуть какую-нибудь вкусность, хотя я давно выздоровела и вообще ощущала себя прекрасно. Отделаться от тети я не смогла, так что с утра в понедельник надела свое лучшее платье — синее, длиной ниже колен, с белым бантом у горла, плотные шерстяные чулки, ботинки со сбитыми носами, и старую куртку. Осмотрела себя в зеркало. Скривилась. Подол висел тряпкой, и мои торчащие из колодок обуви ноги смотрелись тонкими веточками, а потрепанная куртка портила и без того неприглядную картину.

К платью нужно пальто, но оно осталось в недрах ледяной реки...

На миг взгляд остановился на черной коже, качающейся на крючке моей комнаты. Мужская куртка. Чужая. Едва уловимо пахнувшая чем-то свежим и горьким. Парфюм из какого-нибудь салона ароматов, где бумажки с ценами пугают рядом цифр. Бархатная подкладка. Скромная бирка известной и дорогой фирмы на изнанке.

За прошедшие дни я изучила куртку вдоль и поперек. Никаких бумаг или опознавательных документов. Незнакомец, столкнувший меня в реку, не оставил следов. Лишь куртка, деньги за причиненные неудобства, и приказ все забыть. Приказ, подкрепленный магическим внушением. Вот только я почему-то помнила.

О том, что на самом деле случилось на мосту, я не рассказала ни лекарю, ни родственникам. Потому что понимала — не стоит. Незнакомый парень принадлежал другому миру, миру Королевства Бездуш, а я с детства усвоила — соваться к таким не стоит. Они сильнее и злее. Не зря кварталы за ажурной оградой прозвали так, ох, не зря. Сильные мира сего не знают жалости, а заклинатели — и подавно.

Но иногда, поглаживая бархат внутри куртки и вдыхая дразнящий аромат, я сжимала кулаки, размышляя о владельце этой дорогой вещицы.

Как легко он сбросил ее с плеч. Подачка, призванная заткнуть мой рот!

— Сволочь, — шептала я, надевая куртку и поднимая воротник. — Что б тебя... Попался бы ты мне!

И снова встали перед внутренним взором злые зеленые глаза и искривленный от досады рот.

— Тина, ты готова? — тетя выдернула меня из мрачных мыслей, появляясь на пороге комнаты. — Ты ещё даже не одета. Ну что за девчонка непутевая!

Меня мигом закутали в шарф, натянули на лоб вязаную шапку с пушистым помпоном, и решительно потащили на улицу. С утра небо заволкло низкими тучами, осень лениво присыпала город мелким снежком. Я глубоко вдохнула острый воздух и вслед за тетей двинулась к станции. Магистерия находилась на другом конце города, за ажурной решеткой. Ехать пришлось на звенящем от напряжения и магии составе, место в нем дешевле, чем в наемном мобиле. За окном потянулись привычные и родные улочки — кривоватые, не очень чистые, с невысокими домами и завешенными сохнувшим бельем балкончиками. Узкие проулки, ставни, выкрашенные в кирпичный и зеленый цвет, выбитая брусчатка. Скамейка возле чайной, где меня впервые поцеловал мальчик, водонапорная колонка за углом, где я истово терла губы, отмываясь от позора. Мой мир. Привычный и понятный.

Но стоило гудящему вагончику вкатиться по рельсам на территорию Бездуш, улицы волшебным образом преобразились. Словно кто-то стер безжалостной рукой привычное зелено-серое и щедро плеснул многоцветия. Мне редко доводилось бывать за оградой, так что я прилипла к окну, рассматривая величественные здания с витыми колоннами, арками, статуями и витражными окнами, таращась на нарядно одетых пешеходов, а один раз даже увидела виверну — зависшую над открытой галереей, что растянулась между двумя домами.

Правда, потом меня отпихнули от окна более наглые пассажиры, и дальше пришлось разглядывать спины и лица наших спутников, которые, как и мы с тетей, решили сегодня посетить Бездуш.

— Станция Магистерия! — звонко объявил женский голос, тетя подпрыгнула и вытащила меня на улицу.

Вагончик уехал, а мы остались возле огромных кованых дверей, ведущих в святая святых. Здесь измеряли чары. Здесь рушились надежды. Здесь ткались судьбы тысяч людей. Ведь проклятая черточка на блестящем измерителе была способна возвысить человека или облечь на жалкое существование.

Тетушка благоговейно застыла, сложив руки. Я потопталась рядом, тоже пытаясь приобщиться к прекрасному, но выдержала недолго.

— Тетя, ну пойдем уже. Холодно, к тому же мы мешаем проходу. Хватит взирать на эту дверь так, словно она ведет напрямиком в чертоги святого Фердиона!

Родственница наградила меня хмурым взглядом и вздохнула.

— И в кого ты такая язва, Тина? Впрочем, знаю, в кого. Конечно, в матушку, да будь благословен ее прах. Мой бедный брат женился на ней, лишь бы та замолчала. И ты такая же!

Я отмахнулась от беззлобного бормотания и толкнула дверь. За ней обнаружился приемный зал, расходящийся паутиной бесконечных коридоров и комнат. Симпатичная служащая в ответ на наше бессвязное блеяние споро заполнила какие-то бланки и сунула мне в руку что-то светящееся.

— Следуйте за проводником!

От неожиданности я уронила это нечто на пол. Слабо мерцающий шарик подпрыгнул и покатился, мы с тетей ринулись следом, хлопая полами распахнутой одежды. Поплутав по коридорам, натыкаясь на людей в попытке не упустить своего проводника и не спутать его с десятком других, мы все же добрались до нужной двери. В центре ее красовалась надпись «Распределение. Магистрариус А. Вельвет».

Переглянувшись с тетей, я деликатно постучала. Створка распахнулась сама собой, тетя сделала многозначительный взгляд, мол — магия, а я фыркнула и закатила глаза.

И вошла.

— Здравствуйте.

За столом сидел мужчина в круглых очках. На нас он не смотрел, и пока тетя мялась в дверях, я уселась на стул. А она снова испустила печальный вдох, призванный показать, что она не виновата в дурном воспитании родственницы, ну то есть — меня, и плюхнулась на соседнее сидение.

— Так-так, — пробормотал хозяин кабинета, по-прежнему не поднимая глаз от бумаг. — Что у нас тут? Надо же, случайное пополнение чарорезерва. Ну-ну. Надо же. Посмотрим-посмотрим... Руку!

Мы с тетей слаженно подпрыгнули.

— И сердце! — ляпнула я. И покраснела, с испугом глядя на мужчину. И вот кто меня за язык вечно тянет?

Магистрариус оторвался от рассматривания бумажек и, наконец, соизволил окинуть нас внимательным взглядом. Сначала тетю, почти

доведа ее до обморока, потом — меня. Улыбнулся.

— Итак, юная госпожа, — протянул он. — Случайник.

Откуда он это узнал и как вообще понял, зачем мы явились — я так и не поняла. Зато тетя снова воспрянула духом и глянула на меня. Магия! — читалось в ее взгляде.

Или налаженная связь с приемным залом, где мы заполняли документы, решила я.

— Думаю, ваше сердце лучше оставить для некого молодого человека, с которым у вас однажды случится прекрасное будущее, юная госпожа, — произнес магистрариус. — А вот вашу руку я все же хотел бы увидеть. Исключительно для того, чтобы измерить потенциал, конечно. Вы позволите?

Я несколько смутилась от такого обращения. Тетя смотрела победителем, мол, учись, Тина. Вот тебе воспитание и манеры, не то что ты — босячка. Вся в матушку...

Неловко поднявшись, я стянула куртку, задрала рукав платья и приблизилась к столу. И только сейчас увидела, что это не обычная мебель. По темной лаковой поверхности проплывали изображения. Картинки сменялись так быстро, что от мельтешения цветных пятен у меня мигом заболела голова.

— Положите ладонь сюда, — кивнул магистрариус.

Я опасливо повиновалась и вскрикнула, когда часть глянцевой столешницы смолой потянулась вверх и обхватила мою ладонь, запястье, локоть....

— Спокойно, юная госпожа, у вас нет причин для беспокойства, — уверил мужчина. — Это всего лишь измеритель. Просто более совершенный. Он считывает показатели до сотых долей. Расслабьтесь.

Я выдохнула. Легко ему говорить. А у меня рука в непонятной липкой гадости!

По поверхности стола побежали цифры. Я скосила глаза, но с моего положения рассмотреть что-то подробнее не удалось.

— Так-так. Ну-ну. Динамика присутствует. Надо же. Так-так... Вот и все!

Смола чавкнула и слезла с моей руки, а я осмотрела пальцы. Пересчитала. Вроде все на месте. А то мало ли... С этих обитателей Бездуш станется!

— Ну что же, Тина, могу вас обрадовать. Вы, действительно, лицо чаро-не-одаренное, случайно пополнившее резерв в результате трагического происшествия или иного взаимодействия с раздражающими

или губительными факторами. Ну, или проще — случайник. Потенциал ваших чар сейчас составляет три условные s-единицы.

— Но ведь была всего одна! — воскликнула я так, словно это магистрариус виноват в подростом потенциале.

— Все верно, ваш резерв нестабилен, он пополняется, пока не установится в своей норме. Это очень хорошая тенденция, юная госпожа. Вам повезло. Кстати, как вы приобрели чары?

— Упала в реку, — растерянно пробормотала я. — И что теперь? Ну, то есть что мне теперь делать? — и оглянулась на тетю, застывшую изваянием. Кажется, она даже не моргала. Может, вообще уснула? Или в таком шоке от происходящего? — Врачеватель, наблюдавший меня после... несчастного случая, велел явиться в Магистерию. И что дальше?

А. Вельвет снял очки, неторопливо вытащил откуда-то кусок бархатной тряпочки и принялся натирать стекла.

— Видите ли, Тина. Для начала я должен убедиться, что чары получены вами законным путем.

— То есть? — опешила я. Ну да, ходили разные слухи. Мол, есть ритуалы — запрещенные и кровавые, позволяющие пополнить резерв и даже залить чары в пустышку вроде меня. — Я ничего такого не делала. Да я крови боюсь. Вы что же думаете, я кого-то...

По губам мужчины скользнула улыбка.

— Не волнуйтесь, я вас ни в чем не обвиняю. Поверьте, запрещенные методы... оставляют следы. А у вас из прегрешений, наверное, только воровство конфет из тетушкиного комода.

Я покраснела, магистрариус снова улыбнулся. И посерьезнел. Вернул очки на переносицу. Глянул строго.

— Я говорю о незаконном получении иного рода. Вы сами упали в реку, Тина?

Я на миг застыла.

— Сама.

— Вы в этом уверены? — мягко переспросил мужчина. — Поймите, если имело место... насилие... вы не должны молчать. И виновного накажут. Вы должны лишь заявить...

— Я упала сама, — твердо повторила я.

— Ну что ж, — вздохнул магистрариус, и мне показалось — с облегчением. Впрочем, его глаз я не видела, стекла бликовали. — Тогда могу вас поздравить. Отныне вы недипломированная заклинательница. Вам выдадут соответствующие документы.

Тетушка издала придушенный стон, я растеряно моргнула.

— И что мне делать с этим?

— Учиться, конечно. Обучение людей с потенциалом чар — обязательное условие, Тина. Мы не можем позволить себе необученных заклинателей, не знающих, что делать со своими возможностями.

— Учиться? — у меня голова пошла кругом. — Но как? Где?

— А вот уже другой вопрос.

Господин Вельвет резко махнул по глянцевой поверхности, и там снова замигали картинки. Он же заговорил быстро, листая свой удивительный прибор.

— Так-так... Ну-ну... посмотрим... полный набор... и здесь тоже... Верденская школа? Увы... Страфин-ард? Не то... Плохо-плохо... Все учебные заведения заполнены, к тому же обучение уже началось, как вы понимаете... Так-так... и что же нам делать?

— Подождать до следующего года? — неуверенно произнесла я.

— Никак невозможно, дорогая Тина. У вас потенциал. И если завтра вы случайно спалите чарами свой дом, то виновата будет Магистерия. Вы должны учиться. Надо непременно что-то придумать... Как вам Альенская школа?

— Какая? — опешила я. — Альенская? Но это же... на севере!

— Ну да. Вы увидите ледники, небесное сияние и среброзубых снежных котов. Поверьте, восхитительное зрелище!

— Но я не хочу уезжать из столицы! — завопила я, и господин Вельвет хмыкнул. — Нет-нет, дело не в том, что это столица, — торопливо поправила я. — Но здесь мой дом. И тетя с дядей. А он болен. Кто будет им помогать? Нет, я не могу уехать!

— Но с началом обучения шесть из семи ваших дней будут посвящены урокам, — резонно напомнил магистрариус.

— Но на седьмой я смогу навестить родных. Вы не имеете права высылать меня... в ледники!

Мужчина снова хмыкнул и уставился в поверхность стола. И чем больше смотрел, тем сильнее хмурился.

— Тогда я могу предложить вам лишь один вариант, госпожа Тина, — со странной интонацией произнес он, а я насторожилась. — Как я уже сказал — все, абсолютно все учебные заведения заполнены. По вашему уровню потенциала вам подошла бы Верденская или Ашлинская школы. Но, увы, мест нет. Но я могу устроить вас в Высшую Столичную Академию.

Я онемела. И рот открыла. Так и сидела с открытым, желая заорать — ущипните меня. ВСА? Да вы шутите? Туда, где учатся дети богатых и

родовитых, самое привилегированное заведение столицы, а заодно и всего королевства? Я буду там учиться? Я?

— Вы, верно, шутите.

Господин Вельвет снова снял и протер очки.

— Не шучу. Правда, ваше обучение будет слегка специфическим.

— Что вы имеете в виду?

— Тина, я буду с вами откровенен. Вы ведь понимаете, что ни вашего уровня чар, ни родовитости, ни средств не хватает для поступления в подобное место. Выпускники этой Академии нарасхват. Даже после года обучения, а с вашим потенциалом это будет лишь год, вы станете востребованным специалистом. Диплом ВСА открывает многие двери. Но попасть туда такой девушке, как вы, можно лишь одним способом.

— Каким это? — я подозрительно прищурилась. Это что мне предлагают?

— Стать... м-м... личной помощницей для одного из студентов. — Магистрариус успокаивающе поднял руки: — Как вы понимаете, учащиеся этого заведения не привыкли к бытовым трудностям. Они не умеют убирать в комнате, ухаживать за одеждой и прочее... А в стенах академии запрещены прислужники. Но можно попросить кого-то из сокурсников... помочь. Взамен вы сможете обучаться, Тина.

Я молчала. Ну да, более чем просто. Я становлюсь служанкой для кого-то богатенького сноба или снобки, а взамен тихонько сижу на занятиях и впитываю знания. Целый год среди высокомерных бездушных аристократов, в роли полomoйки. Отлично. Это прямо то, о чем я мечтала!

Открыла рот, чтобы отказаться... и закрыла. Потому что увидела лицо тети. Светящееся. Озаренное светом надежды. И все мои злые слова застряли в горле.

Тетя воспитывала меня с детства. Мои родители погибли, и небогатая родственница безропотно взвалила на себя ношу по воспитанию сироты. Первые годы все было даже неплохо, но потом заболел дядя. Болезнь прогрессирует, с каждым годом становится все хуже. Чтобы купить лекарства, нужны сины, а они с потолка не падают. Тетя не жалуется, но выбивается из сил, пытаюсь вытащить и мужа, и меня.

Мастерская дает заработок, но надо смотреть правде в глаза. Тетя слаба, ее зрение уже не такое острое. У нее болит спина и ломают пальцы. А ее вкус никогда не был таким хорошим, чтобы конкурировать с мастерской той же Матильды, что недавно открылась на соседней улице. Пока к тете ходят старые клиентки — такие же замшелые и неторопливые, как и сама тетюшка. Приходят больше за общением, чем за обновками. Но вот только

монет от этого почти не прибавляется. А скоро перестанут ходить и они.

И что мы будем делать?

Я рассчитывала к весне найти новую работу, более высокооплачиваемую, но... кому нужна девчонка с окраин без образования и особых умений? Таких полно...

А вот если я смогу продержаться год в академии, то получу заветную бумагу с гербом Королевства. И тогда смогу устроиться не просто на работу, а на хорошую работу. Даже с таким уровнем чар, но с соответствующими знаниями, я смогу вытащить нашу семью из болота, в котором мы тонем. Медленно, но неуклонно погружаемся в чавкающую трясиину безденежья и безнадежности.

И всего-то один год.

Подумаешь, прислуживать. А сейчас я что делаю? Разношу подносы и мою стаканы за три сина в неделю. Тоже мне, гордячка нашлась!

От стыда полыхнули щеки, и я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

— Я согласна! — выдохнула торопливо и увидела, как блеснули слезами глаза тети. — Согласна!

— Я не сомневался, Тина. Поверьте, на такие места полно желающих. Но вам и тут повезло. Одному из студентов понадобилась помощница. Так что уже завтра вы окажетесь в академии.

Мое сердце подпрыгнуло и ударило в ребра, грозя их проломить. Признаться не хотелось, но новая жизнь слегка... пугала.

— Завтра? Как завтра? — впервые отмерла тетя.

Господин Вельвет прищурился.

— Хорошо, послезавтра. Но ни минутой позже. Понятно? Учебный год уже начался, придется догонять.

— Да, господин магистрариус!

— Вы одобрены! — ударил ладонью по волшебному столу магистрат. — Список необходимых вещей и предметов получите на выходе. Поздравляю, Тина!

Ошарашенные и растерянные мы с тетей двинулись к выходу. И уже возле дверей я опомнилась.

— А кто мой... ну этот студент? Чьи носки я буду стирать?

— Эш Вандерфилд. Студент последнего курса обучения.

Имя мне не о чем не говорило, конечно. В геральдике я тоже была не сильна, хотя где-то на доньшке памяти плескалось воспоминание о Вандерфилдах. Кажется, это кто-то из семей-основателей королевства? М-да, надо бы освежить свои знания о сильных мира сего, раз уж меня

угораздило к ним попасть!

Студент последнего курса — значит, ему не менее двадцати пяти лет, совсем взрослый. Что ж, надеюсь, он окажется не привередливым и разумным нанимателем!

Мы вывалились в коридор и ошарашено уставились друг на друга. Тетя шмыгнула носом.

— Не вздумай реветь, — строго приказала я. — Дома поплачешь. Здесь нельзя.

Тетя согласна кивнула и боязливо покосилась на закрытую створку.

И лишь за дверью Магистерии, мне пришел в голову ещё один вопрос.

А что случилось с прежней помощницей некого студента Вандерфилда? Ведь учебный год длится уже два месяца, и вряд ли все это время он собственноручно стирал свои носки. И еще. Почему он не смог найти поломойку среди уже обучающихся студентов?

## Глава 3

Следующий день мог бы служить иллюстрацией к картине «дом свихнувшейся семейки». Тетя начала заламывать руки и причитывать ещё до моего пробуждения. Собственно, эти стенания меня и разбудили. Дядя молчал, как обычно, и смотрел из-под нахмуренных седых бровей.

— Тетя, прекрати причитать. Я иду учиться, а не отправляюсь нести дозор в пустыню виверн!

— Упаси тебя святой Фердион. И что ты такое говоришь, Тина. Вся в матушку, вся! — на полном серьезе ужаснулась тетя, дядя закатил глаза. Мы переглянулись и слаженно хмыкнули. Он обычно предпочитал молчать, наверное, поэтому мы с ним прекрасно понимали друг друга. Надежный, рассудительный и заботливый, дядя всегда был для меня примером настоящего мужчины. Многолетние боли, мучащие его, не стерли с усатого лица добрую улыбку и не ожесточили сердце. И глядя на дядю, я понимала, что буду изо всех сил стараться в академии. Потому что есть ради кого.

— Это просто немыслимо! — наша тесная кухонька снова огласилась причитаниями тети. — Вы только посмотрите на этот список! — желтый лист разогнал воздух. — Нет, где это видано? Набор перьев стандартный, набор перьев зачарованных, три комплекта бумаги — в линию, двойную линию и бесконечную. Книга начал, книга теней, книга элементов, книга пространства. Измеритель Эльдера Магинса. Измеритель Пра. Измеритель... Еще какой-то. И это только первый абзац!

— Дай сюда, — я выхватила лист из дрожащих пальцев. Пробежала глазами, мрачней. Да уж, поступить в ВСА оказалось проще, чем добыть все необходимые в обучении предметы. И отчаяние тети понятно, мы разоримся, если купим все это. Правда, были ещё сины, доставшиеся от незнакомца на реке. Но тратить их я категорически отказывалась, сама не зная, почему. А тетя не настаивала, сделав вид, что забыла о чужом кошельке.

Так что я широко улыбнулась во весь рот и незаметно засунула бумагу в карман.

— Тетя, ты все неправильно поняла. Это список того, что мне выдадут на месте. Вот вечно ты так, не разобралась, а паники навела!

— Выдадут? — тетя выдохнула воздух, как лопнувший шарик.

— Ну да! — я беззаботно пожала плечами. — Это же столичная академия. Не переживай, все будет в порядке. И я хочу на обед пирог с

печенью. Так что займись им, а я пока соберу вещи.

Подмигнула, проигнорировала внимательный и напряженный взгляд дяди и упорхнула в свою комнату. И там, за плотно закрытой дверью, снова достала список. Скрипнула зубами. Из всего перечисленного я могла позволить себе лишь набор перьев и пару тетрадей. Вот их-то и куплю в ближайшей лавке. А что делать с остальным — разберусь на месте.

Вещей у меня тоже оказалось мало. Платье, юбка с блузкой, чулки, туфли, белье. Свитер, связанный тетей. Одежда самая обыкновенная, без каких-либо зачарованных свойств или красот. Все легко уместилось в небольшую сумку, ещё и место осталось.

— Буду налегке, — оптимистично решила я. — А то мало ли, сколько эту сумку по этажам таскать придется?

И, кажется, только после этих слов я осознала, что действительно буду учиться в столичной академии. Уже завтра я войду в ее двери!

Сердце гулко ударило в ребра, коленки ослабли.

А взгляд упал на мужскую куртку. Подумав, я свернула ее жгутом и тоже убрала в сумку. Наверное, привыкла к мягкой, льнущей к пальцам подкладке. А может, мне просто хотелось иметь в стенах чужой и высокомерной академии хоть одну дорогую вещь.

Кошелек зеленоглазого гада я оставила дома, засунув под кровать. Чтобы не было искушения воспользоваться.

Жизнь сделала кульбит, и мне придется научиться выплывать в бушующем море новых обстоятельств.

\* \* \*

Я проспала!

Впервые в жизни, между прочим!

Обычно я вскакиваю на заре, относясь к тому типу людей, которых принято называть «ранние пташки». Но этой ночью уснуть удалось лишь далеко за полночь — то меня обнимала и тискала тетя, тоже осознавшая расставание с «дитяткой», то давал наставления дядя, то я сама пялилась в потолок, ворочаясь на кровати в своей комнате и размышляя о будущем.

А утром не смогла разлепить веки. Поэтому собираться пришлось впопыхах, отмахиваясь от ватрушек, которые норовила засунуть мне в сумку тетюшка, и жертвуя полноценным умыванием-причесыванием.

Кое-как собрав копну волос в узел, одевшись и обувшись, я расцеловала родственников и помчалась на станцию. Еле успела.

Переполненный вагончик уже издал предупреждающий свист, когда я вскочила на подножку и ввинтилась в набитое людьми нутро.

На этот раз мне не удалось увидеть красоты за окном, как впрочем — и само окно. Всю дорогу пришлось стоять на одной ноге — вторую поставить было некуда — и уклоняться от неприятно пахнущего попутчика, грузного и небритого.

Так что когда звонкий голос произнес: «Станция ВСА», я с радостью вывалилась из душного транспорта на брусчатку и вдохнула полной грудью.

И застыла, восторженно хлопая глазами.

Академию я никогда не видела, хоть и жила в столице. Но нам, жителям Котловины, цветам помоек, как презрительно именуют районы за оградой богачи, редко выпадает возможность посмотреть на здешние красоты. ВСА располагалась на возвышенности, и вместо ожидаемого дома я увидела целый городок с темными башнями, вздымающимися в небо, с открытыми площадками и ярусами для виверн, с многочисленными зданиями, переходами и галереями, и ещё множеством непонятных мне строений. От ворот, увитых плющом и дикой розой, вела дорожка к широким мраморным ступеням. По обеим сторонам высились вековые ели и золотые клены.

Прижимая к боку свою потрепанную сумку и поневоле робея, я ступила на неизведанную территорию. Пересекла пространство перед центральной лестницей, удивляясь царившей вокруг тишине, поднялась, озираясь, и вошла в Высшую Столичную Академию.

— Стоять!

Я подпрыгнула и выронила сумку, озираясь. Передо мной расстился пустой холл, без признаков живых существ.

Подобрала поклажу, сделала осторожный шаг.

— Ррр-воу!

Дикий рык заставил меня пошатнуться и испуганно замереть на месте. Да что же здесь происходит? Снова качнулась, и снова меня оглушил вой, пригвоздив к месту. Однако нападать на меня никто не собирался, холл по-прежнему радовал витыми колонами, огромной люстрой под потолком, непонятной скульптурной композицией в центре, и он был — пустотой.

В шесть утра я обычно уже трудилась в мастерской тетушки, а родственница уходила туда ещё раньше. А вот здесь, за ажурной оградой, в это время ещё спали. Поэтому ВСА и встретила меня лишь статуей и бесплотным голосом. И, похоже, это всего лишь охранка, которую вешают на двери.

Собравшись с духом, я бросилась вперед, уже не обращая внимания на жуткие звуки за спиной. Подумаешь — воет. Пусть хоть треснет. А мне надо найти кого-нибудь, отвечающего за местные порядки. Не у статуи же спрашивать направление?

Прижимая к себе драгоценную сумку и озираясь, я добралась до коридора, повертела головой и уткнулась взглядом в дверь. А потом заглянула внутрь.

За широким столом восседала тощая женщина неопределенного возраста, с черным пучком волос на голове, крючковатым носом, делающим ее похожей на ворону, и чашкой ароматного кофе в узловатых пальцах с длинными ногтями.

Сидела она за столом красного дерева и задумчиво смотрела в окно.

— Доброе утро, — поздоровалась я, и на меня без удивления уставились бесконечно черные глаза. — Меня направили из Магистерии... Учиться... Вот!

Достала заветную бумагу, доказывающую мой новоприобретенный статус чароиссы, и положила на стол.

— Учиться, значит, — так же бесцветно отозвалась хозяйка кабинета и с неохотой отставила опустевшую чашечку. — Хм... случайник? Упала в реку? Ну, надо же. Занятно. И в какой области собираетесь специализироваться?

В какой? Я растерялась. Об этом я как-то не подумала.

— Не знаю. Магистрариус господин Вельвет сказал, что мне необходимо обучиться использованию чар.

— О, так это тебя направил Альшер! — оживилась женщина, а я со стыдом подумала, что даже не узнала имени распределителя. Собеседница прочитала бумагу, прищурилась и внимательно осмотрела меня с ног до головы, не упустив ни единой мелочи, как то сбитые носки ботинок или дешевая куртка. И хмыкнула. — Так-так, Тина Аддерли. Ну-ка скажите мне, госпожа случайник, как я выгляжу?

Я моргнула, удивляясь странной просьбе. Хотя, может, это нормально в шесть утра?

— Ну... неплохо... — осторожно начала я. — Солидно так... строго, я бы сказала...

Звонкий смех разбил тишину, и я снова моргнула. И на миг увидела перед собой не худую носатую чароиссу, а светловолосую красавицу безупречной внешности!

Отодвинув чашку, женщина хлопнула в ладоши.

— О, прекрасно. Давно меня не называли солидной. Неплохо, неплохо.

Думаю, Альшер, прав. Вы знаете, что он вечно прав? Ни разу не ошибся! — она горделиво выпятила то место, где у женщины должна быть грудь. Красавица исчезла, передо мной снова сидела женщина-ворона. — Так-так, посмотрим...

Она азартно схватила со стола чистый лист и быстро усеяла бумагу мелкими буквами.

— Все ясно. Поселю вас в синем крыле, комната 24 В, можете оставить там вещи. Все необходимое вам выдадут, обратитесь к ключнице, это на самом верху. На самом верху, понимаете? Учебники получите в библиотеке. Как раз успеете к первому уроку. — Женщина-ворона сунула мне в руку бумагу и подняла смоляные брови. — Ну? Не стойте столбом. Идите уже, Аддерли, и без вас дел полно!

Костлявая рука потянулась к чашке, в которой волшебным образом снова появился черный напиток.

Я послушно двинулась к двери.

— Ах, да! — донеслось вслед. — Лучше вам молчать о столь необычном способе получения чар, госпожа Аддерли. Считайте добрым советом.

Женщина почему-то нахмурилась, а я, слегка ошалевшая, вывалилась в коридор. И посмотрела на лист в ладони.

«Постановление. Тину Аддерли, с динамическим потенциалом в 3 усл. s-единицы, определить на общий курс вольнослушателей сроком на один год. Без специализации. Список обязательных к сдаче и аттестации предметов... список необязательных... список возможных... список дополнительных... Куратор господин Риверс. Проживание и питание — уровень ЗВ». Дальше шел ещё какой-то список, сокращения и аббревиатуры, от которых у меня закружилась голова. А в конце размашисто: «Ректор ВСА, Аделия Вельвет»

Я нервно сглотнула. Это что же получается, я сейчас пообщалась с самим, то есть самой — ректором? Той, которая руководит этим невероятным и загадочным местом, полным чудес и знаний? Вот так открыла дверь и оказалась в главном кабинете академии? Но как это возможно? Святой Фердион!

А самое странное, что госпожа ректор — родственница «моего» распределителя. Интересно, кем они друг другу приходятся? Супруги? Брат с сестрой?

Качнулась обратно к двери и открыла рот. Никакой створки с латунной ручкой на стене не было!

На миг захотелось сделать, как тетушка: многозначительно поднять

брови и сказать «магия». Но я удержалась, только хмыкнула весело и, потоптавшись на месте, двинулась в сторону лестницы на второй этаж. Госпожа Вельвет сказала, что я могу расположиться в каком-то синем крыле, знать бы еще, где это. Ну что же, будем искать!

Пока я бродила по коридорам, больше напомилавшими лабиринт, академия наполнялась шумом голосов и учащимися. Где-то наверху ударил колокол, и звон прокатился по коридорам, нарастая, словно приливная волна. Если судить по школьному опыту, то звонков будет три, последний означает начало занятий.

За очередным поворотом я наткнулась на двух девушек, одетых в синюю форму. Изящные фигурки подчеркивались юбками в складку, длиной до колен, и приталенными жакетами, в воротах которых пенились кружева, сколотые у горла дорогими брошами. Одна из студенток — блондинка, снежные пряди лежали волосок к волоску, обрамляя идеальное синеглазое лицо и стекая узким хвостом на спину. У лица покачивались дорогие серьги, оттеняя сапфирами цвет глаз. Ее подруга — алогубая и темноглазая брюнетка, с рубинами на пальцах и в ушах. Обе держали небольшие кокетливые мешочки, которые выглядели скорее как ещё одно украшение, чем сумка для переноса книг и тетрадей!

Я кинулась к студенткам, желая расспросить о неведомом мне синем крыле, но натолкнулась на такой снисходительно-презрительный взгляд, что шарахнулась в сторону.

— Надо сказать ключнице, чтобы обновила проходные охранки на воротах, — смахнула невидимую пылинку с рукава блондинка. — Кажется, в академию ползут тараканы из Котловины.

— Ты права, Лисса, — поддержала брюнетка. — Идем скорее, говорят, насекомые разносят всякую дрянь. К тому же, воняют. Фу, ты чувствуешь? Гадость какая.

Обе красавицы выразительно закатили глаза и двинулись к лестнице.

Я встревожено оглянулась. Неужели и правда тараканы? И лишь когда девицы скрылись из вида, до меня дошло. Да они же обо мне говорили. Меня обозвали насекомым из Котловины!

Первым желанием было найти мерзавок и хорошенько дернуть за безупречные патлы. Но, конечно, я не стала этого делать.

— Бездушные гадины, — буркнула я.

Вот тебе и ВСА, Тина. Первый звоночек, оповестивший, кто есть кто в стенах этого прекрасного заведения!

— Никогда не стану такой мерзкой! — пообещала я себе, пытаясь выкинуть из памяти брезгливо скривившиеся лица.

Синее крыло нашлось неожиданно. Я просто в очередной раз куда-то свернула и увидела табличку с необходимыми мне буквами и цифрами. Толкнула дверь 24 и оказалась в небольшой комнате с тремя кроватями и двумя бегающими спросонья девушками. Рыженькие и настолько похожие, что не оставалось сомнений — сестры.

— Привет, я Тина! — сконфуженно улыбнулась им. — А меня к вам поселили...

— Ну вот, а ты говорила, вдвоем будем! — ткнула локтем одна из моих будущих соседок другую, но глянула дружелюбно. — Я — Шелли, а это Брин. Ты новенькая? А почему не с начала года? А каков потенциал? А у тебя есть парень? А...

— Шелли, умолкни. Ты невыносима! — простонала ее сестра, хватаясь за голову.

Я рассмеялась, бросила сумку на пустую кровать.

— У меня маленький потенциал. Всего три единицы. И учиться я буду лишь год.

— О, так ты совсем мелочь, — беззлобно ответила Брин. — У нас двенадцать на двоих и два года обучения. Отец до сих пор надеется на чудо, в семье ни у кого не было меньше десятки. А тут мы. — Близнецы переглянулись и синхронно вздохнули. — Мама говорит, это потому, что нас двое. Была бы одна... А так — вот так. Но, увы, что дано, то дано. Резерв не пополнить, к сожалению.

— Радуйся, что не пустышка, упаси святой Фердион. Не представляю, как люди живут без чар. Ущербные! — подхватила Шелли и посмотрела с сочувствием на меня. — Ты тоже не унывай. Тройка — это, конечно, дно. Но хоть чему-то научишься.

Я издала какой-то невнятный звук. Знали бы они... Но следуя совету ректора, я умолчала о подробностях своей истории. Аделия Вельвет права, не стоит об этом распространяться. К случайникам всегда было настороженное и подозрительное отношение, а, чует мое сердце, мне и без этого хватит пренебрежения в стенах учебного заведения.

— Ой, ты нас заболтала совсем! — спохватилась Шелли, хотя сама же больше всех и говорила. — Мы же опаздываем. Первый урок у Аодхэна. Ну почему всегда первый? Ты тоже думаешь, что это специально? Издевается. А-а-а, Брин, где мои чулки? Ты идешь?

Я очнулась, поняв, что обращаются ко мне.

— А надо?

— Дай список! — велела Брин и, бегло проглядев листок, вздохнула. — У тебя «Опасные твари» в необязательных для посещения.

Радуйся!

Близнецы снова принялись носиться по комнате, выхватывая друг у друга вещи и разыскивая тетради и ручки. Я хмыкнула, наблюдая за ними. Кажется, проживание с этими девушками будет веселым!

— Кстати, где мне найти Эша Вандерфилда? — вспомнила я. — Вы его знаете?

Обе сестры застыли, как вкопанные. Переглянулись.

— Вандерфилд? — сказала Брин.

— У нее тройка потенциала, — многозначительно подхватила Шелли.

— И дряхлые ботинки, — глубокомысленно изрекла ее сестра.

— И куртка.

— Вязаная шапка с помпоном!

— Жуть!

— Понятно, — постановили обе и обернулись ко мне. — Ты новая прислуга Эша?

— Помощница, — поджала я губы. И далась им всем моя одежда? Ну, старая, ну, поношенная, так что же?

— Не обижайся, — мягко сказала Брин. — Мы и сами не из родовитых. Да и синов не густо... Поступили так же, как ты, а в прошлом году прислуживали, ну то есть, помогали Ванессе Гленс, знаешь ее? Ну, из рода Гленс. В общем... мы не осуждаем. Всем жить хочется. Вот только...

Она умолкла, а Шелли округлила глаза.

— Вот только зря ты согласилась на Вандерфилда. Ох, зря!

— Почему?

Сестры снова многозначительно переглянулись.

— Он и раньше был невыносимым, а теперь...

— Теперь? — забеспокоилась я.

— После того, что случилось на прошлом состязании... Ох, сочувствую тебе! — закатила глаза Шелли. Брин сурово нахмурилась. — Боюсь, долго ты не продержишься.

— А что с ним случилось?

Звон пронесся по коридорам и ударил в стены.

— Опоздали! — в ужасе завопила Шелли, глянула на меня осуждающе, и обе сестры вылетели из комнаты, на ходу заплетая волосы.

А я осталась с тянущим ощущением дурного предчувствия.

## Глава 4

Немного посидев, я осмотрелась. Хотя разглядывать здесь было особо и нечего. Кровати — две застеленные, третья — с голым матрасом — подо мной. Пузатый и немного поцарапанный шкаф, служащий своеобразной перегородкой посреди комнаты, два комода — один пустой. В него я и сложила свои малочисленные пожитки. Повесила на крючок куртку, пригладила волосы, освобожденные от шапки. Возле окна теснился длинный щербатый стол, на котором устроились кувшин, пара кружек с ромашками, книги и различная девчачья мелочь. На стене тихо тикал хронометр. Вот и вся обстановка. Жить можно.

Да и соседки производили приятное впечатление, кажется, мы подружимся. А то я уже начала волноваться, что в ВСА ходят только высокомерные снобки, вроде тех, что встретились в коридоре.

Повеселев, я одернула подол своего серого платья, поправила круглый воротничок и в сотый раз покосилась на сбитые носы ботинок. И решила, что следует навестить ключницу, а потом все-таки найти этого загадочного Вандерфилда. Зря или нет, а он мой пропуск в мир знаний и чар. И этот пропуск придется отработать, так что — вперед, Тина!

В животе настойчиво булькнуло, напоминая, что проснулась я довольно давно и успела проголодаться. Не к месту вспомнились творожные ватрушки тети, от которых я так опрометчиво отказалась. Надо было прихватить пару, но что теперь сожалеть!

Снова пригладив волосы, норовившие выбиться из пучка и разлететься буйной гривой вокруг головы, я покинула свое новое жилище.

Чтобы найти ключницу, пришлось снова побегать по коридорам и лестницам. Ректор сказала — наверху, но на этот самый верх вело множество лестниц, взлетая по которым, я попадала в мансарды, коридоры, тупики, но никак не к ключнице. Благо, на этот раз мне посчастливилось столкнуться с тощим студентом, который не стал фыркать и кривиться на мои вопросы, а ткнул пальцем в стену.

— А указатели для кого, бездарь?

— Какие указатели? — пискнула я, но парень уже ушел.

Я поморгала, всматриваясь в каменную кладку, украшенную картинами. Иногда это были пейзажи, иногда — сцены сражений или портреты великих заклинателей. Я проносилась мимо них, не приглядываясь, а теперь всмотрелась и подпрыгнула. Внутри рамки сидела

на ветке птица, смотрела желтым глазом. Клюв указывал влево.

— Это указатель? — растерялась я.

Подумав, я все же двинулась в указанную сторону, до следующей деревянной рамки.

— Мне бы к ключнице, — вежливо произнесла я, рассматривая усталого воина с мечом. Вокруг него расстилалось поле, на заднем плане высились вековые дубы. Воин молчал, я ощущала себя невероятно глупо. Разговариваю с картиной. А всего ведь первый день в ВСА, Тина. А дальше что?

Однако...

Если предположить, что что-то в нарисованном должно указывать направление, то... Я покосилась на меч в натруженных руках воина. И потопала к лестнице вниз. Спустилась. На следующем изображении умывалась кошка, кончик хвоста дрожал стрелкой. Я бросилась по коридору, взобралась вверх, сбежала вниз, повинуюсь невыносимым указателям... и неожиданно оказалась в башне, перед дверью, на которой блестела латунная табличка «Ключница госпожа Диометрия. Вытирайте ноги!»

Тщательно пошаркав подошвами, я стукнула и вошла.

Огромное помещение оказалось заставленным мебелью, сундуками, тюками тканей, полками, ящиками, комодами, тысячью самых разнообразных вещей, а главное — дверьми. Они стояли, прислоненные к стене, маленькие и большие, старинные и новые двери!

Сквозь круглые окошки лился солнечный осенний свет, скрещиваясь веселыми потоками, смешиваясь, свиваясь, разбрызгиваясь каплями янтаря и пляшущими пылинками. Я открыла рот, осматривая то ли склад, то ли хранилище, и даже позабыв, зачем вообще забралась в эту башню.

А когда опомнилась, осторожно двинулась мимо бесконечных рядов. Остановилась возле одной из дверей, выкрашенной зеленой краской, с ржавой ручкой, протянула руку... и хмыкнула. Заперто. Обошла дверь по кругу. Качнула головой, недоумевая.

— Собралась на прогулку, дорогуша?

Из-за груды хлама выплыла толстенькая невысокая пышечка, с веселыми кудрями на голове и хитрыми глазами. На поясе ярко-желтого платья с пышными рукавами-буфами и многочисленными воланами покачивалась огромная связка ключей. Я отдернула ладонь от ржавой ручки, представилась и отрапортовала о своем назначении.

Госпожа Диометрия задумалась. Толстенькие пальчики перебрали ключи.

— Говоришь, тебя поселили в синем крыле? Вольнослушательница?

Открыв замок на ближайшем сундуке, ключница вытащила стопку постельного белья, полотенце, холщовую сумку, халат, тапочки, несколько полотняных салфеток — и все это вручила мне.

— Замена тканевого имущества только после полного устаревания, запомни. Стирка обязательна, сдача под роспись. Поняла?

— Да, — ничего не поняла я.

— А вот с формой придется подождать, дорогуша, — прищурилась, попав в поток света, ключница. — Иди сюда, я измерю твои параметры и закажу костюм швее. Внесешь в казну академии двенадцать синов и получишь готовое. Пока походишь в своем, нарушение, конечно, но что поделать, раз ты так неожиданно к нам свалилась!

— Сколько синов? — ахнула я.

— Двенадцать всего, ты не ослышалась, — безмятежно подтвердила «пышка». — Основную часть — ткани, пуговицы, нитки и прочее, оплачивает ВСА, а студенты лишь минимальные расходы на пошив.

Я сглотнула. В кармане моего платья сиротливо звенело лишь несколько монет, общим достоинством в десять синов. И это все мое богатство. В конце месяца тетя обещала пополнение денежных средств, но когда это будет!

— А я могу... Могу заказать костюм своей портнихе?

— Своей? — изумилась ключница. — Дорогуша, не волнуйся, у ВСА отличные мастера. Тебе понравится!

— И все же, — заупрямилась я, не желая объяснять, что у меня нет синов на оплату этих мастеров. — Или это запрещено?

— Не запрещено, но... но до тебя никто не просил о подобном! — поджала губы ключница. Но кивнула. — Ладно, как желаешь. Ткань и фурнитуру заберешь на следующей неделе, я закажу. И учти — напишешь расписку, что сама отказалась от услуг мастериц. Если твоя портниха загубит ткань, претензии не приму, сама рассчитываться будешь. Поняла?

Я истово закивала, и чуть не бросилась обнимать пышнотелую ключницу. Увидев мое просиявшее лицо, та тоже смягчилась и сунула мне бумажку.

— Поставь вот здесь роспись за выданное имущество. Ну, все, теперь беги.

Из башни я спускалась окрыленная и улыбающаяся. Надо же, как удачно все складывается. Заберу ткань и сошью костюм не хуже тех, в которых щеголяли высокородные девицы. И блузка под жакетик у меня тоже есть, пусть без воланов-кружев и драгоценных камней, зато почти

новая!

Чуть ли не пританцовывая, я прибежала в свою комнату, в мгновение ока заправила кровать свежим бельем, застелила покрывалом. И задумалась.

Совість намекала, что надо найти этого Вандерфилда и сообщить, что я готова приступить к своим обязанностям. Но вот делать этого совершенно не хотелось. К тому же, судя по списку госпожи Вельвет, у меня скоро урок — тот, что из обязательных, и опаздывать на него нельзя. А разве не должна я слушать ректора? К тому же, мне еще надо успеть за учебниками.

Вот после уроков и найду своего нанимателя.

Успокоив таким образом податливую совесть, я положила в холщовую сумку тетрадь, перья, носовой платок, перекинула ручку через плечо и снова вышла в коридор. Действие картин-указателей оставалось для меня тайной и чудом. Я совершенно не понимала, как одни и те изображения каждый раз выводят меня в нужном направлении. Но успела убедиться, что это исправно работает. Следуя нарисованным подсказкам, я прошла длинную галерею и оказалась в новой башне, где расположилась библиотека.

И распахнув дверь, я в очередной раз застыла с открытым ртом, рассматривая бесконечные стеллажи, взмывающие к потолку, лесенки, зеленый ковер, широкие столы для подготовки и лампы под светло-бежевыми абажурами.

Пожилой архивариус выдал мне комплект учебников, взял роспись о сохранности академической собственности и велел не стоять на проходе, мешая другим. В коридор я вернулась слегка ошалевшая от масштабов увиденного.

Но все же успела снова сбегать в синее крыло, чтобы отнести внушительную стопку книг и до очередного удара колокола вернуться в учебное крыло. И с замиранием сердца остановиться возле двери, где пройдет мой первый урок в академии.

«Хронометрия. Профессор Улиус Клаус» — прочитала я в списке своих предметов. С трудом уняв трепет и волнение, пригладила в сотый раз волосы и вошла. Ученическая оказалась просторной и светлой, вдоль помещения в два ряда стояли столы со скамейками, практически полностью занятые студентами. У доски суетился седовласый старичок, расчерчивая черное поле какими-то датами и знаками.

На меня оборачивались, в своем платье я оказалась серой вороной. Учащиеся красовались в форме ВСА, и я протиснулась бочком к стене, села, надеясь, что обо мне забудут. Но не тут-то было.

Стоило прозвенеть академическому колоколу, как старичок развернулся к нам. И тут же зацепился взглядом поверх половинчатых дужек очков за меня!

— У нас новая слушательница?

Я отдернула подол и неуверенно встала. Все взгляды уставились на мою слегка дрожащую от волнения фигуру. Насмешливые, любопытные, презрительные...

— Добрый день. Да... Меня направили... Первый день. Меня зовут Тина Аддерли!

Девушка за соседним столом пренебрежительно фыркнула.

— Я думала, что поступила в ВСА, а не в не провинциальное заведение!

— Крошка, в этом платье умерла твоя бабушка? — хохотнул сидящий у окна вихрастый парень. Остальные рассмеялись, продолжая рассматривать объект насмешек, то есть меня.

— Девочка, в этом веке уже изобрели расческу, ты в своей дыре об этом не слышала?

— Она что, из Котловины?

— Отодвинься, вдруг у нее насекомые...

Я гневно сжала кулаки, ощущая волну гнева и беспомощности. И знала ведь, что просто в ВСА не будет... Вздернула подбородок, заставляя себя не реагировать на подначки.

Но тут встрял старичок-профессор.

— Госпожа Давина, господин Кирс, угомонитесь. У нашей новой ученицы чудесное платье, моя супруга носит подобное!

Ученическая потонула в хохоте, а я скривилась. Да, уж помог так помог. Если учесть, что сам профессор древнее первой виверны, то его супруга, очевидно, такая же!

Преподаватель постучал указкой по столу, призывая к порядку.

— Присаживайтесь, госпожа Аддерли. Вам придется догнать пройденный материал. Мой предмет у вас в обязательных, ведь так?

Я кивнула.

— Что же... Занимайтесь. Будут вопросы — обращайтесь, помогу. А теперь вернемся к занятию. Итак, открытие Патриуса Фердиона. Кто может рассказать? Есть желающие? Нет? Тогда расскажу я, если никто не против...

Студенты зашелестели тетрадками и перьями, а я уселась на место. Выдохнула, пытаясь не обращать внимания на косые и презрительные взгляды. Я пришла сюда учиться, и плевать, что обо мне столичные снобы

думают. Пусть подавятся своим высокомерием!

Расправила складки платья на коленях, аккуратно положила на стол тетрадь и перо, приготовилась слушать.

Голос у старичка оказался на удивление звонкий и громкий, слышно его было прекрасно. Историю святого Фердиона, которого когда-то звали обычным именем Патриус, я знала еще из школьной программы. Но с интересом послушала снова, рассказчик из господина Клауса получился восхитительный!

— О родителях Патриуса Фердиона сведений не осталось. К, сожалению, их постигла печальная участь, они погибли от песчаной выри. Мальчика отдали на воспитание в приходскую Обитель Святых Старцев, где он и начал свой путь великого познания истины. Свой первый труд Патриус написал в возврате двадцати трех лет. Он назвал его «Откровение». Да-да, название весьма спорное и двусмысленное, хе-хе, — студенты вежливо рассмеялись. — В этой невероятной и удивительной работе Патриус Фердион описал основные условия изменения материального и нематериального мира. Конечно, они известны каждому из вас. Итак! — профессор важно поднял палец. — Spirit — min — scientia. Чары, разум, воля. И как ни элементарны эти понятия, они скрывают глубокий, я бы даже сказал — глубинный смысл. Что значит разум? Чтобы овладеть мастерством, нужно учиться. Без знаний никто не сможет сдвинуть с места даже крохотный камушек. Что значит — воля? Это умение подавлять глупые порывы и ненужные инстинкты, желание стать лучшим. Ну и самое важное — чары. Величина, неизвестная ранее людям. Spirit — вот ее имя. Позже этому свойству присвоили название чаропотенциал и стали измерять в условных s-единицах. Что означает первая буква, уважаемые слушатели?

— Сила преобразования, — бойко выкрикнула с первого стола девушка.

— Совершенно верно. Это тот самый потенциал, который привел каждого из вас в стены нашей прекрасной академии. Без него ничего не получится. Как бы ни были глубоки знания, как ни была бы сильна воля, но без потенциала преобразование не случится. Человек без чар остается лишь пустой оболочкой.

Профессор скорбно вздохнул, а я нахмурилась. Сказанное не новость, но прозвучало неприятно. Словно те, кому не досталось этой проклятой составляющей, и не люди вовсе. Пустые оболочки, надо же. Скажите это моему дяде, который годами борется с болезнью. Или тете, в которой жизни больше, чем в десятилетиях!

— Но, к нашему великому сожалению, первый труд великого Мыслителя и Создателя оказался напрасным. До нас, его потомков, дошли лишь обрывки. Современники Фердиона не приняли его учение и ничего в нем не поняли. Наличие в человеке чар было осмеяно. Бесценную рукопись сожгли, а самого Патриуса изгнали из стен Обители... но это было лишь начало его бессмертного пути...

Урок пролетел, как мне показалось, за пять минут. Пустышек профессор больше не упоминал и неприятное впечатление развеялось. Зато он так увлекательно и красочно живописал путь и гонения бедняги Фердиона, что я даже расчувствовалась. Все же я никогда не задумывалась о святом, как о живом человеке, а Клаус показал его именно таким.

Следующий десяток лет Мыслитель, а тогда — просто изгнанник, искал людей с чарами, чтобы доказать свою теорию. Такие обнаружались и впоследствии стали основателями нашего королевства и первыми заклинателями. Свой второй и самый известный труд Патриус написал уже будучи зрелым мужем. «Основы материального и нематериального изменения мира». Эта книга — фундамент, на котором выстроен весь наш мир.

Патриус Фердион сегодня почитается как святой, как Великий Создатель.

Но благодаря профессору я впервые задумалась о нем, как о человеке.

Так что из ученической я выходила задумчивая, не замечая любопытных, презрительных или насмешливых взглядов. На меня смотрели, но знакомиться не торопились.

Вторым предметом числилось «Погружение» у госпожи Брук. Вслед за толпой первокурсников я влилась в новое помещение. Здесь не было столов, зато имелись ярусы-ступени, на которых и рассаживались студенты. А некоторые парни даже укладывались!

— Тина! — донеслось сверху, и я заулыбалась, увидев Брин и Шелли. Вскарabalась к ним.

— И вы здесь? Я думала, только первогодки!

— Шелли плохо удастся погружение, — сдала сестру Брин. — Приходится гонять ее по второму кругу. Иначе вылетит до праздника Зимы. У меня-то с этим все в порядке, таскаюсь за компанию. Ты уже погружалась?

— Нет, — ответила я, плохо понимая, о чем вообще речь.

Оказалось, все просто.

Чтобы научиться управлять чарами, нужно, прежде всего, очистить сознание. Погрузиться в пустоту. Для этого мы и собрались здесь. Госпожа

Брук — чароисса, затянутая в строгое синее платье с рядом крошечных пуговиц и огромной камеей у горла, — велела расслабиться, закрыть глаза и настроиться на свою внутреннюю пустоту. Свет в комнате погас. Застучал метроном.

Преподавательница уселась за стол и раскрыла книгу.

Кажется, кто-то захрапел.

Некоторое время я честно пыталась найти в этом занятии что-то увлекательное. И не заснуть, потому что закрытые глаза явственно сигнализировали организму о том, что надо сделать.

Устав с этим бороться, я приоткрыла один глаз, потом второй. Осмотрела ряды студентов. Кто-то искренне пытался поймать что-то внутри себя, кто-то зевал, кто-то уже бессовестно дрых. Шелли напряженно шевелила бровями, Брин явно скучала.

Я решила, что со своей пустотой пообщаюсь в следующий раз, а пока неплохо бы расспросить соседку.

Осторожно достала из сумки тетрадь с пером и толкнула Брин локтем. Та ответила вопросительным взглядом, но явно обрадовалась избавлению от скуки.

«Расскажи о Вандерфилде!» — написала я и сунула листок девушке.

Та насупилась. Я скорчила умоляющую рожицу.

Брин достала свое перо. Повертела в пальцах. Но все же написала:

«Ты о нем совсем ничего не знаешь?»

Я покачала головой.

«В. — из Неприкосновенных».

Я задумалась. Неприкосновенные. Даже моих знаний девчонки из Котловины хватило, чтобы понять. Так называли семьи потомков Основателей. Тех, кто поверил Фердиону и обнаружил в себе чары. К ним же относится и королевская семья.

— Ого, — округлила я глаза.

Брин кивнула. Подумала и добавила: «Лучший ученик. Гордость ВСА. Черный сектор».

Я качнула головой. На чаронометре цветов не было, но люди давно условно поделили измеритель на четыре части. Линия поперек, линия вдоль. Первый сектор справа от нуля — желтый. Это те, у кого уровень потенциала от одного до двадцати пяти. К ним отношусь и я. В быту таких величают — желторотики, как воробьи. Мелкие пташки, но полезные. Дальше зеленый цвет, это уже сильные заклинатели с потенциалом до пятидесяти. Красный — у тех, кому посчастливилось родиться в семье с безупречной родословной и настолько чистой кровью, что потенциал

оказался почти неразбавленным. Ну, а черные... Черные — это Неприкосновенные. И среди них встречаются заклинатели с уровнем, близким к «нулю с другой стороны». Полный оборот стрелки чаронометра. Невероятный резерв.

Мне стало не по себе. Я надеялась, что столкнусь с кем-нибудь попроще.

«Ты сказала, что с ним что-то случилось. Месяц назад...»

Брин покосилась на сестру, но та по — прежнему вздыхала и общалась с внутренней пустотой. Госпожа Брук отложила книгу и принялась быстро усеивать строчками длинный свиток. На студентов она не обращала никакого внимания. И соседка сдалась.

«Состязание. Он проиграл. Никто не знает причину. В. никогда не проигрывал. Ни разу. Все говорят... Но никто толком не знает».

Брин многозначительно подняла брови, потом нахмурилась, перевернула перо и быстро смахнула пушистым кончиком написанное. Буквы ссыпались с листа и растаяли. В отличие от моего, у соседки перо было зачарованным.

И ещё она явно не желала, чтобы о нашем разговоре кто-то узнал. Интересно почему? Этот Вандерфилд так запугал студентов, что о нем даже сплетничать не желают?

Соседка облизала губы, глянула по сторонам. Придвинулась ближе и торопливо вывела:

«Лучше с ним не связываться».

И снова смахнула строчку. Я вздохнула. Хотела бы я не связываться. Да только — уже.

«Я всего лишь поломойка. Он меня и не заметит!» — вывела я коряво, и моя собеседница хмыкнула. Качнула головой.

«Не влюбляйся в него. Это плохо кончится. Для тебя!»

Я изумленно глянула на Брин. Она что, шутит? Но та и не думала смеяться, круглое лицо было серьезным и расстроенным.

«Он что же, может ко мне... меня...»

Я запнулась, не зная, как спросить. Брин фыркнула, глянула выразительно на мое платье.

«Конечно, нет. В. не связывается с такими, как мы. Никогда. Неприкосновенные нас презирают. Но...»

Она поджала губы. Помедлила, размышляя.

«Он... такой...»

Я глянула вопросительно.

«Девушки влюбляются...»

И тут же смахнула, не успела я толком увидеть написанное.

Я хотела еще спросить, но в это время остановился метроном и по коридорам разнесся звон колокола, извещающая об окончании странного урока.

— Получилось! — жарко выдохнула Шелли, распахивая глаза. — Брин, я погрузилась. Спасибо, святой Фердион. Наконец-то. А ты, Тина? Тебе удалось?

— Не сегодня, — протянула я, и девушка сочувственно развела руками.

— Ну да, с первого раза не выйдет. Я вот уже сколько мучаюсь!

— Ты непоседливая и слишком любишь болтать, — шикнула Брин. — Потому и мучаешься!

Шелли не обиделась и бросилась обнимать сестру. Похоже, для нее сегодняшний урок оказался удачным. Я же задумчиво убрала в сумку тетрадь.

— Знаешь, Тина, — вырвавшись из жарких объятий близняшки, негромко произнесла Брин. — Купи себе зачарованное перо.

Глянула многозначительно, и я покраснела. Но девушки уже неслись к выходу.

## Глава 5

Вслед за сестрами я вывалилась в коридор и столкнулась с невысоким худощавым парнем. Длинные каштановые волосы на его голове блестели от липкого геля, похоже, студент их тщательно укладывал. Также глянцево отсвечивали чрезмерно начищенные ботинки. На парне красовалась мужская форма академии — черные брюки со стрелками, белая рубашка, строгий удлиненный жилет со знаком ВСА и желтый шейный платок. Насколько я поняла, это означало первый год обучения. Голубые глаза смотрели строго.

— Ты Аддерли? — уточнил он, и я кивнула. — Иди за мной.

— Но у меня урок!

— Иди за мной живо!

Развернувшись, студент направился к уже знакомым мне бесконечным переходам.

— А куда? — очнулась я, устремляясь следом. Мой провожатый важно молчал и я хмыкнула. — Тебе что, ответить трудно? Ладно, скажи хоть, что меня не выгоняют прямо сейчас. Кажется, я пока не успела ничего натворить.

Парень цокнул языком и промолчал.

— Ты глухой? — возмутилась я, и он закатил глаза.

— А ты болтливая не в меру.

— Я просто волнуюсь, — неожиданно призналась я и вздохнула. —

Извини.

Он снова цокнул.

— Какой противный звук, — выдала я и зажала себе рот рукой. И увидела, как дрогнули губы парня.

— Учту, — вежливо произнес он.

Я покачала головой. Понятно, что парень из первогодок и весь настолько преисполнен ощущения собственной важности, что чуть не лопается. На мое платье и ботинки поглядывает со снисходительной брезгливостью. Так что спрашивать я перестала, сама узнаю, куда он меня сопровождает.

Мы миновали знакомые переходы и свернули на открытую галерею. За ней коридор стал шире, появились изящные фонтанчики в нишах и бархатные диванчики для отдыха. Я осматривалась с интересом. Может, меня ведут к ректору? Хотя у нее обычный кабинет и вроде бы

располагается он на первом этаже. Хотя в ВСА ничего нельзя сказать наверняка.

За очередным поворотом оказалась всего одна дверь, на которой красовалось число «7».

Мой провожатый важно указал на полосатый диванчик возле окна.

— Жди. Тебя позовут.

И удалился, одарив мой наряд еще одним косым взглядом. Я показала в спину мальчишки язык и осторожно присела. Поерзала, устраиваясь удобнее. Ну и куда меня привели?

Беспокойство заставило вскочить. Я прошлась от двери до окошка, полюбовалась на красные клены и очертания Гряды вдаль. Темные пики тонули в белесой дымке.

Из Котловины Гряда тоже видна, как и из любой точки города. Но здесь, с высоты, она просматривалась особенно четко, и я на некоторое время застыла, любуясь открывшимся зрелищем. Правда, сейчас меня больше волновало мое будущее и настоящее, так что, потоптавшись на месте, я осторожно приблизилась к темной двери. Прислушалась. Внутри комнаты беседовали двое, голоса были мужские.

— ...не кипятись, всему есть разумное объяснение. Ты же знаешь закон сохранения, ничто не приходит и не уходит вовне...

Ответ я не расслышала.

— Это временно. Да, я знаю... Проклятие. Но...

Снова тихий ответ.

— Хорошо, поговорим потом. Где твоя полкомойка?

— За дверью, — на этот раз ответ я услышала и отпрыгнула в сторону, изумившись. Как можно было увидеть меня? Ох, это же заклинатели...

Створка распахнулась, едва не припечатав мне нос, и на меня уставились зеленые глаза. Я моргнула. Прошлое и настоящее смешались и переплелись, дробясь на множество картинок и образов. Злое лицо... Обледеневшая река... Куртка... Торчащие иглами пряди светлых волос...

«Забудь меня»...

Передо мной стоял незнакомец из моего кошмара. Тот, из-за кого я упала в реку. Тот, чью куртку сжимала в кулаках, желая ударить красивое лицо ее владельца. Эш Вандерфилд.

Воздух резко закончился, словно я снова провалилась под лед.

Этого не может быть. Этого просто не может быть. Мне не могло НАСТОЛЬКО не повезти. Только не это!

— Эта что ли? Новенькая? Откуда они ползут? — небрежное восклицание второго парня разбило омут осознания, в котором я

барахталась, и вернуло на грешную землю. — Вы знакомы, что ли? Смотри, как тарашится.

Я медленно перевела взгляд на наглеца, потому что смотреть в бледное лицо Эша Вандерфилда было невыносимо. Его собеседник стоял, привалившись к дверному косяку, и разглядывал меня с ленивым интересом. Высокий плечистый брюнет, красивый и знающий себе цену. Взрослый, на вид лет двадцать пять, значит, тоже выпускник. Аристократ. И, кажется, его я тоже уже его ненавижу.

— Так вы знакомы?

— Нет, — выдавила я, вздернув подбородок. И заставила себя снова посмотреть на прищурившегося и молчащего блондина. — Я думала, меня привели к ректору. А вы... Ты... Насколько я понимаю, ты мой... наниматель.

— А ты его поломойка, — хохотнул брюнет. Я скрипнула зубами. Вот же гад. Врезать бы этому придурку, да нельзя. Все-таки я приличная девушка!

— Смотри, Эш, ты сразил девчонку с первого взгляда. Уже слюни потекли. Как бы не пришлось избавляться, как от прошлой прачки!

— Заткнись, Ривз, — голос Эша прозвучал хрипло, и меня царапнул наждаком. И только сейчас я рассмотрела детали его облика, ускользнувшие при первом взгляде. На парне были надеты идеально отглаженные брюки, туфли из мягкой коричневой кожи, светлая рубашка с расстегнутым воротом. Правая ладонь блондина оказалась заключена в кожаную перчатку, которой не было при нашей первой встрече.

Брюнет внимательно глянул на друга и почему-то зубоскалить перестал. Пожал плечами и отлепился от стены.

— Ладно, я пошел. Подумай насчет завтрашнего вечера, будет весело.

Наглый Ривз двинулся мимо меня, одарив очередным взглядом, за который его хотелось придушить, и скрылся за поворотом коридора.

А мы остались.

Вандерфилд кивнул внутрь комнаты, без слов приглашая войти. Я сглотнула. И почему у меня ощущение, что я попала в логово зверя? Что я маленький и глупый кролик, которого вежливо приглашает в свою нору волк?

Заходить не хотелось. Больше всего я желала развернуться и покинуть этот коридор, а потом и ВСА, оказавшуюся ловушкой. Но куда я побегу? К тете и дяде? Расскажу, что обучение закончилось, не начавшись, и надеяться нам больше не на что?

Высоко задрав подбородок, я шагнула через порог. Дверь за спиной

захлопнулась. Резко обернувшись, я снова наткнулась на внимательный взгляд прищуренных глаз.

— Как тебя зовут? — хрипло произнес блондин.

— Тина, — я во все глаза пялилась на него. Может, он меня не узнал? Вполне возможно.

Всего лишь столкнул в реку какую-то пустышку, подумаешь. Не стоит внимания!

По застывшему лицу аристократа невозможно было прочитать мысли, лишь в зеленых глазах дрожал расширившийся зрачок. Словно дышал. Но смотреть в эти глаза было выше моих сил.

Я осмотрелась, сохраняя на лице глупое выражение и делая вид, что ужасно заинтересовалась обстановкой. Не спорю, она впечатляла, эта комната отличалась от аскетического жилища в синем крыле, как бабочка от гусеницы. Правда, у меня так кружилась голова, что я почти ничего не видела.

Инстинкт кричал, нет, просто вопил, что надо бежать. Но я могла лишь улыбаться и делать вид, что впервые вижу студента шестого курса Эша Вандерфилда!

— Что я должна буду делать? — спросила, не поворачивая головы. — И когда приступать? Мне сказали, что нужно помогать по хозяйству, но я не прислуга. И никогда не стирала одежду аристократов. Могу испортить. Случайно, конечно. Но полы мыть умею, само собой. Ну и пыль там, грязь разная... Так что я...

Рывком обернулась, не выдержав тишины за спиной. Вандерфилд стоял у стены и молча меня рассматривал.

— Слушай, — вспыхнула я. — Давай ты просто скажешь мне, что надо делать, и я пойду? У меня ещё куча дел.

— Никуда ты не пойдешь, — тихо произнес парень, делая шаг ко мне.

Я сдержала отчаянное желание попятиться. Зеленые глаза буравили череп, явно пытаюсь добраться до моих воспоминаний. На миг в его взгляде мелькнуло сомнение. Я запаниковала. То ли аристократ силился понять, где видел меня, то ли узнал, и теперь решал, что делать. Он ведь приказал мне все забыть. И теперь гадал — совпадение ли наша новая встреча.

Честно говоря, я и сама гадала, чем и когда я успела так прогневить святых и бездновых исчадий, что оказалась в этой комнате перед этим человеком!

Но острый зеленый взгляд выдержала, почти не дрогнув и изо всех сил изображая из себя ничего не знающую и не понимающую простушку. Нутром ощущала, что так будет лучше.

Вандерфилд кивнул в сторону еще одной двери в глубине комнаты.

— Там есть ведро и тряпка. Можешь приступить.

— К чему? — опешила я. Сейчас? Чуть ли не застонала я. Так у меня ведь уроки!

— К уборке. Ты же для этого здесь?

— Я здесь, чтобы учиться, — проскрипела я.

Эш поднял брови.

— Тогда приступай, Тина Аддерли. К обучению. Оно тебе пригодится в жизни. Я сказал, где ведро.

Сжав кулаки, я закусила губу, чтобы не заорать. Ладно, пусть катится к исчадиям. В конце концов, я знала, что меня ждет. А в мытье полов нет ничего стыдного.

Гордо прошествовала в указанную сторону, я на миг замерла, осматривая черную и бежевую плитку, огромную ванную с латунными кранами и мраморными полочками. На стене висел мужской халат, стоящий, наверняка, как весь мой гардероб. Вот только ведра здесь не было.

— Долго тебя ждать? — за спиной снова возник ненавистный блондин.

— Здесь нет ведра, — разозлилась я.

— Мозга здесь у кого-то нет, — он стукнул по стене, и отодвинулась скрытая панель, за которой обнаружились швабры, ведра и куски мягкой ткани. Абсолютно чистые. Это были не тряпки или ветхая одежда, а совершенно новая фланель!

Поразившись прихотям богачей, я набрала ведро теплой воды и вернулась в комнату.

Мой проклятый наниматель развалился в кресле и не сводил с меня прищуренных злых глаз.

— Ты так и будешь глазеть? — не сдержалась я.

— Ты сама сообщила, что неумеха, которая может что-нибудь испортить. — Вандерфилд потянулся к изящному столику, налил в пузатый бокал багровую жидкость, сделал глоток.

— Разве студентам ВСА разрешен алкоголь? — поразилась я.

Эш поднял брови.

— Тоже хочешь? Угостить?

— Я не пью, — буркнула я, отжимая тряпку и вешая ее на швабру. Поведение и взгляд Вандерфилда изрядно нервировали, я не понимала, как вести себя, и видела подвох в каждом его движении и слове.

— А зря, — парень качнул в руке бокал. — Такая гамма вкуса. Особенно со льдом. Лед придает особенный... изыск, знаешь?

Меня снова заколотило. Это он сейчас намекает? Или у меня мания преследования?

Отчаянно закатала рукава платья и принялась яростно намывать пол в проклятой комнате. Главное, не думать о парне за спиной. Таращится, ну в бездну его. Чтоб у него глаза сломались!

— А ты сзади ничего, — донесся задумчивый голос, который я уже ненавидела. — Как-то я не рассмотрел в первый раз.

Швабра показалась раскаленной кочергой, и я ее чуть не выронила. В какой первый? На реке? Или сегодня? Что он имеет в виду? О чем говорит? Значит, все-таки помнит? Или нет?

Бездновы странники, да я так с ума сойду. Сжала зубы и с удвоенным рвением принялась тереть заново. Вандерфилд, к счастью, молчал.

— Готово! — разогнулась, поворачиваясь к хозяину комнаты.

Он сидел в прежней позе, кажется, даже вино в его бокале не уменьшилось. Но стоило мне двинуться к ванной комнате, чтобы оставить тряпку, ожил.

— Плохо, Аддерли. Ты оставила кучу пыли. Мой снова.

— Что? — завопила я. — Да я прекрасно отмыла. Ты врешь!

Вандерфилд отставил бокал и уперся локтями на колени, глядя в упор.

— Я вру? — мягко произнес он, делая упор на первом слове. И улыбнулся. Да так, что мне плохо стало. — Что ты, я предельно честен. А пол грязный. Мой снова.

И вот тут все встало на свои места. Я смотрела на гада, гад смотрел на меня. И мы оба знали правду. Что год в ВСА окажется самым худшим в моей жизни.

\* \* \*

Сволочь аристократичная, бездушный сноб, гад белобрысый!

Сколько новых слов и определений я придумала для своего «нанимателя», пока драила его апартаменты. Правда, ругалась я в своей голове, понимая, что произнесу хоть слово — и мне же будет хуже. К моему ужасу и удивлению, у проклятого Вандерфилда оказалась не одна комната, а целых три. Три комнаты, раздери меня дубогрыз. У студента. Да вся наша квартирка в Котловине была меньше, чем помещение, в котором проживал один учащийся ВСА!

И каждая комната с набором дорогущей мебели. Святой Фердион, да мне даже прикасаться было страшно ко всему этому бархату, паркету,

мрамору и лаку. Если честно, это были самые красивые помещения, которые я видела в жизни. И все новое, целое. Никаких трещинок на столе, сколов на ручках, потертостей на сидениях. Изумительно. Если бы не злость, я, наверное, вообще не решилась бы прикоснуться ко всему этому великолепию. Но за плечом стоял и усмехался человек, от вида которого внутри поднималось что-то темное и яростное.

Стоило лишь вспомнить свое падение в реку, а потом долгую дорогу домой — как я шла, шатаясь и покрываясь ледяной коркой, — и всю мою нерешительность смыло студеной водой. Лекарь тогда удивлялся, что я выжила. Я и сама удивлялась — дойти в подобном состоянии сродни чуду. Или магии. Верно, лишь благодаря случайно пробудившимся во мне силам, я и доползла в тот день. А если бы дар не пробудился? Если бы...

Так что терла и мыла я со злостью, поджав губы и пытаюсь не смотреть в сторону хозяина. Вот только толку от этого было чуть. Стоило мне закончить, гаденьш приказал мыть заново. Видите ли, на полу остались следы от моих грязных ботинок!

— Да, и не забудь почистить ковер, — кивнул небрежно Вандерфилд.

Я — уже багровая от усердий и взмокшая, лишь зубами скрипнула.

— Он же чистый!

— Разве? — Вандерфилд с деланным удивлением поднял светлые брови, взмахнул рукой с бокалом и на пушистый ворс полетели капли красного вина.

Я опешила, глотая все те оскорбления, что пришли мне на ум. Вина в нашем доме не водилось, но я хорошо знаю, как тяжело отмывать пятна от ягодного сока. А это примерно одно и то же!

Вандерфилд криво усмехнулся, внимательно глядя в мое пылающее лицо.

— Что-то не так? Тебе что-то не нравится? — почти ласково поинтересовался он.

Скрипнула зубами.

— Мне нужны средства для чистки ворса. Его нельзя мыть мылом, можно испортить.

— Испортишь — будешь выплачивать, — ещё нежнее произнес этот гад.

Я тяжело втянула воздух. Выплачивать? Да этот проклятый ковер стоит дороже нашей квартиры в Котловине!

— И это касается всех вещей, — усмехнулся Вандерфилд. — Поняла?

Хотелось заорать «за что?» — но я снова промолчала. Глупый вопрос. Аристократы все такие — напыщенные и высокомерные. А я нанялась в

прислуги, так что молчи, Тина.

Вздернула подбородок, смахнула со лба прилипшие пряди и выдавила улыбку.

— Трудно не понять, когда так доходчиво объясняют. Позволь, я посмотрю, какие моющие средства есть в чулане? Те, которых не хватает, нужно приобрести.

В глазах Эша мелькнул удивленный огонек. А может, мне и показалось, я уже не смотрела. Деловито прошла в ванную и открыла дверцу.

— Это не чулан, это кладовая, — насмешливый голос за спиной заставил вздрогнуть. И что он за мной таскается, это Вандерфилд? Заняться нечем? — Хотя откуда тебе знать... Ты ведь с окраины. У вас там все — чулан.

— Очень смешно, — я перебирала пузатые бутылки, разбираясь в наклейках. И не сдержалась: — Да, я с окраины. Из Котловины, как говорят такие, как ты.

— Ого, слышу классовую ненависть, — насмешки в хриловатом, словно простуженном, голосе стало больше. — Если ты так ненавидишь нас, то зачем выгрызала себе место в ВСА? Сидела бы и дальше за оградой.

— Я ничего не выгрызала. Мне просто предложили учебу здесь! — вцепилась я в бутылку, пытаюсь прочитать хоть слово на этикетке, но буквы прыгали перед глазами.

— Лгунья, — Эш стряхнул с рукава невидимую соринку. — Даже на места помоек огромная очередь. Сюда невозможно попасть «просто». И это все знают!

Гневно вскинула голову. Зеленые глаза снова сверлили мою голову, а просторная ванная комната показалась слишком маленькой. Впрочем, теперь нам двоим везде будет тесно, это очевидно. Хотела заорать, что не вру, даже рот открыла. Но передумала. Дернула плечом, подхватила ведро, наполненное чистой водой.

— Думай, что хочешь.

И прошла мимо, с трудом удержавшись от искушения толкнуть наглеца или окатить мыльной пеной его замшевые туфли. Но сделав это, я мигом вылечу из ВСА. К сожалению, мы оба это понимали.

Опустилась на колени возле красных пятен, обезобразивших ворс, осторожно нанесла раствор мягкой губкой. И не жалко этому проклятому аристократу портить столь красивую вещь? Хотя он меня в реку скинул, а тут какой-то ковер... Ничего этим бездушным не жалко. Души нет — и жалеть нечем!

Вандерфилд снова уселся в кресло.

— Ты хоть читать умеешь? Вас в Котловине этому учат?

Я прикусила изнутри щеку. Вскинула голову и заморгала с видом деревенской дурочки.

— Знаю несколько букв. Ну а когда в книжках картинки, там и читать не надо, все и так ясно!

Он наклонился вперед, пытаюсь понять, на самом деле я такая дура или притворяюсь. Я снова хлопнула ресницами и смачно шмыгнула носом, подражая мальчишкам-хулиганам с окраин. Вандерфилд отшатнулся, словно перед ним не девчонка из Котловины, а ядовитая дикая виверна. И к моей радости, пялиться на меня прекратил, ушел в другую комнату, хлопнув дверью. Так что я вздохнула свободнее, а ковер чистила уже в блаженной тишине и пустоте. А закончив, ополоснула ведро, аккуратно развесила на край тряпку и привела себя в порядок. Умылась, помыла руки, очистила по возможности одежду. И задумалась. Вот с платьем срочно надо что-то делать. Убирать и ходить на занятия в одном и том же — невозможно. После сегодняшней уборки наряд нужно стирать. А я пока даже не понимала — где.

Ладно, разберусь. Вытирать руки о белоснежные полотенца не стала — побоялась. Помахала в воздухе, решив, что и так высохнут.

Вандерфилда не было. Потоптавшись, я крикнула, что уборка закончена и я приду завтра. Ответила мне тишина, но я решила, что этого достаточно. И сбежала из роскошных комнат.

Оказалось, что там я провела весь остаток своего первого дня в ВСА. И в синее крыло вернулась к ночи.

И здесь-то меня и накрыло осознание. Руки тряслись от усталости и пережитого шока, голова отказывалась мыслить. Живот урчал, напоминая, что я целый день ничего не ела. От платья несло моющим средством и какой-то затхлостью. Запоздавшие студенты шарахалась от меня в сторону, встретив в коридоре.

Я остановилась возле знакомой двери с цифрами 24, сделала несколько глубоких вдохов, прогоняя непрошеные слезы. Показывать свою слабость соседкам не хотелось. Пусть они и хорошие девчонки, но все равно пока чужие. Так что вошла я, широко и беззаботно улыбаясь. Соседки расстлали кровати и взглянули удивленно.

— Тина, это ты. А мы уже гадали, куда ты пропала. Ой, ну и вид у тебя. Ты почему такая взъерошенная?

— Все в порядке. И вам — хорошего вечера! — бодро отозвалась я. Кинулась к своим вещам, схватила полотенце и чистую одежду. —

Девочки, а где можно помыться, расскажите?

Сестры переглянулись.

— В конце этажа лестница, наверх поднимайся. Только горячая вода там уже закончилась, раньше надо было приходиться. И со щеколдой осторожнее, она там заедает. У тебя точно все хорошо?

— Лучше не бывает. Просто прекрасно! — уверила я, выбегая из комнаты. Жалости или даже сочувствия от близняшек я не хотела. Сейчас смою с себя усталость и снова стану довольной и радостной Тиной!

Быстро добралась до указанной комнаты, вошла. Тусклая лампочка осветила небольшое, но чистое помещение. Пустое. В это время желающих искупаться больше не нашлось. Помывальные для студентов Синего Крыла не шли ни в какое сравнение с роскошной ванной комнатой Вандерфилда. В узкой передевальном стояла скамейка, сверху оказались прибиты крючки. А за перегородкой обнаружился каменный скат и отверстия водостоков. Я разделась, сложила чистую одежду на край скамьи, чтобы капли не долетели. Грязное платье взяла с собой, решив постирать. Надеюсь, соседки позволят развесить его в комнате, а если нет — я что-нибудь придумаю!

Юркнула за перегородку и повернула латунную ручку. Несколько минут просто стояла, заставляя себя привыкнуть к воде. У нас в Котловине не было горячего водоснабжения, дома мы грели железный бак, чтобы искупаться. Но дело это муторное и долгое, так что к быстрым холодным обливаниям я давно привыкла. Уперлась ладонями в стену, подставляя под струю спину и плечи. С водой уходила усталость и дурное настроение. Ничего, справлюсь. Да, судьба изрядно подшутила, снова столкнув меня с Вандерфилдом, но я выдержу. И не позволю себя запугать или сломить. Мне нужно лишь продержаться один год, а там...

Зажмурилась, смаргивая капли воды. Диплом ВСА, даже вольнослушателя — это бездна перспектив. Я найду хорошую работу, мы купим лекарства, которые поставят дядю на ноги. А то и вовсе — найдем заклинателя, умеющего изгонять болезни, даже самые тяжелые. Такие работали в Бездуш, но нам они были не по карману. После ВСА мне станут доступны все чудеса, все блага мира за ажурной оградой. Ну, хорошо, не все, лишь те, на которые я смогу заработать, но ведь это уже ого-го. Разве могла я раньше мечтать о подобном? Да я не видела ничего, кроме Котловины. И была уверена, что вся моя жизнь пройдет там же!

Главное, продержаться, и все у моей семьи наладится!

Сглотнула и потянулась, выпрямилась. Решительно прополоскала пропахшее платье, намылилась сама, смыла пену и откинула на спину

тяжелые волосы.

И в этот момент погас свет.

Я застыла. Что случилось? Может, освещение ночью выключают? А близнецы забыли меня предупредить? Или я слишком задержалась?

За перегородкой, отделяющей помывальную от раздевальной, стояла тишина. И темень лежала такая, что хоть глаз выколи. Окон здесь не было. Я на ощупь повернулась, нашла ручку, закрыла воду. И показалось, что возле скамьи стукнуло...

— Кто здесь? — рявкнула я от страха. В ответ — ни звука. Только капли срываются из водостока и шумно плюхают по камню. Я схватилась рукой за перегородку, сделала осторожный шаг в сторону раздевальной. Кажется, или там кто-то стоит? То ли глаза обманывают, то ли видится плотная густота в углу?

Стало страшно. Все-таки, стою тут голая, мокрая и босая. И что делать?

— Кто там? Я тебя вижу, понял?!

Темнота промолчала. Сморгнув влагу, снова всмотрелась. Да нет там никого. Сама себя пугаю. А свет, наверное, берегут, вот и выключают ночами. Решительно двинулась к скамье, наклонилась туда, где оставила одежду. Пальцы тронули лишь холодное дерево. Провела ладонью дальше — и снова ничего. Да где же моя юбка с блузой? Может, упали?

Прошлась рукой по всей длине сидения, даже ножки ощупала. Проползла на коленях вдоль всего помещения, уже не думая о том, как это выглядит. Все равно ведь ничего не видно. И не нашла ни клочка ткани, ничего. Моя одежда и полотенце, выданное утром ключницей, испарились. На холодном и сыром камне остались лишь влага и мои ботинки!

Я выпрямилась, соображая, что делать. То, что произошедшее чья-то злая шутка — очевидно. Решили поиздеваться над новенькой? И свет выключили, и одежду стащили. И стоят сейчас за дверью, ожидая, когда глупышка из Котловины высунется голой в коридор!

Боюсь, так мне и пришлось бы поступить. А уже утром покинуть ВСА за неприличное поведение. Но воришки не знали, что у меня с собой еще одно платье. Издав торжествующий, но тихий вопль, я метнулась к перегородке так быстро, насколько позволяла тьма. На миг сердце упало — показалось, что и эту одежду прихватил неведомый злоумышленник. Но, хвала Святому Фердиону, мокрое платье по — прежнему висело в помывальной. Торопясь, я натянула неприятно липнущую ткань, одернула подол. Натягивать сырую одежду на мокрое тело — то еще удовольствие, да только выбора не было!

Сунула ноги в ботинки и по стеночке дошла до двери. Толкнула створку, ожидая увидеть в коридоре ухмыляющиеся лица студентов. Но там никого не оказалось. Лишь на полу темнела надпись: «Ты пожалеешь». Впрочем, стоило мне моргнуть, как и она растаяла. Я потерла глаза, уже сомневаясь в увиденном.

В комнате Шелли уже спала, а Брин приложила палец к губам, стоило мне войти. Я понятливо кивнула и даже обрадовалась. Девушка удивленно глянула на мое мокрое платье, прилипшее к ногам.

— Облилась случайно, — прошептала я, улыбаясь. Брин вскинула брови, покачала головой и снова уткнулась в учебник, который читала.

Я тихонько прокралась к своей кровати за перегородкой. Остальная комната из моего закутка не просматривалась, и я вздохнула с облегчением. Устало стянула влажную ткань, развесила на стуле. Сама вытерлась углом одеяла. Дрожа, натянула домашнюю пижаму и залезла с ногами на кровать. Дико хотелось есть, тетушкины ватрушки плясали перед голодными глазами. Но ещё больше — спать. Первый день в ВСА оказался слишком сложным для простой девчонки из Котловины.

Но он закончился, а я все ещё здесь. И завтра все будет гораздо лучше, я в этом уверена. И о том, что случилось в помывальной, и о Вандерфилде, и об украденной одежде я тоже подумаю завтра!

## Глава 6

Что мне снилось — не помню, но внутри осталось ощущение чего-то радостного и почему-то ванильно-зефирного. Именно от этого чувства я и проснулась — в животе заурчало, заворчало, а потом и завыло, напоминая, что неплохо бы насытить растущий организм чем-то посущественнее снов!

Открыла глаза и с легким недоумением осмотрела темный бок шкафа и окно. Ну конечно, ВСА. И Вандерфилд, поджидающий где-то в коридорах этого прославленного заведения!

Застонав, я скатилась с кровати и выглянула из-за шкафа.

Соседки — полностью одетые и аккуратно причесанные торопливо складывали в сумки учебники.

— Который час? — ахнула я.

— Скоро первый урок, — отозвалась Шелли. — Мы тебя звали, но ты не проснулась. Вот и решили, что у тебя нет первого занятия.

— Или ты просто решила, что сон важнее, — улыбнулась Брин.

— Есть у меня занятие! — я завопила, суетливо кинулась обратно к кровати, схватила платье. Толстая ткань не успела просохнуть за ночь и оказалась неприятно сырой. К тому же от нее отчетливо пахло средством для мытья ковров, похоже, оно оказалось на редкость стойким!

— Если поторопишься, то успеешь с нами на завтрак! — крикнула Шелли.

— Да я уже бегу! — спотыкаясь, на ходу швырнула в сумку тетради и книги.

— Догоняй!

Ругаясь себе под нос и недоумевая, как же меня угораздило проспять, я сунула ноги в ботинки и вылетела в коридор. Волосы пришлось раздирать тоже на бегу, но толка от этого было мало, моим кудрям требовалось вдумчивое и обстоятельное расчесывание. Так что я плюнула и скрутила кое-как узел на затылке, воткнув в прическу пару карандашей.

Спины близнецов маячили уже у центральных лестниц, куда стекалась толпа студентов, и я припустила со всех ног.

Толчок — и пол стремительно уходит из-под ног, а я приземляюсь на пятую точку. Подол платья взлетел, накрывая мне лицо и оголяя ноги в стареньких вязаных колготах.

— Смотри, куда идешь! — с насмешкой протянул мужской голос.

И следом раздался женский и уже знакомый:

— Эти девки из Котловины не знают, что такое приличия. Трясет тут своим задом в дырявых чулках, фу... Ужасно!

Раздались смешки.

Я откинула подол и осмотрелась. В нескольких метрах от меня кривила рот в презрительной усмешке беловолосая Лисса, рядом усмехалась ее алогубая темноглазая подруга, с другой стороны меня рассматривал Ривз, которого я уже видела в комнате Эша. Остальные ученики косились, но не останавливались, что бы помочь мне подняться. Напротив — как можно быстрее проходили мимо, почти пробежали. Связываться с троицей, нашедшей себе развлечение в виде унижения новенькой с окраины, явно никто не желал.

Так что поднялась я сама, по возможности — гордо и с достоинством. Оправила платье, приладила и без того встрепанные волосы. Троица взирала на меня с откровенной насмешкой, а девушки ещё и с презрением. Ривз смотрел скорее с любопытством, как на забавного зверька.

Связываться с этими снобами не хотелось, поэтому я попыталась обойти компанию, перегородившую мне дорогу.

— Ты не извинилась, оборванка, — подала голос брюнетка.

— За что? — не поняла я.

— За оскорбление нашего взора своим грязным бельем, — растягивая слова, произнесла она.

Я поперхнулась.

— Извиняться? Вы меня толкнули!

— Ты нас обвиняешь? — глаза Лиссы угрожающе сузились.

Я прикусила язык. Честно говоря, я не поняла, как упала. И троица стояла довольно далеко, так мог ли кто-то из них отправить меня в этот короткий полет? Из-под меня словно выдернули доски пола!

— Дайте пройти, — буркнула я.

— Извинись прежде, — пропела брюнетка. Темные глаза ее блестели, словно вишни, на миг мне даже почудился в них кроваво-красный огонек.

— Да не собираюсь я перед вами извиняться! — возмутилась я. — Что за чушь? Я упала и еще должна просить прощения?!

— Лисса, мне послышалось, или оборванка нас только что снова оскорбила? Она назвала мои слова чушью.

— Так и есть! — сжала я кулаки. Да что происходит?

— Какая глупая пустышка, — равнодушно поморщилась блондинка. Она смотрела спокойно, почти без интереса, словно развлечение больше утомляло ее, чем забавляло. Зато брюнетка явно жаждала крови, чуть ли не облизывалась, рассматривая меня. От ее лица с яркими губами мне стало не

по себе.

— Пропустите, — по возможности холодно повторила я, пытаюсь держать себя в руках. Хотя больше всего хотелось орать и топтать ногами. А еще лучше — впиться брюнетке ногтями в лицо, расцарапать до крови, выдрать волосы... Я уже почти видела, как с боевым кличем толкаю студентку на пол, хлещу по щекам, пинаю, бью. Чтобы стереть с ее лица эту гадкую презрительную усмешку. А потом дойдет очередь и до Лиссы с Ривзом...

Сжала кулаки до боли, напряглась... И выдохнула.

Да что это со мной? Откуда такие желания?

Ужаснувшись своим кровожадным мыслям, я закусила губу и ужом проскочила между Ривзом и стеной. Парень хмыкнул и подвинулся, пропуская меня.

— Магма, ты делаешь успехи, — донесся мне вслед его ленивый голос. — Видели, как девчонка резонирует? Отзывчивая и слабая, уверен, у нее всего три-четыре единицы... Я бы с ней потренировался.

— В твоём исполнении это звучит отвратительно, Ривз, — протянула Лисса и парень рассмеялся. — В ВСА стали принимать всякий сброд...

— О, Лисса, ты ещё не знаешь? — промурлыкал парень.

Дальше я не слышала, потому что прибавила шаг и слетела по лестницы на первый этаж. Троица за мной не последовала, так что я на миг прислонилась к стене и перевела дыхание. Что сейчас произошло? И связано ли это с той странной агрессией, что я испытала? Конечно, алогубая не вызывала у меня положительных эмоций, но в тот момент мне хотелось ее убить. Причем с особой жестокостью. А ведь я всегда была доброй, тетя говорила — даже слишком. Так почему мне безумно хотелось бить и калечить в том коридоре?

До столовой я добрела на подгибающихся ногах. Даже не помню, как добралась, верно, привел запах еды. И только в дверях аппетитно пахнущего помещения пришла в себя и встряхнулась.

Надо разбираться с проблемами постепенно. И сейчас самое важное — насытить ноющий желудок пищей!

У дальней стены просторного зала громоздился длинный стол с тарелками. У меня слюна потекла от вида булочек с творогом, сыра, каши и высоких стаканов с кислым морсом. Набор еды для всех был одинаковый. Подхватив поднос с едой, я осмотрелась. Но, к счастью, никого из старшекурсников не увидела. Ужасная троица, как я их назвала, явно не спешила полакомиться местными деликатесами, так же, как и Вандерфилд. И я этому была только рада!

Шелли и Брин нашлись за дальним столом и, увидев меня, махнули, призывая. Я устроилась рядом и с наслаждением сунула в рот сладкую творожную сдобу.

— Ты словно два дня не ела, — рассмеялась Шелли. Ее сестра с отвращением размазывала по тарелке кашу. — Вкусно?

— Очень! — с набитым ртом подтвердила я.

— А вот Брин терпеть не может завтрак, — снова рассмеялась Шелли. Похоже, эта девушка была готова хохотать по любому поводу. И даже без него!

— Не понимаю, как можно в такую рань впихнуть в себя эту мерзкую кашу! — уныло отозвалась Брин и бросила ложку. — Нет, это выше моих сил!

Я не стала советовать ей мой способ — поголодать день или два. На мой взгляд, и каша, и булочки были очень вкусными.

— Проголодаешься до обеда, — предупредила сестру Шелли, но та лишь фыркнула и глянула на меня.

— Гадость, как ты это ешь? Хотя правильно делаешь, у тебя ведь уровень ЗВ.

— И что? — не поняла я, начиная ощущать внутри блаженную сытость, но все еще надеясь впихнуть в себя третий крендель.

— ЗВ — это только завтрак. Ты разве не знала?

Что? То есть если бы я проспала, то снова осталась голодная на весь день? И это вся моя еда на сегодня? И на завтра, и на послезавтра... значит, только завтрак. Я попыталась взбодриться. Ну что ж, буду стараться, чтобы он был плотным.

— Это обычная практика для вольнослушающих учеников, они ведь не платят за обучение, да и потенциал крошечный. Королевству от них мало толка. Скажи спасибо, что вообще обучают. — Пояснила Шелли. — Многие студенты после занятий и вовсе уходят домой, там и ужинают. Но раз у тебя есть наниматель, ты можешь договориться с ним. Обычно поломоек... хм, помощниц, наниматель и кормит. За свой счет. Для такого, как Вандерфилд, это сущие гроши...

При мысли, что я буду просить еду у заносчивого аристократишки, аппетит пропал и тесто встало поперек горла. Да лучше голодать. К тому же, ем я немного, вполне продержусь и на завтраках!

— Ой, у нас первым уроком — защита, надо бежать. Ты у кого практиковаться будешь?

— Еще не определилась, — пискнула я, плохо понимая, о чем речь.

— Ну, главное, что бы не Аодхэн! — с придыханием произнесла

Шелли, а Брин нахмурилась. — Нам-то не повезло... Ладно, увидимся, Тина!

Я хотела расспросить, но близняшки уже схватили свои сумки и умчались. Ураган просто, а не девчонки!

Уже лениво пережевывая остатки завтрака, я достала свой листок с расписанием. Первым занятием у меня числились загадочные «Основы материализации».

\* \* \*

Нужная ученическая нашлась почти под самой крышей, в мансардном помещении с двухскатной крышей и большими окнами, через которые лились потоки света. У стен теснились мольберты и накрытые тканью холсты, рядом валялись куски гипса или глины, незаконченные скульптуры, какие-то мотки шерсти, кисти, куски проволоки и прочий «мусор». Даже на столах громоздились непонятные мне сооружения и предметы. Все это напоминало то ли голубятню, где вместо птиц — расселись студенты, то ли мастерскую безумного гения. А судя по желтым шейным платкам, здесь собрались первогодки. К моему удивлению, рядом со мной опустился на лавку тот самый парень, что отводил вчера в апартаменты Вандерфилда.

— Аддерли, — сухо поздоровался он. — Я Томас Грин.

— Меня зовут Тина, Томас, — улыбнулась я, отчего парень почему-то смутился. Хотела расспросить об уроке, но дверь распахнулась, впуская сквозняк и невысокую стройную девушку в светлом платье. Она тоже напоминала пичугу и в этом классе смотрелась невероятно органично.

— Преподаватель Тензия Лебвест, — тихо и как-то по-особенному произнес Томас.

А я сдержала улыбку. Похоже, мой сосед по столу был тайно влюблен в симпатичную и улыбчивую учительницу. Впрочем, судя по взглядам, здесь все были в нее были влюблены. И очень быстро я поняла — почему. Тензия Лебвест словно светилась изнутри и, глядя на нее, тоже хотелось светиться и улыбаться.

— О, у нас новая прекрасная ученица! — восторженно пропела она, увидев меня. — Как чудесно. Тина Аддерли, мои дорогие, будет учиться с нами!

Мне помахали руками, кто-то даже улыбнулся. Не иначе солнечная Тензия всех заразила своим дружелюбием, ведь раньше я видела лишь

ухмылки и косые взгляды.

— Но не будем терять драгоценное время. Начнем, мои дорогие. Все готовы?

— Да, госпожа Лебвест! — хором грянул класс.

— Замечательно, я вами горжусь! — рассмеялась преподавательница. — Начнем с тебя, Томас. Ты определился с материалом?

— Я думаю, это металлическая проволока, — слегка неуверенно ответил парень.

— Да? — Тензия на миг задумалась. — Не глина? У тебя хорошо получалось. Что ж, значит так. А ты, Амелия?

— Дерево, госпожа Лебвест, — пискнула девушка с соседнего стола.

Один за одним «желторотики» называли материал. Когда дошла очередь до меня, я лишь развела руками.

— Простите, но я не понимаю...

— Ах, милая Тина. Вы не понимаете! — преподавательница огорченно всплеснула руками.

— Надо было изучить теорию, — буркнул рядом Томас. — У тебя ведь есть учебник!

Я покосилась на книгу. Учебник-то был, но времени, чтобы заглянуть в него — не минуты.

— Как нам известно, чары — это необходимое условие для изменения мира, — напевно произнесла девушка-птичка. — Но скажите мне, Тина, вы ощущаете их, свои чары?

— Нет, — растерялась я. И правда, никаких изменений в себе я не чувствовала и даже порой мелькала мысль, что в Магистерии ошиблись, нет у меня никакого потенциала.

— Вот именно! — она довольно улыбнулась. — Чтобы научиться их чувствовать, а после — применять, мы и находимся здесь. Еще наши предки заметили, что наилучшее раскрытие чар происходит через творчество. Кто-то лепит скульптуры, кто-то рисует или гнет проволоку... Так мы создаем материальное воплощение нематериального, переводим мысль в материю. И так учимся осознавать свой потенциал, ощущать его, растить и применять. И для начала вам нужно выбрать материал и способ, дорогая Тина!

Она указала широким жестом на стену, возле которой в кучу было свалено все подряд. Первым я подобрала кусок железа, повертела в руках.

— Тяжелый материал, обычно выбирают мужчины, — подсказала Тензия. — Ищите свое, Тина. Ваше отзовется, не сомневайтесь.

Сосредоточьтесь. Вы научились погружаться в пустоту? Ищите!

Я неопределенно хмыкнула. Вместо погружения я болтала по переписке с Брин, так что сейчас двинулась вдоль стены с изрядной долей сомнений. Я трогала холсты, пачкала пальцы красками, гладила глину, гипс, мрамор и дерево, путалась в нитях и тканях, но ничего похожего на пресловутый отклик внутри не испытывала. И взяла кусок проволоки только лишь потому, что его выбрал Томас. Уже не знаю, что там с моими чарами, но так я хоть смогу подсмотреть действия соседа!

— Вы уверены. Тина? Что ж, прекрасно! — хлопнула в ладоши Тензия, когда я вернулась на место. К этому моменту все студенты разложили на столах свои материалы, кто ткань, кто кусочки влажной глины. — Сегодня мы попытаемся создать цветок. Любой, на ваше усмотрение. А первое воплощенное растение, обещаю оставить на своем столе. Приступайте, дорогие!

Студенты погрузились в работу. А уже через несколько минут я поняла, что катастрофически ошиблась с выбором. Проволока исколола мне все пальцы, но сложить ее в какое-то подобие цветка мне так и не удалось. Зато у Томаса все получалось превосходно. Я даже изумилась, глядя, как в его руках металлическая нить послушно закручивается в стебель с бутоном, а жесткий материал обретает нежность и хрупкость растения.

А когда Томас закончил и на миг зажмурился, прикрыв проволочный цветок ладонями, я ахнула. Потому что стоило парню убрать руки — и все увидели живой, самый настоящий подснежник.

— Это вам, — мучительно краснея, произнес Томас, протягивая подарок преподавательнице.

— Это прекрасно, мой дорогой, — ласково произнесла госпожа Лебвест. — Прекрасно. И напоминает нам ещё одно основное правила преобразования. Ничто не берется из пустоты. Ничто не уходит в пустоту. Все лишь изменяется. Это Закон. Чтобы создать цветок, для начала необходимо изобразить его или вылепить.

— Значит, на любое воплощение нужен прототип, так? — несколько разочарованно протянул рыжий парень.

— Несомненно, — ответила Тензия. — Чем больше умение и потенциал, тем меньше надо приложить усилий для создания. Слабый заклинатель детально воплощает свою задумку, а сильному достаточно лишь материала и мыслеобраза!

— И мы можем воплотить все, что захотим?

— Не все, Эрик. Чем сложнее задуманное, тем больше чар и умений

понадобится. Ведь надо очень подробно, в мельчайших деталях понимать и представлять то, что ты хочешь получить в итоге. Сложные организмы создать почти невозможно, на это нужен потенциал невероятного уровня. Да и смысла нет, ведь, например, гораздо проще вырастить дерево естественным путем, чем сотворить при помощи чар. Ну и конечно, вы никогда не сумеете создать человека.

— Точно, человека надо создавать по — другому! — сдохмил рыжий Эрик, вызвав смешки.

— А это правда, что некоторые животные тоже созданы заклинателями? Например, огнезмей? Или даже... дикие виверны? — негромко спросила девушка с первого стола, которую я уже определила в лучшие ученицы. Такие всегда сидят впереди и все знают!

Класс напряженно притих. Я тоже обратилась в слух. Даже в Котловине не раз обсуждали, что в появлении бездновых исчадий, ползущих из-за Гряды, виноваты заклинатели.

— Глупости, Грейс! — возмутилась Госпожа Лебвест. — Не повторяйте этот вздор, мои дорогие. Чтобы воплотить хотя бы крысу, нужен огромный запас чар, запомните. Что уж тут говорить о виверне, размером с лошадь!

— С летающую лошадь! — снова сострил Эрик.

— Но выходит, у нас всегда должен быть под рукой наш материал? Чтобы изготовить прототип для воплощения?

— Это необходимо тем, чей потенциал ниже сорока единиц, Грейс. У заклинателей с высшим уровнем все иначе и методики обучения у них другие.

Студенты переглянулись. Понятно, что ни у кого из присутствующих уровень не добирался до такой отметки.

— Надо было выбрать глину. Ее таскать легче, — простонал парень с заднего ряда, рассматривая куски железа перед собой.

— Большинство заклинателей всю жизни верны своему материалу, — с улыбкой сказала госпожа Лебвест.

— Большинство?

— Бывают исключения, милая, бывают исключения... Кто еще сегодня порадует меня и воплотит свой цветок?

Студенты снова вернулись к работе.

Я уныло осмотрела уродливую поделку перед собой. Может, стоило выбрать ткань? Все же шить я умею с детства, и говорят, выходит неплохо... Понадеявшись на чудо, накрыла проволоку ладонями, подышала. Но, увы, ничего не произошло. Как лежал передо мной грубый

металл, так и остался лежать.

— У меня тоже не сразу получилось, — подбодрил меня Томас, все ещё пунцовый от похвалы. — Сосредоточься.

Я лишь вздохнула.

Мастерскую-голубятню я покидала со смешанными чувствами. С одной стороны — урок мне необычайно понравился. С другой — было грустно, что так ничего и не вышло. Но это ведь только начало, в следующий раз я поражу всех, создав не просто цветок, а что-нибудь удивительное!

Окрыленная мечтами, я устремилась на следующее занятие.

Оставшиеся уроки оказались не такими интересными, как занятие у госпожи Тензии. Помимо обучения чарам, в ВСА преподавали общие предметы, ведь заклинателю необходимо знать так много, чтобы менять этот мир!

Но слушала я внимательно, все же у меня есть лишь год, что бы всему научиться. И даже насмешки студентов по поводу моего платья или прически сегодня мало трогали, даже когда кто-то демонстративно кривился и отсаживался подальше, я лишь отворачивалась. Плевать на чужое мнение, ведь у меня есть цель. И только мысли о Вандерфилде омрачали настроение. Надо ли сегодня снова идти к нему? Перо застыло над недописанной формулой. Вчера я буквально вылизала его апартаменты, так может, могу сегодня заняться своими делами?

К тому же, гадкий сноб не сказал, что я должна драить его полы ежедневно!

Решено, не иду. Червячок сомнения грыз изнутри, нашептывая о грядущих неприятностях, но я решила его проигнорировать.

## Глава 7

К сожалению, есть мне захотелось гораздо раньше следующего утра. Активное усвоение новых знаний требовало такого же активного насыщения урчащего живота горячей едой. Булочки и каша давно испарились из моего организма, словно их и не было. К трем часам дня завопил колокол и поток студентов слаженно устремился к столовой.

Я проводила их взглядом и решила потратить свободное время на изучение учебников. Но к ужину голодная слюна снова наполнила рот, а в голове стали возникать дурные мысли.

Разве кто — то заметит, если я осторожно возьму одну тарелку супа и кусок хлеба? Тарелкой больше, тарелкой меньше... Вон сколько их стоит на раздаточном столе. Да никто и внимания не обратит. А я съем быстренько и исчезну. Совесть немного повозмущалась, напоминая, что я не имею права на ужин, но голод быстро заткнул ее слабый глас. В конце концов, разве ВСА обеднеет, если я съем эту несчастную похлебку?

Всего разочек, честное слово. А потом я что-нибудь придумаю...

Широкие двери оказались распахнутыми настежь, словно издеваясь над одной голодной студенткой. Потоптавшись у стены и убедившись, что никому нет до меня дела, я бочком протиснулась ко входу и сделала шаг внутрь столовой. И подпрыгнула от мерзкого звука.

«Воу-у-у-у» — взвыло у меня над головой. Все головы повернулись в мою сторону. Краем глаза я заметила в толпе удивленное лицо Томаса и сочувствующее — Шелли. А еще насмешливое — Ривза. Ну вот, значит, я опозорилась и перед ним.

— У тебя допуска нет, — спокойно пояснил мне какой — то ученик. — Проверь у ключницы.

— Я... я проверю... Верно, ошибка...

Ощущая себя гаже некуда и готовая провалиться от стыда, я резко развернулась и бросилась прочь.

Щеки горели, а ладони, напротив, похолодели. Вроде, ничего страшного и не случилось, но стоило вспомнить, как я стояла в освещенном проеме — в своем старом платье, с голодными глазами... и все смотрели, пялились, усмехались. Брр...

В комнату возвращаться не стала, добрела до помывальной, к счастью, пустой. Включила воду, умылась, надеясь смыть с себя и неприятные ощущения. Дернуло же меня позариться на суп, ведь сроду не брала то, что

мне не положено. И вот надо же...

Вздыхнув, я закрыла кран и вытерла лицо рукавом, снова ощутив запах чистящего средства.

И вспомнила о своих пропавших вещах. За кучей новых сведений и знаний, сыпавшихся на меня нескончаемым потоком, я умудрилась забыть о вчерашней краже!

Еще раз осмотрела помывальную, словно надеясь, что юбка с блузкой куда-то свалились, но ничего не нашла. Я даже встала на четвереньки и заглянула под полки у дальней стены, хотя и понимала, что вряд ли обнаружу там что — то кроме пыли.

— Хм, — раздалось сзади, и я подпрыгнула. За спиной стояла аккуратно причесанная девушка и рассматривала меня с явным недоумением.

— Вещи ищу, — пояснила я, выпрямляясь.

На лице студентки явно отразилось сомнение в моих умственных способностях, но объяснять я не стала. Пусть думает, что хочет.

— Ты Аддарели? — бросила она. И тут же хмыкнула. — Точно ты. Кто еще... Тебя Вандерфилд ждет. И советую тебе поторопиться, он очень злой!

— Но мне учить надо! — возмутилась я, но девушка лишь пожала плечами и убежала, одарив меня напоследок красноречивым взглядом. Похоже, она добавит местному обществу сплетен обо мне. И том, как я ползала по полу в помывальной, разыскивая непонятно что.

Вздыхнув, я пригладила волосы и вышла в коридор. Идти к белобрысому снобу ужасно не хотелось, но выбора не было.

Знакомая дверь распахнулась, стоило мне приблизиться, и в лицо полетела белоснежная рубашка. Я едва успела ее подхватить.

— Долго тебя ждать? Где ты шляешься? — рявкнул Вандерфилд. Зеленые глаза угрожающе блестели, на загорелых щеках залегли белые пятна ярости.

Я поежилась. Сказать, что аристократишка зол — это ничего не сказать. Он был в бешенстве. И вряд ли дело в запоздавшей прислужнице. Что — то вывело неприкасаемого из себя настолько, что сейчас я физически ощущала исходящие от него волны ярости. Сильное поджарое тело напоминало сжатую до скрипа пружину — вот-вот рванет. Что-то дикое бурлило внутри высокомерного аристократа, и больше всего мне хотелось убраться от него подальше. Но кто же мне позволит?

— У меня уроки...

— Мне плевать на твои проблемы, ясно? Ты здесь, чтобы я был доволен. Приведи в порядок мою одежду, живо! — сквозь зубы процедил

парень. Кроме черных брюк, на нем ничего не было, и я отвела взгляд от загорелого торса. Оказалось, что сложен гад просто отлично. Легкий и свежий запах его кожи проник в легкие, и захотелось сделать глубокий и сильный вдох, что бы ощутить его ярче, чтобы распознать. И тут же перед глазами встала ледяная тьма...

Я помнила этот запах. Тот же самый, что был на снобе в ту ночь, когда я утонула. Эш Вандерфилд пах льдом и темнотой...

— Ну, что ты встала? Оглохла?

Я стиснула зубы, пытаясь не реагировать. Осмотрела шелковую ткань в своих руках.

— Ты хоть умеешь утюг держать?

— Умею, — угрюмо буркнула я.

— По твоему виду не скажешь, — скривился Вандерфилд. — На какой помойке ты лазила? У тебя паутина в волосах.

Я торопливо провела ладонью по макушке, а белобрысый гад одарил меня еще одним презрительным взглядом.

— И чем только я это заслужил? — его кулак в черной перчатке совершенно неожиданно впечатался в стену рядом со мной, и я подпрыгнула.

Лицо парня исказилось, скулы окаменели, он на миг закрыл глаза, а когда открыл — передо мной снова был блистательный и невозмутимый аристократ. И, кажется, он уже жалел, что позволил мне увидеть вспышку своего гнева.

Зеленые глаза сузились, рассматривая меня. В какой момент возникла мысль, что Вандерфилд очень хочет свернуть мне шею. Просто чтобы дать выход своей злости.

Я безотчетно прижала к груди белый шелк, инстинктивно пытаюсь закрыться и гадая, что довело Вандерфилда до такого состояния.

— Я велел тебе привести рубашку в порядок, а не испортить ее, — с ледяным презрением бросил Эш. — И вымой руки для начала!

— У меня чистые руки! — возмутилась я.

— В тебе нет ничего чистого! — снова вышел из себя гад. Похоже, один мой вид бесил его настолько, что он терял свою аристократичную сдержанность!

Я задыхнулась от возмущения. Больше всего хотелось швырнуть рубашку в лицо Вандерфилда, хлопнуть дверью и гордо удалиться. Эх, если бы я только могла так сделать!

Но пришлось ещё сильнее сжать зубы и проскрипеть:

— Где утюг?

Эш грубо ударил ладонью по стене и выдвинул гладильный столик.

— Ух ты, — не сдержалась я, заработав еще один неприятный взгляд.

Аккуратно разложив шелк, я с опаской взглянула на утюг. У нас дома был самый обычный агрегат — железный и тяжелый. Он долго грелся через толстый шнур от жароаккумулятора, а после пытел дымом, словно рассерженный кот. А утюг аристократишки оказался легким даже для моей руки. Латунная ручка удобно легла в ладонь, тоненькая струйка пара вырвалась из носика. Утюг явно усовершенствован чарами, у него даже провода нет. Вот бы и нам домой такой, расскажу тете — не поверит!

Тронула кончиками пальцев ткань — гладкая какая... Думаю, ощущать такую на теле невероятно приятно. Словно гладит кто — то...

— Долго мне ждать?

Злой голос вырвал меня из задумчивости. Нервничая, я осторожно приложила утюг к краешку рубашки. Шелк — материя скользкая и привередливая, это я выучила еще в мастерской. Правда, там очень редко заказывали наряды из этой ткани, жители Котловины не носят благородный материал, предпочитая практичное сукно. Поэтому особого опыта у меня не было.

— Скорее! — снова рявкнул Вандерфилд. — Я тороплюсь. И если из-за тебя опоздаю...

Договаривать он не стал, но занервничала я ещё сильнее.

— Ты всегда такая медлительная?

— Хватит меня торопить! — не сдержалась я. — Если ты отойдешь и дашь мне сделать мою работу, все получится гораздо быстрее!

— Если я отойду, ты провозишься до утра!

— Я уже почти отгладила! — разозлилась я, сильнее надавливая на ткань. И каков же был мой ужас, когда убрав ладонь, я увидела темный след утюга на белом шелке.

В комнате повисла угрожающая тишина. Страшная. Гнетущая. Я вжала голову в плечи. Это конец. Конец моей учебе и моему пребыванию в ВСА. И еще почему-то было жаль красивую рубашку...

— Я... случайно... я не хотела. Я не понимаю, как это вышло...

Вандерфилд молчал, и от этого мне стало совсем не по себе. Вскинула голову, надеясь выглядеть достойно.

— Неумеха, — почти ласково произнес парень, делая ко мне шаг. Я испуганно дернулась назад, все ещё сжимая утюг. Босые ноги Эша бесшумно ступали по толстому ковру. Я пятилась. Пока не уперлась в стену. — Ты испортила вещь, которая стоит дороже, чем ты сама.

— Вещь не может стоять дороже человека, — прошептала я.

Вандерфилд рассмеялся. И я как — то отстраненно подумала, что улыбка у него тоже красивая. И это жутко несправедливо, что все красивое досталось такому гаду. Рука в черной перчатке легла на стену возле моей головы.

— Еще как может, — со странной интонацией произнес Вандерфилд. — Моя рубашка дороже тебя. Мой шейный платок дороже тебя. Моя перчатка дороже тебя, пустышка. Из-за тебя я уже опоздал. Все из-за тебя, чтоб ты провалилась. И тебе придется ответить. За все.

Я задохнулась, с ужасом глядя в слишком спокойное лицо парня. Я думала, что страшно, когда он бушует? О, нет. Страшно, когда смотрит вот так — прищурившись, и почти прижимая меня к стене!

— Не трогай меня. Не трогай! — прошептала в панике. Внутри поднималось что — то странное, непонятное... Вскинулась, прижалась затылком к стене, не желая опускать голову перед мерзавцем. Как раз в тот момент, когда Вандерфилд склонился ниже. Его губы скользнули по моему виску, горячее дыхание обожгло кожу. Я ахнула, инстинктивно дернула рукой, впечатывая горячий утюг в незащищенное тело парня.

Кто зашипел — утюг или Эш, я не поняла. Возможно, оба. На миг я увидела его глаза — ошарашенные. Похоже, Вандерфилд просто не верил в то, что я это сделала...

Да я и сама не верила.

Отпрыгнула в сторону, выронив агрегат, и метнулась к двери. Ужас заставлял меня нестись, почти ничего не видя перед собой. Я бежала по коридорам академии, плохо соображая — куда. Это не просто провал, это жуткое и окончательное фиаско. Я не просто испортила дорогую рубашку, а еще и причинила вред неприкасаемому. Что он со мной сделает за это? То, что с ВСА придется попрощаться — понятно, но вряд ли я отделаюсь так просто. Святой Фердион, как я скажу об этом тете и дяде? Как посмотрю им в глаза? Что со мной теперь будет?

Очнулась я в каком-то пустом и темном помещении. Как забралась сюда — не помню, верно, просто толкнула какую-то дверь. Это тоже была аудитория, только, кажется, заброшенная. Пахло пылью и даже немного сыростью, на стенах темнели портреты великих. В незашторенные окна лился лунный свет, и я вдруг увидела, что сегодня полнолуние.

Со вздохом, уселась на лавку и задумалась. Разум твердил, что надо вернуться и хотя бы попытаться извиниться и загладить свою вину перед аристократом. Правда, вряд ли он простит, обитатели Бездуш не умеют прощать. От воспоминания, как шипела горячая подошва утюга на животе Вандерфилда, мне делалось дурно. Да за это меня отправят в казематы,

точно!

Я застонала, сжав виски ладонями. Однако прятаться в темноте вечность невозможно и, преодолевая себя, я выбралась из класса и потащилась обратно. Снова и снова я прокручивала в голове извинения, которые скажу Вандерфилду. Хотя бы попытаюсь сказать...

Но ничего говорить не пришлось. Потому что дверь с цифрой «7» оказалась заперта и на мой робкий стук никто не открыл.

«Может, аристократишка отправился к карателям писать на меня обвинительную?» — невесело подумала я, возвращаясь в свою комнату.

Что ж, надеюсь, арестуют меня после завтрака, и я успею напоследок набить желудок академическими булочками.

## Глава 8

Этой ночью я почти не спала. Мои соседки мирно дрыхли под одеялами, а я смотрела в окно на луну и в который раз прокручивала в голове мои бесславные дни в академии. Их оказалось до обидного мало.

Снова и снова перед глазами вставала жуткая картина: я и Вандерфилд. Он наклоняется, а моя рука дергается. И утюг шипит... Как объяснить, что это вышло случайно? Что я не хотела ранить его? Что просто испугалась?

Кто поверит моим объяснениям...

Да даже если и поверят, что толку? Эш наверняка уже донес на меня!

Терзаемая угрызением совести и жуткими картинами своего будущего, я задремала лишь под утро, и то ненадолго. Когда Брин встала с кровати, я уже сидела на кровати умытая, одетая и причесанная.

— Совсем не выспалась, — пожаловалась Шелли, разлепляя глаза, и заныла: —

Брин, давай не пойдем на первый урок, ну давай!

— Живо вставай, — не вняла ей сестра. — Тина, ты уже проснулась?

Кивнула. Разговаривать сегодня не хотелось. К счастью, близнецам хватало общества друг друга, и меня они не трогали. За завтраком Брин снова размазывала кашу по тарелке, а Шелли смеялась по каждому поводу, я слушала их краем уха. И все косилась на дверь, ожидая, когда она распахнется, впуская карателей.

— Слышали, что вчера было? — рядом с Брин упала на лавку невысокая темноволосая девушка.

Сестры покачали головами, я похолодела. Началось... Уже все знают?

— Вы что, не ходили на состязание? — изумилась гостья.

— У нас экзамен у Аодхэна, Ари. Ты же понимаешь. Какие тут развлечения? — кисло отозвалась Брин, и все понимающе вздохнули. Ну, кроме меня, конечно. Я пока не понимала ничего.

— Состязание! — выдохнула Ари. — Это было что-то невероятное. Просто уму непостижимо. Что он творил!

— Кто?

— Вандерфилд!

Я вздрогнула и подавилась чаем. Шелли от души хлопнула меня по спине, восторженная Ари даже внимания не обратила. Похоже, она вообще никого не видела, все еще созерцая в своей голове невиданное и неведомое

мне состязание.

— Он невероятен! — простонала она. — Клянусь, он просто невероятен. Он идеален. Что он вчера вытворял, вы бы видели. Публика сошла с ума. И он победил. Вчистую. Всех обошел, да так, словно даже не напрягался. А ведь после того ужасного поражения говорили всякое... Но он победил. Как раньше. О-о-о, это было лучшее зрелище из всех, что я видела. Эш божественен, вы знаете? Просто божественен!

Не в силах усидеть на месте, Ари вскочила и понеслась за другой столик. Верно, там ещё не знали о божественном Эше.

— Дуря влюбленная, — процедила Брин.

— Что это за состязания? — встрепенулась я.

— Развлечение для богатых и знаменитых, — скривилась девушка. — К ним лучше не лезть, Тина. Если не хочешь стать, как эта Ари. Неприкосновенные не зря так названы. Держись от них подальше. Шелли, ты доела? Мы опаздываем!

Ее сестра покосилась недовольно, но покорно встала.

— Увидимся, — крикнула я вслед девушкам.

И снова посмотрела на порхающую от столика к столику Ари. Даже отсюда видно, как она светится. Брин права, девушка влюблена. Интересно, что будет, если она узнает, как я приложила предмет ее воздыханий утюгом?

Вздохнув, я отодвинула пустую тарелку. Значит, после нашей горячей во всех смыслах встречи Вандерфилд отправился на некое состязание, где победил. Означает ли это, что он будет в хорошем расположении духа и не заявит на меня?

Я снова вздохнула. Потому что понятия не имею, что это означает. Пока понятно лишь то, что я получила отсрочку в наказании. И вред, нанесенный мною неприкосновенному, не так велик, раз он смог победить. Что ж, есть повод порадоваться.

Правда, радоваться не получалось, скорее, наоборот.

На уроках я сидела, как на иголках, плохо слушая учителей и с ужасом ожидания расплаты. Но ничего не происходило. Студенты — шепотом на занятиях, и с криками восторга — в перерывах, обсуждали вчерашнее состязание и блистательную победу Эша Вандерфилда. Всюду только и слышно было Вандерфилд то, Вандерфилд это, так что меня уже тошнило от этого имени.

И ожидание расплаты так меня извело, что стоило прозвенеть колоколу, как я взвилась с лавки и сама бросилась в крыло богатеев.

Постучать пришлось несколько раз. Трусливая Тина даже попыталась

убедить Справедливую Тину, что никого нет дома, а значит, можно отчаливать. Справедливая почти сдалась, но в этот момент дверь все-таки распахнулась. Вандерфилд — взъерошенный и сонный, вышел в коридор и зевнул, увидев меня.

— Надо же, сегодня ты решила явиться сама? И даже посылать никого не пришлось? Какая честь.

Он потянулся, незастегнутая рубашка распахнулась. И я уставилась на живот парня с четкими рельефными мышцами.

— А где ожог? — не поняла я.

Вандерфилд усмехнулся, явно забавляясь.

Похоже, мой визит его разбудил. Зеленые глаза щурились от света, на щеке остался след подушки. И сегодня не было ни следа вчерашней злости. Парень выглядел на редкость довольным и расслабленным, в уголках губ таилась улыбка. И даже на меня он смотрел без привычного высокомерного прищура, скорее снисходительно.

Похоже, вчерашняя победа в каком — то состязании привела Эша в прекрасное расположение духа. Я вздохнула свободнее. Раз ожога нет, и парень доволен жизнью, то может, и мне можно не волноваться?

— Рада, что с тобой все в порядке...

— А мне кажется, ты надеялась увидеть на мне жуткую рану, — насмешливо протянул он.

Я задохнулась и сжала зубы.

— Ты ошибаешься. Я переживала...

— Переживала за свою шкуру? Боишься наказания? Правильно делаешь.

Он усмехался, а мне вдруг ужасно захотелось снова приложить его чем-нибудь тяжелым. Зря я волновалась. И совсем забыла, что у богачей есть волшебные мази и лекарства, способные исцелить и не такие ожоги. А я — то ночь не спала, мучилась...

— Раз все отлично, я пойду, — процедила сквозь зубы.

Развернулась, но не тут-то было.

— А кто тебя отпустил? И кстати, за вчерашнее придется ответить, пустышка. Мне не нравится, когда меня гладят горячим утюгом.

— А мне не нравится, когда меня припирают к стене! — вспыхнула я, оборачиваясь. — Ты мне угрожал!

— Я тебе обрисовывал перспективы, — Вандерфилд шире распахнул дверь. — Твои обязанности тебя ждут. Входи.

Скрипнув зубами, я поколебалась на пороге. Но может, лучше сейчас не спорить? Вымою его проклятые полы, и гад от меня отстанет?

Шагнула в полутемное помещение, моргнула, привыкая. В комнате горела лишь одна настольная лампа под абажуром, и после ярко освещенного коридора я видела лишь тени. Дверь позади захлопнулась.

— Ты привел нам развлечение, Эш? — хрипло произнес развалившийся на белом диване Ривз. Незнакомый парень в кресле поднял бокал с вином, с другой стороны хмыкнул ещё один.

Я попятилась и наткнулась спиной на тело Вандерфилда. Отскочила от него, как ошпаренная.

— Я зайду позже...

— Зачем же? — откровенно усмехнулся Ривз. Двое других смотрели с ленивым интересом. Ривз нагло улыбнулся и перевернул свой бокал, выплескивая на пол вино. — Твоя поломойка плохо выполняет свои обязанности, Эш.

Я сжала кулаки, с ненавистью глядя в усмехающиеся лица богатых придурков. На миг мелькнула жуткая мысль, что одним унижением дело не закончится. Но ведь Брин уверяла, что неприкосновенные не трогают таких, как я. У них жители Котловины считаются грязью, отбросами. Для них позор к нам прикасаться. «В тебе нет ничего чистого», — так сказал вчера Вандерфилд.

Значит, меня они не тронут, так и будут глумиться, расплескивая вино и заставляя убирать. Сволочи.

— Девочка туго соображает? — протянул тот, что сидел в левом кресле. Его русые волосы свисали до плеч, на левом виске белел выбритый символ.

— Она из Котловины, Эдди, — хмыкнул Ривз.

— Это заметно, — скривился второй, темноволосый. — Вандерфилд, ты не мог найти кого-нибудь почище? Смотреть ведь больно.

Мои ногти впились в ладони. Смотреть больно? Да чтоб у тебя глаза лопнули!

— Она меня сама нашла, — негромко отозвался за спиной Эш.

— Вечно тебя все сами находят, — проворчал Эдди, остальные рассмеялись.

— Убери здесь, — снова усмехнулся Ривз. — Живо.

Я повернула голову и встретила взгляд зеленых глаз. Вандерфилд так и стоял позади. На миг показалось, что он отпустит меня, прекратит это. Но Эш равнодушно пожал плечами.

— Забыла, где ведро?

Я смерила его презрительным взглядом, задрала подбородок и скрылась за дверью кладовой. Пока набирала в ведро воду, убеждала себя,

что ничего страшного не происходит. Ну хочется этим гадам смотреть, как я мою пол — пусть смотрят. Если их это забавляет, это их проблемы!

Со шваброй в руках вернулась в комнату и, не глядя на парней, вытерла разлитое вино. За спиной плеснуло — это Эдди опрокинул свой бокал. Я до белых костяшек обхватила древко швабры, молча развернулась и вытерла. Но тут же плеск раздался со стороны незнакомца в кресле.

Краем глаза я видела усмешки. Похоже, парни не впервой так развлекаются. Сидят, попивают вино, обсуждают состязание, и попутно гоняют прислугу, словно комнатную собачку. Очень весело. Мои руки задрожали от ненависти. Как бы я хотела треснуть этой шваброй по наглой роже Ривза или Эдди. А ещё больше — Вандерфилда, стоящего у стены и молча наблюдающего. Отдубасить как следует, что бы вбить в большую голову уважение к людям. Его лицо скрывала тень, не давая увидеть выражение. Хотя на что там смотреть? Все как всегда — высокомерие и снобизм!

А я — то наивно полагала, что Вандерфилд меня простил, и наказания за ожог не последует. Бездушные не прощают. Как я могла об этом забыть?

Плески раздавались со всех сторон. Стоило убрать у дивана, как вино брызгало возле кресел. Я молчала, изо всех сил сдерживая злость. Не позволю увидеть этим гадам мои эмоции. Не за что не позволю!

— Мне кажется, ты не справляешься, — протянул Ривз. Его темные глаза влажно блестели при свете лампы. — Может, тебе попробовать без швабры?

Я задыхнулась. То есть я должна ползать перед ними на коленях? Да ни за что. Вцепилась в деревянную ручку с такой силой, что та скрипнула!

— Я справляюсь, — сквозь зубы проговорила я, пытаюсь не сорваться.

Ривз подался вперед, опершись локтями о колени.

— Здесь очень жарко, правда, пустышка? У тебя пот на висках.

Жарко? Стоило ему сказать это, и горячая волна прокатилась по телу. И правда, как же здесь жарко... почти невыносимо. А мое платье из такой плотной ткани. Да еще и теплые шерстяные чулки...Если расстегнуть верхние пуговицы, должно стать легче. Плохо соображая, я вытащила костяные бусины из петелек, оголяя шею и верх груди. Руки сами собой потянулись к заколке, распуская волосы. И все равно жарко. Снова выплеснулось вино. Кажется это сделал Эдди...И я вдруг испытала жуткое желание, чтобы жидкость вылилась на меня. На горящую кожу. Может, тогда я хоть немного остыну!

— Жарко... — прошептал Ривз, не спуская с меня темных, лихорадочно горящих глаз. — Хочешь?

Я дернула головой, разворачиваясь к нему. Он смотрел, не мигая. В руке покачивался бокал. Я сделала шаг, приближаясь. Пальцы парня опустились в вино и капли брызнули на мое тело, в раскрытый ворот. Ривз втянул воздух, наблюдая.

И мне хотелось податься к нему навстречу...

К этому придурку?!

Да что со мной?!

Ужас сдавил горло. Стою растрепанная посреди комнаты, с пульсирующими висками, расстегнутым почти до пояса платьем и спущенным с левой ноги чулком. Когда я его сняла? Как? Что происходит?!

Швабра со стуком выпала из рук. Я стянула края ворота, запахла, закрываясь. Затравленно осмотрелась.

Парни уже не улыбались, в их взглядах сквозило что — то совсем иное. Ничего общего со смехом. Они подобрались, словно каждый готов был вскочить, чтобы...

— Не останавливайся, — хрипло приказал Ривз. — Жарко...

Я прижала ладонь к горлу, мотая головой. Перед глазами плыло, тело горело. Надо бежать... Бежать. Иначе это все закончится плохо. Для меня. Это уже очень плохо, раздери меня виверна. Да, ко мне не прикасались. Но еще несколько минут — и я разденусь сама!

Ужас и ярость смешались внутри, помогая сбросить туман.

— Ты прав. Жарко. Остудись!

Из последних сил я подхватила ведро и вылила грязную воду на голову Ривза, не пожалев дорогой диван!

— Какого хрена?! — совсем не аристократично завопил парень, вскакивая и отряхиваясь.

Я же метнулась к двери и наткнулась на застывший взгляд Вандерфилда. Что выражало его лицо — не понять. Может, он в бешенстве, что я испортила ещё одну дорогую вещь? Но мне было уже наплевать. От обиды и ненависти перехватывало горло.

— Сволочь, — выдохнула я, глядя в потемневшие до черноты глаза. — Ты уже убил меня. Тебе мало? Мало?. Ненавижу тебя.

Красивое загорелое лицо побледнело. Вандерфилд стоял между мной и дверью, и не думая, я со всех сил толкнула его в грудь, заставляя отступить. А потом метнулась в коридор. И снова я неслась прочь от двери с цифрой «семь». И снова не знала, что со мной будет завтра. Но на этот раз я не боялась. Если Эш Вандерфилд решит наказать меня, я расскажу то, что он надеется скрыть. Расскажу, что именно случилось со мной на реке.

## Глава 9

Каким-то непостижимым образом ноги снова принесли меня в ту же пустую ученическую, что и вчера. Я упала на лавку и уткнулась горящим лбом в ладони. Правда, ненадолго.

— Ты помнишь, — хриплый голос за спиной заставил вздрогнуть и обернуться. Вандерфилд стоял возле двери, лунный свет делал его лицо старше и жестче.

Я медленно выпрямилась. Сквозняк охлаждал голую коленку. Один чулок остался в комнате гада, и я подумала, что так останусь совсем без одежды!

Отвечать смысла не было.

— Почему ты помнишь? — он сделал ко мне шаг.

— Как ты меня нашел?

И правда, как? Я сама не знаю, как оказалась в этом помещении. Он недовольно скривился и сделал еще шаг.

— Не подходи, — зашипела я. — Не смей!

Он остановился на границе света и тени.

— Ты не можешь помнить. Ты лишь пустышка. У тебя нет защиты. Ты не можешь помнить!

Я пожала плечами. Потому что и сама не знала, почему не поддалась приказу заклинателя.

— Так почему?

— Звезды не сошлись! — грубо бросила я. — Тебе не повезло, и я действительно все помню. И то, как меня принуждал раздеться твой дружок, тоже помню. Это я тоже должна была забыть? Ты это планировал? Или... или что-то похуже? Часто вы так развлекаетесь?

— Никто не собирался к тебе прикасаться! — рявкнул Вандерфилд.

— Не верю. Что еще вы мне приготовили? Пляски голышом на столе? Я все расскажу ректору, слышишь?

Вандерфилд так стремительно преодолел разделяющее нас пространство, что я вскрикнула. Его руки сжали мое лицо, как тогда, на реке, темные во мраке глаза смотрели с яростью.

— Слушай меня. Смотри на меня. Забудь меня. Ты никогда меня не видела. Никогда. Oblivis!

Он убрал руки и отступил на шаг.

— Похоже, сегодня звезды тоже не на твоей стороне, — насмешливо

протянула я.

Лицо парня исказилось, и он ударил кулаком по столу.

— Почему на тебя это не действует? Это невозможно!

— Может, у тебя нет способностей? — съязвила я.

Он снова шагнул ко мне, навис. Хотелось попятиться, но я заставила себя стоять неподвижно, подняв голову.

— Мои способности превосходят даже то, что ты можешь себе представить, пустышка, — высокомерно произнес Вандерфилд.

— Прекрати называть меня так, — процедила я.

— Почему же? Ты и есть пустышка. Слабая, беззащитная девочка из Котловины, которая выгрызла себе место в ВСА, а теперь строит из себя невинность. Интересно, как ты получила должность моей поломойки?

— Я ничего не строю. И ничего не выгрызала!

— Ты с такой готовностью поддалась влиянию Ривза, что смотреть было противно. И раздевалась со знанием дела. Видно, что этот процесс для тебя привычен. Понравилось? Хотела быстрее стащить с себя платье? Ривз мастер на такие штуки, а тебя, кажется, и принуждать не пришлось...

— Что? — опешила я. — Да как ты смеешь?!

Моя рука взлетела прежде, чем я успела подумать. И пропечаталась к щеке аристократа, оставляя белый след.

Вандерфилд обхватил мое запястье, сжал тисками. Его горло дернулось, губы сжались.

— За это можно на месяц угодить в казематы. Или за то, что обожгла меня. Знаешь закон о неприкосновенных?

— А на сколько угодишь ты, когда я расскажу о том, что ты толкнул меня в реку и оставил умирать? — бросила я ему в лицо. — Да, я лишь девушка из Котловины, но закон один для всех. И я могу здорово подпортить репутацию блистательному Эшу Вандерфилду!

Стальные пальцы сжались, причиняя мне боль.

— Ты не расскажешь, — очень тихо произнес он.

— В Магистерии меня спрашивали о том, как я упала, — я постаралась не скривиться от боли в запястье. — Я промолчала. Но могу и передумать!

— Почему тебя спрашивали об этом? — нахмурился парень.

— Потому что до падения у меня не было чар. Совсем. Я случайник!

— Что? — кажется, он опешил, а я удивилась.

— Ты ведь сам называл меня пустошкой!

— Так мы зовем всех людей с низким потенциалом, — рявкнул он. — Единица или десятка — неважно. Для моего уровня это одинаковое ничто.

Пустышки!

Мы застыли, глядя друг на друга. Вот значит, как. В Котловине пустышками называют лишь тех, у кого уровень чар равен нулю, то есть их вовсе нет. А даже крошечный потенциал — это уже почетно, уже достижение и дар. Но для черного сектора все иначе. Мы все для них слабаки, пустое место...

Эш нахмурился, лунный свет резко обозначил залегшие у губ складки.

— Значит, ты случайник? После падения в реку?

— Да!

Он откинул голову и рассмеялся. Только вот мне было совсем не весело.

— Ну, надо же. Какая ирония...

— Отпусти, — не выдержала я.

Он перевел взгляд на мою руку, которую все ещё сжимал. Так, словно только сейчас это заметил. А потом медленно посмотрел выше. На грудь, виднеющуюся в расстегнутом вороте — я так и не привела себя в порядок. На волосы. На губы.

И я снова ощутила жар. Другой. Не навязанный чужой волей. И этот огонь был гораздо сильнее и смертоноснее. Словно внутри ожил огнезмей, выжигая мне внутренности и сворачиваясь кольцом внизу живота.

Вандерфилд тяжело вдохнул, в свете луны я увидела, как сузились и расширились его зрачки.

— У тебя пульс частит, — тихо и как-то странно произнес он.

— Отпусти. Мою. Руку, — отдельно произнесла я. — Мне противно.

Он вскинул голову и разжал пальцы. А потом демонстративно достал белоснежный платок и вытер их. Смял дорогую ткань и кинул на стол, глядя на меня с уже привычным ледяным высокомерием.

Я обогнула его застывшую фигуру и метнулась к двери.

— Если ты случайник, то должна благодарить меня за тот вечер, — догнал меня ленивый голос. — Так и прозябала бы в своей Котловине. А теперь ты в ВСА. Вижу, даже крохотным шансом ты воспользовалась в полной мере. Я слышал, что девушки с окраины на все готовы ради лучшей жизни.

— Я попала сюда случайно, — хотелось орать. От его грязных намеков, от ледяного презрения. Орать, а еще лучше — снова ударить. Но я заставила себя держать спину прямо и говорить ровно.

— Ну конечно. Учебный год уже начался, у тебя не больше четырех единиц, и ты — в ВСА. Расскажи еще кому-нибудь эту сказку. Тебя должны были отправить в провинцию, ну или какую-нибудь захудалую школу на

окраине. Не сюда. Судя по твоему платью, ты нищенка, значит, в Магистерии предложила что-то другое.

Вандерфилд усмехнулся, сверля меня взглядом.

Я вздохнула. Тянуло поежиться, обхватить руками плечи, спрятаться от его взгляда. Но я лишь отступила в тень.

— Я жалею, что согласилась на обучение в ВСА. Вы отвратительны в своем высокомерии и даже не понимаете этого. Сборище капризных снобов и богатеньких придурков, которые не знают, что такое обычная человеческая жизнь. Лучше бы я уехала на север... — вскинула голову, глядя на Вандерфилда сквозь разделяющие нас полосы лунного света. — И я ненавижу тот вечер. И тебя ненавижу. Я умерла и прекрасно помню, каково это. За это нельзя быть благодарной. Я промолчала в Магистерии, но не смей прикасаться ко мне. Мне нужен год в ВСА, тебе нужно, что бы я молчала. Вот на этом и остановимся!

И снова он приблизился слишком быстро. А когда схватил меня за плечи, я с трудом удержала вскрик.

— Думаешь, ты меня испугала? Кто тебе поверит?. И я очень не люблю, когда мне угрожают, пустышка. Еще раз сделаешь это — и пожалеешь.

Я прикусила щеку, пытаясь не дрожать. Разжав руки, Вандерфилд толкнул дверь и вышел. А я привалилась к двери, обхватила себя руками. Жар исчез, как не было, и теперь я жутко мерзла...

\* \* \*

Следующий день прошел для меня, как в тумане.

Спала я снова плохо и проснулась раньше своих соседок. Разговаривать не хотелось, поэтому, тихо одевшись, я подхватила сумку и выскользнула из комнаты. Умылась, а потом отправилась бродить по коридорам ВСА. С картин на меня глазели люди и звери, под высокими потолками царила тишина, академия ещё спала.

Я остановилась возле светлой рамы, внутри которой умывался кот.

— Как мне попасть туда, где станет легче и радостнее? — спросила его. И усмехнулась своей глупости. Но все же отправилась в сторону, обозначенную кошачьим хвостом. Он привел меня к дверям столовой, и я рассмеялась. Пожалуй, усатый-полосатый знал толк в направлении.

— Ранняя пташка! — улыбнулась мне румяная кухарка, расставляющая булочки и запеканки. — Чего вскочила на заре?

Влюбленная, что ли?

— Голодная, — буркнула я, подхватывая поднос.

Женщина рассмеялась и подмигнула.

— А я думала, ты как он, — она кивнула в сторону незамеченного мною Томаса. Парень качал в руке кружку чая и невидящим взглядом рассматривал стену.

Поколебавшись, я остановилась рядом.

— Привет. А я считала, что явилась первой.

— У меня бессонница, — Томас поднял на меня покрасневшие глаза и накрыл рукой проволочную поделку, которую вертел, пока я не подошла. Кажется, еще один бутон. Парень смутился и спрятал его в карман.

— У тебя получился отличный цветок, — похвалила я, уже жалея, что подошла. — Ладно, я пойду, не буду мешать...

— Я давно научился, — вдруг ляпнул Томас и вздохнул. — Меня родители учили с детства. Материализацию я освоил почти сразу, как ощутил в себе дар. Лет в десять то есть. Я многое умею, но...

Я осторожно присела напротив, откусила булочку.

— Значит, только вид делаешь?

Парень уныло кивнул.

— Мне пора переходить к другому преподавателю. Тензия... ну, то есть госпожа Лебвест, она ведь обучает лишь основам материализации. А я не хочу к другому...

Конечно, ведь тогда красивую солнечную учительницу Томас будет видеть лишь в коридорах ВСА. Мы помолчали, раздумывая каждый о своем.

— Слушай, а ты не знаешь, как защититься от ментального воздействия? — решила я перевести тему, потому что первокурсник совсем приуныл. Даже аппетит мне чуть не испортил.

Парень мотнул головой, с трудом выныривая из омота любовных переживаний. Я дождалась, пока его взгляд станет осмысленным и повторила вопрос.

— Да как все, — удивленно протянул он, снова становясь собранным и дотошным до занудства студентом. — Если собственного потенциала не хватает, обратись к заклинателю-защитнику, тебе сделают амулет-экран. А еще лучше — поставят заслон на разум, правда, — он с сомнением глянул на мое платье, — это дорого.

— И столько стоит такой экран?

— Примерно сотню, — равнодушно произнес Томас, а я поперхнулась. Сто синов? Да где я возьму такие деньги?

— Вообще-то воздействие на разум запрещено законом, — поджал губы парень. — И если к тебе его применили, ты должна заявить в ректорат. — Он переложил с места на место булочку и добавил: — Только делать это лучше в течение десяти минут после воздействия. Потом следы стираются...

Я хмыкнула. Отлично. То есть доказательств никаких. И даже если бы я сплясала в комнате Вандерфилда голышом, то четверо богатеев нашли бы способ задержать меня после воздействия, чтобы след от вторжения в разум развеялся как дым. И все, кто поверит девчонке из Котловины? Особенно если мое слово будет против слов Вандерфилда, Ривза и остальных?

— У тебя что, защиты нет? — дошло, наконец, до Томаса. Его глаза стали такими круглыми от удивления, что я фыркнула. — Как можно явиться в ВСА без защиты? — не унимался парень, а я лишь рукой махнула.

Как-как... вот так. Не объяснять же, что совсем недавно я почти ничего не знала о мире Бездуш и о заклинателях. Жители Котловины редко с ними сталкиваются. И за оградой нам не нужны были экраны, чтобы защитить свой разум от чужаков.

— Получается, если нет защиты, то любой может воздействовать на мой разум? Заставить делать все, что угодно? Превратить меня в марионетку? — признаться, перспектива повергала в ужас.

— Конечно, нет. Где ты наслушалась этих сказок? — слегка высокомерно заявил Томас. Я смутилась. Где-где... На окраине и не такое шепчут о заклинателях!

— Чтобы пробиться через естественную защиту живого организма, нужен потенциал черного сектора и постоянные тренировки. Это довольно сложно, Аддерли. Большинство ментальщиков могут лишь раскачать какую-то одну твою эмоцию, ту, что поддается им лучше всего. Не зря ведь их называют резонаторами. Ты знаешь Магму Винс с шестого курса? Такая яркая брюнетка? — я угрюмо кивнула. Знаю, ещё как знаю гадину... — Так вот, Магма резонатор-агрессор. Раскачивает злость и ярость. Стоит их испытать, и Магма сможет довести твою эмоцию даже до желания ударить. Говорят, она очень способная. Или вот... госпожа Лебвест, — голос Томаса дрогнул. — Она истинный создатель. Даже крошечную радость в тебе раскачает до восторга. Заметила, как рядом с ней хорошо? Она необыкновенная!

Лицо парня засияло, взгляд осоловел, становясь мечтательно-тоскующим, и я поспешила вернуть его к реальности и нашему разговору:

— А Ривз? Друг Вандерфилда. Знаешь его?

— Ривз Клиффорд? — Томас задумался. — Кажется, у него что-то связанное с желаниями... чувственными. О таком не распространяются, сама понимаешь. Опытные резонаторы скрывают, какой именно эмоцией владеют. Но пока мы лишь студенты.

Я задумчиво крошила сладкую сдобу.

— Постой... но получается, что эти самые резонаторы раскачивают лишь то, что уже испытывает человек? Не внушают ему то, чего нет?

— Конечно, — Томас снова удивился. — Слушай, Аддерли, ты учебники отрывала? Это же базовые знания!

Я положила в рот кусочек сыра и принялась сосредоточенно жевать, что бы не отвечать. По хребту полз холодок понимания. Это что же получается? Значит, в комнате Вандерфилда Ривз усилил желание, которое уже было во мне? Аппетит пропал напрочь. Что за чушь? Я не могла испытывать желание раздеться перед богатенькими аристократишками. Я не могла испытывать жар и чувственное удовольствие. Я просто не могла. Это все чужое, навязанное!

Или...

На миг вспомнилось, как я стояла в коридоре и смотрела на сонного и взъерошенного Эша. Тогда он казался таким расслабленным. Почти улыбающимся. И... привлекательным. Я даже подумала, что будь он таким всегда, мы могли бы подружиться...

Меня затошнило.

— Эй, Аддерли, тебе плохо? Ты побледнела.

Плохо. Мне очень, очень плохо. Неудивительно, что Вандерфилд кидал мне в лицо грязные намеки. Он-то знал, что нельзя внушить то, чего нет... Искра моего интереса была крошечной, почти ничтожной, но Ривз разжег из нее пламя.

Я натянуто улыбнулась.

— Все в порядке. Прикидываю, где мне достать этот защитный экран. Ну... на всякий случай.

Томас потарабанил пальцами по столу, глядя на меня с подозрением. Он явно хотел что-то сказать, но не решался.

— Что? — не выдержала я.

— Я мог бы сделать для тебя защитный амулет. Не за деньги, — выдавил он. — Только... — Томас оглянулся, но кроме нас в столовой по — прежнему никого не было. Даже кухарка ушла, накрыв булочки полотняной салфеткой. — Только без диплома и лицензии это запрещено. И если бы я не был уверен, что ты из Котловины...

Я так обрадовалась, что схватила парня за руку. Ну, хоть в чем-то повезло. Кто бы мог подумать, что мое старое платье и место проживания поможет в решении столь важного вопроса!

— О, ты действительно можешь? Ты сделаешь? Проси, все, что хочешь. Ну, в пределах разумного, конечно!

— Спокойно, Аддерли, — в уголках серьезных губ обозначилась улыбка. — Ты должна понимать, что я не специалист, хотя кое-что умею, не сомневайся. А взамен...

Он посмотрел с сомнением, я прижала ладонь к груди.

— Все, что хочешь. Кроме денег и моей невинности!

Парень фыркнул.

— Сдалась мне твоя невинность. Научишь меня... общаться с девушками.

— Что?

— Общаться с девушками. Я не умею. Совсем. — Томас горько вздохнул. — Веду себя, как идиот, мычу и краснею. Поняла?

— Поняла! — завопила, сдержав улыбку. Похоже, меня Томас за девушку не считает, вон как болтает. Но мне это лишь на руку. — Прекрати хмуриться и улыбнись!

— Что?

— Улыбнись. Ты очень серьезный. А девушки любят или весельчаков, или загадочных мрачных типов. А ты умник, да еще и напыщенный. Такие девушкам не нравятся.

— Да? А вот моя мама говорит, что девушки любят образованных парней с хорошими манерами, а улыбки без причины — признак глупости. Что-то я начинаю сомневаться в твоей компетентности по данному вопросу, — протянул парень.

— Да я специалист, хоть лицензию выдавай! — убедила я. Защита мне нужна позарез, а кроме Томаса желающих соорудить амулет не наблюдается. — Поверь, у меня огромный опыт в любовных делах. И что-то советы твоей мамы пока не очень помогают, насколько я вижу. Так что слушай меня и... улыбайся!

Однокурсник глянул косо и выдавил кривую улыбку, больше похожую на оскал.

— Отлично, — с энтузиазмом похвалила я. — Но надо ещё поработать. У тебя все получится. То есть, у нас!

Томас снова сгорбился и уныло кивнул, я же подумала, что придется помучиться, прежде чем из него выйдет хоть что-то путное. Но выбора у меня все равно не было.

— Надо найти помещение для тренировок, — выдала я. — О, знаю. На третьем этаже есть заброшенная ученическая, я покажу.

— Мне понадобится несколько дней, что бы сделать экран, — кивнул парень. — И надо добавить в него твой материал. У тебя ведь проволока?

Я кивнула, хотя вовсе не была в этом уверена.

— Тогда встретимся после уроков?

— Нет, сначала я изготовлю защиту, — не согласился однокурсник. — Вдруг не получится... — где-то наверху запел колокол, и парень поднялся. — До встречи, Аддерли.

— Улыбка, Томас, — напомнила я.

Он снова оскалился, и я вздохнула.

— Да, работы здесь немало, — задумчиво пробормотала я ему в спину.

И все же утренний разговор меня приободрил. Немного. Потому что дальнейшая судьба и обучение в академии все еще были под вопросом. Преподавателей я слушала невнимательно, снова и снова прокручивая в голове произошедшие события. И даже насмешки сокурсников по поводу моего платья, прически или отсутствия необходимых тетрадей и перьев сегодня я почти не слышала.

К счастью, все занятия сегодня проходили среди первогодок, а они были не такими высокомерными и напыщенными, как их старшие собратья. Так что мне удалось тихо отсидеться в углу, почти не привлекая к себе внимания.

Согласно моему расписанию в списке обязательных у меня числилось семь предметов. Не так уж и много, если подумать. По ним я должна буду сдать несколько экзаменов, первые зимой, после Ночи Тысячи Свечей. И еще два — промежуточный весной и итоговый в конце учебного года. За каждый предмет мне начислят баллы. И чем они будут выше, тем больше у меня шансов попасть на хорошую работу.

Дополнительно можно посещать и другие занятия — необязательные, если у меня хватит сил, времени и способностей. Если захочу — можно даже сдать по ним экзамены в рамках вольнослушателя и тоже заработать баллы, что прибавит мне шансов на успех в дальнейшей жизни.

И если все получится, то я стану обладательницей заветной корочки «заклинатель общего профиля». С таким дипломом можно найти работу младшего специалиста в конторе по улучшению бытовых вещей или устроиться помощницей к магу высокого уровня, или выращивать зачарованные растения. Да... да куда угодно. Полно мест, где нужна трудолюбивая выпускница ВСА!

От перспектив у меня даже голова закружилась. Диплом столичной

академии — это невероятная удача. Да я готова зубрить заклинания круглыми сутками, без сна и отдыха, чтобы к летним экзаменам набрать максимально возможное количество баллов!

Вот только... осталось решить проблему в виде Вандерфилда!

А ещё терзали размышления о судьбе моих пропавших вещей. Как их искать — я не имела понятия. Может, надо заявить в ректорат? Или сказать кому-то из преподавателей, например, моему куратору по вольнослушателям — рассеянному старичку, который лишь махнул рукой, когда я нашла его и представилась.

Может, и надо, но мне совершенно не хотелось привлекать ещё больше внимания к своей персоне. В меня и так чуть ли не пальцем тыкали, стоило появиться в коридоре или на лестнице. Не хватало ещё сплетен о пропавшей юбке.

Я вздохнула. Похоже, с вещами можно попрощаться. Кто бы их ни стащил, следов воришка не оставил. И что означала надпись «ты пожалеешь»? Мог ли это написать... Вандерфилд?

Я насмешливо фыркнула. Представить высокомерного гада, воруящего в темноте старенькие поношенные вещи, не удавалось. Не тот у Вандерфилда размах. И тающая фраза — не его уровень. Если Эш угрожает, то глядя в глаза, и так, что волосы дыбом.

А проделка со мной больше похожа на... женскую месть!

Я подперла кулаком подбородок, сидя в уже облюбованной мною заброшенной аудитории. Приходить сюда стало привычкой, к тому же, в тишине мне лучше думалось.

Неужели мои вещи украла девушка? Может, та же Ари, влюбленная в Вандерфилда?

Я покачала головой. Судя по всему, у белобрысого аристократишки в академии целая армия поклонниц, готовых восхвалять божественного Эша. И любая из них могла вспылать ко мне ненавистью, решив, что я слишком близко подобралась к их кумиру.

— Сдался он мне, — буркнула я в пустоту. — Глаза бы мои не видели!

## Глава 10

Похоже, мое пожелание сбылось, по крайней мере, частично. Вечером предвыходного дня, когда я уже предвкушала поездку домой, меня догнала на лестнице запыхавшаяся студентка с кокетливым бантом у горла.

— Аддерли, стой. Вот! — я с изумлением уставилась на ключ, который она сунула мне в руку.

— Что это?

— Ты не видишь? Эш велел убрать к его возвращению. В понедельник все должно сиять. Смени постельное белье, вымой полы и протри пыль. В общем, сама знаешь, ты же прислуга!

— А он где? — глупо спросила я.

— Уехал, — она довольно сверкнула глазами, явно радуясь моей неосведомленности. — К отцу. Что-то важное и семейное. Ты ведь понимаешь. Ван-дер-филды!

Я глубокомысленно кивнула, сдерживая улыбку. Право, студентка с таким видом произносила эту фамилию, словно речь шла как минимум о святом Фердионе или короле!

— Чтобы все блестело! — наставила она меня на путь чистоты и унеслась.

Я же задумчиво сжала в ладони тяжелый ключ.

К двери с цифрой семь я подбиралась с опаской, так и казалось, что внутри ждет засада. Сердце гулко ударило в ребра, стоило вспомнить свой последний визит в эти комнаты. Усмехающиеся лица парней, застывшее — Эша... И тихий приказ: жарко...

Я сглотнула и со злостью повернула ключ в замке, запрещая себе бояться.

Но внутри было тихо и пусто. Сквозь незашторенные окна лился вечерний свет, освещая разобранную смятую постель, разбросанные вещи, небрежно скинутые на стол учебники и тетради. Похоже, собирался Эш в спешке. Я почти видела, как он двигается по этому ковру — босой, в одних штанах. Ерошит светлые волосы, достает и небрежно отбрасывает вещи. Его не волнует, помнется ли дорогая ткань, и тем более не беспокоит беспорядок. Ему безразлично, что будет думать прислуга, собирая с пола рубашки, брюки и даже нижнее белье. Ему наплевать. Потому что я для него такой же предмет обстановки, как кресло или комод. Ах, нет. Кресло и комод дороже!

От этих мыслей я испытала желание пнуть как следует синий свитер, валяющийся под ногами, даже ногу занесла, но... не смогла. Я с детства привыкла дорожить вещами, беречь то небольшое, что у меня было. И эта привычка въелась под кожу настолько, что учиненный Вандерфилдом погром вызывал негодование. Ну как можно обращаться с одеждой столь небрежно?. К тому же, вещи не виноваты в том, что их хозяин сволочь.

Я подержала в руках свитер. Теплый и мягкий, и совсем не колючий, надо же...

Осторожно ступая, обошла комнаты, трогая мебель и восхищаясь. Без нервирующего присутствия хозяина я смогла оценить красоту апартаментов. Мебель, ткани, ковры, В углу даже имелся небольшой охладительный шкаф, забитый дорогими продуктами. Но их я рассматривать не стала, захлопнула дверцу и даже отошла подальше. Дома наемся.

Закатав рукава и подобрав подол, я уже привычно набрала ведро воды. Тряпку пришлось взять новую, старой почему-то на месте не оказалось. Похоже, Вандерфилд ее просто выкинул. Поражаясь жуткому расточительству богачей, я приступила к уборке. Вещи Вандерфилда, поколебавшись, убрала в шкаф, аккуратно развесив на плечиках. Тонкая ткань мужской рубашки пахла льдом и темнотой и от этого у меня кружилась голова и дрожали руки.

Стараясь не дышать, я сложила некоторые вещи в пустую корзину для грязного белья и задумалась, не входит ли в мои обязанности стирка. Пока Эш ничего об этом не говорил, впрочем, мы ни разу нормально и не разговаривали. И кто-то ведь должен стирать?

Заглянув в огромный шкаф и убедившись, что одежды у наследника династии хоть отбавляй, я решила, что без стирки он пока переживет.

Наводить порядок в тишине и спокойствии оказалось делом быстрым. Уже через два часа полы и все поверхности радовали отсутствием пыли, ванная комната сверкала, а учебники выстроились аккуратно стопками на полках.

Кровать я тоже застелила, заменив белье и накрыв пледом и стараясь не думать, что происходит на этом матрасе по ночам. И кто делит подушки с белобрсым гадом. Может, та самая красотка с бантом? Потому у нее и был ключ?

— Вот это мне точно неинтересно, — буркнула я, припечатывая рукой угол пледа.

Из-под ножки кровати белел лоскут и, вытащив ткань, я с удивлением узнала ту самую испорченную мною рубашку. Похоже, Эш просто пнул ее

ногой в тот день, и она залетела под кровать!

Я погладила тонкий шелк. Нежный, прохладный, ласковый. Так и льнет к пальцам. И темный след от утюга совсем небольшой, на краешке полы. Заправь в брюки — и не видно, носи да радуйся. Вот только это не для сноба Вандерфилда.

Потоптавшись в нерешительности, я аккуратно сложила рубашку и сунула в свою сумку. Спрошу у тети, как свести пятно, она в таких делах мастерица. И верну Вандерфилду, пусть подавится!

С чувством хорошо выполненного долга я вернула ведро на место, вымыла руки и покинула чужие комнаты. Сжала ключ, размышляя, что мне с ним теперь делать. Может, надо вернуть девушке с бантом? Но я не знаю ее имени, да и искать не хочу. Лучше отдам самому хозяину в понедельник.

А теперь — домой!

\* \* \*

Мне повезло, успела на последний вагончик, катящийся от академии к ажурной ограде. Первые учебные дни в ВСА показались мне вечностью. И выйдя на порог в своей куртке и старой шапке, вдохнув вкусный студеный воздух, я с удивлением поняла, что за стенами по-прежнему поздняя осень.

Вагончик довез меня до заброшенного сквера, за которым темнели приземистые дома. Я пролетела знакомой с детства улицей и ворвалась в дверь, которую открывала тысячу раз.

— Тетя, дядя. Я дома! — закричала с порога.

— Тина! — ахнула тетушка, появляясь из кухоньки. — Девочка моя. Приехала. Истощала. Побледнела. Совсем-совсем плоха стала. Заморили девочку знаниями!

— Маргарит, хватит причитать! — гулко отозвался дядя, выкатываясь в коридор на своем кресле. И тут же протянул руки, раскрывая объятия. Я бросилась в них, ощущая, как уходят все неприятности и печали. Так было всегда — здесь, за защитой этих стен и этих рук, любые беды казались мне незначительными и легко решаемыми.

После дяди я обняла тетушку, стерла с пухлой щеки слезинки.

— Ну, зачем ты плачешь, я ведь дома. И ужасно проголодалась!

— Мы думали, что ты приедешь лишь утром, — засуетились родственники. — Суп будешь?

— Да! — завопила я.

Мне до дрожи хотелось горячего, соленого, перченого и чего угодно,

что не булки и каша!

Тетя всплеснула руками и потащила меня к столу, суетясь и причитая. Заплясал желтый огонь под кастрюлькой, и уже через несколько минут передо мной возникла огромная тарелка исходящего паром супа, а рядом легла краюшка ржаного хлеба, натертая солью. Тетя и дядя знали, что я детства обожала грызть именно хлебный край, и всегда оставляли мне это лакомство. На миг вспомнился холодильный шкаф Вандерфилда, пачки дорогих сыров и окороков, южные фрукты, которым я даже не знала названия, и другие деликатесы.

Мотнула головой и с наслаждением сунула в рот первую ложку.

— Вкуснятина! — с восторгом промычала я.

— Оголодал ребенок, отоцал! — снова запричитала тетя.

— Просто соскучилась по твоей похлебке, — успокоила я. Жаловаться родственникам точно не буду.

— Ты уже научилась заклинаниям? — с горящими глазами и шепотом протянула тетушка.

— Дай девочке поесть, — вмешался дядя, но я видела, что и ему интересно, как прошли мои дни в академии. Так что, прикончив тарелку супа и уже лениво поедая вторую, я начала рассказывать. Говорила о чудесных картинах-указателях, о солнечной Тензии и моих соседках — Шелли и Брин. А еще о цветке, созданном Томасом и забавном занятии «погружении в пустоту». В общем, обо всем, что можно было рассказать родственникам, не опасаясь их расстроить.

— А тот старшекурсник, к которому тебя определили в помощницы? — вспомнила тетушка. — Вы поладили? Он тебя не обижает?

— Что ты, все прекрасно! — бодро отозвалась я. — Да мы и не видимся почти, а работы там на пять минут, не переживай. Смахнуть пыль влажной тряпкой — и все!

Тетя снова что-то закудаhtала, я же уткнулась в тарелку, пряча лицо. А когда подняла голову, наткнулась на внимательный взгляд дяди. У седых бровей залегла тревожная складка, натруженные руки с узлами вен крепче впились в ручки самокатного кресла. Последние несколько лет дядя почти не мог ходить, потому и смастерил себе такое сидение на колесах. Я послала ему улыбку, надеясь, что смогу обмануть дядину тревогу. В отличие от своей добродушной и наивной жены, Рафус Аддерли хорошо знал этот мир и не обольщался насчет тех, кто живет за оградой. И, похоже, моему довольному лицу и бодрым рассказам он не поверил.

Но промолчал. Лишь горько сжал мозолистыми руками грубые подлокотники кресла и голову опустил.

— Кстати! — воскликнула тетя. — К тебе приходил парень, Тина. Искал тебя, спрашивал. Красавец!

— Какой парень? — удивилась я.

— Как же зовут... — тетушка наморщила лоб. — Совсем я плоха памятью стала... Он сказал, что ждал тебя много дней у статуи святому Фердиону. А потом решил узнать адрес у девушек, что крутятся у катка. Только они тебя не знали, но он решил не сдаваться, и вот. Йен. Его зовут Йен!

— Йен? — мое удивление переросло в изумление.

Но я совсем забыла о парне, к которому торопилась на свидание в тот злополучный вечер. Пару раз мелькнуло сожаление, но не больше. После купания в ледяной реке мне было не до романтических мыслей.

— Он меня искал?

— И нашел! — торжественно заявила тетя. — Кто-то сказал ему, что ты помогаешь мне в мастерской, вот он и явился. Очень настойчивый и красивый юноша, Тина. Столько сил приложил, чтобы найти тебя!

— Вряд ли у нас что-то получится, — развела я руками. — Мне надо учиться.

— Ты могла бы поговорить с мальчиком, — огорчилась романтично настроенная тетя. — Он оставил для тебя письмо. Вот, посмотри!

На стол лег запечатанный желтый конверт.

— Такой красивый и вежливый юноша!

Я помрачнела, не вовремя вспомнив о других юношах. Тех, что поджидают за стенами ВСА.

— Не думаю, что стоит давать парню надежду. У меня впереди год учебы, кто станет столько времени ждать? Пусть уж лучше найдет себе хорошую девушку из Котловины и будет счастлив.

Тетя расстроено кивнула, признавая мою правоту. Я же повертела конверт в руках и засунула в ящик стола, не открывая. Наши дороги с красивым темноглазым парнем разошлись, и нет смысла читать послание. Пусть лучше Йен так и останется для меня несбывшейся мечтой с фиалкой в руке.

На кухоньке мы засиделись допоздна, и лишь когда тетя начала клевать носом разошлись по кроватям. Я свернулась на родном узком ложе, вдыхая запах сухой лаванды, которую тетя зашивала в подушку, и размышляя о том, как не похож мой мир на тот, за ажурной оградой. Здесь все было привычно и понятно. Дешевая обстановка и еда, простые люди и их проблемы... Если бы не падение в реку, я могла бы выйти замуж за Йена, поселиться в соседнем квартале и о богачах Бездуш слушать краем уха, как

о чем-то невероятном. И мне такая жизнь была по душе. Но судьба распорядилась иначе, а значит, я обязана принять с благодарностью жизнь иную.

С этими мыслями я и уснула.

\* \* \*

День дома пролетел, как несколько минут. Казалось, только приехала, а уже снова пора возвращаться в академию.

Помня о потерянных вещах, пришлось достать еще одно платье. Когда-то оно считалось в Котловине модным, но теперь, глядя на рукава-буфы, узкий воротничок и длинную юбку из клиньев, я понимала, что этот наряд вызовет очередную волну насмешек среди студентов ВСА. Правда, выбора у меня не было, ходить в одном и том же платье всю неделю совершенно невозможно!

Вдобавок сунула в сумку наряд для уборки — широкую юбку с заплатками и блузку без рукавов. Появляться в таком виде на публике — стыдно, а вот для мытья полов — в самый раз!

Напоследок достала из тайника завернутую в тряпку пачку синов — откуп Вандерфилда в тот роковой день. Эти деньги могли бы решить множество моих проблем. На них можно купить необходимые мне ученические принадлежности и даже академические обеды. Шелли сказала, что за дополнительную плату я вполне могу питаться в столовой ВСА. Кормят там вкусно, сытно и недорого, если сравнивать со столичными ресторациями и даже небольшими тракториями. Но недорого по меркам неродовитых, но все же не нищих, как я, девушек. Для меня же расценки академии оказались слишком высокими.

Но сколько я продержусь на одних завтраках?

Думать об этом не хотелось.

И пользоваться деньгами, полученными за смерть, тоже. Надо вернуть сины Вандерфилду вместе с курткой. Швырнуть в лицо. Но вдруг они мне понадобятся в качестве доказательств? Если белобрысый гад не оставит меня в покое, как бы не пришлось свои угрозы осуществлять.

Я снова вздохнула и сунула деньги обратно в тайник. Как бы я ни пыталась держать лицо, но все же понимала — не мне бороться с Вандерфилдом. Даже если моему рассказу о происшествии на реке поверят, где гарантия, что я не сделаю хуже лишь себе? На стороне Эша сила и власть, а что у меня? Лишь честное слово — сомнительное достоинство в

королевстве Бездуш.

Нахмурившись, я поднялась. Хватит терзаться сомнениями, пора возвращаться к учебе!

Тетя дополнила мой груз мешочком сушеных яблок, кусками домашнего сыра и ржаными краюшками, так что я повеселела. Теперь у меня будут не только завтраки, но и вполне сносные ужины. А потом я что-нибудь придумаю, обязательно!

Днем я попросила тетю помочь с пятном на рубашке нанимателя. Родственница замахала руками, как крыльями, запричитала:

— Тиночка, ты только посмотри, какая тут ткань. А какой крой. Ох, милая. Да это же рубашка от «Эклена Вирда». Святой Фердион, да я его вещи лишь на витрине и видела, один раз, когда мы с Руфусом гуляли в Бездуш. Там стоимость такая, что потом кошмары снятся. Солнышко, но как ты смогла посадить пятно?

— Вот как-то смогла, — развела я руками. — Утюг передержала...

— Милая, но это невозможно! — простодушно захлопала глазами тетя. — Вещи от «Эклена Вирда» всегда зачарованы. Эклен славится тем, что испортить его одежду просто невозможно. О стойкости таких вещей легенды ходят. Да их можно в костер кинуть, и то целехоньки останутся. А тут пятно...

Я опустила на край старой кушетки, задумавшись. А ведь и правда. Я слышала о самом известном производителе одежды для богачей, просто со всеми моими неприятностями забыла об их легендарной стойкости. И если вспомнить, то и утюг Вандерфилда был от известного ремесленника, изготавливающего агрегаты с гарантией от повреждения тканей!

Растерянно повертела рубашку в руках. Но вот же оно — пятно. Которого там просто не могло быть. Но есть.

Тетя уже что-то говорила о смеси соды и ядерной настойки, способной убрать темный след с дорогого шелка, а я сидела, оглушенная. Странно все это...

— Не надо ничего сводить, — решила я, убирая рубашку в сумку. — Пусть так...

Провожать до станции тетя не пошла, захлопала у двери носом, причитая, что дитяtko снова уезжает, и дядя отправил ее в комнату — страдать. А сам остановился у дверей, поглядывая на меня из-под нахмуренных бровей.

— Тина, — начал он, — ты ведь знаешь, что мы с Маргарет тебя очень любим? И желаем счастья. Я всегда считал тебя своей дочерью, с того момента как... — он нахмурился ещё сильнее, путаясь в словах. Дядя не

мастак произносить речи. — Тот парень, Вандерфилд... если он дурно с тобой обращается... Или кто-то другой... Ты можешь послать эту академию к бездновым исчадиям. И вернуться домой. И все станет, как прежде!

Я наклонилась и ласково чмокнула дядю в щеку.

— Не переживай, у меня все замечательно. Ну кто меня обидит? Ты ведь сам всегда говорил, что твоя маленькая Тина задаст жара всем обидчикам. Помнишь? Ну вот. Все будет хорошо!

Торопливо спускаясь по узкой лестнице с щербатыми ступеньками, я сжимала зубы. Нет, дорогой мой дядя. Как прежде уже не станет.

И уже на улице, проверив по привычке свою сумку, я обнаружила внутри желтый конверт Йена. Значит, тетя не удержалась и сунула мне послание. Что ж, прочитаю в академии, делать это в забитом людьми вагончике не хотелось.

## Глава 11

На этот раз втиснуться в дребезжащий вагончик мне удалось лишь с третьей попытки. И как оказалось, я перепутала состав, пришлось пересаживаться, а после бежать к академии, что бы не опоздать. Я едва успела скинуть свою сумку в комнате синего крыла, как завопил колокол, извещая о начале занятий. Пока я разобралась со своим расписанием, пока нашла нужную ученическую, студенты уже расселись по своим местам. К счастью, я почти успела. А к несчастью — занятие на этот раз оказалось смешанным, на нем присутствовали как первогодки, так и старшекурсники. И я чуть не застонала, увидев высокомерные лица Лиссы, ее темноглазой подруги, а также Ривза и Эдди. Последний, увидев меня, что-то сказал на ухо приятелю, и оба ухмыльнулись, продолжая меня разглядывать. Я споткнулась. Вандерфилд тоже здесь? Но светлых волос и зеленых глаз я не увидела, сколько не вертела головой. Ривз смотрел на меня, не мигая, как тогда, в комнате. Ужасно захотелось развернуться и уйти, но куда я денусь из стен ВСА? Прошлую неделю мне удачно удавалось избегать неприятных студентов, но вот сейчас бежать было некуда.

Да и надоело мне убегать!

— Ты ошиблась дверью, — с насмешкой протянула Магма.

— Но у меня эта ученическая в расписании, — нахмурилась я, комкая в руке листок.

— Ученическая? Вы слышали? — Брюнетка презрительно подняла брови. — Это аудитория, девочка. Попытайся запомнить это слово. Хотя я понимаю, что оно довольно сложное для тебя.

Студенты дружно рассмеялись. Я покраснела. Уже не первый раз меня ткнули носом в мое происхождение. В Котловине мы называли ученическими комнаты для обучения, и я не видела в этом ничего зазорного.

— Лучше закрой дверь с другой стороны и отправляйся искать свою... м-м ученическую, — бросила Магма. — Здесь тебе места нет.

— Вот же свободное, — двинулась я к сидящей с краю девушке. Та живо передвинулась, и улыбнулась темноволосой гадине.

Нахмурившись, я шагнула в другую сторону, но сидящий там студент живо кинул на пустой стул свою сумку.

— Занято, — хмыкнул он.

Я растерянно огляделась. Со всех сторон на меня смотрели

усмехающиеся, презрительные или равнодушные лица. Томаса здесь не было, в углу я заметила растерянных Шелли и Брин, но мест рядом с ними не было. Да и сами девушки явно не знали, как себя вести. Шелли кусала губы, Брин хмурилась и что-то выговаривала сестре. Грейс и Эрик, знакомые мне по занятиям у госпожи Тензии, вовсе сделали вид, что видят меня впервые. Без созидающего влияния госпожи Лебвест и они от меня отвернулись. Общество Бездуш не желало принимать девчонку из Котловины.

Я потопталась в проходе, не зная, что мне делать. Стоило шагнуть к любому пустому стулу, как его тут же занимали красивой дорогой торбочкой, не давая мне сесть.

— Свободных мест нет, — с улыбкой акулы повторила Магма. — Поищи не здесь. А где-нибудь ближе к ограде за рекой. С другой стороны!

Аудитория грянула от хохота. Лисса выглядела по своему обыкновению скучающей, на безупречном лице застыло выражение пресыщенности и высокомерия. Стриженный Эдди улыбался, а Ривз смотрел спокойно и как-то внимательно. Правда, в сторону этих студентов я старалась не оглядываться.

Я прижала к себе дешевую холщовую сумку. Что же делать? Выбивать себе место силой? Так я лишь сильнее опозорюсь. Что еще ожидать от девчонки из Котловины?

Уйти?

Но тоже самое повторится и на следующем занятии. Покажу слабость сейчас, позволю прогнать меня и все, конец. Так и станут травить, пока я не сдамся!

— Мест нет, ты глухая? — рявкнул рябой некрасивый парень, явно пытаюсь угодить брюнетке-агрессору. Магма одобрительно ему улыбнулась, и рябой расцвел. Правда, тут же свел косматые брови, пытаюсь выглядеть мужественнее.

Я обвела взглядом студентов. Заступаться за новенькую никто не спешил. Но и я не собираюсь сдаваться!

— Я никуда не уйду. И раз мест нет, сяду прямо здесь, — громко сказала я, бросив в проходе свою сумку и усевшись сверху. — Девушки из Котловины не гордые.

— Ты сдурела? — по — девчоночьи ахнул рябой. — Встань немедленно. Чокнутая!

— Сам такой. Я пришла сюда учиться, и буду делать это, хоть стоя у стены, понятно вам?!

Магма открыла рот, но не произнесла ни звука, ее глаза расширились.

Она смотрела куда-то за мою спину, как и все остальные студенты.

— Похвальное рвение к учебе, — негромко произнес мужской голос. — Многим здесь не мешало бы перенять подобную тягу к знаниям.

Я вскочила и, покраснев, обернулась.

У дверей стоял мужчина. Первая мысль, пришедшая в голову при взгляде на его лицо — какой же безобразный. Вторая — какой же он... впечатляющий.

Черты мужского лица оказались изумительно неправильными. Слишком длинный и крупный нос, близко посаженные темные глаза, тяжелый подбородок. Высокая и с виду — нескладная фигура. Длинные темные волосы, собранные в странный пучок на макушке. Одет в серые брюки и темно-бордовый строгий камзол, который лишь подчеркивает бледное лицо, синеватые узкие губы и неровную линию плеч. Вдобавок у него были черные длинные ногти и какие-то грязные веревки на запястьях, с которых свисали гроздь мелкого камушков. Выглядело это ужасно. Мужчина был некрасивый и странный. Определить его возраст оказалось невозможно. Но стоило преподавателю сделать шаг, и меня поразила удивительная грация его движений. А еще — сногшибательная уверенность, ореолом окружающая нескладную фигуру.

— Доброе утро, господа, — кивнул он.

— Доброе утро, господин Аодхэн! — грянула аудитория.

Мужчина окинул взглядом студентов и поманил меня узловатым пальцем, указав на свободное место в пятом ряду.

— Ваша сумка, несомненно, выглядит весьма удобной. Но все же, надеюсь, вы не против устроиться здесь, госпожа Аддерли.

Краснея и недоумевая, откуда преподаватель знает мою фамилию, я юркнула на указанное место, рывком высыпала на стол тетрадь с пером и застыла.

Господин Аодхэн неторопливо взошел на преподавательский подиум и остановился, сложив руки за спиной. Студенты замерли. В аудитории повисла густая напряженная тишина. Казалось, даже дышать окружающие боятся. Я пока не понимала причину такого поведения и к нескладному учителю испытывала благодарность. Жестоким он не казался, защитил меня, так почему студенты замерли, словно испуганные мыши?

— Скажите мне, Лестр, — обратился учитель к рябому парню — поклоннику Магмы. — Какую основную задачу должны выполнять все заклинатели, независимо от их уровня?

— Э-э... создавать новые, улучшенные вещи?

— Вещи? — брови Аодхэна поднялись. — Вы так считаете? Вещи для

вашего комфорта и более легкой жизни? Не думаю.

Лестр побледнел, словно ему вынесли смертельный приговор. Я происходящего пока не понимала, но смотрела с интересом.

— Как вы знаете, всех заклинателей можно условно разделить на две группы. Первая группа создает, и, несомненно, вы, Лестр, считаете именно их дело важным и необходимым. Вторая группа — разрушает. И для меня имеет значение лишь ваша способность к разрушению. По моему мнению, это вообще единственное, что имеет значение!

Он поднял руку и щелкнул пальцами, бросая крошечный камушек. Синяя искра проскочила от запястья преподавателя к ногтям, а потом соскочила и молнией врезалась в грудь незадачливого ответчика. Тот рухнул на стол как подкошенный, рябое лицо исказилось от боли, на лбу выступил пот, а губы побелели.

Я открыла от изумления рот. Аодхэн же смотрел невозмутимо, даже равнодушно. Студенты молчали. Никто не крикнул: как вы можете. Никто не бросился на помощь к незадачливому поклоннику Магмы.

— Что я сейчас сделал, госпожа Винс?

— Искусственное подобие небесной паутины, господин Аодхэн! — вскочила Магма.

Мужчина качнулся с пятки на носок, словно раздумывая. И я увидела, как побледнела брюнетка. Видимо, ожидая такой же разряд в свой адрес.

— Верно, — наконец произнес Аодхэн, и Магма выдохнула.

Резко развернувшись, мужчина подошел к доске, провел мелом черту.

— Небесная паутина в окружающей среде. Причины и возникновение. Заклинание разрушения.

Студенты торопливо раскрыли тетради и склонились над бумагой. Заскрипели перья. Даже белый до синевы Лестр выполнил указание. Я осторожно достала свой листок с расписанием и внимательнее вчиталась в строчки. «Г-н Аодхэн. Разрушение и нейтрализация магических явлений и их последствий». Второй предмет с этим же именем — «Опасные твари. Распознать и уничтожить».

Первый предмет у меня в обязательных, второй — нет.

Отодвинула лист и тоже начала писать, хотя по спине все ещё пробегали мурашки. Отношение к преподавателю резко сменилось от благодарного до... недоумевающего? Неужели подобное здесь в порядке вещей? То есть Аодхэн может послать разряд или что-то похуже в любого ученика? В любой момент? Тогда неудивительно, что все пикнуть бояться. Вот только как это допустил ректорат? Ведь ВСА — место для привилегированных, неужели богатенькие родители позволяют такое

отношение к своим деткам?

Я осторожно подняла голову от своих каракулей. И тут же наткнулась на темный взгляд преподавателя. И в краткий миг, когда наши глаза встретились, очередной озноб пробежал по коже. Ничего доброго в глазах Аодхэна не было. И вряд ли он заступился за меня из желания помочь. Потому что взгляд мужчины был темным, и причину этого я не понимала.

Закусив губу, я снова уставилась в тетрадь, однако всей кожей продолжала ощущать пристальный взгляд.

В гнетущей тишине мы записывали все о паутине. Это явление известно давно, ядовитые бледные нити ползут от Гряды весной, реже — в конце осени. При соприкосновении с живым существом нагреваются и взрываются, причиняя боль, а то и убивая. Дядя рассказывал, что в его детстве паутины было гораздо больше, от нее в Котловине или за пределами столицы гибло много людей. Специальные отряды заклинателей ежедневно поднимались на вивернах в небо, что бы нейтрализовать ядовитые заряды и установить защиту. Правда, несколько десятков лет небо оставалось чистым и о паутине стали забывать. Формулу заклинания мы тоже записали, и мне она показалась невероятно сложной.

Но видимо, не Аодхэну. Кстати, не мешало бы уточнить его имя, хотя я пока слышала лишь это слово, что тоже было странно.

Продиктовав теорию разрушения, мужчина снова застыл на краю подиума, скользя взглядам по лицам студентов. Аудитория замерла. Губы Аодхэна медленно сложились в кривую улыбку, больше напоминающую оскал.

— Вы хорошо запомнили формулу разрушения, Лестр?

Бедняга снова побледнел и вздрогнул.

— Я не слышу.

— Да, господин, Аодхэн.

— Замечательно.

И подняв руку, преподаватель послал еще один заряд в грудь парня. Тот вскинул ладони и выкрикнул только что записанные слова. Паутина зашипела, но все же ударила, сваливая парня с ног.

— Вы сделали ошибку в первом слове, Лестр, — любезно поправил Аодхэн. — Кто еще плохо слушал? Дамиан.

Синий разряд полетел в другую сторону аудитории, и с горем пополам его удалось погасить.

— Алиссия.

Беловолосая красавица уверенно скрестила ладони и четко произнесла формулу. Разряд погас, даже не долетев до нее.

— Неплохо, — скупой похвалил учитель, хотя на мой взгляд Лисса справилась блестяще. Признать это не хотелось, но что есть, то есть.

— Идира.

Шипящие змейки кружили над головами. Кто-то из учеников падал, не сумев отразить, кому-то удавалось отбиться или погасить паутину. К моему неудовольствию, Магма тоже без проблем разрушила вредную паутинку и радостно улыбнулась на равнодушный кивок Аодхэна.

— Тина Аддерли.

Я не сразу поняла, что названо мое имя. Воздух словно сгустился и зазвенел, время растянулось, замирая, и прямо перед моим лицом вспыхнула тонкая голубоватая нить. Мои ладони сложились, и губы выкрикнули слова независимо от моей воли. И уже готовясь к неминуемой боли, я с изумлением увидела, как гаснет синева паутины.

— К следующей нашей встрече подготовьте доклад о северных и южных разновидностях небесной паутины, — бесцветно произнес Аодхэн. — Урок окончен.

Я, открыв рот, уставилась на него. Глаза преподавателя блестели, хотя лицо оставалось бесстрастным. И только сейчас я заметила, что радужки у него не черные, а темно-синие.

Миг безмолвия, и студенты сорвались с места, торопясь покинуть аудиторию. Кто-то — довольный и улыбающийся, другие — все ещё кривящиеся от боли.

А я стояла и не могла поверить. Я сделала это? Я произнесла заклинание? Первое в своей жизни заклинание? И у меня получилось?

— Получилось... — неверяще прошептала я. Хотелось кричать или даже петь. Обернулась на Шелли и Брин, желая поделиться радостью, но увидела лишь рыжие хвосты, мелькнувшие у дверей. Близнецы ушли, не дождавшись меня.

Впрочем, меня так распирало от счастья, что я не стала огорчаться. Скорее всего, сестры просто торопятся на следующий урок, и поболтаем мы позже!

Но как ни странно, и на следующих занятиях девушки упорно меня игнорировали. Я пыталась поймать их взгляды, но ни Шелли, ни Брин, явно не желали со мной разговаривать. Не зная, что и думать, я поймала сестер в коридоре.

— Если решили больше не общаться с девушкой из Котловины, так и скажите! — рывкнула я, хватая Шелли за руку.

Та обиженно скривилась, а Брин уперла руки в бока.

— Дело не в твоём происхождении, Тина. Ты соврала нам.

— В чем это? — растерялась я.

— У меня всего тройка потенциала! — противным голосом передразнила Брин. — Рассказывай!

— Но так и есть, — ничего не понимая, произнесла я.

— Ну конечно. Аодхэн, конечно, совершенно ненормальный, это все знают. — Брин понизила голос и воровато оглянулась, словно опасаясь, что странный преподаватель внезапно возникнет за ее спиной. — Но он никогда не ударит студента, у которого недостаточно потенциала для защиты. Как думаешь, почему нить сегодня получили не все?

— Не знаю... Я думала, это просто случайный выбор...

— Он кидал паутину лишь тем, у кого уровень чар больше пятнадцати, — тихо произнесла Шелли. — Заклинатель с меньшим потенциалом просто неспособен создать защиту от нее, Тина. И это значит, что у тебя не тройка. Далекое не тройка.

— Что? — я открыла рот в безмолвном изумлении. — Но это какая-то ошибка. Да, господин Аодхэн просто ошибся...

— Аодхэн никогда не ошибается, — тихо произнесла Шелли.

— Но... — я растерянно посмотрела на свои руки, словно там могла оказаться подсказка и объяснение. — Послушайте, это все какой-то бред. Я ничего не понимаю. Я докажу вам. Где можно измерить потенциал?

— В лекарской, — поколебавшись, бросила Брин.

И схватив сестру за руку, потащила ее к лестницам. Я же решительно сжала кулаки. Я докажу девочками, что не врала!

Комната с зеленым клевером нашлась на первом этаже. Кажется, я слегка напугала пожилую врачевательницу, когда ввалилась в комнату и с порога потребовала срочно измерить мой потенциал. Но она лишь пожалала плечами, велела закатать рукав и приложила к сгибу локтя серебристый кругляш.

С замиранием сердца я смотрела, как дрогнула тоненькая стрелка и поползла по делениям. Один, два, три... Пять... в горле стало сухо, в голове зашумело. Десять, двенадцать... И дальше...

— Весьма неплохо, милая, — одобрила целительница, когда стрелка застыла на двадцати двух.

Я несколько раз моргнула. Протерла глаза. Подышала.

Стрелка не двигалась.

— Это ошибка. Этого не может быть. Ваш прибор сломался!

Врачевательница хмыкнула и с тем же непробиваемым спокойствием приложила к моей коже другой чаронометр.

— Двадцать два, как видишь. У тебя все?

— Да. Благодарю вас...

Оставив ошарашенную меня, врачевательница удалилась к своим колбам и склянкам.

Я вышла в коридор и без сил прислонилась к стене. Двадцать две единицы. Двадцать две. Для жительницы Котловины даже три-четыре считалось невероятной удачей. Чары ведь в крови и передаются от родителей к ребенку. На окраинах всегда жили те, кому магического наследия не досталось. И в моей семье ни у кого не было потенциала. Никогда.

Так откуда у меня двадцать две единицы?!

Вместо радости я вдруг ощутила страх. Что со мной происходит? Откуда во мне дар, и почему потенциал увеличивается? Магистрариус сказал, что мой уровень динамический, но я подумала, что возможное колебание будет в пределах одного-двух делений, а потом остановится. Но это? Что мне делать... с этим?

Двадцать две — это запредельно. Святые праведники, да это же почти зеленый сектор. Да это...

Не укладывалось в моей голове. Я не верю. Но интуиция подсказывала, что снова идти в лазарет и просить третий чаронометр — бессмысленно. Он покажет то же самое.

Я обхватила себя руками, вновь ощущая внутри озноб. Снова это знакомое чувство, словно в груди застрял кусок льда. С той самой ночи, с погружения в студеную бездну он торчал там...

## Глава 12

В комнате была лишь Брин, но увидев меня, девушка отвернулась. И я не знала, что ей сказать и как объяснить. Тогда придется говорить и о том, что я случайник, и о падении в реку. И даже о том, чего я сама совершенно не понимала. А этого мне совсем не хотелось. Поэтому, перекусив домашним сыром и подхватив свою сумку, я снова вышла за дверь, ощущая себя неприкаянным приведением, бродящим по коридорам ВСА. Мимо меня проходили студенты, поодиночке или компаниями, но со мной никто не разговаривал и даже сторонились.

— Тина! — радостный возглас заставил меня удивленно обернуться. Ко мне спешил Томас, и я радостно улыбнулась, увидев его. — Я сделал основу для твоего защитного экрана, смотри, — заговорщицки произнес парень, приблизившись.

Я с искренним восхищением глянула на ажурный проволочный браслет.

— Какой красивый!

— Главное, чтобы работал, — деловито отозвался студент. — Дай руку.

Тонкое плетение плотно обхватило запястье.

— В самый раз. У меня глаз, как у сокола, — похвастался Томас, снимая украшение. — На днях доделаю. Сегодня встречаемся?

Я неуверенно кивнула. И вскинулась, заметив темный силуэт рядом. Возле стены стоял Ривз, и меня передернуло при взгляде на него. Приятель Вандерфилда улыбался, но от его оскала становилось не по себе.

— Уже нашла себе ухажера, крошка? — растягивая слова, протянул он.

— Не твое дело, — насупилась я.

— Приятель, тебе повезло, — продолжал ухмыляться брюнет. — Сдается мне, эта девочка из помойки на редкость... горячая. Конечно, если тебе удастся... разогреть ее. Хочешь, расскажу, как это сделать?

Жар злости опалил мои щеки, и я дернула ничего непонимающего Томаса за рукав.

— Идем отсюда. Не слушай его.

— Почему же? — не унимался Ривз. — Твоему приятелю будет интересно. Ведь интересно же? Хочешь узнать подробности?

— О чем это он? — нахмурился наивный Томас.

— У него бред, — бросила я, с ненавистью взглянув на

старшекурсника. — Ему надо провериться у врачевателя. Хотя это все равно не поможет. Настолько больная голова не лечится!

Ривз рассмеялся и причмокнул губами, посылая мне поцелуй. Я скривилась и отвернулась.

— Жарко, Аддерли, — донеслось мне вслед.

Ужас на миг сковал нутро, но тут же я выдохнула, поняв, что на этот раз не испытываю никакого постыдного вожделения или желания обнажиться. Внутри меня бушевала лишь презрительная ненависть.

Отвечать не стала, потащила за собой Томаса, желая скорее убраться с глаз Ривза.

— Что он имел в виду? — недоумевал парень.

— Он просто придурок, — помрачнела я. — Не слушай его. Забудь. А я сегодня познакомилась с Аодхэном, ты был на его занятиях? Представляешь, он пустил в студента небесную паутину!

— Это еще что. Аодхэн и какую-нибудь тварь может напустить, — усмехнулся Томас, забывая, к счастью, о Ривзе. — На его уроки ходят, как на боевые испытания. По сути, так и есть.

— Только я так и не поняла, Аодхэн — это имя или фамилия?

— Аодхэн — это Аодхэн, — пожал плечами парень. — О нем мало что известно, темная лошадка ВСА, знаешь ли. Но я слышал, что он участвовал в последней битве с Грядой.

— Ого! — изумилась я. Пятнадцать лет назад многие заклинатели погибли, защищая столицу от тварей Гряды. В одну жуткую ночь эти гады поползли через границу, словно их медом поманили. Тот день стал черной страницей в истории Королевства. Неужели преподаватель был в том сражении? Надо признать, это прибавляло к нему уважения. Но и страха. Военные заклинатели всегда вызывали что-то среднее между этими двумя чувствами.

— Вот как, — я перебрала свои скудные знания. — Если он был в сражении, то он... прирожденный разрушитель?

— Конечно. Истинный и один из лучших. Только рядом с ним всегда хочется спрятаться в какую-нибудь нору. Не люблю разрушителей.

Томас поморщился, а я кивнула. Не только уровень определяет заклинателя, но и склонность к определенным эмоциям. В бою нечего делать таким, как Тензия, например. На поле битвы берут агрессоров и разрушителей.

— Интересно, какой у него потенциал, — задумалась я.

— Черный сектор, Тина, — хмыкнул Томас. — Значит, учить меня ты будешь здесь?

Мы вошли в аудиторию, которую я уже успела облюбовать и назвать «своей».

— Надо же, никогда не замечал этой двери, — удивился мой спутник.

— Просто в академии их слишком много, — вздохнула я. — Ладно, давай начнем. Ты тренировал улыбку?

— Угу. Испугал нашу старую экономку, она решила, что у меня нервный тик, — буркнул Томас, а я рассмеялась. Парень вздохнул. — Вот у тебя улыбка замечательная. Легкая, радостная, даже когда тебе грустно. Так и тянет улыбнуться в ответ. Или вот у Тензии...

— Стоп! — решила я прервать поток любовных терзаний. — Вернемся к твоей улыбке. Продемонстрируй!

Рот Томаса растянулся, показывая некрасивые клыки и почему-то подчеркивая торчащие уши. Похоже, мне повезло наткнуться на человека, которому улыбка была категорически противопоказана!

— Все, отбой, — приказала я, и парень облегченно выдохнул. — М-да, кажется роль весельчака — это не твое. Попробуем вариант «загадочный и одинокий».

— Какой?

— Загадочный. Ну и еще немного несчастный. Девушки таких любят. Надо придумать для тебя что-то такое, душещипательное... Так, может тебя слегка покалечить? Самую малость?

— Ты с ума сошла?

Я не к месту вспомнила утюг на животе Эша и скисла.

— А я не могу остаться собой? — осторожно поинтересовался Томас.

— Скучным занудой? — уточнила я, и теперь скис парень.

— Все равно ничего не выйдет.

— Скучным и ушастым занудой-пессимистом, — мрачно добавила я.

Томас фыркнул. А потом рассмеялся.

— Есть, получилось! — завопила я, выхватывая из сумки зеркальце. — Смотри, вот сейчас у тебя совсем другая улыбка. Настоящая. К тому же у тебя есть чувство юмора, и ты не обидчивый!

— Это только с тобой. Ты же из Котловины. Глупо на тебя злиться, — махнул рукой парень. Его щеки украсил румянец, а я покачала головой, изумляясь его странной логике. Хотя в чем-то однокурсник прав. Он просто не боится меня так, как других девушек, и потому чувствует себя свободно.

Всучила Томасу зеркало и велела:

— Тренируйся. А после напишешь пять комплиментов, с которыми можно подойти к девушке. Например: зачем мне солнце, если ты сияешь ярче?

Томас поперхнулся.

— Я в жизни не смогу такое сказать!

— Будем учиться! — ободрила я. — Пиши и улыбайся, а я пока займусь подготовкой к урокам.

Следующий час я пыталась разобраться в истории заклинаний, в базовых формулах и знаках. Совершенно новые для меня знания с трудом укладывались в голове, толкались там и выпирали острыми углами. К тому же, надо было изучить заклинательный язык — чароит, почему-то чары реагировали лишь на него. За пределами нашего Королевства люди говорят на других языках, но вот заклинания всюду произносят на чароите. Большинство студентов ВСА получают начальное образование по чарам ещё в школе, потому что потенциал устанавливается в детстве. Большинство, но не я. И теперь я ощущала себя канатоходцем, зависшем на веревке посреди пропасти. Страшно, непонятно, везде туман, но идти надо. Вот я и шла — на ощупь и ползком.

В неосвященной ученической заметно потемнело, и я протерла уставшие глаза. Томас же выглядел так, словно в одиночку сразился с тварями из-за Гряды.

— Написал?

Парень мрачно протянул мне листок.

«Зачем мне луна, если ты светишь светлее?»

«Зачем мне лампа, если ты светишь желтее?»

«Зачем мне камин, если ты светишь горячее?»

— Больше не получилось. Тебе нравится? — заглядывая мне в глаза, спросил этот горе-сочинитель. Я постаралась сдержать смех.

— Не надо понимать мои указания настолько буквально. И хорошо бы проявить чуть больше фантазии.

— Я ведь говорил, все напрасно. Ничего не получится. Я знал.

Скомканная бумажка улетела за столы, а я похлопала Томаса по плечу.

— Ты сможешь, я в тебя верю. Сегодня лишь первый урок, не надо расстраиваться. Постарайся придумать еще несколько комплиментов на досуге. И... желательно, что бы в них не было слова «светишь»!

Мы вместе вышли в коридор, добрались до лестницы.

— Кстати, — вспомнила я. — Ты говорил, что вмешательство в чужой разум запрещено. А стирание воспоминаний?

— Смеешься? — вскинулся парень. — Это преступление. — Он нахмурился, рассматривая меня. — Аддерли, если тебе пытались стереть воспоминания, надо заявить в ректорат. Или сразу карателям. Это очень серьезно, ведь ты могла остаться совсем без разума. А если это сделал

студент... его отчислят, а то и вовсе... и неважно, к какой семье он принадлежит. О таком нельзя молчать!

Вот, значит, как... Я задумалась. Получатся, Эш серьезно рискует. Или это я рискую? На что пойдет Вандерфилд, что бы заставить меня замолчать?

— Тина, ты слышишь? Кто-то пытался стереть твои воспоминания?

— Я лишь изучаю теорию, не переживай!

Томас ушел, бубня что-то себе под нос. Я же понеслась в башню с книгами, но на повороте притормозила и покрылась холодной испариной.

Ключ от комнат Вандерфилда!

Он все ещё у меня.

В коридорах академии я белобрысого гада не видела, но вдруг он уже вернулся и не смог попасть к себе? Тогда меня точно четвергуют!

Проклиная свою рассеянность и загруженность, я двинулась к крылу с комнатой номер «семь».

На мой стук никто не открыл.

Неужели хозяин еще не приехал, и мне повезло? Кстати, я пока ни разу не видела его на занятиях или в коридорах ВСА, Вандерфилд учится вообще? Или ему, наследнику знаменитой династии, это ни к чему? Но что мне делать с ключом? Карман ведь прожигает!

Негодующе фыркнув, я нажала на ручку и удивилась, когда створка приоткрылась. О, так Вандерфилд дома? Тогда отдам ему ключ и убегу, надеюсь, библиотека открыта допоздна...

Внутри царила тьма. Тяжелые шторы были плотно задвинуты, а ведь я оставляла их открытыми. Я постояла, размышляя, в какой стороне лампа. Кажется, возле дивана. И еще одна на столике у стены. Надо зажечь... Может, Вандерфилд спит? Не хотелось бы его разбудить...

— Эй? — тихо позвала я, делая шаг вперед.

В глубине комнаты раздался шорох, и я вздрогнула. Показалось? Неуверенно потопталась на месте, сжимая холодный тяжелый ключ. Сделала шаг и наткнулась на что-то, толкнула носком ботинка. Бутылка? Стекло звякнуло и покатило по полу. Я растерянно замерла. Глаза немного привыкли к темноте, и я уже различала очертания предметов. Но что это за груда слева? Или углы справа? В этой комнате сделали перестановку?

— Эй...

Ледяной комок в груди разросся и уколол под ребра. Дышать стало трудно. Пожалуй, надо убираться, зайду в другой раз!

Слева шевельнулась тень, и я вскинулась, до рези всматриваясь во

тьму.

— Я...

Тяжелая рука легла мне на губы, закрывая рот.

— Т-ш-ш... не надо слов. Ты ведь не для этого здесь... — жаркий шепот опалил висок. Ноздри защекотал запах льда... И сзади прижалось горячее и, кажется, почти раздетое тело Вандерфилда.

Я пискнула ему в руку и замерла, ощущая как мужские губы скользнули с щеки ниже. Эш потянул меня за косу, заставляя откинуться ему на плечо и лаская губами. Впадинка под ухом, легкое касание мочки, чрезмерно чувствительная кожа шеи... и странная слабость, разливающаяся по телу. На шею упало несколько капель с его волос. Вандерфилд недавно из душа? Почему я думаю... об этом? Почему стою и... вслушиваюсь в медленные движения его губ на своей коже?

Пошевелилась. И тут же меня дернули, вскинули, прижали спиной к стене. Сильно, до хруста в позвоночнике. Похоже, хозяину этих комнат темнота совсем не мешала.

— Я ведь сказал — без слов, — приказ прозвучал глухо, интонация заставила меня насторожиться. Кажется... кажется, у Эша язык заплетается!

— Ты пьян? — прошептала я. Почему-то говорить вслух было страшно.

Тихий смех лизнул мои губы и отозвался внутри дрожью. На вдохе остался едва уловимый вкус спелых вишен.

— Нам это не помешает. — Обжигающий вдох, нервная дрожь. И его руки на моих плечах. Спускаются до локтей, сжимают, сковывают движение. Мое сопротивление. А я сопротивляюсь? — Сегодня дерьмовый день. — Он снова тихо и жутко рассмеялся. — Очень дерьмовый. Так что первый раз будет жестким...

Первый раз?

О чем он?

Хватка на моих руках стала сильнее. Тьма обступала. И запах льда. Как тогда... только вместо холода — жар. Невыносимый. Хотя в ту ночь первое мгновение после падения мне тоже было обжигающе горячо... я падала и сейчас — в бездну. И не могла это прекратить...

— Стой...

Не приказ, а придушенный хрип. И никакой реакции. Лишь мужское тело, прижавшееся теснее. Рубашки не было.

— Я велел молчать, — яростно выдохнул Вандерфилд и накрыл мой рот своим.

Я задохнулась. От возмущения, испуга, и чего-то еще. Пока непознанного. Неизведанного. Ладони оказались прижаты к горячей коже, и я ощутила пальцами, как двигаются ребра Эша, когда он делает вдох. И почему-то это меня поразило. А потом Вандерфилд раздвинул мои губы языком и ударил кончиком, касаясь совсем легко. И эта легкость, эта ласка заморозила, обманула... отняла ту секунду, когда надо было вырваться и уйти. Он исследовал мой рот неторопливо и так нежно, что разум поплыл... Помню, как меня поцеловал впервые знакомый парень из Котловины. Было так противно, что я ещё долго недоумевала, что в этом хорошего — в поцелуях.

Теперь поняла.

И поцелуй этот был совсем другим, несравнимым... Со вкусом вишневой настойки, с какой-то запредельной, сводящей с ума чувственностью. Умелый и заставляющий дрожать... Эш точно знал, как надо целовать девушку. И я застыла, поневоле нежась в его руках и открываясь губам. И тут же Вандерфилд подобрался, рывком отнял мои руки от своего тела, припечатал к стене. И также рывком снова вторгся в рот — уже сильно и жадно. Его бедра вжались в низ моего живота, давая в полной мере ощутить возбуждение Эша.

— Ты сегодня другая... так пахнешь... — почти простонал он мне в рот, на миг отстраняясь. — Заводишь меня... Я хочу больше. Я хочу все...

Я дернулась, совершенно теряясь в этой тьме с запахом льда и вишни... Перед глазами плыло, кожа горела. Сильнее, чем от приказа Ривза. Мысли путались, словно и я опьянела от вишневой настойки, которую даже не пробовала. Вандерфилд ласкал, не давая опомниться и не позволяя сказать хоть что-то. Губы казались такими жесткими... Злыми. И сейчас я четко осознавала, что парня вело даже не желание, это была ярость. Дикая и болезненная, заставляющая его прикасаться уже агрессивно, сжимать мои запястья, не давая вырваться. Каким-то потусторонним чувством я ощущала боль внутри этого, почти незнакомого мне парня. Ему было плохо. Так плохо, что я замерла, не понимая, что делать.

А потом осторожно коснулась его языком.

Он тяжело втянул воздух и нежно прикусил мою губу, вырывая стон. И снова движения замедлились, стали чувственнее и осторожнее. Вандерфилд словно вслушивался, словно пытался распробовать мой вкус... с каждым разом пьянея все больше. Его дыхание сбивалось...

— Еще... поцелуй меня... еще...

Приказ, и снова его губы на моих.

Странная ласка, лишаящая меня возможности сопротивляться.

И самое ужасное, что мне не хотелось. И именно это отрезвило.

Я стою и позволяю белокрысому гаду меня целовать? Да какой там целовать, иметь языком, прежде чем он сделает это и другим... местом. Его возбуждение так отчетливо ощущается в хриплом дыхании и в уже рваных движениях.

Вандерфилд дернул вверх подол моего платья.

— Раздвинь ноги... Проклятье, что это за балахон, Лисса?

Что?!

Осознание повергло в ступор. А ведь у меня даже мелькнула мысль, что Эш принуждает, использует на мне ментальное внушение. Принуждает? Да он даже не понял, что лапает прислугу. Пьяный и злой Эш Вандерфилд собирался развлечься с блистательной и совершенной Алиссией. Видимо, он ждал ее и даже не понял, что дверь открыла другая девушка. Та, к которой он ни за что не прикоснулся бы по доброй воле!

— Отпусти. Немедленно отпусти меня! — рявкнула я. Злость на себя — за то, что позволила, злость на него — за то, что даже не понял... Глупая, нелогичная злость. Странно, что меня обидело и задело именно это, а не сам факт поцелуя!

Вандерфилд отшатнулся и шагнул во тьму. И тут же вспыхнула лампа, ослепляя. Я зажмурилась на миг, заморгала.

— Ты? — парень нахмурился, явно пытаюсь сообразить, куда делать прекрасная Лисса и какого исчадия бездны тут торчит лохматая девчонка из Котловины. — Ты что тут делаешь? Зачем ты пришла?

Скривился и, кажется, собрался плюнуть на пол, поняв, кого целовал. Но, видимо, хорошее воспитание все же удержало. Потому что взгляд стал злым, а лицо — высокомерным.

Провел рукой по губам, словно пытаюсь стереть поцелуй.

— Ты. Вот же гадость!

Очень захотелось кинуть в сноба что-нибудь тяжелое. Впрочем, это нормальное состояние рядом с ним!

— Мне тоже противно, знаешь ли! — огрызнулась в ответ. — Я ключ принесла. Вот!

С размаха припечатала к столу железный предмет. И только сейчас увидела, что сделал белокрысый гад со своими комнатами. И моей уборкой. Вокруг царил хаос — неистовый и беспощадный. Разбитый комод, остатки стула, разорванное покрывало, какие-то лоскуты, щепки и осколки, усыпающие пол!

— Святой Фердион! — застонала я. — Что ты здесь устроил? Да мне

теперь неделю придется наводить порядок!

— И это должно меня волновать? — хрипло спросил Вандерфилд. Того, кто так жадно ласкал меня в темноте, больше не было, передо мной снова стоял заносчивый наследник династии.

— Я потратила несколько часов, чтобы навести здесь порядок!

— Да плевать мне, сколько ты потратила, — хмыкнул Вандерфилд и двинулся к стене, где тихо урчал холодильный шкаф. Парня заметно качало. Вытащив грушу, Эш откусил кусок сочного плода. Я сглотнула голодную слюну. Ничего, в моей комнате ждет пакет с сушеными яблоками.

— Я пришла в академию учиться, — тихо произнесла я, стараясь не смотреть на белобрысого гада. — Но вместо этого драю твои полы. Ты мог хоть немного задуматься... об этом!

— Задуматься об этом? — он на миг застыл. И мотнул головой. — Даже не собираюсь. Ты поломойка и должна быть счастлива, что попала ко мне. Так что радуйся, Аддерли. Где бы ты была, если бы не я!

Я сжала кулаки до хруста. Самовлюбленный избалованный эгоист!

— А я почти испытала к тебе жалость. Ты не достоин ее. И чтобы у тебя не случилось, знай, что это наказание за твой сволочный характер!

— Наказание? — груша со смачным хлюпом врезалась в стену. Отлично, мне теперь и стену отмывать! — Да что ты понимаешь, пустышка? Что ты вообще можешь в этом понимать?!

Он пересек разделяющее нас расстояние, и на миг показалось — снова схватит и прижмет к стене. Но нет, не прикоснулся. Много чести — прикоснуться к отбросам из Котловины!

— Ты ничего не знаешь! — рявкнул Вандерфилд. И снова я ощутила его боль. Увидела ее в отчаянном, загнанном взгляде, почувствовала в напрягшемся до хруста теле. — Я теряю самое ценное, что у меня есть. Самое важное. Да чтоб оно все провалилось!

Я осторожно отступила. Возникло четкое ощущение, что я нахожусь в одной клетке с раненым зверем — слишком опасно. Эш себя почти не контролировал. Но все же, что у него стряслось? Вдруг кто-то умер? Близкий родственник, например?

Неуместная и глупая жалость кольнула сердце.

— Послушай, я не знаю, что стряслось, но мне очень жаль...

— Жаль? — он вдруг рассмеялся, только вот мне захотелось от этого смеха спрятаться. — Жаль... Да если кто-то узнает том, что со мной происходит... Если отец узнает...

Он вдруг замер и сжал виски, тяжело дыша. Я тоже застыла, совершенно не понимая, как себя вести. Надо потихоньку двигаться к

двери, пока Вандерфилд на меня не смотрит. Выскользнуть в коридор, и пусть сам разбирается со своими проблемами. В конце концов, меня они не касаются.

Но почему-то я осталась стоять. Сбежать не позволяла совесть. Хотя это и глупо, потому что совесть не должна работать в отношении всяких гадов!

— Если ты заболел, то можно обратиться к врачевателям, — осторожно начала я. — Я плохо разбираюсь, я ведь из Котловины... Но я слышала, что сильный лекарь может исцелить любую хворь...

— Что? — Вандерфилд поднял голову и уставился так, словно вообще не понимал, кто я.

— Ну, ты сказал, что с тобой что-то не так... — пробубнила я. — Заболел, может. А болезни надо лечить. Вот я подумала...

— Болезнь, — прошептал он. — Болезнь?

Прищурился презрительно.

— Вандерфилды не болеют. Никогда. Проклятье, да даже это — всего лишь досадное недоразумение, не стоящее внимания. Какая в бездну болезнь?

Он сорвал черную перчатку, швырнул на пол. И я с ужасом увидела жуткие шрамы на его руке. Рука представляла собой ужасное зрелище — сплошные рубцы и грубо зажившие раны, ни кусочка чистой кожи. А мизинца и вовсе наполовину не было... И если вспомнить, как легко Эш свел мой ожог, то какую же боль он вытерпел до того, как ЭТО зажило?

Вандерфилд глянул на свою руку равнодушно. Словно ему было совершенно наплевать, как она выглядит.

А я задалась вопросом, если ему неважно даже это, то что же довело его сегодня до почти невменяемого состояния?

— Святые праведники... — пискнула я и прижала ладонь к губам. Хотелось что-то сказать. Или сделать. Почему-то в этот момент даже злость на белобрысого куда-то испарилась.

Вандерфилд смотрел на меня, нахмурившись. И молчал. Словно тоже ждал моих действий.

Я качнулась вперед. Он не двинулся, но с жестких губ сорвался едва слышный вдох.

— Что здесь происходит? Эш, любимый?

Я нервно попятилась и перевела взгляд за спину Вандерфилда. В дверях стояла Алиссия, и, похоже, ей совсем не нравилось то, что она видела.

Челюсть Эша сжалась, взгляд застыл. К прекрасной Лиссе обернулся

уже абсолютно уверенный в себе наследник династии Вандерфилдов.

— Объяснял прислуге ее обязанности, — равнодушно уронил Эш. — Почему ты так долго? Я тебя жду.

Видела я, как ты ее ждешь... привычные раздражение и злость обожгли горло.

— Мне нужно было подготовиться, — Алиссия шагнула к парню, соблазнительно покачивая бедрами. — У меня для тебя сюрприз, милый. Тебе понравится.

— Сегодня день сюрпризов, — пробормотал Вандерфилд, на миг прикрыв глаза. — Надеюсь, хоть твой будет приятным.

— Даже не сомневайся.

Тонкие руки девушки обвили шею Эша. Похоже, парочка совершенно забыла о поломойке, то есть обо мне. Хотя так и есть. Прислуга для них — предмет мебели. Не более.

— Я пойду, — зачем-то пробормотала я, двигаясь к двери. Мне никто не ответил.

Последнее, что я услышала за спиной, это голос Лиссы:

— Эш, надень перчатку. Я ведь просила не снимать ее!

## Глава 13

До башни библиотеки я добрела, почти не видя ничего вокруг. Попросила у смотрителя книги и устроилась в углу за стеллажами. Однако знания не желали впитываться, перед глазами снова и снова вставала сцена из комнаты Вандерфилда. Тьма и вкус вишен, мимолетная ласка и грубость, предназначенные не мне. Все это не давало покоя и нервировало.

И ещё больше я разозлилась на себя, когда увидела за соседним столом Ари и двинулась к ней. Трачу время на глупости, а его и так мало. Но совладать со своим любопытством не смогла и тихонько подсела к девушке.

Студентка покосилась на меня удивленно, но дружелюбно. Я быстро составила в голове портрет Ари: одета просто, школьная форма для всех одинакова, но девушки из богатых семей украшают блузки воланами, кружевами, брошами и золотым шитьем. У них дорогие туфельки и заколки, а сумки улучшены заклинаниями и уменьшают вес тяжелых учебников. Благосостояние всегда заметно. Ари сидела передо мной в обычной хлопковой блузке, украшений, кроме крохотных камушков в ушах, не было. К тому же, девушка была некрасива. Маленькая, востроносая, с тонкими пегими волосами, заплетенными в жиденькую косичку. Очевидно, что Ари не принадлежит к семьям богачей. Я вздохнула свободнее.

— Привет, — навесила на лицо максимум доброжелательности. — Я соседка Шелли и Брин...

— Новенькая из Котловины, я знаю, — хмыкнула Ари, но беззлобно. И кивнула на учебник в моих руках: — Запуталась в основах материализации?

— Да, то есть, нет, — я вздохнула. — Я хотела спросить тебя о... Вандерфилде.

Ари мигом напряглась. Взгляд из любопытного стал ревнивым.

— А тебе что? Виды имеешь? Не трудись, он с Лиссой. Тебе не светит. Никому не светит.

— Да я и не претендую. Упаси Святой Фердион... И вообще у меня жених есть!

— Жених?

— Да! — рявкнула я, понимая, что ситуацию надо спасать. А то меня мигом запишут в клуб поклонниц божественного Эша. Тьфу, тьфу! — Мой жених тоже из Котловины. Его зовут Йен. И у нас любовь. Настоящая. И

свадьба летом. А у Вандерфилда я полы мою, он меня и не замечает, мебель да и только!

— Ну, тогда ладно, — смягчилась девушка. — А спросить ты что хотела?

— Любопытно мне стало, вот я и решила узнать, — понизив голос до заговорщицкого шепота, сообщила я. — Почему у него перчатка на руке?

Ари оглянулась, но никому не было дела до двух шепчущихся студенток. Лишь зритель глянул из-под седых бровей и двинулся по проходу дальше.

— Шрамы у него там. Жуткие, — тихо произнесла Ари. — После того состязания. Единственного, которое он проиграл. И самого важного, к сожалению. Поговаривали, что и вовсе руки лишится, чудом сохранили. Сам королевский врачеватель зашивал и собирал.

— Как это случилось?

— Эш выставил защитный щит, но он оказался слишком слабым. Словно Эш не рассчитал свой резерв. Хотя все знают, что у него черный сектор... А щит получился тонким. И грядной аспид пробился.

— Аспид? — с ужасом повторила я. Перед глазами встало изображение жуткой твари, одной из самых страшных в Королевстве. Узкое кошачье тело с выступающими наружу ребрами и шипами, змеиная голова с потусторонними глазами — два желтых без зрачка и один черный в середине лба, пасть с раздвоенным языком и ядовитыми клыками. Две пары когтистых лап, жаловидный хвост и перепончатые крылья. Черный аспид был не самым крупным хищником, но точно самым хитрым и опасным. Говорят, он мог выжить где угодно — на земле, под землей, в воздухе, в горах, ледниках, и даже в песках раскаленной пустыни. Эту тварь почти невозможно убить. Исследователи даже утверждали, что эти хищники обладают своеобразным разумом — непонятным человеку, изворотливым и опасным.

И с этим летающим ужасом сразился Вандерфилд?

— Да. Эш его рукой по морде, представляешь? Кулаком врезал. А там же клыки и шипы, такая мясорубка... а потом ногой еще... Отбиваться пытался. Потом уже заклинанием приложил, но несколько минут его пережевывали... Повезло, что жив остался. И что кисть удалось сохранить. Ты ведь знаешь, что повреждения аспида не зарастают? Никакими заклинаниями не вылечить и не свести... На всю жизнь шрамы.

— Но что он делал рядом с аспидом?!

Ари посмотрела с укором, и я понизила голос.

— Это был Отбор. Ну, что ты так смотришь? Не знаешь? Вандерфилд

шестикурсник, в начале года все парни его специализации проходят Отбор. Выбирают одну из диких тварей Гряды и тренируют ее год, до выпускного экзамена.

— Но зачем он выбрал аспида?

— В роду Вандерфилдов всегда его выбирают, — поджала губы Ари. — Все мужчины его династии так делали. Чем опаснее и умнее тварь, тем больше очков получает выпускник. Аспидов тренируют только Вандерфилды, это негласное правило. Это не просто почетно, это как знак принадлежности, понимаешь? Роду, династии, потомкам основателей... Даже на гербе Вандерфилдов — аспид. Крылатый и оскаленный. А Эш... вот. Говорят, его отец был в бешенстве...

Девушка замолчала, нахмурившись. Я тоже умолкла, размышляя. Получается, Вандерфилду здорово досталось...

— И что теперь?

— У Эша будет ещё одна попытка. Перед Ночью Тысячи Свечей. Вот только... Его кисть зажила, но шрамы... Ему запретили выбирать аспида. Всадники должны одинаково владеть обеими руками.

Я бездумно уставилась на стеллажи с книгами.

— Правда, плевал Эш на этот запрет, — хмыкнула Ари. — На последнем состязании он все равно летал лучше всех. И щиты ставил такие, что публика с ума сошла от восторга!

— То есть на состязаниях еще и летают? — поразилась я.

— Ну конечно. На вивернах. Эти звери выращены и приручены, конечно, не то, что дикие обитатели Гряды. Но ты попробуй на них удержишься. Да еще и когда атакуют со всех сторон. Эш — победитель!

Она произнесла это с такой гордостью, словно лично одолела всех врагов, рассекая небо на длиннохвостой зубастой твари.

— Ладно, заболталась я с тобой, а мне учить надо, — спохватилась Ари.

— Постой... — я растерянно поднялась. — Давно Вандерфилд с Алиссией?

— Даже не думай, — вздохнула Ари. — Они обручены с рождения. Династический брак, у обоих черный сектор и чистая кровь основателей. К тому же, они так прекрасно смотрятся вместе... Такие красивые.

Я промычала что-то невнятное.

— Все, иди, некогда мне, — махнула рукой Ари.

— Когда произошел тот Отбор? Ну, когда Вандерфилд получил ранения?

— В начале октября, — буркнула девушка, открывая учебник. —

Ночью пятого числа, если быть точной. Отбор всегда проходит ночью, таковы правила.

Я на негнущихся ногах вернулась за свой стол и тоже открыла талмуд. Но не увидела не строчки. Выходит, и белобрысый гад пострадал от нашей встречи. Ведь именно пятого октября я провалилась под лед.

Что ж, теперь я знаю, куда Эш Вандерфилд так торопился.

\* \* \*

На следующий день Вандерфилд явился на занятия по «Разрушению чар». Я замерла, увидев его. Но лицо Эша было равнодушным, одежда — безупречной, и ничего в его облике не напоминало того взъерошенного и пьяного парня, что прижимал меня накануне к стене и шептал: поцелуй меня ещё раз...

Впрочем, шептал он это не мне.

Рядом с белобрысым гадом расположилась Алиссия, с другой стороны — Ривз и Эдди. За ними Магма и еще несколько старшекурсников, имен которых я не знала. На пустые места рядом никто сесть не осмелился.

Я отвернулась от компании неприкосновенных и попыталась сосредоточиться на уроке. К тому же, Аодхэн сегодня лютовал, словно с цепи сорвался. Ядовитая паутина, жалящие заряды и крошечные, но опасные молнии носились по аудитории, оставляя следы на одежде и повергая студентов в ужас. Правда, доставалось в основном той самой компании, на которую я пыталась не смотреть. Вандерфилд разрушал все атаки преподавателя с легкостью, заклинания произносил четко, ни разу не запутавшись. Пришлось признать, что ночные развлечения не сказались на способностях студента, а жаль. Ривз пару раз сплеховал и заработал молнию, Магма едва отбилась от паутины. Алиссия разрушала чужие чары с вежливой улыбкой, чем злила и меня, и, наверное, Аодхэна.

Задние ряды, и меня в том числе, преподаватель сегодня не трогал, но бдительности мы не теряли.

Из аудитории студенты выползали промокшие, как после длительной и изнурительной пробежки. Волосы у многих стояли дыбом, от одежды пахло гарью и пеплом. Но никого это не смущало, напротив, все живо обсуждали, кому удалось отбиться, а кто сегодня сплеховал.

Компания неприкосновенных вышла первой.

Я посмотрела им вслед и отвернулась, увидев взгляд Алиссии. По коже пробежал неприятный холодок, смотрела девушка недобро. Впрочем, иного

я от нее и не ожидала. Но миг — и студентка отвернулась, положила ладонь на локоть Эша.

Вандерфилд в мою сторону не посмотрел ни разу.

\* \* \*

Ключ от комнат нанимателя снова принесла «девушка с бантом».

— Эш велел убрать, — буркнула она, поймав меня между уроками.

Я промолчала о том, что Вандерфилд мог и сам отдать мне это проклятый ключ. Несколько раз мы виделись в коридорах академии. Но, похоже, вне стен своих комнат общаться белобрысый сноб не желал. И приближаться ко мне — тоже.

Ну и хорошо, мне же легче!

К счастью, когда я пришла, хозяйина в комнатах не было и, несмотря на впечатляющий погром, порядок я навела довольно быстро. Помыла полы, вытерла пыль, собрала мусор. Скривившись, застелила свежим бельем постель, стараясь не думать и не представлять, что могло происходить на ней после моего ухода. Надо же, династический брак. Вандерфилды и Хилширы. Две самые влиятельные фамилии в Королевстве. Неудивительно, что их дети с рождения уготованы друг другу. Правда, Эш и Алиссия кажется, совсем не против такого положения дел.

— У меня для тебя сюрприз, милый! — противным голосом передразнила я, выбивая до летящих перьев подушку. — Гадость какая!

На столе снова оказались свалены в кучу учебники и тетради. Я несмело открыла одну. Оказывается, у белобрысого гада очень красивый почерк. Ровный, резкий, с каллиграфическим наклоном и угловатыми хвостиками. Мои тетради можно принять за каракули ребенка, а Вандерфилд пишет так, что залюбуешься. А его табель об успеваемости заставил меня покраснеть и поникнуть. Только высшие баллы. Насупившись, я отложила тетрадь в сторону и взяла толстенный талмуд в черной обложке. Книга не была похожа на учебник. Хотя студенты старших курсов наверняка работают с дополнительным материалом. Провела пальцем по шершавым буквам и поежилась. От старинных завитков веяло холодом.

«Откровение» П. Ф. - оповещало название.

Я застыла, не веря своим глазам. Да быть того не может. Неужели это та самая книга, которую написал великий мыслитель Фердион? Его первое сочинение? Насколько я помнила из лекций, «Откровение» было

уничтожено и уже после смерти великого заклинателя переписано по памяти его учениками. И все экземпляры были зачарованы от разрушения и тлена. Ну и еще, как говорят, от «злых недоброжелателей». По легенде, «Откровение» может прочитать лишь человек с чистым сердцем и мыслями.

Так неужели я держу в руках экземпляр известной рукописи? Пусть и воссозданный заново, пусть!

И даже могу заглянуть внутрь? Прикоснуться к великому? Почувствовать необъятное?

Не дыша и обмирая от предвкушения и восторга, я медленно перевернула обложку. Просмотрела первую страницу. Вторую. Третью. Полистала. И вздохнула разочарованно. Потому что ничего не поняла. «Откровение» Фердион написал на чароите — мертвом языке, от которого у нас остались лишь связки слов-заклинаний. Кто-то считал, что в древних книгах можно найти варианты еще неизведанных и столь мощных слов, что они могут изменить наш мир. Ведь как ни странно, но новые заклинания никто ещё не придумал, работали лишь те, что создал Фердион. Потому он и почитался, как Великий Создатель.

Но даже если и были в «Откровении» ответы и тайны, понять я их не могла.

Зато Эш, похоже, эту книгу читал, — между страниц белел лист тетради. Моя рука дрогнула, когда я перевернула его. Рисунок черным грифелем на миг ожил перед глазами. Затянутая льдом река, горбатый мост. Огромная круглая луна. И резкими штрихами — тонкий силуэт, застывший на самом краю...

Горло сдавило, и я захлопнула книгу. Почему Вандерфилд нарисовал это?

Я нахмурилась, настроение резко испортилось. Положила талмуд на место. Надо заканчивать уборку и уходить, пока хозяин не вернулся, а не стоять тут, рассматривая его рисунки. Застань меня Эш за этим занятием, неприятностей не избежать. А мне их и так достаточно.

Комнаты я покидала в смешанных чувствах. Рисунок на листке слишком живо напомнил о том, что хотелось забыть.

\* \* \*

Самой большой радостью второй недели обучения стало получение тканей для пошива формы. От ключницы, выдавшей мне материал, я

неслась вприпрыжку, не помня себя от счастья. Еще бы, дождусь выходного дня и дома сошью себе форму ничуть не хуже той, что носит задавака Магма или сама Лисса. А может, и лучше. И наконец-то перестану бродить по академии нищенкой, в меня прекратят тыкать пальцем и за глаза называть Пугалом из Котловины. Я стану как все. Ну, почти как все!

От восторга я неслась, не разбирая дороги и не замечая препятствий. И конечно, на кого-то налетела!

Тюк с тканью упал в одну сторону, я рухнула в другую. Почти рухнула. Потому что меня подхватили сильные руки.

— И куда же ты так торопишься, Аддерли? Может, ко мне? — насмешливо растягивая слова, протянул Ривз.

Я вскинулась и нахмурилась. Руки парень не убрал, так и держал мои локти, притягивая к себе.

— Мечтай, — буркнула я. — И... отпусти!

— Ядовитая колючка Аддерли, — еще шире усмехнулся старшекурсник. — Ты всегда такая злая?

— Для тебя — всегда! — рявкнула я, озираясь. Как назло, в коридоре оказалось пусто. И где все эти толпы студентов, когда они так нужны? До самой галереи ни души. Впрочем, ключница обитала наверху дальнего крыла, и в эту часть здания редко заглядывали. Интересно, что забыл здесь Ривз. Хотя нет, совсем неинтересно!

— М-м, какая злюка, — парень продолжал улыбаться. — Зря ты так. Я ведь к тебе по-хорошему. И это несмотря на ведро помоев, заметь!

— Я уже видела твое «по — хорошему», — прошипела я. — Отпусти меня, или я заору!

— Ори, — хмыкнул он. — Маленькая девочка из Котловины еще не знает о заклинании, разрушающем звуки. А я знаю. Так что ори, Аддерли, разрешаю.

Я открыла рот. Закрыла.

— Понятливая, — довольно мурлыкнул Ривз.

— Что тебе надо? — вздернула я подбородок.

— И соображаешь быстро, — парень склонился ниже, темные глаза блеснули. — Значит, сделаешь правильный выбор, Аддерли. Впрочем, я и не сомневаюсь... Сотни синов хватит?

— За что? — моргнула я.

— Не за что, а за сколько, — усмехнулся Ривз. — В месяц, Аддерли. Думаю, для тебя это просто подарок судьбы, радуйся и благодари. Я не жадный. Часто трогать не буду. Некогда, выпускной год. Да ты и не одна, как понимаешь...

Я снова моргнула. Кажется, в голове что-то заржавело, потому что разум сбоил и отказывался понимать. Сто синов в месяц? Радоваться? Не одна? Это он что же мне предлагает?...

— Отпусти меня! — рявкнула так, что парень отшатнулся и, видимо, от неожиданности разжал пальцы. Я подхватила тюк с тканью и метнулась в сторону, однако убежала недалеко. Ривз догнал почти сразу, схватил снова.

— Не строй из себя недотрогу, пустышка! — прошипел он. — Тебе мало сотни? Хорошо, добавлю. Сколько ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты меня сейчас отпустил, а потом провалился, куда подальше и поглубже!

— Это вряд ли, злючка. Ладно, назови свою цену. Сколько?

— Ты отвратителен, — я прикусила губу. — Отпусти меня. Я не продаюсь.

— Зря упорствуешь, — нахмурился Ривз. — Я хочу помочь, Аддерли. Строишь из себя гордячку, а у самой глаза голодные и щеки ввалились. Думаешь, я не знаю? Знаю. Живешь впроголодь, ходишь в обносках, две тетради и пустота в карманах... Сколько ты так протянешь? А я не жадный, крошка. И с деньгами помогу, и с учебой. Ты пока даже не понимаешь, куда попала. Такой девушке, как ты, здесь не выжить без поддержки. Съедят.

Он притянул меня к себе, положил руку на талию. Между нами застрял тканевый тюк, не давая соприкоснуться телам, и Ривз глянул на него с досадой. Я снова дернулась, но держал парень крепко.

— Ну же, не будь дурой. Ты ведь умненькая, Аддерли, сама знаешь, что я прав. Тебе нужен покровитель. А если надеешься на Эша, то забудь. — Глаза студента сузились. — Вандерфилды слишком носятся со своей родословной и чистотой крови, Эш никогда к тебе не прикоснется. Это ниже его достоинства. А я вот не такой привередливый. К тому же, это все останется между нами.

— Тебе что, девушек мало? — со злостью бросила я, до белых костяшек сжимая рулон ткани.

— Мне их всегда мало, — хохотнул студент. — Но ты... Не могу забыть, как ты снимала этот мерзкий чулок со своей ноги, Аддерли. Представляешь? И смешно ведь. Платье у тебя как балахон, чулок жуткий шерстяной, ничего ведь соблазнительного... Ни капли. А все перед глазами стоит. — Он склонился ниже, и если бы не мешающий тюк, уже коснулся бы губ. Голос Ривза стал глуше. — Любопытно мне, колючка. Что в тебе такого, что я все думаю об этом проклятом чулке. Так сколько ты хочешь?

Я скрипнула зубами и вырвалась. Кажется, на локте остался синяк...

— Засунь свои деньги знаешь куда? По лицу вижу, что знаешь. И не смей ко мне приближаться, понял?!

Ривз выпрямился, в темных глазах зажегся недобрый огонек.

— Ты подумай, Аддерли. Хорошо подумай. согласишься, куда ты денешься. Без синов в ВСА делать нечего, у тебя нет другого выбора. Сама придешь.

— Жди! — я развернулась, сжимая благословенный рулон. Парень за спиной усмехнулся. Похоже, он не сомневался в своей скорой победе.

А я бросилась прочь. Хотелось бежать, но я заставляла себя идти, гордо выпрямив спину и кусая губы. Самое плохое, что Ривз был прав. В том, что в ВСА без синов делать нечего. И мне надо срочно что-то придумать и найти деньги. Вот только сказать легко, где мне их искать?

Помимо вопросов питания, меня беспокоило отсутствие необходимых учебных принадлежностей. Пока я как-то выкручивалась, но впереди целый год. Год. И глядя на других студентов, я понимала, сколь многое мне понадобится для обучения. Где я все это возьму? На что куплю?

Стиснула зубы, запрещая себе отчаиваться. Я смогу. Я что-нибудь придумаю!

Не оглядываясь на оставшегося за спиной старшекурсника, я дошла до поворота и уже за углом припустила, стремясь скорее добраться до своей комнаты. В животе отчаянно булькало, напоминая, что завтрак был давно. Но меня поджидала вкуснейшая краюшка с сыром, а на десерт — сушеные яблочки. Так что все отлично!

Увы, встретил меня неприятный сюрприз.

В комнате, которую я делила с близнецами, оказался гость — мрачный старик. Насколько я знала, это был смотритель нашего синего крыла. И в руках он держал заветный мешочек с моими припасами. Шелли и Брин топтались рядом. У первой на глазах блестели слезы, вторая хмурилась.

— Это твое? — не успела я войти, накинулся старик. Я опасливо кивнула. — Штраф. Пять синов!

— Но за что? — опешила я. Сговорились все, что ли?

— За разведение насекомых и грызунов! — вконец осерчал смотритель. — Ты устав академии читала? В комнатах запрещается хранить продукты без холодильного шкафа. Понатащут съестного, я мне потом возись. Искореняй преступность!

— Какую преступность?!

— Грызущую!

— Но я никого не разводила! — я попыталась отстоять свои запасы. Старик зыркнул из-под лохматых бровей, дернул тесьму на мешке и сунул

мне под нос.

— Мамочки... — отскочила я. — Что это?

Внутри, на моих прекрасных сушеных яблочках, резвились многоножки. Одна приподнялась, кровожадно шевельнула усиками, словно раздумывая, не слопать ли вдобавок и меня.

— Фу!

— Вот именно. Это гадость размножается со скоростью мобилы. И если бы я вовремя не среагировал, могла сожрать все запасы академии. Знаешь, как трудно ее вывести? А ты принесла их в своем мешке!

— Но ещё вчера там не было никаких многоножек!

— Были! — отрезал старик. Слушать меня он явно не желал, мешок завязал, наложил на него заклинание, а на меня — штраф.

— Оплатишь в казну академии!

Я уныло опустилась на кровать. И откуда только взялись эти насекомые? У нас дома таких сроду не водилось, тетя истово следила за чистотой. Но кто мне поверит? Доказательства вон хрустят сушеными яблоками и заедают сыром. Получается, что хранить запасы в комнате теперь нельзя? А я рассчитывала и впредь прихватывать что-нибудь из дома...

Да еще и штраф. Пять из десяти моих синов.

— Прости, Тина, — виновато произнесла Шелли. — Я ужасно испугалась. С детства боюсь всяких насекомых, а тут одна вылезла. Я так визжала, что все крыло перепугала. Вот смотритель и прибежал!

Я махнула рукой. Девочки не виноваты, я может, тоже испугалась бы. Правда, вряд ли начала бы орать и звать смотрителя... Но и осуждать близняшек я не могла.

Мои вещи оказались разбросанными по кровати и полу, похоже, смотритель здесь здорово покопался, разыскивая вредителей!

Со вздохом, я сложила тетради.

— Письмо! — вдруг вспомнила я. Подскочила, как ужаленная. Святой Фердион. Письмо от Йена. Я же положила его в учебник арифметики. Боги, я снова умудрилась забыть о черноглазом парне. Хотя со всеми моими приключениями можно и имя свое запомнить, не то, что какое-то послание от почти незнакомца!

— Ты что-то потеряла? — подняла брови Брин.

— Письмо. Желтый конверт. Вы не видели?

Сестры покачали рыжими головами. Я в десятый раз потрясла покрывалом, подняла подушку и заглянула под кровать. Но конверт не нашла.

— Куда же оно делось?

— Может, смотритель случайно прихватил? — с сочувствием спросила Шелли. — Догони его и спроси!

Я поежилась. Догонять вредного старика мне совсем не хотелось. А что-то спрашивать — тем более!

Настроение оказалось окончательно испорченным. Тюк с тканью я оставила на кровати, и решила, что лучший способ отвлечься, а заодно обмануть голод — это загрузить голову учебой.

За прошедшие дни в академии я успела изучить коридоры и переходы, научилась пользоваться картинками-указателями и ни разу не опоздала на уроки. Чем немало гордилась!

К сожалению, на этом мои достижения и успехи пока заканчивались. И самое неприятное, что большим разочарованием я стала для... Тензии Лебвест. Урок, который так понравился мне в первый раз, к концу второй недели превратился в кошмар. А все потому, что мне категорически не давалась материализация. Даже на уроках Аодхэна было легче. Там я порой путалась в заклинаниях, забывала слова, но чаще вполне удачно разрушала чужую магию.

А вот в аудитории-мастерской чувствовала себя не просто пустышкой, а полным ничтожеством. А ведь это предмет, обязательный к экзаменации!

И я уже молчу о том, что мой потенциал равен двадцати двум единицам. Ведь у той же Грей всего девять, у безалаберного Эрика — тринадцать, у скромной девушки с последнего стола — шесть. И даже они делали успехи. Конечно, не сразу. Большинству не удавалось воплотить этот несчастный цветок, и он получался лишь наполовину или частично. Такие недоделки отправлялись в огромную корзину с мусором. Но у меня не выходило даже этого. Моя проволока оставалась лишь стальной нитью, сколько я не колола ею пальцы.

— Милая, похоже, тебе стоит сменить материал, — не выдержала моих мучений Тензия. — Возможно, ты ошиблась. Попробуй что-то другое!

Я покорно кивнула. Но та же история повторилась с глиной, тканью, железом, бронзой, камнем... я не ощущала внутри себя отклика, беря в руки материалы, и они оставались в моих руках лишь бесполезными кусками.

— Не переживай, дорогая, — сочувствовала Тензия. — Иногда такое случается. Ты обязательно найдешь свое. Верь в себя!

И пока остальные учились и осваивали материализацию более сложных форм, я пыхтела, пытаюсь обнаружить это самое «свое».

Но пока мне это не удавалось.

Даже Томас забеспокоился и, подойдя ко мне после урока, шепнул:

— Если твой материал не проволока, то амулет может не сработать.

Пока ты не определилась, защиту не сделать. Так что ищи, Аддерли!

Легко сказать — приуныла я. Добрая Тензия даже предложила мне тренироваться вечерами, после занятий, на что я с радостью согласилась. Приду сюда одна, может, в тишине и без косых взглядов у меня получится лучше?

Мой подросткий потенциал вызывал у меня странную смесь радости и опасения. С ранних лет меня учили, что любые блага надо заслужить, достаток заработать, а чудес не бывает вовсе. В последнее я не верила, но вот можно ли отнести двадцать две единицы на счет чуда — не уверена. Признаться, я пока плохо понимала, что мне вообще делать с этими единицами. Может, надо кому-то рассказать? Но вот кому? Куратор, к которому меня прикрепили, показался равнодушным и мало заинтересованным в судьбе какой-то самозванки из Котловины. Я попыталась поговорить с ректором, но как ни странно, не смогла найти дверь, в которой видела женщину-ворону. А обсуждать свои чары со студентами, конечно, не стала.

И пока решила молчать.

Также оказалось, что в академии существует система наказаний, о которой я уже успела узнать на собственной шкуре. Помимо баллов за экзамены и прочие достижения, студенты получали в течение года штрафы. И они могли снизить общую оценку. Штрафы можно было оплатить, внеся сины в казну академии, а можно отработать, если ты нищенка из Котловины.

Мне не нравились оба варианта, поэтому я решила всеми силами штрафов избегать.

Правда, было и то, что грело душу. Несколько дней прошли вполне мирно. Студенты хоть и косились, но, кажется, начали привыкать к моему присутствию в стенах академии. Конечно, надо мной насмехались, но я не обращала внимания. А издеваться над тем, кто никак не реагирует, скучно. Неприкосновенных я научилась избегать, общих занятий с ними, к счастью, было мало. Основные предметы давались мне довольно легко, спасибо отличной памяти. Тот же мертвый язык заклинаний, над которым стонали и бились почти все первогодки, я запоминала без проблем, не путалась в слогах и звуках. Хронология мне нравилась еще со школьных времен, арифметика пока была несложной. В общем, мне стало казаться, что я все смогу и осилю. К тому же, теперь у меня был Томас, который со

свойственной ему дотошностью объяснял то, что я не понимала.

Вот только проклятая материализация никак не давалась. Поэтому к концу недели я решила воспользоваться советом Тензии и потренироваться самостоятельно.

## Глава 14

Мастерская материализации встретила меня непривычной тишиной. Днем здесь всегда кипела жизнь, студенты шептались, смеялись, радовались или огорчались. А сейчас помещение казалось одиноким и немного мрачным. За окнами уже наступила ночь, и мне пришлось зажечь пару настольных ламп.

— Ну, приступим! — подбодрила я себя, поднимая с пола моток ниток. Закрывает глаза, как учила госпожа Лебвест, прислушалась к себе. Услышала недовольное урчание в животе. Вряд ли это можно отнести к «отклику на свой материал». На глине урчание усилилось, на бронзе стало заглушать голос разума и желание обучаться.

— Нет, так я ничего не пойму! — рассердилась я, открывая глаза. И вздрогнула, увидев стоящую у стены фигуру.

Кусок железа выпал из ослабевших пальцев и чуть не ударил по ногам. Я отпрыгнула.

— Что ты тут делаешь?!

— Страшно? — протянул Вандерфилд, неспешно выходя на свет. — Это ты что тут делаешь?

— Я пытаюсь учиться, — буркнула я, ощущая себя неловко. После того дня, когда он был пьян и зол, мы не встречались наедине. Я решила, что Вандерфилд решил соблюдать нейтралитет. И нас обоих это устраивает. И сейчас в этой полутемной мастерской его присутствие ощущалось слишком... явно.

— Первичные изменения материальных предметов удаются почти всем заклинателям. Это же так просто! — презрительно отозвался белобрысый гад. — У тебя столь низкий потенциал, что ты не справляешься?

— Не твое дело, — вспыхнула я.

Вандерфилд подобрал камушек, перекинул с ладони на ладонь. Повертел в пальцах левой руки — той, что без перчатки. И я отшатнулась, когда камень превратился в колкое стекло. Белобрысый гад довольно улыбнулся, раскрывая пальцы.

— Нравится издеваться? — насупилась я.

Заклинание разрушения — и стеклянные грани вернулись в первоначальную форму камня. Так же легко, как и были созданы.

— Даже не начинал. Просто показал, что изменить структуру вещества

с помощью чар — проще простого. Всего лишь сделать из твердого — гладкое. Или острое. А ты не можешь даже этого.

— И что? Тебе какая разница, что я могу?

— Размышляю, пустышка. — Вандерфилд присел на край стола. — Что ты забыла в ВСА размышляю. Не дает мне это покоя.

— Размышляй где-нибудь в другом месте, — я отчаянно сжала кусочек сухой глины. Ужасно хотелось вот прямо сейчас, на глазах у усмехающегося аристократишки сотворить что-нибудь эдакое. Даже не цветок, а например... бабочку. Что-то живое и по — настоящему сложное. Изменить камень на стекло могут даже первокурсники, сотворить кусочек растительного мира уже удастся не всем. Живое материализовать труднее. Вот я бы сейчас взяла — и сделала. Но, увы. На ладони остался красно-коричневый след глины, но и только. Я постаралась не показать, что расстроена.

— Я буду там, где пожелаю, пустышка, — высокомерно протянул он.

— Прекрати называть меня так. У меня имя есть!

— Да? Надо же, — вполне натурально удивился он. — Только мне оно не интересно. Пустышка. Тебе место в захудалой школе за оградой, а не здесь.

Злость и обида запершились в горле. Вот, значит, как?

Не думая, сжала в кулаке глину и швырнула в нагло улыбающееся лицо гада. Не попала. Он мягко отклонился, кажется, даже не напрягаясь. И принялся разглядывать свою кожаную перчатку!

— Какая же ты нелепая, пустышка.

Следующим полетел увесистый моток ниток. Вандерфилд рассмеялся.

— Глупая.

Меня ослепила ярость!

— Совершенно бесполезное существо. Даже полы моешь плохо. Ты так меня раздражаешь.

Что?!

Каждый день в ВСА мне приходится буквально отвоевывать. У меня нет денег, нет еды, нет одежды и друзей, ко мне пристают, надо мной насмеются. Да что я такого сделала? Чем заслужила все это?!

— Я просто! — в полет отправлена ткань, следом — деревяшка... — Хочу! — кусочек железа, стекла, горсть песка... — Учиться. Просто учиться. Неужели так сложно оставить меня в покое? Неужели надо травить и издеваться? Снова и снова. Надо? Надо?. Ненавижу!

Вандерфилд уже не смеялся, лишь молча отклонялся от очередного моего снаряда. А когда под рукой ничего не осталось, я схватила лист

бумаги, скомкала, понимая, что все бесполезно... Неужели, я и правда лишь никчемная пустышка, провалились все пропадом?!

Ладонь кольнуло, под пальцами растеклось приятное тепло. И я открыла рот, увидев, как мой бумажный комочек — легкий и совершенно безобидный, вдруг увеличился в размерах, затвердел и превратился в снежный ком!

— Praesidio... — тихо сказал Эш.

Снежный снаряд растаял.

— Порой нужны другие эмоции, пустышка. А Тензия лишь созидатель. Слишком ласковая.

Я ошарашено застыла, не понимая, что сейчас произошло. Неужели... я нашла свой материал? Не веря, взяла со стола чистый лист — и снова ощущение тепла в пальцах... Святой Фердион. Но ведь я и раньше испытывала это чувство. Но всегда списывала на трепет перед обучением и новыми знаниями. А в библиотеках я и вовсе впадала в транс. Так значит, бумага? Это всегда была бумага?

Бумага!

От счастья захотелось смеяться, и я развернулась к Вандерфилду. И замерла. Но получается, он мне сейчас... помог? Да быть того не может. У него наверняка есть какой-то подлый план по очередному унижению пустышки!

Или — нет? Почему я никак не могу определиться в своих эмоциях? Вроде и сволочь, но из-за него я в академии, вроде и разозлил, но я нашла свой материал... И вот что я должна чувствовать?

— Зачем... зачем ты это сделал?

— Что сделал?

— Ты помог мне.

— Помог? — приподнялись светлые брови. — Ты бредишь.

— Ты заставил меня испытать злость, чтобы я почувствовала бумагу!

— Я всего лишь развлекался.

— Развлекался?

— Да. — Он смотрел в упор, на лице застыла маска безразличия. — Ты очень смешно выглядишь, когда злишься.

— Но... это жестоко!

— Это весело, — сквозь зубы процедил он. — Маленькая глупая пустышка, красная от ярости и обиды. Что может быть забавнее?

— Ты просто отвратителен.

Я обхватила себя руками. Внутри бушевали эмоции, я уже не понимала, что чувствую. С Вандерфилдом постоянно так. Слишком

непонятно!

Он подошел ближе, склонил голову, рассматривая.

— Сколько у тебя s-единиц?

— Тебя это не касается.

— Да? — он смотрел задумчиво. — И все же.

— Отстань от меня, — разозлилась я. — Оставь меня в покое. Тебе больше заняться нечем?

— Точно. У меня совершенно свободный вечер.

— Ну так иди к своим друзьям и... подруге. А мне учиться надо!

— Думаю, тебе надо заняться стиркой моих вещей, — задумчиво протянул гад. — Кажется, мои друзья или... подруга снова что-то пролили на ковер. Или на покрывало. А может, и на обивку кресел.

— Может, они просто свиньи? — не выдержала я. — Раз все проливают и пачкают? Ты бы поосторожнее, знаешь поговорку? Скажи мне, кто твой друг...

Светлые брови Вандерфилда удивленно поднялись.

— Ого, огрызаться научилась?

— А я разве не умела? — повторила я его трюк с бровями.

— И не боишься? Смелая?

Я отошла к столу, за которым обычно сидел Томас, провела пальцем по поверхности.

— Просто просветилась насчет закона о стирании памяти, — тихо произнесла я. — Там впечатляющий список наказаний...

— Я уже говорил, что не люблю угроз, пустышка, — негромко отозвался Вандерфилд, а я пожала плечами.

— Я и не угрожаю. Просто попроси своих друзей крепче держать бокалы и ничего не проливать!

Вандерфилд в два шага пересек разделяющее нас пространство. Я пискнула, оказавшись зажатой между ним и столом. Эш не прикасался, лишь смотрел, прищурившись, словно надеялся пробраться внутрь моей головы. Или так и есть? Я похолодела.

— Какой у тебя потенциал? — процедил он. — Отвечай!

— Потенциал пустышки, — рявкнула я. — Один или десять, тебе ведь все равно. Какая разница?

— Все началось с той ночи... — он нахмурился. — Мне кажется... нет, глупость...

Он осекся и помрачнел, продолжая рассматривать мое лицо. Я осторожно выдохнула.

— Если глупость, то может, ты оставишь это при себе и дашь мне

спокойно потренироваться?

— Как ты сбросила влияние Ривза? Как убереглась от моего внушения? У тебя ведь нет защитного экрана.

— С чего ты взял, что нет? — запальчиво выкрикнула я.

Вандерфилд глянул недоверчиво. И вдруг склонился ниже.

— Sitis! — выдохнул он мне в лицо.

Я ахнула, скорее от неожиданности и непонимания. Покачнулась и схватила руку парня, чтобы не упасть. Он сжал ладонь, удерживая меня. Глянул на наши соединенные пальцы, тяжело перевел дыхание.

— Sitis, — почему-то повторила я.

— Что? — неверяще произнес он. Прижал руку в перчатке к горлу, тяжело сглотнул. — Ты отразила заклинание? Вот только... Да чтоб тебя!

Я хотела узнать, что происходит. И что все это значит. И какое заклинание ко мне только что применили. И даже как я могла его отразить, если учесть, что никакого экрана у меня в помине нет...

Но не успела произнести ни звука.

Вандерфилд рывком притянул к себе и поцеловал. Смял губы, лизнул жадно. Подхватил под ягодицы, усаживая на стол и раздвигая ноги. Вклинился между моих бедер, натянув ткань платья, прижался. И все это в один миг, продолжая ласкать языком и не давая даже вздохнуть, не то, что подумать...

Впрочем, думать мне почему-то совсем не хотелось. Внутри меня поселился проклятый огнезмей, он вспыхнул внизу живота, а потом растекся жаром по венам. Дышать стало нечем, сухое горло требовало влаги. И почему-то не воды, а поцелуев... Его поцелуев. Вандерфилд выругался. Надо же, а я думала, аристократишка не знает слов из лексикона работяг Котловины. Но от грязных словечек стало лишь жарче нам обоим. Я даже не поняла, когда Эш успел расстегнуть пуговички на моем вороте, лишь выгнулась от прикосновения горячих пальцев. Как-то плохо соображая, я уперлась ладонями в грудь парня, сама не понимая, что хочу сделать. Оттолкнуть? Или нет?

Он втянул воздух и закинул мои ладони себе на шею, безмолвно приказывая обнять. Пальцы легли на стриженный затылок, зарылись в жесткие светлые волосы... Эш повторил зеркально — запустил пальцы в мою прическу, снял заколку, отбросил, растрепал пряди. Обжигающий кожу рот скользнул по шее вниз — влажно и так дико, так чувственно. И снова вверх — к губам, оставляя тянущее чувство предвкушения и желания...

— Проклятье... — он дышал с трудом — хрипло, рвано. Лаская мою

грудь сквозь ткань, дергая оставшиеся пуговички. — Ты мне мозг сносишь...

Вжался в мои бедра — лихорадочно, сильно. Руки, наконец, справились с подолом и ладони легли на ягодицы. Чулки я не надела, решив, что в здании академии достаточно тепло. И сейчас от прикосновений к обнаженной коже стало нечем дышать. Кожаная перчатка на правой руке Эша почему-то ощущалась прохладной, и это создавало возбуждающий контраст с горячими пальцами руки левой.

Эш мучительно сглотнул сухим горлом. Оторвался с трудом.

Я видела, как бьется жилка на его виске, как проступают от возбуждения вены на шее, как расширяются зрачки, уничтожая летнюю зелень глаз.

И снова вжался, словно покоряясь неизбежности.

Но краткого разъединения хватило, чтобы ко мне вернулся разум. Или не вернулся. В выжженном огнем организме бурлило что-то запретное и неподдающееся контролю. Но задери меня исчадие бездны, что я творю? Это же белобрысый гад. Да я же ненавижу его. Правда, мои действия как-то этому противоречат...

Дернулась, выворачиваясь из сильных рук.

— Пусти...

— Нет, — ответил хрипло, жадно выцеловывая шею и ямку ключицы. — Это все ненастоящее... Это sitis... Странное действие... Ты его отразила... но проклятие, как же я хочу тебя... Поцелуй меня еще... Открой рот, ну же!

Хриплый приказ подействовал как катализатор, воздух раскалился до белизны, я тихо ахнула. Эш обхватил ладонями мое лицо, терзая губы...

— Проклятое заклинание...

Заклинание? В голове что-то щелкнуло, не иначе — закрылась дверь за удалившимся вдаль сознанием!

Значит, все ненастоящее?

— Хватит! — рявкнула я, пытаюсь отдышаться. — Я не могла отразить заклинание, у меня не хватит потенциала. И у меня нет экрана!

Эш замер, вскинул голову.

— Ты сама сказала, что есть!

— Нет! — попыталась натянуть на обнаженные ноги подол и увидела, как смотрит на голые колени Вандерфилд. От одного этого взгляда в жар кидало...

— Ты врешь, — хрипло повторил он. — Твой экран отразил заклинание, такое случается... Или у тебя хватило сил на меня

подействовать. Я не мог... сам!

— У меня нет экрана, — повторила я почти со злорадством. Ах, значит так? Сам он не мог? — Используй, наконец, свои мозги, Вандерфилд. Я из Котловины. Откуда у меня деньги на такую защиту? А у тебя черный уровень, и ты применил запрещенное воздействие против того, кто слабее. Снова нарушил закон!

Он сглотнул, зеленые глаза сузились. А потом принялся лихорадочно меня ощупывать, только на этот раз — поверх платья. Защитный амулет ищет — догадалась я.

— У меня ничего нет, — тихо повторила я. Пальцы дрожали, когда я застегивала пуговицы.

Вандерфилд прекратил бесполезные поиски и медленно выпрямился. Смотреть на него не хотелось, поэтому я отвернулась, торопливо оправила платье. За спиной было жутко тихо, словно Эш даже не дышал. Повернулась и напоролась на его взгляд — злой и горячий одновременно. Кажется, Вандерфилд меня ненавидел. И себя тоже за этот странный миг желания...

Мысли путались, думать не получалось. И губы распухли. И Эш не мог оторвать взгляд от моих губ...

Шагнул назад. И еще. Подальше от меня.

— Ты отразила заклинание, пустышка. Не знаю как, но отразила. Я ощутил воздействие!

— Может, ты ищешь себе оправдание? — мрачно протянула я. Хотелось снова кинуть в него что-нибудь тяжелое. Тело все ещё горело от жадных ласк, и самое противное — желало продолжения. Гадство...

— А может заклинание так подействовало, потому что ты не против немного развлечься, а, пустышка? Или подзаработать?

— Убирайся, — прошипела я. — Ненавижу тебя!

— Я видел, как ты меня ненавидишь.

Усмехнулся, развернулся и ушел, хлопнув дверью.

Я сжала виски ладонями, с трудом удерживаясь от желания затопать ногами. Схватила со стола лист бумаги, скомкала яростно.

— Гад, гад, гад белобрысый!

Швырнула в корзину с мусором и закрыла лицо ладонями. Сволочь. И почему он постоянно поворачивает так, что я ощущаю себя хуже некуда? Сам ведь послал в меня это заклинание, а снова я виновата?

В мастерской что-то тихо зашелестело, упало, и я открыла глаза. Мусорная корзина оказалась перевернутой, а среди груды бумаг, глины, щепок и прочего хлама мелькнул длинный хвост.

Это еще что такое?!

Я взвизгнула, подлетела и схватила веник, замахнувшись.

— А ну, вылезай. Вот я тебя сейчас!

Кучка мусора шевельнулась, из-под огрызка яблока высунулась длинная морда неизвестного существа. Белесое создание с мутными глазами потянуло носом и... зашипело!

Вскрикнув, я взлетела на лавку с ногами, с ужасом глядя на существо и запоздало понимая, что кажется, это моих рук дело. Ну да, я швырнула в корзину скомканный лист. Но разве могло он воплотиться в... это? Да что это вообще такое? Какой-то... гад. Ползучий!

Что-то странное и нелепое, бело-серое, угловатое, словно мятый тетрадный лист, отдаленно похожее то ли на змею с крысиным хвостом, то ли на ящерицу со странными отростками на боках!

— Мамочки, — помянула я давно почившую родительницу.

Существо вильнуло хвостом, подняло узкую морду, подслеповато моргнуло. Втянуло воздух, дергая головой и боковыми отростками. Снова зашипело и юркнуло за мусорную корзину.

— Куда. Стоять! — запоздало завопила я, выкрикивая заклинание разрушения. Вот только успела ли? Или странное создание проскользнуло между статуями и подрамниками?

— Теперь меня точно выгонят! — схватилась я за голову, лихорадочно пытаюсь найти ползучего гада. Ведь главное правило в материализации — разрушить свое заклинание и уничтожить то, что было создано. За нарушение мне грозил огромный штраф!

Я застонала в голос и бросилась перерывать мастерскую. Отодвинула подрамники, пролезла под столами и лавками, вытряхнула мусорное ведро. Но все бесполезно. Белесое существо исчезло. Так может, разрушение подействовало? Может, я зря паникую?

Медленно опустилась на лавку, раздумывая, что теперь делать. По правилам я обязана доложить преподавателям о нарушении. Мне выпишут штраф и возможно, не выгонят из ВСА. Но только денег на оплату у меня нет!

Что же делать?

Видит святой Фердион, я никогда не была ни трусихой, ни вруньей. Но сейчас ощущала себя в капкане, из которого не знала, как выбраться. Совестьливая Тина твердила, что надо признаться. Практичная Тина убеждала сидеть и помалкивать. В конце концов, существо было совсем маленькое, с тетрадный листок. Вряд ли опасное... Не могла ведь я создать что-то страшное, правда? К тому же я уверена, что смогла его разрушить.

Ну... почти уверена.

— Я снова влипла, — констатировала Тина Унылая.

Мало мне Вандерфилда, ещё и этот неизвестный ползучий гад нервирует!

И совершенно некстати в голове медленно всплывало слово из учебника по чароиту.

Sitis. Жажда.

Заклинание жажды. Я должна была захотеть воды, а не Вандерфилда.

Что происходит с моей жизнью?

\* \* \*

Что происходит с моей поганой жизнью?

Я отбросил перчатку и повернул латунную ручку крана, со злостью отметив дрожь в руках. Холодная вода ударила в ладони, и я застыл, рассматривая убегающие сквозь пальцы струи. Последнее время не покидало ощущение, что с моей жизнью происходит то же самое. Она стекала неуловимыми каплями напрямик в канализацию, и мне не удавалось это остановить.

Что случилось только что в мастерской? Зачем я вообще туда пошел? Отправился к Ривзу, а притащился в мастерскую для первогодок... почему?

Со злостью ударил кулаком по раковине, разбрызгивая воду.

Заклинание. Девчонка соврала. Все дело в заклинании. Она повторила его и отразила, сумев подействовать на меня. Пробила мою защиту!

Я узнаю правду!

Сбил с полки ровный ряд бутылочек с мылом и пастой. Осколки брызнули стеклянными слезами, один впился в бок. Я с досадой его вытащил, отбросил. Вздохнул. Глянул недовольно на разбитый пузырек. Такие проявления эмоций недостойны фамилии, которую я ношу. Неконтролируемые вспышки агрессии позволяют себе лишь простолюдины. Я же на это не имею права. Отец говорит, что наследник слишком эмоционален и вспыльчив. Эти качества из меня выбивают с детства...

«Наш сын еще молод, Мариус, — с привычной снисходительностью говорила отцу моя безупречная мать — леди Амалия-Долорес. — И он истинный разрушитель. Ты ведь понимаешь, как тяжело ему контролировать ярость. Вспомни себя в двадцать пять лет. И прояви... понимание...»

Понимание? Отец никогда не страдал подобными слабостями. У отца вообще нет слабостей.

Я усмехнулся.

На моем языке вкус девушки, прикосновение к которой более чем недостойно. Да это то же самое, что копать в отбросах!

Я почти видел, как презрительно сморщила бы совершенный носик моя мать, узнай она об этом, или как разочарованно посмотрел бы отец. Вопиющее бесчинство.

Вот только мне почему-то хочется снова ощутить этот затухающий вкус, окунуться в него, распробовать. Я никак не мог распознать нюансы. Шоколад? Какой-то экзотический фрукт? Или цветок? Сладость ванили, немного терпкости...

Желание. У пустышки был вкус желания. Почти невыносимый...

Руки зачесались от желания швырнуть в стену что-нибудь еще.

Проклятие какое-то!

Это было первое, что я подумал, когда все началось. Проклятие. Заклинание. Чужая навязанная воля. Что угодно. Но вмешательства не было, и это пора признать. В том, что со мной происходит, нет чужого и злого умысла. Это подтвердил опытный и очень дорогой заклинатель, к которому я тайно обратился. Это подтвердил Аодхэн. И если в первом я еще мог усомниться, несмотря на его статус и кучу регалий, то во втором — нет.

— Ни единого признака чужой магии или вмешательства, — с привычной усмешкой произнес Аодхэн. Хотелось не поверить. Но, увы... Аодхэн не ошибается.

Но если меня не прокляли, то в чем дело? Что происходит?

Взгляд зацепился за серебристый диск в распахнутом шкафу. Чаронометр. От одного вида этого предмета стало не по себе. А ведь раньше... раньше. Первые годы после пробуждения потенциала я брал измеритель с предвкушением. И испытывал тайный восторг, наблюдая, как ползет по цифрам черная стрелка. Потом привык, конечно. И стал относиться к собственному потенциалу так, как учил отец — со спокойным достоинством. Я заслужил черный сектор. Правом рождения, правом принадлежности к великим Вандерфилдам. К основателям Королевства. К тем, что издревле стоят у трона, тем, на чьей мощи держится королевская власть Тритории.

И я собирался стать в ряд своих предков с высоко поднятой головой и осознанием ответственности и силы, которой наделен. Я желал стать тем, кем будет гордиться семья. Перед кем склонятся головы сильнейших

заклинателей!

Разве я мало сделал для этого? Разве не нес свою фамилию с честью? Лучший студент ВСА, выдающиеся достижения, обучение по углубленной программе!

Я достоин, раздери все бездна. Достоин. Я лучший!

Был.

Переступил босыми ногами, не замечая, что топчу стекло.

В прошедшем времени. Потому что с некоторых пор я боюсь чаронометра. Боюсь проклятого куска зеркала со стрелкой!

Процедив сквозь зубы ругательство, от которого отец наверняка поджал бы губы и наградил ещё одним презрительным взглядом, я рывком выхватил измеритель и прижал к руке. Стрелка качнулась. И на миг показалось, что она не сдвинется вовсе. Так и останется на жалком нуле... На висках выступила испарина, во рту стало горячо. Кровь. Я прикусил щеку. Соленая кровь смыла вкус девчонки из Котловины, и я ощутил облегчение. Так лучше...

И снова посмотрел вниз, на чаронометр. Словно нехотя стрелка двинулась отмерять единицы. Сердце колотилось об ребра, давило в горле.

Десять... двадцать... тридцать...

Я всегда измерял потенциал десятками. Жалкие единичные деления — это для неудачников.

Сорок.

Дышать чуть легче.

Красный сектор. Как же медленно она двигается. Проклятая стрелка!

— Ну, давай же, тварь! — процедил сквозь зубы. — Ползи!

Шесть десятков.

Семь.

Семьдесят пять.

В последний раз на этом диске я увидел цифру, которая сломала годами тренируемое спокойствие.

Семьдесят семь. Не девяносто девять.

А семьдесят семь, будь оно все проклято!

Семьдесят шесть... семь...восемь...

Восемь десятков.

И дальше...

Стиснув зубы, смотрел. Не верил. Глотал кровь.

Выдох...

Нет, мой привычный потенциал не вернулся. До прекрасной цифры «99» стрелка так и не доползла, замерев на восьмидесяти двух. Но единиц

стало больше. Больше!

Я закрыл глаза, заставляя себя дышать. Все образуется. Все наладится. Моя потеря чар прекратится. Так должно быть, ведь я Вандерфилд. Я неприкосновенный!

Отбросил чарономер, поняв, что стрелка больше не двинется, даже если просверлить ее взглядом.

Сжал края раковины и посмотрел в глаза своему отражению в зеркале.

— Не смей скулить! — с ледяным призрением приказал себе. — Ищи причину утечки. Сопоставляй. Анализируй. Думай. Ты Вандерфилд!

Вандерфилд!

Но проблема в том, что сколько справочников я ни открыл, сколько книг не просмотрел — нигде не было упоминания о подобном случае. А на мой вопрос — из-за чего потенциал заклинателя может изменяться, профессор Лифис лишь поднял удивленно брови.

— Но это невозможно, Эш. Потому что противоречит первому закону сохранения потенциала. Уровень заклинателя устанавливается обычно к десяти годам и более не меняется. Его невозможно пополнить, как невозможно и уменьшить. Это неизменная величина, уважаемый. Вам ли этого не знать, у вас лучшие отметки на курсе!

— Но ведь бывают случаи иссушения, — возразил я.

— Вы имеете в виду незаконное отнятие чар? Очень-очень сомневаюсь, что слухи об этих случаях имеют реальную основу. Скорее, это байки для молодых заклинателей. К тому же, вы ведь спросили о том, может ли потенциал стать динамическим? Это совершенно невозможно. Вы сосуд, уважаемый Эш. А ваши чары — субстанция, которая не существует в воздухе. Лишь в теле человека. И если предположить, что она уменьшилась — просто предположить! — то обратный процесс уже невозможен. Иначе первый закон придется отменить. А кто мы такие, чтобы спорить с законами самого Фердиона?

Профессор снисходительно рассмеялся в седые усы, я кивнул.

И не стал говорить, что это «невозможное» происходит со мной каждый день. Мой потенциал скачет бешеной стрелкой по циферблату и меня раздирают ярость и сомнения!

Одно очевидно — никто не должен знать. Ни одна живая душа. Правда, Аодхэн, наверняка, увидел... Сволочь. Он всегда все видит. Но он единственный человек, который точно промолчит.

Нужно больше данных. Сопоставления. Информация. Я узнаю правду!

А докопавшись до сути, накажу виноватых. Чего бы мне это не стоило!

Безразлично глянул на ногу, в которой застрял осколок. И надо велеть

поломойке здесь убрать. И заодно объяснить, что все, произошедшее в мастерской лишь... ошибка. Нахмурился. Ошибка? Пусть так. Другого слова я пока подобрать не могу. Главное, чтобы эта бродяжка из Котловины не вздумала болтать. Или на что-то надеяться. Все эти девчонки, норовящие залезть ко мне в постель, бесили невероятно. А то, что я сам целовал поломойку — действие кривого заклинания и досадная оплошность. Да. Так. Как если бы я наступил ботинком в грязь. Случайно. Такое случается даже с наследниками династий!

Случайная неприятность.

Оплошность с самым невероятным вкусом...

Постоял, скривившись и понимая, насколько нелогичны мои мысли.

Как же это злило!

А пустышка... беспокоила. Мысли снова и снова возвращались к ней. Раз за разом. Мои проблемы начались в ту ночь, когда я ее встретил. В ту проклятую ночь. Если бы меня не задержала Алиссия, если бы я не опаздывал на состязание, если бы не решил срезать дорогу, прокатившись по закрытому мосту. Если бы не увидел, как падает вниз тонкая девичья фигурка...

Со злостью сжал кулаки.

Все мои неприятности начались именно тогда, когда я не смог просто нажать на педаль ускорения и поехать дальше.

Я скривился и вернулся в комнату. Поломойку я позову позже. Не сейчас.

И снова услышал в голове голос отца. «Страх и сомнения — чувства недостойные наследника Вандерфилдов. Ты не имеешь права испытывать их. Ты неприкосновенный. Ты выше всех и каждого... Всегда».

## Глава 15

Учебная неделя пронеслась, как ускоренный чарами вагончик. И вот снова я стою у порога родного дома!

И снова — смех вперемешку со слезами тети, еда, на которую я пыталась не набрасываться слишком явно, и внимательные глаза дяди. На этот раз на вопросы я отвечала рассеянно, и родственники, списав мою задумчивость на усталость от учебы, оставили меня в покое. Тетушке я сунула в руки ткань для формы, попросив раскрыть и сметать, чтобы утром я довела обновку до совершенства. Родственница восхитилась чудесной тканью и ушла в их с дядей комнату — работать.

— Моя девочка будет самой красивой в этой академии! — пообещала она.

Я чмокнула тетю в щеку и налила себе ещё одну огромную кружку чая. Мы покупали самый дешёвый сорт, но мне сейчас он казался вкуснейшим на свете.

Если бы я могла рассказать кому-нибудь о том, что со мной происходит. Но дядя болен, а тетя начнет рыдать и причитать, если узнает о выходках Вандерфилда. Или о Ривзе и его предложении. Или о том странном гаде, которого я создала.

Хотя, хорошо поразмыслив, я пришла к выводу, что в появлении непонятого белесого существа я все-таки не виновата. Тензия говорила, что на создание живого существа размером с крысу необходим потенциал не менее красного уровня. А у меня даже не зелёный. Значит, странный зверь просто сидел в корзине и вылез, когда я швырнула бумагу. Вот и все. И зря я проползла на коленях по всей мастерской. Это ведь совершенно очевидно — моих чар не хватит на материализацию такого создания. Это невозможно.

Придя к таким выводам, я слегка успокоилась.

Ужасно хотелось хоть с кем-нибудь посоветоваться, но, увы, такого человека в моем окружении не было. Значит, придется, как и раньше, выплывать в одиночку.

Сполоснув кружку под тоненькой струйкой холодной воды, я отправилась спать.

Тетя не подвела, и на рассвете меня уже ждала собранная начерно обновка.

— Невероятно. Моя девочка — студентка академии. Святой Фердион,

ну до чего же ты выросла славной, Тина. А ведь кто мог подумать? Была такой крохой!

Я покрутилась перед зеркалом.

— Тетя, прекрати хлюпать носом. Лучше дай мне булавки, вот здесь надо собрать, а тут выпустить.

До вечера мы провозились с жакетом и юбкой, а спать легли уже за полночь. Но утром следующего дня меня ждало не старое платье, а новенькая форма!

— Какая красота! — расчувствовалась тетя. И подмигнула заговорщически: — Студентка столичной академии не должна ходить в толстых шерстяных колготах, Тиночка. У нас с дядей для тебя подарок!

С изумлением и восторгом я взяла из ее рук пару чудесных тонких чулочков. Телесного цвета, плотно облегающие ножки, тонкие, но согревающие в холод. Зачарованные!

— Но тетя. Они же такие дорогие! — ужаснулась и восхитилась я.

— Это все Руфус, — махнула рукой родственница. — Собрал кое-что за свои поделки из дерева.

— Но дяде нужны лекарства!

— Он так старался, желая сделать тебе подарок, милая, — улыбнулась тетушка. — Так что надевай скорее новую форму, хочется на тебя посмотреть!

Тетя вышла из комнаты, а я поторопилась выполнить ее просьбу. Обновка легла, как влитая. Юбка со складками мягко облегла бедра, жакет подчеркивал тонкую талию. К тому же мне невероятно шел синий цвет, оттеняя светлые волосы и подчеркивая глаза. Вот только когда я застегнула блузку, оказалось, что меня ждет неприятный сюрприз.

Сорочка, сшитая прошлой зимой, сейчас вульгарно обтягивала верх и не сходилась на груди. Оказывается, за прошедший год у меня появились вполне женственные формы!

Я растерянно уставилась на себя в зеркало. Жакет с застежкой на две пуговицы скрывал плечи, но оголял грудь. И по правилам ВСА под ним должна быть белая блузка. За нарушение грозили штрафы, которых я просто не могу себе позволить!

Время поджимало, но идти в таком виде просто нельзя. Да у меня пуговицы отлетят, стоит повернуться. Я выгляжу неприлично. Что же делать? Ведь второй блузки у меня просто не было!

А что, если?..

Мысль, мелькнувшая в голове, на первый взгляд казалась бредом. Но и других вариантов я не видела.

Не придумав ничего лучше, я вытряхнула из сумки рубашку Вандерфилда, которую все ещё таскала с собой. Сама не знаю, почему не отдала вещь снобу. Может, из вредности? Или мне просто нравилось трогать прохладный шелк, как и бархатную подкладку на его куртке?

Не веря, что делаю то, что делаю, я стащила свою тесную блузку, надела шелковую рубашку и застегнула пуговицы. Подвернула рукава. Накинула сверху жакет, поправила. Нежный материал ласкал кожу, вызывая мурашки и странное томление. Как будто... как будто я снова ощущаю прикосновение чужих губ...

Фыркнув на свои глупые мысли, повязала на шею золотисто-желтый шейный платок академии. Вместо привычного пучка на затылке или скучной косы заколола волосы с двух сторон, оставив основную массу волос стекать на спину. Снова глянула в зеркало. Другая... Взрослая. Где привычная мне Тинка? Из стекла с паутиной трещинок смотрела красивая и немного удивленная студентка ВСА.

«Попытаюсь расшить швы на своей старой блузке, — решила я, снова пощупав шелк рубашки. — А сегодня пойду так. В конце концов, под жакетом почти не видно. А Вандерфилд все равно на занятия не ходит. Он и не узнает!

— Тина, опоздаешь! — крикнул из коридора дядя.

Опомнившись, я выскочила из комнаты. Тетя запричитала, увидев меня, дядя широко улыбнулся.

— Святой Фердион, да наша малышка стала настоящей красавицей! — прогудел он. — Глазам своим не верю!

— И как ей идет форма. Ты только посмотри, Руфус!

— Милая, ты уверена, что эта юбка не коротка?

— В столице носят и короче, — рассмеялась я. — Это лишь в Котловине приняты подола до пят. Но мне пора бежать!

Я расцеловала родственников, накинула свою старую куртку, подхватила сумку, впрыгнула в ботинки и вылетела из дома.

Уже привычный вагончик, зевающие попутчики и здание ВСА за облетающими кленами. Первое занятие у Аодхэна и, как ни странно, его предмет я любила. Наверное, потому что разрушение пока удавалось лучше всего.

Вот только опоздавших профессор не любит, а мой вагончик сегодня, как назло, еле тащится!

Не успевая оставить вещи в Синем Крыле, я ворвалась в аудиторию прямо в куртке и шапке. Застонала, поняв, что студенты уже заняли свои места. Звон колокола застал меня в проходе, и почти сразу позади раздался

голос Аодхэна.

— Тина Аддерли, разве вас не учили, что в помещениях надо снимать верхнюю одежду?

Кто-то на скамьях насмешливо рассмеялся, кто-то уже привычно помянул Котловину и прошелся по моей шапке с помпоном и старым ботинкам. Краем глаза я заметила равнодушное лицо Вандерфилда и похолодела. Явился... как назло. Но он, кажется, и не заметил моего появления. Рядом сидела Алиссия и что-то шептала Эшу, положив ладонь на его обтянутое белой рубашкой плечо. Вандерфилд вертел в руках перо и почему-то хмурился. Зато Ривз смотрел на меня в упор.

Вот же гадство.

— Прошу меня извинить, господин Аодхэн! — пытаюсь перевести дыхание, воскликнула я. — Сейчас разденусь. Я не успела зайти в комнату...

— Меня совершенно не интересуют ваши причины, Аддерли, — безразлично уронил преподаватель, направляясь к подиуму. — Вам десять штрафных балла. А если вы так и будете стоять столбом и смотреть на меня — пятнадцать.

— Извините! — чуть не застонала я, не обращая внимания на ехидные смешки со всех сторон. Метнулась к своему месту, бросила сумку, стянула шапку. Рывком сорвала куртку. Пригладила волосы.

Села.

И недоуменно осмотрелась.

А почему стало так тихо?

Со всех сторон на меня смотрели. И почему-то девушки — недовольно, а парни — слишком внимательно. Заинтересованно. Ривз и вовсе откровенно пялился. Так откровенно, что мне захотелось спрятаться под стол или сбежать. Один Вандерфилд выглядел безразличным. Вернее, на меня он глянул лишь раз и отвернулся.

— Кто бы мог подумать, что под жутким балахоном скрывается такое... — присвистнул кто-то на заднем ряду. — Эй, Аддерли, ты что делаешь сегодня вечером?

— Десять штрафных баллов, Вилсон, — осадил смельчака Аодхэн. — А с вашей успеваемостью, я вам посоветовал бы и вовсе забыть о личной жизни. Кстати, насчет успеваемости. Надеюсь, вы усвоили прошлый урок?

В лоб незадачливому кавалеру полетел красный сгусток — стихийный опылитель, так он назывался. Разрушить его Вилсон не смог, и лицо парня покрылось желтыми наростами. Сойдут такие лишь на десятые сутки, и все это время лицо будет невыносимо чесаться и зудеть!

Я глянула на студента с сочувствием, впрочем, отвлекаться времени не было. По аудитории полетели опылители, нити, черный туман и ядовитые сгустки. Аодхэн сегодня был явно не в духе и решил исчерпать весь запас своих камушков для материализации, а студентов замучить. Потому что профессор не давал нам и минуты отдыха. Я лихорадочно повторяла в голове заклинания разрушения, до дрожи боясь что-то перепутать или забыть. Два раза я все-таки сбилась и почти пропустила молнии, которые подпалили пряди моих волос. Впрочем, я не жаловалась. И как обычно, больше всех доставалось неприкосновенным. В их сторону магические гадости летели с такой скоростью, что даже самые одаренные студенты выглядели запыхавшимися. Зато Ривз прекратил на меня глазеть и, сцепив от напряжения зубы, отбивался от атак преподавателя. Магма два раза пропустила нить и зашипела от боли, Алиссия пока удар держала, но было видно, что и ей это дается нелегко.

Только Вандерфилд бездействовал. Его Аодхэн сегодня почему-то обходил стороной. Впрочем, все поняли — почему, когда в воздухе возникло удушающее облако ядовитой пыли.

— А это для вас, Эш, — с любезной улыбкой убийцы произнес Аодхэн.

Аудитория застыла. Темная пыль качнулась, словно раздумывая, а потом взвилась и облепила тело студента. Сквозь серую завесу я увидела, как шевельнулись губы Эша — он произнес заклинание. Но ничего не произошло. Удушающая субстанция словно живая, застилала ему глаза, проникала в рот и нос, слепила и не давала дышать.

— *Pulvis interitum*, — прошептала я. Многие студенты вскочили, не поймав, что происходит. Пыль густела, фигура Вандерфилда почти полностью скрылась за облаком. Опасная субстанция каменела, и если ее не разрушить немедленно, то она сожмет жертву в тисках. Алиссия шарахнулась в сторону и зажала рот ладонью, Ривз смотрел непонимающе.

В чем дело? Почему ядовитая пыль не разрушается? Вандерфилд перепутал заклинание?

— *Pulvis interitum*... — сердце сжалось. Да, белобрысый гад та ещё сволочь, но смотреть, как он задыхается было невыносимо. Я видела белое до синевы лицо, распахнутые зеленые глаза. Сжатые кулаки. Губы, что пытаются сказать... и уже почти черную пелену, душащую его.

Говори... Ну же, аристократишка, говори. Произнеси это, бездна тебя побери!

— *pulvis interitum!* — выдох — и пыль дрогнула, развеялась.

В гробовой тишине Эш стер со лба испарину. На студентов он не

смотрел, только на Аодхэна. Тот криво улыбнулся.

— Двадцать штрафных баллов, господин Вандерфилд, — с издевательской вежливостью произнес преподаватель. — Вы почти позволили себя убить. Урок окончен.

Студенты потянулись к двери. Сегодня все молчали, привычных жарких обсуждений или смеха не было. Каждому было не по себе. Если лучший студент ВСА чуть не задохнулся в ядовитом плену, то что говорить об остальных? Кажется, будущие заклинатели сегодня слишком отчетливо ощутили, что чары — это не только дар.

Я подхватила свои вещи и тоже двинулась к выходу.

На пороге оглянулась. Аодхэн что-то говорил Эшу, тот слушал, упрямо сжав губы и вздернув подбородок. На лице застыла привычная маска ледяного высокомерия. И вдруг, игнорируя учителя, Вандерфилд повернул голову и уставился прямо на меня. Прищурился.

И я ощутила дрожь, пробежавшую по телу.

Выскочила в коридор и ускорила шаг, желая как можно скорее оказаться подальше и от аудитории по разрушению, и от тех, кто внутри.

\* \* \*

Обеденный перерыв я решила потратить на отработку штрафа за насекомых. Смотритель Синего Крыла причмокнул губами, увидев меня, и отправил на склад. В небольшом помещении теснились какие-то коробки, остатки кроватей и шкафов, сложенные стопками дырявые занавеси и тихо умирающая от старости кухонная утварь. Мне выдали огромный фартук, перчатки и ведро с водой, велел протереть пыль и пометить мелом мебель, которую необходимо выкинуть.

— Через час вернусь, проверю! — обрадовал смотритель. И зыркнул на топтавшегося уже на складе страдальца — толстого второкурсника. — А ты что застыл? Работай, тебе полезно!

Парень мученически закатил глаза, я подавила смешок и приступила к работе. Мой неожиданный напарник уселся на край ящика и, достав из сумки яблоко, принялся смачно им хрустеть. В моем животе заурчало, похоже, блинчики с творогом, съеденные на завтрак, успели перевариться и испариться из моего организма.

— Тебя как зовут? — ожил хрустящий толстяк. — Я Тео.

— Тина, — отозвалась, продолжая натирать поверхности.

— У тебя отлично получается, Тина, — вздохнул новый знакомый. —

А я вот к труду совершенно не приспособлен. Не умею я этого. Не выходит, и все тут!

Жрать надо меньше, хмыкнула я. Но вслух сказала другое:

— Здесь нет ничего сложного, делов-то. Води тряпкой, и все. Твоя половина левая, моя правая, за полчаса управимся!

Тео заметно опечалился. Идея ему явно не нравилась.

— Слушай! — оживился толстяк. — А давай ты сама все сделаешь? А я тебе заплачу три сина. Согласна?

— Если у тебя есть деньги, то почему не оплатил штраф в казну академии?

— На меня наложили отработку, представляешь? И компенсировать деньгами нельзя. Смотритель сказал — мне полезно.

Я вот с вредным стариком была согласна, толстяку явно не помешает немного физических упражнений с тряпкой и ведром. А мне не помешают сины. Поэтому я окинула помещение быстрым взглядом, прикинула размеры и улыбнулась.

— Ладно, согласна. Деньги вперед!

Тео живо подпрыгнул, отсчитал мне монеты и вернулся на свой ящик. Когда я перешла к левой половине, толстяк доел яблоко и приступил к ватрушке, а после устроился на продавленном диване вздремнуть. Я лишь головой покачала, обойдя его. Но мне лень Тео лишь на руку, закончу со складом, и на ужин у меня будет не вода из коридорного фонтанчика, а мясная запеканка. Или чем там кормит ВСА своих студентов по вечерам? Вот как раз и узнаю!

Предвкушение заставило двигаться с утроенной скоростью. И когда положенный час истек, я растолкала Тео и вручила вернувшемуся смотрителю практически сияющий склад.

— Вот можете, когда захотите, — одобрительно проворчал старик.

— Значит, остальные штрафы я могу оплатить синами? — обрадовался Тео.

— Размечтался. Работать будешь! — припечатал смотритель. — Завтра вынесем старую рухлядь, которую сегодня вы поместили.

В круглых глазах парня отразился настоящий ужас, я хихикнула и, махнув рукой, побежала к помывальному, чтобы освежиться. В кармане приятно звякали сины, и меня распирало от радости. Как же все удачно сложилось. И штраф отработала, и деньгами разжилась. Побольше бы мне таких лентяев, как Тео!

Жаль, на обед я уже не успела, но зато забежала в продуктовую лавку, работающую возле столовой, и там купила кусок сырного пирога с чаем.

Горячий сладкий напиток вылебала прямо на месте, от завернутого в бумагу кусочка отгрызла половину, а остальное прихватила с собой и понеслась на занятия.

Вторая половина дня прошла спокойно. Преподаватель по чароиту даже похвалил меня, отметив врожденный слух и способность к мертвому языку. Я расцвела от похвалы, она была неожиданной и приятной. У девочки из Котловины — и врожденный слух к заклинаниям. Ну, надо же!

Однокурсники, похоже, думали также. Кто-то по привычке отпустил про меня шуточку, но как-то вяло. Видимо, мое появление в академии перестало быть новостью, и студенты начали ко мне привыкать. Или новая форма уравнила меня с остальными.

После занятий я сбежала в башню ключницы. Здесь всегда было тихо и спокойно, а из окна открывался вид на парк и синие пики Гряды.

Устроилась на широком подоконнике. Вытащила кусок сырного пирога, медленно и со вкусом доела, а потом раскрыла учебник и погрузилась в изучение материала.

На хронологии и материализации Вандерфилда не было, эти предметы посещали первогодки. И я ловила себя на том, что постоянно возвращаюсь мыслями к произошедшему утром. Что, если бы Эш не произнес в последний момент заклинание? Отчего оно не сработало в первый раз? И почему Аодхэн молча смотрел и ничего не делал?. Что произошло с Эшем? Я ведь видела его табель. Вандерфилд без преувеличения самый способный студент академии, у него черный сектор, позволяющий без проблем развеять черную пыль. Так в чем же дело?

И почему меня это не отпускает?

— А, вот ты где, — вырвал из раздумий мужской голос.

Я недовольно подняла взгляд на стоящего рядом старшекурсника. Эдди Фаррел, принесла же его нелегкая!

— Что надо? — грубо спросила я, надеясь, что парень отстанет.

— Принес тебе кое-что, Аддерли, — с непонятной интонацией произнес Эдди. — Держи.

На страницы учебника лег небольшой золотой медальон. Тонкая цепочка сверкала витым плетением, в центре украшения блестел синей слезой камушек.

— Это лазурит, — пояснил недоумевающей мне Эдди. И добавил, видя, что я по-прежнему хлопаю ресницами, не понимая. — Настоящий. Драгоценный камень, Аддерли. Дорогой. Ясно тебе?

— Нет, — отмерла я.

— Это тебе. Подарок. — Эдди хмурился, словно моя бестолковость его

сильно нервировала. Скулы у парня покраснели. — Придешь сегодня. Комната восемнадцать.

Что?!

Я швырнула медальон в лицо нахала, тот едва успел подхватить.

— Да пошел ты. Не смей ко мне приближаться, понял?!

— Ты что? — опешил старшекурсник. — Я же по-хорошему. Подарок купил. Сам выбирал!

— Вот сам и носи! — рявкнула я. Ну надо же, какая честь. Подарок он купил. Внезапно стало смешно. Ривз вон ежемесячное содержание предлагал, а этот всего лишь одноразовый подарок! — Не подходи ко мне больше. Иначе я всем расскажу, что ты меня... пытался поцеловать. Для неприкосновенных это позор!

— Ненормальная! — кажется, Эдди обиделся. — Да ты гордиться должна, что я на тебя внимание обратил. Ты же нищенка!

— Угу, горжусь. Чуть не лопаюсь от гордости!

Я спрыгнула с подоконника, отдернула юбку. Парень сглотнул, уставившись на мои ноги в тонких чулках.

— Я тебе еще куплю, — прошептал он, воровато оглянувшись и убедившись, что нас не подслушивают. — Браслет. И кольцо. Хочешь?

— Обручальное? — прищурилась я. — Решил сделать мне предложение?

— Совсем больная? — отшатнулся Эдди. — Кто ты, и кто я...

— Тогда оставь украшения для своей девушки. Слышала, это Шарлотта Литл... Думаю, она очень обрадуется, узнав, что ты даришь подарки нищенке из Котловины!

Махнув рукой помрачневшему студенту, я гордо прошествовала до лестницы и птицей слетела вниз. И что эти гады ко мне прицепились? Сначала Ривз, теперь этот... качая головой от негодования, я влилась в толпу студентов. Вот только через какое-то время поняла — что-то не так.

Студенты смотрели. Нет, на меня пялились и раньше, но иначе. С насмешкой или презрением. А теперь я видела слишком много заинтересованных мужских глаз, кто-то из неродовитых студентов даже попытался познакомиться. Похоже, стоило надеть форму, и чучело из Котловины исчезло. Я стала девушкой, с которой не зазорно заговорить и даже улыбнуться!

И надо признаться, мне это нравилось. Форма уравнила меня с остальными, волшебным образом позволила быть частью ВСА.

— Тина, какая ты красивая! — воскликнула Шелли, увидев меня в коридоре.

Я тепло ей улыбнулась. Веселая близняшка мне нравилась, и размолвка с сестрами огорчала. К счастью, спрашивать про мой уровень чар они перестали.

— А мы пропустили занятие у Аодхэна, представляешь? Проспали. Ой, что теперь будет. Ведь влепит кучу штрафов!

— Влепит, — посочувствовала я. — Он сегодня не в духе.

— Аодхэн всегда не в духе, — совсем опечалилась Шелли. — Я его боюсь. Даже не представляешь, как. И разрушение мне не дается, Брин говорит, я слишком добрая. Ой, тебя же Вандерфилд искал!

— Искал? — вдоль спины пробежал холодок. Двое парней с зелеными шейными платками остановились рядом, улыбаясь.

— Девушки, а вы уже видели новую постановку, безумная, правда?

Шелли что-то ответила, я же завертела головой, не слыша ее щебет. И тут же наткнулась на ледяной взгляд зеленых глаз. Эш стоял у стены и смотрел. Привычно высокомерный. И еще, кажется, злой. А на мне его рубашка, о которой я совершенно забыла!

Холода стало больше. Я дернулась, раздумывая, как бы незаметно сбежать.

Вандерфилд прищурился, словно говоря: даже не думай. И кивнул в коридор.

Я с надеждой глянула на Шелли и парней, которые уже всюю флиртовали с рыжей и косились на меня. Может, сбегу, они прикроют... краем глаза глянула на Вандерфилда.

«Только попробуй» — ясно сказали его глаза.

Запрещая себе трястись, двинулась в его сторону. И чего я так боюсь? Ну не съест же он меня, в конце концов. Вокруг людей полно!

Вслед за ровной спиной наследника династии я прошла до поворота, потом снова завернула.

Эш стоял возле «моей» аудитории. И ждал, издевательски приоткрыв дверь. Но удивиться, что студент привел меня именно в это помещение, не успела.

Дверь за мной захлопнулась с глухим стуком.

Я обернулась так резко, что юбка закрутилась вокруг ног. В зеленых глазах Эша сузился зрачок. Я снова ощущала в нем темноту и злость, как в ту ночь, когда он напился. Но сегодня наследник был трезв. И кажется, злее. И еще он собирался выпустить всю эту злость на меня.

— Что произошло на «разрушении»? — выпалила я, пытаюсь переключить Вандерфилда. — почему твое первое заклинание не сработало?

— С чего бы мне обсуждать это с тобой, пустышка? — насмешливо протянул он.

— Почему нет? Вряд ли это можно обсудить с твоими неприкосновенными друзьями. Они ведь жуткие снобы!

— Считаешь, что нищенка из Котловины — лучший собеседник?

— Хотя бы честный, — пожалала я плечами.

— Честный? — он негромко рассмеялся. — Ты ничего не поняла, глупышка. На разрушении я лишь развлекался.

— Ты чуть не задохнулся, — упрямо сказала я. — Ты не мог разрушить пыль.

— Я могу все, что захочу!

Бездновы странники, если я хотела успокоить Эша, то явно ошиблась с выбором темы для разговора. Потому что он лишь сильнее взбесился.

Подняла примирительно руки.

— Ладно, я только спросила!

— Оставь эти вопросы при себе!

— Я пытаюсь разговаривать с тобой. Нормально разговаривать. Сохраняю... нейтралитет. Зачем орать?

— Нейтралитет? — он двинулся на меня, вынуждая отступать. — Да засунь его знаешь куда, свой нейтралитет? В свою круглую задницу, которой ты так вертела на уроке!

— Я думала, аристократы так не выражаются.

— Аристократы делают то, что хотят и когда хотят. Ясно тебе?

Ясно, что тут не ясного. Гады они и сволочи, если перевести на человеческий язык.

— Зачем ты меня позвал?

— Оказывается, ты не только врунья, но ещё и воровка? — тягуче протянул Вандерфилд.

— Я не врала и ничего не крала!

— Да что ты говоришь, пустышка, — в тягучести проявилась злая насмешка. — Разве это твоя вещь? — кивнул он на вырез в моем жакете.

Я похолодела. Рубашка. Вот же гадство. И кто меня дернул ее надеть?

— Слушай, это... недоразумение, — я облизала пересохшие губы. — Э-э... я случайно!

— Случайно надела то, что тебе не принадлежит? — издевательски приподнял он светлые брови. — И часто с тобой случается такая... случайность?

— Послушай, я не хотела дурного. И я верну эту рубашку. Выстираю, выглажу и верну. Я взяла ее, потому что хотела свести пятно. В конце

концов, это ты виноват в том, что оно там появилось!

— Тебе на «разрушении» не только волосы обожгло, но и мозг? — съязвил Эш, а я удивилась, что он вообще видел ту молнию, что пришпарила меня. Не смотрел ведь!

— Да! — обвиняюще ткнула я в него пальцем. — Это ты виноват. Я все обдумала. Твоя рубашка сшита знаменитым Экленом Вирдом, его вещи зачарованы. Как и твой утюг. Значит, это ты что-то... наაკлинал, и вещи испортились. Назло мне!

— Они испортились, потому что ты неумеха!

— Рубашку от Эклена невозможно прожечь! — рявкнула я. — Ты что, не знаешь?

И по мелькнувшему на его лице удивлению поняла — нет, не знал.

— Мои вещи покупает семейная экономка, — помрачнел Эш. — И я понятия не имею, где она их берет. Мне на это наплевать!

Ну конечно. То, что для меня невероятно, для белобрысого сноба — лишь обыденность. Он и не задумывается о таких мелочах, как появление рубашек или брюк в его шкафу!

— И ты чокнутая, раз думаешь, что я потрачу чары на какое-то пятно. Или на то, чтобы позлить тебя. Поняла, пустышка? Я тебя даже не замечаю.

— Но ты заметил, что я надела твою рубашку, — тихо произнесла я.

— Ты так выставляла напоказ свои прелести, что надо быть слепым, чтобы не увидеть! — почти прорычал Вандерфилд.

— Я ничего не выставляла! — опешила я. — Да что... да как ты смеешь!

— Еще как смею. Решила подработать своими формами?

— Да пошел ты! — не сдержалась я. — Ты рубашку вообще выкинул. Я ее под кроватью нашла!

— Может, мне нравится, что она там лежит?

— Да подавись ты своей рубашкой!

Дернула жакеты, расстегивая застежку, выдернула из-за пояса юбки белый шелк. Расстегнула пуговицы.

Опомнилась.

Что я делаю? Святые праведники. В присутствии этого белобрысого гада я постоянно творю какую-то ерунду!

— Ну что же ты остановилась, пустышка? — голос Эша снова стал тягучим. Обволакивающим. Вкрадчивым. — Продолжай.

— Отвернись.

— Даже не подумаю.

— А потом ты снова скажешь, что все ненастоящее, да? — тихо

произнесла я. Вандерфилд вздрогнул.

— Я к тебе больше и пальцем не прикоснусь. Развлекся, и хватит. Не обольщайся.

— Обольщаешься здесь ты, Вандерфилд.

— Нет, пустышка. Я помню, как ты засовывала в мой рот свой язык. Хочешь повторения?

— Да я чуть не умерла от тошноты!

Он негромко рассмеялся.

— Какая же ты подлая врунья. Правду говорят, в Котловине живут лишь отбросы. Ты хочешь, чтобы я снова усадил тебя на стол и облапал. Или ты хочешь большего?

— Да провались ты в бездну. Ты так просил поцеловать тебя, что до сих пор противно!

— Это было лишь заклинание! — прорычал Вандерфилд. — Заклинание, ясно?

Мы уставились друг на друга, тяжело дыша. Мысли в голове путались. Эмоции... их было слишком много. И почему основная — желание увидеть, как презрительная маска высокомерия сползет с красивого лица парня.

— Аодхэн назначил тебе десять штрафных балов, — встряхнувшись, произнес Эш. — Вряд ли у тебя есть сыны, чтобы внести их в казну. Давай посмотрим, кто здесь врет, пустышка. Я заплачу тебе десять синов за небольшую игру. Каждый по очереди снимает свой предмет одежды. Я не прикоснусь к тебе. А ты — ко мне.

Я быстро осмотрела наряд парня. Прикинула. Но выходит, что на мне вещей больше. И он тоже это знает. В чем подвох? Зачем платить, если заведомо проиграешь?

— Двадцать, — выдохнул Эш. — Ну? Ты же уже все просчитала? Ты даже не рискуешь, пустышка. Или боишься, что не сдержишься и накинешься на меня с поцелуями, когда я сниму рубашку?

Он насмешливо улыбнулся, я сжала кулаки.

— Сдался ты мне!

— Значит, согласна? — вкрадчивый голос змей вползает в сознание.

— Пятьдесят, — зло выпалила я, и Вандерфилд криво усмехнулся.

— Девочки из Котловины своего не упустят, да? Если проиграю, я дам сотню. Если ты остановишься или прикоснешься ко мне... Выполнишь мое желание.

Голова кружилась. Что я творю? Зачем? И почему меня до судорог бесит насмешка на его лице? Хочется ударить. Или... Или стереть ее иначе.

Ведь за презрением таится голод. Такой же, как был в мастерской, когда Эш меня целовал. Я вижу его...

Вскинула голову и, сорвав шейный платок, положила на край стола. Вандерфилд прищурился и снял пиджак. Поверх платка лег мой жакет. Небрежно сброшена его рубашка. Я на миг застыла, рассматривая красивый загорелый торс. Сухощавый, но мускулистый, с красивой и широкой линией плеч, сильными руками, напряженным рельефным животом. И кожа слегка тронута загаром, словно обласкана солнцем.

Понятно, почему у этого гада столько почитательниц!

— М-м, уже готова проиграть, пустышка? — зеленые глаза блестели лихорадочным злым азартом.

Я брыкнула ногой, скидывая левый ботинок. Вандерфилд снял правый. Мой правый, его левый. Мужские носки. Мои чулки, которые он проводил жадным взглядом...

Азарт в его глазах сменился чем-то другим. Более опасным. Темным, как ночь во льду... Мы стояли слишком близко. Мы смотрели слишком пристально. На Эше брюки. На мне все еще юбка, рубашка, белье...

Усмехнувшись, Вандерфилд снял перчатку с правой руки, отбросил.

Я посмотрела вниз. Чем из одежды я еще могу пожертвовать? Прикинув варианты, потянула вниз застежку юбки. Вандерфилд тяжело втянул воздух. На его виске бешено билась жилка, мышцы напряглись, четче обозначая рельеф. Он пытался контролировать себя, но я видела его взгляд. От этого взгляда хотелось спрятаться. Или снять с себя все. Немедленно.

Юбка с шорохом упала к ногам. Я неловко переступила через нее и запахла длинную мужскую рубашку, скрывая тело.

Не отрывая глаз от моего лица, Эш снял брюки.

Я облизала губы, запрещая себе смотреть вниз. Я не посмотрю. Ни за что. Там ведь есть белье? Должно быть!

— Ты так смотришь, пустышка... Нравлюсь тебе? — его голос такой хриплый... Царапает мне кожу. И губы. Хочется увлажнить. Лизнуть.

— Ни капли...

Это все зашло слишком далеко. Злая обида, желание что-то доказать... Разбить его высокомерие. Так где оно теперь — высокомерие? Вандерфилд облизывал меня взглядом. Сдирал шелк с моего тела. Кусал и трогал.

Пока лишь мысленно.

— Врешь...

Шаг назад — бесславная попытка спастись. От чего? Кого? Его? Себя? Еще шаг. Доски пола холодят босые ступни. И ещё шаг...

Стена позади.

Вандерфилд положил ладони с двух сторон от моей головы. Глаза в глаза. Его легкий, почти неуловимый запах обволакивает и дурманит. Я открываю рот, пытаюсь вдохнуть его глубже. Эш смотрит. Как же он смотрит. Я снова на дне реки, тону, но мне это нравится... Потому что знаю — он так близко...

Белье на нем все-таки было. Но оно не скрывало совершенно очевидного желания Эша.

Между нами расстояние размером с ладонь.

Еще не прикосновение.

Еще... нет.

И воздуха не хватает. Глупая и злая игра, в которой мне не победить.

— Продолжим? — он тронул кончиком пальца воротник моей рубашки. — И это тоже моя вещь, пустышка. Сними.

И остаться в одном белье?

— Хватит!

Слово сорвалось с губ, и я увидела, как вспыхнули глаза Эша.

Вандерфилд наклонил голову. И сухие губы коснулись моего виска.

— Ты проиграла.

Развернулся, отошел. Оделся. Я дрожала у стены, плохо понимая, что сейчас произошло. Где там Разумная Тина? Или хотя бы более-менее Умная...

Осталась лишь Тина свихнувшаяся!

Оставившая на дне замерзшей реки свой разум!

Не поворачиваясь, Вандерфилд подобрал с пола свою перчатку.

— Кстати, ты права, рубашку я просто выкинул.

И не обернувшись, стремительно вышел.

А я очнулась.

Святой Фердион, я точно сошла с ума. Стою почти голая в какой-то аудитории. А если кто-то войдет? Правда, я никогда и никого здесь не видела, а слой пыли на столах говорил, что помещение заброшенное, но все же...

Бросилась к своим вещам, натянула в спешке. Что я творю? Что вообще со мной происходит? То злюсь, то глуплю... Зачем пыталась что-то доказать Вандерфилду? Да какая мне разница, что думает обо мне проклятый сноб? И почему так задевают его слова и поступки? Пусть подавится своим мнением!

— А рубашку я буду носить, — яростно прошептала я. — Буду!

## Глава 16

Спала беспокойно, все виделась та стена и Вандерфилд, почти прижимающий меня к ней. И желание, пока не озвученное им. Но в том, что парень обязательно воспользуется моим проигрышем, я даже не сомневалась. Что он заставит меня сделать? Наверняка что-то ужасное и мерзкое...

Произошедшее настолько выбило из колеи, что у меня даже аппетит пропал, и утром я ковыряла кашу без привычного энтузиазма.

Я пыталась сосредоточиться на уроках, но скучная арифметика или хронология не могли завладеть моим вниманием.

«Ты проиграла...»

Высокомерный сноб доказал, что он сильнее. Что может остановиться в любой момент. Что поцелуи в мастерской ничего не значат... И что я дрожу и теряюсь рядом с ним!

— Все объяснимо, — прошептала я, не видя формулы в тетради.

Вандерфилд для меня — воплощение всего, что представляет собой королевство Бездуш. Он красивый, успешный, богатый. И нас связывает общая тайна. Поэтому он мне... небезразличен.

— Трусливая Тина, — мрачно хмыкнула я.

— Вы что-то хотите добавить, Аддерли? — услышал мои бормотания профессор арифметики. Я что-то пролепетала в свое оправдание и снова упала на скамью. Нет, так я с ума сойду. Надо просто выкинуть все из головы!

— Ага, всего-то...

— Вы определенно хотите нам что-то сказать, — снова повернулся ко мне преподаватель. — Не смею мешать. Задача ждет вас!

Я потащила к доске, ругая себя, но уже молча. Правда, сложные формулы на время отвлекли от мыслей о Вандерфилде.

После занятий я потратила еще один син на кусок пирога в лавке и решила пройтись, потому что мне просто необходима была прогулка на свежем воздухе, чтобы выветрить из головы ненужные мысли.

Натянув куртку и шапку, я спустилась по ступеням и двинулась к темнеющим елям. Короткий осенний день угасал, разбавлял синеву теней красным. Гуляющих среди деревьев не было — время ужина. Я тоже рассеянно жевала пирог. ВСА возвышалась за спиной исполинской громадиной. Центральное здание, два крыла и семь отдельно стоящих

башен. Три связаны сквозной галерей, остальные возвышаются вдали. В одной хранятся книги, во второй находится ключница, а в других я еще не была. Из окон основного здания лился теплый свет, где-то за углом рассмеялась девушка...

И я тоже улыбнулась. Прочь уныние, к тому же долго грустить я просто не умею. Я ведь в академии, у меня есть прекрасная новая форма и впечатляющие перспективы. Все будет хорошо!

А о всяких гадостях надо просто не думать. Например, о Вандерфилде.

Сунула нос в куцый воротник своей куртки и пошла мимо кленов. Листья с них почти облетели, у корней лежали сухие кучи. Возле центрального входа ВСА стояли уличные тепловаторы, согревая землю, так что здесь все ещё царила ранняя осень. И даже клены кое-где радовали красно-желтым оперением. В этом месте было безумно красиво, вроде бы и академия совсем рядом, и в то же время — почти лес. Я подкинула носком ботинка сухой хрупкий лист. С неба срывался снежок. Высунула язык, пытаюсь поймать хоть одну снежинку. В детстве мне говорили, что это к удаче. Льдинка уколола губы, и я рассмеялась — удалось. Значит, теперь все наверняка образуется...

Темный силуэт я заметила краем глаза. Не рассмотрела — то ли фигура, то ли тень. И тут же меня толкнули в спину с такой силой, что я кубарем полетела куда-то вперед. В глубокую яму!

Вскрикнула, больно ударившись коленками и ободрав ладони. На дне торчали колючие корни.

— Эй, ты что делаешь? — крикнула я.

Вместо ответа сверху рухнула огромная куча сухих листьев, мусора, перегноя и земли. Все это засыпало мне глаза и рот, который я не успела закрыть. Отплевываясь и проклиная неизвестного мерзавца, я протерла глаза. Но не успела их открыть, как новая куча воняющего добра свалила меня с ног!

— Хватит. Прекратите!

Да что это такое? Меня же просто закопают тут!

— Остановитесь!

— Знай свое место, чучело! — шипящий голос сверху я не узнала, даже не поняла, мужской он или женский.

Мое место? В мусорной яме, значит? Вот как?

Злость обожгла горло, во рту пересохло. Или это от земли, которой я наелась?

Выдохнула, запрещая себе бояться. Яма глубокая, но меня найдут. А если нет?

— Отбросы к отбросам...

Сверху рухнула еще одна куча — уже с камнями и стеклом. Я зажмурилась, спрятала в ладонях лицо.

— Хватит!

Но останавливаться сволочь не собиралась. Или сволочи? Сколько там человек? Я уже ничего не видела, горло саднило.

Сопrotивляйся, Тина. Разозлись. Неужели ты позволишь себе валяться в этой выгребной яме и пачкать новую форму? Ну же, поднимайся!

Глубокий вдох, от которого в рот забились сухие травинки. Выдох. Ярость на того, кто сделал со мной это. Пальцы потептели. А потом закололо кончики, как бывало от соприкосновения с моим материалом. Но ведь дерево — тоже будущая бумага, так? А вокруг меня так много веток, сухих корней и листьев. Получается!

В памяти как назло пусто, ни одного слова на чароите!

Я сжала в руке ветку и швырнула куда-то вверх:

— Ретро!

Тихий всхлип показал мне, что удар достиг цели. Мусор сыпаться перестал. Хватаясь за корни и сухие травинки, я поползла наверх, молясь, чтобы мои новые чулочки не пострадали. Да, в этот момент я почему-то совершенно не опасалась за свое здоровье или жизнь, но чулки. Мои прекрасные новенькие чулки. Если они порвутся, я найду того, кто толкнул меня в эту яму, и задущу!

Злость придала сил и, кряхтя, я сумела выбраться наружу. Посидела, переводя дыхание и оглядываясь. Но кто бы ни сотворил со мной эту гадость, он успел скрыться. Под кленами уже никого не было.

Шатаясь, я поднялась на ноги. Чулки, к счастью, не пострадали. А вот на юбке появилось грязное пятно, в ботинках полно земли, а волосы мне придется промывать несколько раз.

Чего добивался это гад? Похоронить меня в мусорной яме? А вдруг это... Вандерфилд?

Внутри все заледенело. Вдруг аристократишка решил таким образом меня наказать? Правда, вряд ли он стал бы скрываться. Скорее стоял бы наверху, усмехаясь и ожидая, когда я выползу!

Тогда кто это был?

— Поздравляю, Тина, — сипло пробормотала я. — Друзей ни одного, зато врагов хоть отбавляй!

Отряхнув юбку от налипших иголок, я поковыляла к ступеням. Пожалуй, с прогулками в одиночестве мне стоит завязать.

Шестьдесят семь s-единиц.

Шестьдесят семь, мать вашу!

Уровень снова снизился, разница с первоначальным потенциалом составляет уже 32 чароеденицы... Установить причину не получается. Запросы в архиве нечего не дали. Надо поискать в отцовской библиотеке, у Вандерфилдов одно из лучших собраний чарокниг в Королевстве. Я должен найти ответ. Хоть одну зацепку!

Пока есть лишь исходные данные и снижающаяся динамика потенциала.

В очередной раз прокрутил в голове события, начиная с пятого октября. И почему разум постоянно возвращается к пустышке? К тому, как падала в реку тонкая фигурка в клетчатом пальто?

Рассеянно перевернул лист с черными штрихами изображения. Рисовать я начал еще в детстве. Иллюстрации грифелем всегда помогали освободить разум от эмоций и восстановить картины событий. И сейчас под пальцами дрожала на краю моста девушка. Нежный профиль. Разлетевшиеся волосы. Луна, зависшая над стянутой тонким льдом рекой...

Это моя точка отсчета.

Я проверил фазу луны, расположение звезд, даже проклятый мост. Может, он способен поглотить чары? Но нет, обычный камень... Старый, даже древний. Постройка дозаклинательной эпохи, тех темных времен, когда Патрик Фердион ещё не сделал свои открытия, перевернувшие мир.

Отодвинул рисунок и открыл картонную папку, в которой содержались сведения о пустышке. Поморщился, перечитывая уже знакомые строчки. Ничего необычного. Родители погибли, воспитывают родственники, проживающие в Третьем Тупиковом переулке. Лица чаро-не-одаренные, проще говоря — тоже пустышки.

Тина Аддерли получила потенциал в результате несчастного случая.

Я нахмурился.

Мост, девушка, река...

Что за ерунда терзает мою голову? Все знают, что чары в крови. Это аксиома, это основа всего. Даже случайники — это лишь результат неожиданно пробудившейся крови, а не чудо, как считают невежды. Просто чары спали так глубоко или были так малы, что не проявились естественным способом, лишь под воздействием какого-то травмирующего события. Вот это и случилось с пустышкой. Очевидно, в ее дальних

предках был слабенький заклинатель, а после падения в реку кровь вспомнила о скрытом ресурсе и активировала его. Это всего лишь способ выживания организма.

Довольно редкий случай, но тоже вполне закономерный. Я даже запросил в архиве сведения обо всех случайниках за последние двадцать лет, надеясь найти какие-то несоответствия. Пришлось врать, что пишу исследования о внезапно пробудившемся потенциале. На днях мне предоставят список и краткие биографии, но найду ли я так хоть что-то? Или и это путь в никуда?

Потер виски, сдерживая подступающую головную боль.

Проклятая ночь. Мост. Пустышка...

Мысли сбились.

И понеслись совсем в другую сторону.

Пустая аудитория, стена, бледные пальцы, стискивающие края рубашки. Ее губы. Глаза. Растрепанные волосы.

И мои спутавшиеся доводы разума... Мое желание, которое я не смог задавить.

Смял листок в кулаке, безжалостно уничтожая рисунок с девушкой. Швырнул в мусорную корзину и выдохнул.

Думай, Эш. Ищи!

\* \* \*

Вернувшись в академию, я привела себя в порядок и засела в коридоре, надеясь увидеть того, в кого попал мой рлестро. Простенькое заклинание должно было уколоть неприятеля. Но вот получилось ли у меня, я не знала. Возможно, все чего я добилась — это ударила палкой по башке злоумышленника.

В любом случае, сколько ни вглядывалась я в лица студентов, надеясь увидеть царапину, рану или шишку — бесполезно.

То ли мой недруг так и не прошел мимо, то ли успел замаскировать следы моей атаки.

Некоторое время я размышляла — не пожаловаться ли мне преподавателям, но так и оставила эту мысль. Привлекать к себе внимания жалобами совсем не хотелось. Да и поверят ли? Как доказать, что я не сама поскользнулась и упала? Нет, жаловаться я точно не пойду.

Последующие дни я была настороже, бдительно оглядывалась и старалась не ходить по коридорам одна. Но, во-первых, постоянно трястись

не в моем характере, а во-вторых, кто бы ни скинул меня в яму, больше он себя не проявлял.

Зато Вандерфилд меня пока не трогал, чем несказанно радовал. Каждый раз я поднималась в крыло богачей со смешанными чувствами ожидания и страха. Но наниматель, позвав меня для уборки, уходил.

Томас, узнав о том, что я нашла свой материал, удивился и обрадовался.

— Я никогда не слышал о заклинателях, выбравших бумагу. Она считается материалом, не подверженным заклинаниям, ты знала? Уверена в своем выборе?

Я погладила тетрадный листок и улыбнулась.

— Да.

Грин кивнул и вечером вплеп в защитный браслет кусочки бумаги. Получилось необычное украшение — проволочный каркас, а внутри свернутый лист. Не слишком изящно, но мне и не до красоты. Главное, чтобы артефакт защитил от воздействия, если такое последует. Томас сказал, что проволоку он заговорил, а бумага должна усилить действие заклинания.

— Я не дипломированный артефактор, а только учусь, — смутился парень от моих горячих благодарственных слов. — Поэтому если появится возможность, лучше обратиться к специалисту. Моего браслета должно хватить на месяц-два, потом чары надо заново вплести в структуру экрана. Ну, или... до первого воздействия, Тина.

Не сдержавшись, я обняла Томаса, заставив его покраснеть, и унеслась, спрятав браслет под рукавом.

Отправилась в облюбованную мною башню ключницы. Но к моему удивлению, обычно безлюдный подоконник сегодня занимала Ари.

Я приветливо кивнула девушке:

— А я думала, здесь свободно. Тоже любишь это место?

Ари нахмурилась, вцепившись в учебник. Похоже, общаться со мной девушка не хотела, и это было обидно. В прошлый наш разговор Ари показалась мне неплохой девчонкой.

— Ладно, я пойду. Извини, что побеспокоила.

— Постой! — Ари улыбнулась. — Ты можешь сесть здесь. Места полно.

Я неуверенно кивнула, возвращаясь. Достала учебник. Ари пыхла рядом, поглядывая искоса, и я не выдержала.

— Слушай, в чем дело? Понимаю, я из Котловины и нищая, это многим не нравится, но...

— Просто о тебе все болтают! — перебила меня девушка. И вздохнув, вытащила из сумки слегка примятый кусок хлеба с сыром. Сунула мне половину, и я с благодарностью откусила подношение.

— Я тоже не из родовитых, — с набитым ртом пробубнила Ари. — Но потенциал есть, вот и попала в академию. Но я совсем обычная, а вот ты... О тебе говорят. Все, кому не лень!

— И что говорят? — без особого интереса спросила я. Будто я сама не знаю. Чучело из котловины — вот что!

— Ставки делают.

— На то, как быстро я вылечу из ВСА?

— На то, кому ты достанешься. И как скоро.

Я подавилась сыром, закашляла. Ари любезно похлопала меня по спине.

— Что?!

— Угу. А еще кто-то пустил слух, что тебя можно купить. Прости, Тина.

Я онемела. Вот же гады!

— Я в это не верю, — Ари сочувственно улыбнулась. — И многие не верят, не переживай так. В академии кроме аристократов и богачей есть обычные ребята. Я сама вот из семьи простого чаромеханика. И мы видим, как тебе трудно. Но все-таки нас меньшинство, Тина. Это ВСА.

— Да за что со мной так? — от обиды и злости запершило в горле. — Что я плохого сделала?

— Ты себя в зеркале видела? Волосы, глаза, губы? Ты красивая и необычная — рассмеялась Ари. — А ещё — новенькая. И нищая. Знатная добыча. Парни с ума сходят, гадая, кому ты достанешься. Такие дураки!

С последним я была полностью согласна. Ари рассмеялась, а я вспомнила угрозы Ривза. Неужели его рук дело? Вернее — языка!

— То есть, откуда ветер дует — неизвестно?

— Конечно, нет. О таком в «Хрониках ВСА» не пишут, сама понимаешь, — вспомнила Ари новостной листок, выходящий в академии каждую неделю. «Хроники» создавала группа студентов, рассказывая обо всем, что происходит в стенах альма-матер.

— Болтают, а вот кто начал — неизвестно. Может, ты уже успела кому-то насолить, а может, и девчонки завидуют. Так что держись, Тина. Зимой будет Ночь Тысячи Свечей, а потом экзамены и каникулы, всем станет не до тебя. Вот и отстанут. В прошлом году в академию перевелась с севера Лея Сотер, знаешь ее? Также красавица. И она из родовитых, но обедневших. Так наши парни устроили тотализатор, кому достанется

девушка. Говорят, на сумму выигрыша можно было купить новый мобиль!

— Ну и кто победил? — Я рассеянно дожевала сыр.

— Ривз Клиффорд, — помолчав, уронила Ари. — Они даже встречались почти полгода. Для Ривза это достижение, у него дольше пары недель никто не задерживается.

Я смахнула с юбки крошки, размышляя.

— А... Вандерфилд тоже участвует в тотализаторах?

— Ты что! — кажется, Ари оскорбилась. — У Эша принципы. Ну, ты скажешь тоже. Он же Вандерфилд, он выше таких глупостей!

Я покачала головой, хотя почему-то поверила. Просто Вандерфилд знатный сноб, не станет он делать ставки на такие глупости.

— Спасибо, что открыла мне глаза. И за угощение — тоже.

— Не велика заслуга, — хмыкнула девушка и дружелюбно улыбнулась. — И не вешай нос, Тина. У тебя есть жених, думай о нем. А наши парни скоро отстанут, найдут себе другой объект для болтовни. Вот увидишь!

Я уже хотела переспросить, откуда у меня жених взялся, но прикусила язык. Я ведь сама сболтнула Ари про Йена. От обмана стало стыдно, и только я открыла рот, чтобы объяснить, как девушка спрыгнула с подоконника.

— Ой, мне же бежать надо. Захочешь поболтать — я живу в зеленом крыле. Заходи, угощу чаем, у нас в комнате припрятан зачарованный нагреватель. Я сама сделала. Жутко полезная штука!

Она весело подмигнула и унеслась, куцый хвостик на голове подпрыгивал в такт шагам. А я осталась, переваривая бутерброд и новости. И кто же это постарался, распуслав обо мне гнусные сплетни? Вот же сволочи. Чтоб им всем на уроке Аодхэна прилетел стихийный опылитель и разукрасил наростами гадкие рожи!

Волю зафантазировавшись, я улыбнулась. Почему-то мое воображение рисовало в ряду жертв опылителя Ривза с его усмешками и Алиссию с Магмой. Вот кому не помешали бы мерзкие прыщи на гладких лицах!

А потом решила просто махнуть рукой. Ну не бегать же мне с плакатом, пытаюсь что-то доказать? Ари права, не найдя подтверждения, слухи утихнут сами собой.

Все свободное время я проводила в библиотеке, пытаюсь догнать сокурсников и наверстать упущенное. Потому что экзамены придется сдавать наравне со всеми, никто не станет делать поблажек ученице, пришедшей на месяц позже. Поэтому я благодарила судьбу за Томаса, он не только помог мне с экраном, но и терпеливо объяснял пропущенный

материал.

Как-то я попыталась намекнуть парню о сплетнях обо мне, но он махнул рукой и ответил, что его совершенно не интересует, откуда я родом. Мой приятель был уверен, что я переживаю лишь об этом. То ли Томас слишком наивен и честен, чтобы с ним поделились другими сплетнями, то ли гадости обо мне говорить перестали.

К счастью, были и приятные новости. В середине недели снова повезло и удалось разжиться синами. Перед арифметикой ко мне подошел рыжий оболтус Эрик.

— Эй, Котловина, вот ты где, — ухмыльнулся он. Я напряглась, но парень смотрел по-дружески: — Задачи решила?

Я кивнула. Конечно, решила. Полночи над ними корпела!

— Дай списать? — обрадовался рыжий, и я тоже повеселела.

И уже полезла в сумку, чтобы помочь по доброте душевной, но передумала. Что-то не помню, чтобы Эрик торопился сделать для меня то же самое!

— Три сина!

Парень моргнул, и на миг показалось — обидится, но не тут-то было. Кивнул одобрительно, отсчитал мне деньги и быстро переписал формулы в свою тетрадь.

— А ты не промах, Котловина. Предлагаю бартер на постоянной основе. Ты мне задачки — я тебе сины. Идет?

— Посмотрим, — решила я проявить предусмотрительность.

— А если напишешь мне доклад по мироведению, заплачу десятку!

Я прикинула свои возможности. В целом, если пожертвовать двумя-тремя часами сна, то осилю. Предмет мне нравился, и в отличие от раздолбая Эрика, я любила книги.

— Так профессор мигом поймет, что писал не ты. Почерк-то другой!

Рыжий приуныл, задумался. И тут же просиял.

— Надо добыть обмани-перо. К вечеру будет, Котловина, а ты иди пока, изучай материал!

Воодушевленный идеей, парень умчался, я покачала головой. Его бы энтузиазм бы да в нужное русло. Потратить кучу сил и времени на то, чтобы добыть зачарованное перо, которое способно подделать почерк. А потом еще заплатить мне за доклад, написанный этим пером. Не легче ли самому провести пару часов в библиотеке, знакомясь с иными королевствами и их культурой?

Нет, логика некоторых мне совершенно непонятна!

Зато на горизонте замаячили обещанные сины, поднимая мне

настроение!

Если бы его еще никто не портил!

Вандерфилд меня избегал, похоже, Эш делал все, чтобы мы не пересекались. На занятиях упорно смотрел в другую сторону, в коридорах при случайной встрече отворачивался. Но вот Ривз поступал с точностью наоборот. И этот неприкосновенный стал слишком часто встречаться на моем пути.

А как-то вечером подсел ко мне в библиотеке.

— Долго мне ещё ждать, колючка? — без приветствия произнес он. Я приуныла. Караулил он меня, что ли? Нормальные люди давно спят в кроватках и видят сладкие сны. Я бы с удовольствием последовала их примеру, но мне нужны сины. Потому и торчу в опустевшей библиотеке!

— А ты не жди, — посоветовала я. — Забудь и найди себе другой объект для... ожидания.

— Не могу, Аддерли, — усмехаясь, произнес парень. Он сидел, развалившись на стуле и качая ногой. — Дело принципа, знаешь ли. Лучше бы ты и дальше ходила в своем балахоне, а теперь...

Он наклонился вперед, положив руки на стол.

— А теперь я не успокоюсь, пока не получу свое. Характер у меня такой, представляешь? Настойчивый.

— Прилипчивый, может? — не сдержалась я, и парень рассмеялся. Я скривилась, весело ему!

Правда, улыбка быстро сползла с губ Ривза, и одним рывком он передвинул стул вплотную ко мне. А потом обнял одной рукой.

— Хватит набивать себе цену, злюка. Я и так согласен заплатить, сколько скажешь. Добрый я, видишь?

— Руки убери! — я дернулась, высвобождаясь из объятий. Но Ривз был гораздо сильнее, к сожалению. Снова дернул меня к себе, прижал.

— Ну что ты такая колючая? — синие глаза потемнели. — Хорошо ведь будет, обещаю. Я твое желание так раскачаю, что ты от страсти орать будешь, как кошка. Лучше меня все равно не найдешь. Ну же, Аддерли, не упрямься!

— Ничего ты не раскачаешь! — прошипела я. — Ты мне не нравишься. Ни капли!

— Так ты меня ещё не пробовала, — жарко выдохнул парень, не отпуская. — Готов предоставить испытательный поцелуй. Так сказать — пробную версию!

Я всерьез задумалась, не заорать ли. И где этот смотритель библиотеки, когда нужен? Наверное, уснул, время-то к полуночи близится.

И помещение пустое, все нормальные студенты разбрелись по комнатам. Одна я пишу доклад для рыжего Эрика, который все-таки добыл обмани-перо!

Попыталась вывернуться и оказалась прижата к столу. Синие глаза Ривза потемнели до грозового сумрака, внутри радужек бушевали молнии.

— Горячая какая... Не противься, ну же... Необычная ты, Аддерли, тянет к тебе... Была бы умнее, могла бы веревки из меня вить. Я добрый и щедрый, что тебя не нравится? Я неприкосновенный, сины водятся... со всех сторон хорош. Подарок для нищенки из Котловины. А ты упрямишься!

— Пусти!

— Тебе теперь одна дорога, Аддерли — ко мне, — усмехнулся парень. — Я тебя все равно получу, не сомневайся. Жарко...

Я испугалась знакомого приказа, но лишь на миг. Потому что никакого чувственного отклика не ощутила, лишь злость. И Ривз это тоже увидел и помрачнел. А потом с силой прижал меня к столу, закрыв мне рот ладонью.

Я укусила. Вонзила зубы изо всех сил — до крови. Ривз отшатнулся, плюхнулся на свой стул, а я, не думая, скомкала лист бумаги с почти готовым докладом, и швырнула.

— Luto haeret! — вспомнила я слова на чароите.

И изумилась, увидев, как мой снаряд плюхнулся в лицо Ривза смердящей болотной жижей. А так как парень в этот момент пытался выругаться, изрядная часть попала в рот. Порадоваться удачному изменению структуры вещества я не успела. Парень вскочил, сжимая кулаки и отплевываясь, желание на его лице сменилось злостью.

— Ах ты, зараза!

И тут же в проходе появился заспанный смотритель.

— Вы что вытворяете? — завопил он. — Намусорили, стул сломали. Штрафы. По сотне каждому!

Я чуть не застонала в голос. Сто штрафных баллов? Да я их вовек не отработаю. А Ривз просто откупится и забудет. Несправедливо!

И доклад пропал...

От огорчения снова забурчало в животе.

— Думаю, девушка ни причем, — новый голос заставил подскочить всех, даже Ривза и смотрителя. Из темноты бесшумно выплыл Аодхэн, и я очень пожалела, что решила сегодня задержаться в библиотеке.

Незаметно сунула в карман обмани-перо. Если преподаватель поймет, чем я тут занималась...

— Как это не виновата? Да вы посмотрите, что она натворила!

— Я не хотела...

— Она всего лишь пыталась защитить свою честь, — уголки губ профессора разрушения дрогнули. — Вы разве не слышали, уважаемый господин Олди? Где вы были, кстати?

Смотритель насупился. А я покосилась на Ривза. Может, неприкосновенный и старику приплатил, чтобы не лез? С этого гада станется!

— Я пришел, как только услышал шум, господин Аодхэн. И раз вы снимаете мои штрафы, то и ответственность берите на себя. Вы только посмотрите. Кто теперь будет вычищать это жуткое пятно на ковре? Ужасная грязь. И где? В хранилище знаний!

Губы Аодхэна снова дрогнули. И он тихо произнес заклинание разрушения. Капли болотной жижи потянулись друг к другу, слились и посветлели. Миг — и от грязи не осталось и следа. А преподаватель, нагнувшись, поднял с пола мятый лист бумаги с оборванными краями.

— Боюсь, что часть вашего доклада сейчас в желудке господина Клиффорда... — негромко произнес Аодхэн. — Ну и раз инцидент под моей ответственностью... Двести штрафных баллов, Ривз. И никаких синов. Только отработка. У меня.

Ривз слегка побледнел, перспектива его явно не обрадовала. Бросив на меня взгляд, не обещающий ничего хорошего, неприкосновенный коротко процедил слова прощания и удалился. Смотритель пошел следом — то ли утешать, то ли снова ругать.

Я помялась, плохо понимая, что надо говорить или делать. Профессор разрушения подавлял своим авторитетом и мощью.

Аодхэн протянул мне мятый листок.

— Неплохой доклад, Тина.

— Спасибо, — проямлила я. — Я... пойду?

Аодхэн по своей привычке заложил руки за спину. Под темным взглядом было неуютно.

— И вы делаете успехи в практике изменения веществ. Бумага — очень необычный материал.

Ну вот, значит, я и здесь отличилась. Но неожиданно заинтересовалась.

— Почему он необычный?

— Он живой и мертвый одновременно. Бумага начинается с ростка, пробивающего себе дорогу к солнцу. А заканчивается зачастую хранилищем мертвых знаний, становясь книгой. Бумага сама по себе начало и конец, Тина. Очень символично.

Что здесь символичного, я не поняла. Но слова разрушителя что-то

задели внутри.

— Я никогда не думала о бумаге так. Для меня это всего лишь лист... — слегка растерялась я.

— Просто вы ещё очень молоды.

Губы снова дрогнули, но в улыбку так и не сложились. Я внимательнее присмотрелась к профессору. Сколько ему лет, интересно? С заклинателями порой непросто угадать возраст. У Аодхэна лицо молодого мужчины, но вот глаза... Слишком тяжелый взгляд, мрачный. Может, поэтому профессор порой кажется стариком?

И только я собралась поблагодарить Аодхэна за спасение от штрафов, как он кивнул, прощаясь, и растворился в темноте за стеллажами.

Я поморгала ему вслед. Нет, все-таки наш преподаватель разрушения ужасно странный!

## Глава 17

Доклад я все-таки дописала и получила от Эрика обещанные десять синов. А также заказ на новые сочинительства, на этот раз по ботанике и геральдике. Похоже, спать мне теперь придется мало. Зато теперь я могла оплачивать обеды, и горячая тарелка супа с мясным пирогом очень радовали мой истосковавшийся по еде организм!

Остаток денежных средств пришлось потратить в лавке при академии, где я купила зачарованное перо, бесконечную тетрадь, несколько тетрадей обычных, ежедневник в ярко-розовой обложке и арифметические измерители. В этой лавке учебные принадлежности для студентов продавались с изрядной уценкой, так что я смогла позволить себе больше, чем в магазинах столицы.

В выходной я навестила родных, снова выслушала стенания о том, как исхудало дитяtko, наелась до отвала домашней еды и помогла тете в мастерской. К сожалению, как я и предвидела, заказов там становилось все меньше. С наступлением осени жители Котловины натянули куртки и стеганные ватные утепляйки, закутались в шарфы и стали больше внимания уделять горячей еде и тепловаторам, а не обновкам. К тому же, старенькая швейная машинка, на которой днями и ночами строчила тетьа, дребезжала и брызгала маслом, грозя сломаться. Дядя уже неоднократно чинил и налаживал механизм, но невозможно вечно исправлять старье. Однажды его надо просто выкинуть.

Увы, это «однажды» грозило обернуться в «уже сейчас».

А наша семья просто не могла позволить себе новую машинку.

Если только...

Я вытащила из тайника деньги Вандерфилда и сунула в руки тете.

— Возьми, — твердо сказала я. — Если понадобятся лекарства или что-то для мастерской — трать не раздумывая.

— Но Тина! — ахнула та, опасливо косясь на сыны. — Это чужие деньги. Что если тот человек, который тебе их дал, однажды вернется? И спросит?

— Не спросит, — мрачно буркнула я, решительно сжимая пальцы тетушки. — И не думай об этом.

Родственница пожевала губу, вздохнула.

— Спасибо, милая. Но только если машинка сломается. Никак иначе. Руфус обещает подладить и поставить новые лапки под иглу, может, и

обойдется...

Я кивнула. Может. Но что-то последнее время я не верю в эти «обойдется». Как говорил один из древних умников: если какая-то гадость может случиться, то она обязательно это сделает!

Но вернувшись в академию, я поймала себя на ощущении, что поступила правильно. Как ни противно было тратить деньги Вандерфилда, но деваться некуда. Моей семье надо продержаться до того, как я получу диплом и смогу работать. А это целый год. Так пусть деньги белобрысого гада нам в этом помогут!

К счастью, сам гад временно меня не беспокоил.

Порой мы встречались в коридорах ВСА, но каждый раз Эш проходил мимо, даже не удостоив меня взглядом. Да я и сама старалась не смотреть в сторону неприкосновенных. А когда я поднималась в комнату семь, хозяина там не было. Зато стал появляться список сухих указаний и дел. Так что я мыла полы и протирала пыль в блаженном одиночестве. Стиркой мне тоже пришлось заняться, но к счастью — не ручной. Шелли поведала, что за парком, в дальней башне, находится хозяйственная часть, а в ней — прачечная. И вещи белобрысого гада, а заодно и свои, я могу относить туда. Признаться, новость меня несказанно обрадовала, ведь дома мы стирали в большой лохани, да еще и воду приходилось греть.

Так что, когда корзина с грязными вещами оказалась переполненной, я завязала их в тюк и отправилась разыскивать прачечную.

Хозяйственная постройка пряталась за огромными елями почти как заколдованный замок — в чаще леса. Чем дальше я уходила от основного здания ВСА, тем жиже становился свет фонарей. К вечеру похолодало, осень сдавала позиции наступающей зиме. А в моей памяти было живо воспоминание о яме, в которую меня сбросили.

Вот только и выбора не было. Мои обязанности никто за меня не выполнит, и охрану мне взять неоткуда.

Так что я плотнее обхватила тюк с одеждой и ускорила, жалея, что выбежала из здания без рукавиц. Дорожка, петляющая между деревьями, показалась бесконечной, порой мне казалось, что в спину кто-то смотрит, но на этот раз обошлось без происшествий. Строение вынырнуло из сгущающихся сумерек совершенно неожиданно, когда я уже решила, что заблудилась. И хоть башня из темного камня выглядела мрачно, но встретила она меня уютным светом и теплом.

Я робко застыла на пороге, отряхиваясь. С интересом рассмотрела небольшой холл с несколькими дверьми.

— Привет. Ты из новеньких? — доброжелательно обратилась ко мне

курносая черноглазая девушка, выходя навстречу. На ней красовалось синее платье, поверх — фартук с оборочками. Я кивнула и представилась.

— Прачечную ищу. Я помощница Эша Вандерфилда.

— Понятно, а я Лиза, — улыбнулась новая знакомая. — И я со счета сбилась, сколько у него было этих помощниц. Разбери все вещи на черные, белые и цветные да загрузи в стирающий агрегат. Вон там.

Я прошла в указанную дверь и присвистнула. Внутри стояла самая огромная стирающая машина, которую я только видела. Внутри нее что-то крутилось, булькало и тренькало, из трубы сбоку валил пар.

— А ты как думала, — довольно улыбнулась на мое удивление Лиза. — Знаешь, сколько в академии разных тканей? Занавеси, скатерти, салфетки, одежда работников, фартуки кухарок, вещи учеников и преподавателей. Круглыми сутками стираем!

— Он зачарованный? — восхитилась я, рассматривая невиданную машину. Расскажу об этом чуде тете и дяде, вот они тоже удивятся!

— Конечно. Каждый месяц приходится обновлять заклинания. Стираются. От воды и мыльных порошков. Ладно, ты разбирай, а мне еще надо заглянуть в мусороотстойник.

— Куда?

— Мусороотстойник. Академия производит кучу отходов. Горы. Да ещё все эти зачарованные недоделки летят!

— Ты тоже заклинательница? — вытаращилась я. Ну надо же, а я-то подумала — обычная девушка!

— Конечно. Тут без чар через час все рухнет, — хмыкнула Лиза. — Или взорвется. Или взлетит на воздух!

— Обалдеть. Это все просто невероятно! — искренне восхитилась я, и смотрительница рассмеялась.

— А ты забавная, Тина. Заглядывай ко мне, когда закончишь, дверь возле лесенки, угощу чаем, поболтаем.

Я радостно кивнула и бросилась разбирать вещи Вандерфилда.

Когда я пришла, Лиза уже успела заварить ароматный чай. В небольшой уютной комнатке стояли кровать, стол, стул и узкий шкаф. На всех поверхностях красовались кружевные вязаные салфетки, даже плед оказался связанным вручную!

— Нить — мой материал, — улыбнулась Лиза, когда я села на стул. — С детства вязать люблю. Мне здесь иногда скучно. А ты кажешься обычной девчонкой, словно... из Котловины.

— Я оттуда и есть.

— Неужели? Но я тоже! — просияла Лиза. — Потенциал достался от

отца, которого я в глаза не видела, уж где матушка познакомилась с заклинателем — тайна. Но мне жутко повезло, я попала в ВСА помощницей по хозяйству, а потом осталась тут работать. А ты?

Я кратко рассказала о себе, умолчав о необычном способе получения чар.

— Значит, ты смотрительница этой башни?

— Точно. Хорошо звучит, да? Мне тут нравится, а ты кем мечтаешь стать?

Мы обсудили перспективы после получения диплома. С Лизой было легко, на миг мне почудилось, что я дома и болтаю со старой знакомой, которую знаю сто лет!

За стеной загудело, заухало, и я подпрыгнула.

— Не пугайся, это лишь новая порция мусора прилетела! — безмятежно отпила чай хозяйка. — Из основных зданий проложены специальные невидимые туннели. Там выкинули — сюда упало. А под башней яма для хранения.

Я поежилась. Осознавать, что совсем рядом груда отбросов было как-то... неприятно.

— Да не ерзай, зачарованно там все. Ни запаха, ни звуков, никаких неудобств. Вот только...

Лиза вдруг нахмурилась и отставила чашку. Курносое лицо стало растерянным.

— Что?

— Даже не знаю, как сказать... Но ты же своя, ты поймешь... — смотрительница оглянулась, словно чайник мог нас подслушать, и понизила голос. — Знаешь, мне кажется, в отстойнике кто-то поселился.

Я хмыкнула. Ну, еще бы. Да там наверняка полчища крыс и насекомых!

— Ты не понимаешь, — обиделась Лиза. — Там же чары. Заклинания. Живого там нет и быть не может. Я ключнице пожаловалась, она посмотрела, заклинания обновила и сказала, что все в порядке. Но я-то слышу... шуршит оно там. А еще чавкает!

— Чавкает?

— Да! — чуть не плача подтвердила Лиза. — Жрет что-то, зараза. Спать мне не дает. А ключница сказала — не может такого быть!

Девушка сделала большие глаза, а я настороженно прислушалась. Но за стеной было тихо.

— Может тебе того... чай с травками попить? — осторожно посоветовала я. — Ну, чтобы спать крепче. Чавкает, так и пусть.

Подумаешь. Может, почавкает и перестанет?

— Думаешь? — оживилась смотрительница. И вдруг вскочила. — Ой, у меня же там скатерти. Заходи еще, Тина!

Что случилось со скатертями, я так и не узнала — девушка унеслась. Я же забрала выстиранные вещи и ушла, довольная, что в академии у меня появилась приятельница. Смотрительница мне понравилась, так что обязательно ещё к ней загляну поболтать!

Вещи Вандерфилда еще надо было переглядеть, но этим я решила заняться завтра. А пока — ужин.

Возле хозяйственной башни я подобрала толстую палку и до самой академии сжимала ее в руке. Пусть ко мне только подойдут враги. Так огрею, что мало не покажется!

Но то ли невидимый злопахатель впечатлился моим оружием, то ли просто сегодня взял выходной, но до ступенек я добежала без приключений.

Оставила вещи, еще раз пересчитала оставшиеся сины и решила, что сегодня могу позволить себе угощение. От чая Лизы почему-то жутко разыгрался аппетит!

Так что, оплатив разовое посещение, я переступила порог столовой. Рот наполнился слюной — настолько вкусно здесь пахло. На столах теснились блюда с рассыпчатой картошечкой, зеленью и ароматной курятиной, дальше желтела горка риса с горошком, за ним томительно булькал в огромном чане грибной суп. Я облизнулась, с трудом удерживаясь от желания накинуться на еду оголодавшим зверем!

Выбрав, подхватила поднос с тарелками и осмотрелась. Во время завтрака столовая почти пустая, ведь прихожу я раньше всех. А вот сейчас помещение оказалось забитым голодными студентами!

Вертя головой, я растерянно двинулась по проходу. И обрадовалась, увидев несколько пустых столиков возле окон. Выбрала тот, что в центре, довольно расставила свои блюда и приступила к трапезе.

И только доев суп, заметила, что окружающие поглядывают в мою сторону как-то странно. То ли с насмешкой, то ли с испугом.

Я удивленно осмотрела свой наряд, пригладила волосы. И что это они так пялятся? Испачкалась я, что ли?

— А ты бесстрашная, я смотрю, — рядом вырос темный силуэт, и я чуть не застонала — Ривз. — Хотя, скорее, наивная. А может, и то и другое.

— Это почему? — разговаривать с парнем не хотелось. В коридорах ВСА я ловила на себе его взгляды, и от них становилось не по себе.

— Знаешь, что я сделаю первым делом, когда ты окажешься в моей

постели, Аддерли? — хищно улыбнулся он. Я закатила глаза, показывая, как мне надоела его навязчивость. К сожалению, парень не проникся и лишь склонился ниже, продолжая: — Я тебя накажу. И буду наказывать до о-олго. Один раз я стерпел от тебя помои, а за второй будешь отрабатывать.

Синие глаза блеснули с предвкушением. Похоже, собственные фантазии так понравились Ривзу, что он едва не облизывался.

Я похолодела. Угроза вовсе не выглядела пустой. На что ещё пойдет этот гад, чтобы получить то, что задумал? Но я лишь расправила плечи, не позволяя неприкосновенному увидеть мой страх.

— Только попробуй, — огрызнулась я.

— Наивная девочка, — прищурился он. Вальяжно откинулся на спинку стула. — Думаешь, испугала своим нелепым заклинанием? Все равно будешь моей, не сомневайся. Я от твоих отказов только настойчивей становлюсь, а отработка у Аодхэна, которую я получил по твоей вине, лишь подогрела мой... аппетит.

— Ты сам виноват, — буркнула я.

Ривз усмехнулся.

— Да, кстати, я ведь подошел сказать, что этот столик занят. Хотел быть первым, знаешь ли...

И снова улыбнулся, радуясь своей шутке.

— Когда я садилась, тут никого не было.

— Он всегда занят. И все это знают. Но не глупые девочки из Котловины, да?

— И кем же, интересно? — нахмурилась я. Может, это стол преподавателей? Правда, они едят в отдельной столовой...

Ривз, усмехаясь, закинул ногу на ногу.

— Наивная крошка. Так бы и съел.

— Да в чем дело?

Парень наклонился вперед, жадно заглядывая в вырез на моей груди.

— Пусть тебе объяснит твой наниматель, чей это стол и почему за него нельзя садиться.

Так это стол Вандерфилда? По спине снова пробежал холодок. Но я лишь упрямо сжала губы и вздернула подбородок.

— Стол был пустой. Не понимаю, почему я не могла за него сесть!

Мои слова прозвучали невероятно громко в обрушившейся на столовую тишине. Я мотнула головой и увидела Эша собственной персоной. Как обычно, безупречен. Белоснежная рубашка под пиджаком, слезы сверкающих бриллиантов на запонках и шейной булавке, начищенные до блеска туфли и убийственное высокомерие во взгляде.

Ну прямо прибить хочется, так бесит.

— Эш, ты только посмотри, как обнаглела твоя поломойка, — растянул губы в улыбке Ривз. — Ты ее совсем разбаловал. С этим надо что-то делать. Теряешь авторитет, друг.

Вандерфилд оторвал ледяной взгляд от меня и посмотрел на приятеля. Тот скис и улыбаться перестал.

— Это всего лишь стол, — мрачно протянула я. — Я уже уйду.

— Доешь, — негромко произнес Вандерфилд.

Ривз удивленно поднял брови.

— Ты позволишь ей тут сидеть?

— Я позволю ей доесть, — четко сказал Эш. — Потому что не люблю, когда поломойки ломаются слишком быстро. Извинись, Аддерли. А потом поднимись ко мне в комнату.

Ривз понимающе хмыкнул, несколько старшекурсников одобрительно подняли два пальца, другие ухмыльнулись. Девушки отворачивались, в глазах некоторых я увидела сочувствие.

Да что это такое?. Я разве рабыня? У нас свободное королевство, в котором все равны. Ну, по крайней мере, считается так.

— Если хочешь что-то сказать, говори здесь, — рявкнула я уже отворачивающемуся парню.

— Я не собираюсь ничего говорить. — Бездна, какой скучающий у него тон. Прямо одолжение мне делает, открыв рот! — Больше ты не сядешь за мой стол. Я сделаю так, чтобы ты это запомнила.

— Я уже запомнила, — процедила сквозь зубы. Дернули меня бездновы исчадия выбрать именно этот стол. Были ведь и другие!

— Этого недостаточно, — улыбнулся Эш. — Доедай, Аддерли.

— Я никуда не пойду! — заупрямилась я. — И не буду извиняться. Да все это... это просто нелепо!

Краем глаза заметила, что кто-то покрутил пальцем у виска, кто-то фыркнул: Котловина. А я просто не хочу унижаться перед кучей самовлюбленных болванов. Может, их предки и сделали для Королевства важные и значимые дела, но потомки пока лишь обычные студенты. Так почему я должна перед ними пресмыкаться?

Да, тетя всегда говорила, что мне досталось слишком обостренное чувство справедливости... мне же во вред!

— Ты назвала меня нелепым? — похоже, сноб начал закипать. Зелень глаз потемнела, зрачки сузились.

— Наказывать за то, что я села за этот стол, нелепо. Извиняться за это — тем более. И я никуда не пойду!

— Сама выбрала, — лениво протянул Эш и добавил тихо слово на чароите.

Кружку с чаем подхватил воздушный поток, и содержимое вылилось мне на голову. Мокрые кудряшки прилипли к щекам. Ривз рассмеялся, кто-то подхватил. А у меня закончилось терпение.

Ярость выжгла разум, оставив лишь желание поквитаться с обидчиком. Да как он смеет?!

Чудесных слов, заставляющих тарелки летать, я не знала. Но ничего, и без чар справлюсь. Подхватила тарелку с запеканкой и швырнула в Вандерфилда. К сожалению, гад обладал отменной реакцией и успел уклониться, но выражение неподдельного, искреннего, чистейшего изумления на его лице меня очень порадовало!

Похожее чувство возникло и на высокомерных физиономиях окружающих, видимо, никому и в голову не могло пройти, что нищенка даст отпор. Кому? Самому Вандерфилду!

Я схватила стакан с молоком.

— А это добавка! — крикнула и швырнула снаряд. Одно слово гада — и напиток завис в воздухе, растянувшись дрожащей белой лентой. Изменение жидкого вещества в воздухе и без прикосновения. Я даже полюбовалась бы на столь филигранное исполнение, но не до того было. И все же, пара капель упала на пиджак Эша. Он посмотрел на них. На меня. Предвкушающе улыбнулся. Достал белоснежный платок, вытер брызги и швырнул лоскут.

— Fetter!

Кусочек батиста на глазах удлинился, преобразуясь, и мое тело обвила веревка, словно живая змея.

Да, способности Эша поражали. Я бы оценила, но заклинание оков связало меня по рукам и ногам, я рухнула, как подкошенная.

— Сволочь!

Край веревки воткнулся в рот, не давая говорить. Перед глазами маячил хвостик бывшего батистового платка с вышитыми инициалами «К. Э. В». Я даже успела подумать, какое у сноба первое имя. А потом осталось только смотреть на мучителя со всей возможной ненавистью во взгляде.

— Ко мне в комнату, — отряхивая с пиджака капли, велел Вандерфилд. Меня тут же подхватил крепкий парень, закинул на плечо. Я попыталась извернуться или заорать, но какой там. Даже пошевелиться не смогла. Мелькнула надежда, что этот беспредел увидит кто-нибудь из преподавателей, но, увы. В коридоре гады свернули в какое-то хитрое ответвление и уже через минуту мы оказались у двери с номером «7».

Где меня скинули прямо на ковер.

— Думаю, этой строптивой нищенке нужен урок. Я с удовольствием научу ее слушаться! — с предвкушением в голосе произнес Ривз. Я дернулась. Он не посмеет меня тронуть!

— Выйди, — равнодушно отозвался Эш.

— Не дашь посмотреть наказание?

Я извернулась и увидела прищуренные глаза Вандерфилда. Он смотрел на меня с таким странным выражением... что было в его глазах?

— Эш? — напомнил о себе Ривз.

— Иди, — уронил хозяин комнат.

На лице брюнета расцвели разочарование и злость, он сжал кулаки. Потом выдохнул и ушел, хлопнув дверью. Следом вышел парень, который меня нес. Мы остались с Эшем наедине.

Магический кляп ослаб, и я открыла рот.

— Только... посмей... ко мне прикоснуться!

— Ты, кажется, плохо понимаешь свое место, пустышка, — бесцветно произнес Вандерфилд. Он сел на корточки, не спуская с меня взгляда. — Никто не смеет что-то швырять в меня. Никто не смеет занимать мой стол. Или возражать.

— Ты всего лишь студент! — прошипела я. — И ничем не лучше остальных. Открой глаза, Вандерфилд, мир не вертится вокруг тебя. Ты не бог!

— Вертится. А ты глупа, раз не понимаешь этого, — с непробиваемой и возмутительной убежденностью произнес он.

— Ты человек. Просто человек! — выплюнула я. — Ты выставил щит, когда я кинула кружку. Но я почти попала. Я почти попала. Ты уязвим, как и все. И если бы мне повезло чуть больше, это ты стоял бы перемазанный едой!

— Ты могла просто уйти! — сильные пальцы вцепились мне в плечи, трянули. — Я ведь сказал. Доешь, извинись и иди. Почему ты просто не подчинилась?

— Я не буду извиняться за то, что села на твое место. Почему я должна за это извиняться? Это просто смешно!

— Я — Вандерфилд! — почти прорычал он.

— Глядя на тебя, сомневаюсь, что этим стоит гордиться!

Он задохнулся. И крепче сжал пальцы. И только сейчас я осознала, что гад почти сидит на мне. Прижимается бедрами, обхватывает плечи. И он тоже это понял. Суженные зрачки расширились, утопив зелень радужки.

Рывком сдернул себя с моего тела, нахмурился. Я прикусила губу.

Надо было просто извиниться и уйти... Так сделали бы другие поломойки. Вероятно, так делали все. Прилюдно покаяться в нарушении негласных правил ВСА, склонить голову перед снобами, признать их власть и жить дальше. Только и всего... жаль, что я так не смогла.

— И что ты будешь делать? — не сдержалась я. Верно, от испуга. Все-таки неизвестность — хуже всего. — Зальешь тут все вином и заставишь убирать? Перепачкаешь все свои вещи? Что-нибудь разобьешь? Что?

— Я оставлю тебя так до утра.

— Что? Но мне надо подготовить доклад. На завтра!

Белобрысый гад пожал плечами и ушел в душ. Я услышала, как полилась вода. И не вовремя подумала о потребностях организма, которые скоро о себе напомнят. К тому же жутко захотелось пить. И даже снова — есть. И если я не сделаю доклад, то завтра заработаю штрафы. А у меня уже накопилось несколько, потому что я банально не успевала. Да еще и эта выходка в столовой... как бы не вышла она мне боком. И что мне стоило сдержаться? Ну, подумаешь, чай на голове... могла бы и потерпеть.

Пока я мрачно размышляла, вернулся Вандерфилд. Рядом со мной бесшумно прошли его босые ноги. Я с трудом и хрустом в шее повернула голову — это было все, что позволяли путы. Эш — одетый лишь в серые домашние штаны — уселся в кресло и безмятежно открыл книгу.

Я полежала еще пару минут.

— Слушай, это уже не смешно. У меня руки затекли. И ноги.

Тишина. Издевательский шелест страниц.

— Я... сожалею, — выдохнула сквозь зубы. — Правда, сожалею. Что кинула в тебя тарелку, а не о том, что села за этот стол. Потому что делить столы — это глупо!

Ни слова в ответ.

— Вандерфилд, ты оглох?

— Хочешь кляп? — лениво поинтересовался он.

Я негодуяще зашипела. Потом зевнула. Под моей щекой был пушистый ворс ковра, пахнувший свежестью. Сама чистила, молодец я, никакой пыли. И вообще очень удобный и мягкий ковер. Так что...

— Ну и провались ты в бездну, — сонно пожелала я, закрывая глаза.

## Глава 18

Замолчала? Или вид делает?

Девчонка так быстро сбросила мое заклинание безмолвия... Да и путы уже дрожат — вот-вот освободится. Как она сопротивляется приказам неприкосновенных? Она ведь пустышка!

Я отложил книгу и тихо встал. Приблизился, присел рядом с девушкой. И глазам своим не поверил. Пустышка спала. Спала. Но как ей это удалось? Под заклинанием оков даже лежать жутко неудобно, не то что спать. Уже через час неподвижности большинство жертв начинает вопить и орать, у них возникает иллюзорное ощущение отмирающих конечностей.

А эта... спит!

И даже безмятежно посапывает!

С досадой взъерошил волосы и нахмурился. Ну и какое это наказание, если девчонка просто вырубилась и собирается продрыхнуть до утра? Может, ей ещё подушку принести и одеялом укрыть? Она спит, а я чувствую себя полным придурком. Вот проклятие!

Как она вообще смогла уснуть? Хотя...

«Всегда и все держи под контролем, — наставляли меня с детства. — Ты должен знать подноготную врагов и друзей. Особенно друзей. Ты должен знать все и обо всех. Потому что знания слабостей, постыдных тайн и секретов дает силу и власть».

Вытащил из учебника тетрадный листок.

«Ежедневный отчет, дата/время.

5.30-6.15 — А. в помывальной, потом в столовой. Снова взяла овсяную кашу, булочку с творогом, чай и яблоко. Яблоко попыталась вынести за пределы столовой. Сработала воющая оповещалка. А. яблоко съела.

6.15-8.00 — А. сидит на подоконнике пятого этажа (схема прилагается), учит заклинания первого уровня. Шепчет вслух.

8.00-13.00. — На уроках (расписание прилагается).

13.00-14.00 — Обеденный перерыв. Допуска в столовую нет. Снова сидит на подоконнике, пишет доклад, ест хлеб (где взяла, пока непонятно, вероятнее всего, купила в продуктовой лавке).

14.00-16.00 — На уроках.

16.00-17.30. — Снова потерял из вида. Ушла с первокурсником Томасом Грином, найти — куда, опять не получилось. Вероятно, они снова уединились в одной из свободных аудиторий. Где именно — выяснить не

удается (буду работать в этом направлении).

17.30–18.00 — А. нашлась в зимнем саду. Пересаживает растения и обрезает листья. Отрабатывает штрафные баллы.

18.00–19.00 — Сидит в библиотеке, учит. Подходили два парня со второго курса, Вильям Торн и Бредбик Дэканс. Разговор не услышал. Но судя по ухмылкам — пытались познакомиться. А. разговаривать не стала, отвернулась и уткнулась в книгу.

19.00–20.00. — А. поднялась в Ваши комнаты. Вышла с тюком белья. Посетила хозяйственную башню, лавку, снова библиотеку и помывальную. Порой теряю из вида. Очень быстро бегаю (необходимо обсудить условия дополнительной оплаты в связи с повышенной шустростью объекта).

20.00. — А. стоит возле столовой. Сегодня она оплатила разовый допуск. Вошла.

Наблюдение прекращено по указанию нанимателя. Завтра продолжу в обычном режиме».

Сжал отчет в кулаке, смятая бумагу. За шесть лет у меня образовалась сеть информаторов, но даже они порой не могут уследить за Аддерли. Интересно, где это пустышка уединяется с щенком Грином? И что они в это время делают?

Моя темная сторона мигом подсказала ответ на этот вопрос. Показала во всех интимных и порочных подробностях. Чем еще могут заниматься парень и девушка, спрятавшись от остальных?

Скрипнул зубами, пытаюсь задавить зарождающееся бешенство. Какого гада пустышка тратит силы на парней, если их у нее и так мало? Она должна выполнять свои обязанности. Драить мои полы, а не заигрывать с разными слизняками. Убью...

Потер лоб, сбрасывая эмоции.

Как же пустышка меня злит. Просто ужасно бесит. Видеть ее не могу. Как только найду, за что ее выкинуть — сделаю это. В ту же минуту!

Но с таким расписанием, как у девчонки, неудивительно, что она умудрилась выключиться. Похоже, спать пустышка способна, даже стоя на голове. За прошедшую неделю она написала несколько докладов для своих сокурсников, жертвуя сном.

Слово на чароите разрушило невидимые путы. Пустышка сладко потянулась и перевернулась на бок. Ее жакет распахнулся, шелковый край рубашки съехал, открывая линию ключицы и верх груди. Не успев задуматься, я протянул руку, погладил шелк. Моя рубашка. Она так и носит ее, но, кажется, ушила. В тот раз, когда девчонка раздевалась передо мной, шелк висел свободно. А сейчас мягко облегает грудь.

И... почему мне нравится видеть эту рубашку на ее теле? Почему меня это... будоражит?

Не только это.

Снова запустил ладонь в волосы.

Ладно, причина проста и банальна. Пустышка красива. Это стало очевидно всем, как только она сняла свой жуткий балахон и надела форму. До сих пор скулы сводит от воспоминания — девчонка скидывает куртку, отбрасывает с плеч светлые кудри. И Эдди рядом выдыхает, а потом цедит сквозь зубы непристойность.

Для меня это стало ясно, когда я открыл дверь и увидел свою новую полкомойку. словно ударили ногой в грудь. До боли. Ее глаза. И вспышка узнавания в них. Тогда я не верил, что это возможно — узнать после моего заклинания...

Что не так с этой нищенкой?

Такая несовершенная и невоспитанная. Носится по ВСА, как угорелая, игнорируя все нормы приличия. Вспыхивает, как фитиль, от насмешек. Кусает губы. Дерзит и огрызается. А иногда просто смеется... Хохочет на весь коридор. Никакого воспитания. Это просто взрывает мозг. Рвет его в клочья. Раздражает. Разве можно быть настолько... живой? Никаких манер!

«Несдержанность в словах и поступках — признак дурной крови, — говорит мой отец. — Твоя кровь идеальна, сын. Наша кровь, кровь великих Вандерфилдов. Чистейшая кровь в королевстве. Ты должен осознавать собственное отличие от других. Всегда помни, что ты особенный, сын. Мы особенные. Мы выше других людей. Мы лучше!»

Я усмехнулся, не переставая рассматривать спящую девушку.

А потом протянул левую руку и коснулся ее волос. Намотал на ладонь светлую прядь. Дышать стало нечем. Тело отреагировало мгновенно, не спрашивая разрешения и не слушая доводов разума. Телу наплевать на статус и родословную. Тело дико, невыносимо, почти неконтролируемо хочет...

Все это время. Проклятое время, когда я пытался о ней не думать!

Выпрямился рывком. От резкого движения в паху стало болезненно тяжело.

Пустышка свернулась на ковре, как кошка. У моих ног. В моей рубашке. И мне это не дает покоя!

Надо было наказать ее в столовой, развернуться и уйти. Просто наложить заклинание онемения или заставить кричать извинения. Показать, кто здесь хозяин, и забыть. Но я хотел притащить ее сюда. С самого начала хотел. И мне так нужен был повод. Спасибо летящей в лицо

тарелке!

Проклятые бездновы твари!

Я схожу с ума!

И пустышка играет в этом не последнюю роль!

«Сквернословие — удел нищих, необразованных отбросов, Эш. Ты выше этого».

Если бы отец знал, как часто я ругаюсь в последнее время...

«Ты уязвим, как и все».

Другой голос в голове. Словно холодная вода, смывающая все остальное... А ведь пустышка права. Как она могла увидеть? Мой щит оказался слишком слабым. Как и в тот день, когда моей рукой и ногой закусила тварь Гряды. Но ведь уровень вырос. Или...

Снова?

Скрипя зубами, достал из ящика стола чаронометр. Теперь у меня их больше двух десятков. Все надеюсь, что приборы врут.

Сдерживая очередное ругательство, приложил серебристый диск к коже. Смотрел почти спокойно.

Пятьдесят два.

Вполовину меньше, чем было до той проклятой ночи.

Та ночь...

Достал из ящика стола дневник, щелкнул зачарованным замком на обложке. Пролистал страницы. Я уже изучил все, что смог о той ночи. Расположение моста по отношению к сторонам света, камень, из которого выложено строение, фаза луны, движение звезд, соотношение силовых линий и энергетических потоков. Все. И ничего. Это не давало ровным счетом ничего, никакого ответа.

Остается лишь одна неизвестная мне величина. Девушка.

Просмотрел список всех случайников за последние двадцать лет. Всего семь имен. Изучил их биографии и способы получения чар. Обычные несчастные случаи, пробудившийся потенциал не больше десятки. Одна девушка даже поступила в ВСА пятнадцать лет назад. Камелия Янсон. Необычное имя, вероятно, случайница родилась не в Тритории, а на севере. В академии проучилась около года, а в графе «настоящее время» стоит прочерк. И это означает, что Камелии нет в живых. Что с ней случилось? Еще один несчастный случай? И что мне это дает?

Захлопнул дневник и убрал в стол.

Мысль, не дающая покоя, снова возникла в голове. Понимаю, что бред. И все же...

Я отбросил чаронометр, обернулся резко. Впился глазами в спящую на

ковре девушку. Та ночь... Ее падение. Холодное тело на руках. Бездыханное тело. Моя попытка вдохнуть жизнь в посиневшие губы. Мой приказ — живи...

Могло ли быть так, что...

Замер.

Нет, чушь.

Противоречит основным законам сохранения потенциала.

А то, что пришло мне в голову — бред.

Передача чар? Да это смешно. Я никогда не слышал о подобном. Ты хватаешься за соломинку, Эш, потому что тонешь. И уже почти утонул.

Невозможно. Никак.

И все же... Раз я притащил ее к себе, надо проверить.

Подобрал с пола чаронометр. Неслышно встал на колени рядом с девчонкой. Попытался завернуть ее рукав, но жакет оказался слишком узким. Приподнял пустышку, стащил с ее плеч плотную ткань, дернул рубашку.

— Что? — она, конечно, проснулась, захлопала длиннющими ресницами. И шарахнулась в сторону, когда поняла, что я делаю. — Не трогай меня!

— Я лишь хочу кое-что проверить, не дергайся! — рявкнул я, стаскивая рубашку с нежного тела. Перед глазами оказалась упругая грудь, обтянутая нелепым нищенским бельем. Никаких кружев и атласа. Серый хлопок. И нежные розовые соски, проступающие сквозь ткань.

В голове зашумело.

Пустышка ахнула и уперлась ладонями мне в живот. Ее прикосновение обожгло голую кожу. И я схватил ее запястье, чтобы... прижать сильнее. Неосознанно. Не думая. Я просто до дрожи и темноты в глазах хотел, чтобы она тронула меня!

Пустышка моргнула и выдохнула. Я вдохнул. Тяжело, со свистом.

— Ты просто... просто...

Я просто теряю контроль. Теряю себя.

Ведь хотел сделать совсем другое!

— Какой у тебя потенциал? — прохрипел я и едва не рассмеялся. Глупее ситуацию не придумать. Потенциал, ну надо же. Когда ее рука лежит там, где лежит. Когда я прижимаю ее, почти заставляю себя гладить. Опускаю ниже, до кромки штанов. И дальше...

— А? — округлила она глаза.

И я подумал, что измерить ее потенциал мы вполне сможем после. Для начала узнаем мой... Без всякого чаронометра.

— Не смей! — зашипела пустышка, вырвала свою ладонь и знатно приложила к моей щеке. Ударила неприкосновенного. Вот же зараза.

И желание белым пламенем до небес.

Я рывком сжал ее волосы в кулаке, дернул. И закрыл рот языком. Чтобы не обзывалась, да. И сам поразился той нежной ласке, с какой облизал ее губы. И испугался...

Надо было наказать пустышку ещё в столовой. Знал же, что не стоит оставаться с ней в одной комнате. Потому что я меняюсь. Потому что она так меня бесит. Нет, я просто должен был оставить ее подо льдом. А сейчас испытывать лишь презрение, глядя на нее. Но то, что испытываю, заставляет просыпаться по ночам с пересохшим горлом и гудящим от неудовлетворенности телом.

За двадцать пять лет своей жизни я ни разу не прикасался к такой, как она. Отбросы, грязь, человеческий мусор. Может, в этом все дело? Может у меня извращенная, больная тяга к подобным созданиям?

Нет...

Это работает лишь в отношении одной-единственной поломойки.

Чары, наверняка. Неизвестные мне заклинания. Она что-то со мной сделала. Это все она...

Пустышка тихо застонала мне в рот. Звук отозвался сладкой вибрацией на языке, растекся в гортани. Надо увлажнить... хорошо увлажнить... вылизать ее рот, позволить ей сделать то же самое... а потом ниже. По ее нежной коже... везде...

Прижал ее бедрами, придавил. Плохо соображая, что делаю. Это же пустышка. Девчонка из Котловины. Позор!

Оттолкни меня. Оттолкни, ну же!

Сжал ладонями упругие холмики ее груди, сдвинул вниз кромку ткани, втянул в рот розовый сосок. Прихватил зубами. Разум в клочья, контроль в пыль... Только ее тело, извивающееся подо мной. Изумительное и такое необходимое тело... Наслаждение уже накатывает волнами, я не хочу останавливаться. И она должна мне желание. И все это ломает, не дает дышать.

— Нет...

Да. Снова схватил ее ладонь, прижал к губам. Втянул в рот хрупкие пальчики, испытывая почти болезненное удовольствие от ласки, которую никогда раньше не практиковал. А потом снова прижал ее руку к своей груди. К животу. Мне нужно прикосновение... мне нужно. Давай, крошка, сожми свои тонкие пальчики, иначе я завою. Ты же видишь, что сделала со мной твоя проклятая магия!

«Неспособность подавлять первобытные инстинкты — признак слабости...»

Да в бездну все!

Мне надо!

— Эш...

Собственное имя из ее губ резануло слух. Поднял голову, глядя в ее глаза. Светлые радужки, расширенные зрачки, потемневшие от влаги ресницы. Пустышка плачет? Нет, щеки сухие. Вот только ресницы... В ту ночь ее ресницы белели инеем. И когда я до одури давил на педаль ускорения, опаздывая на состязание, все думал об этих снежных ресницах...

И о ней.

А потом черный аспид, боль, тьма, лазарет.

И снова она — там, в кошмарах. В беспамятстве. Во тьме.

Что со мной на хрен происходит?

Пустышка облизала губы.

— Постой... Не надо!

Желание туманит разум. Я плохо соображаю, лишь понимаю, что ее руки меня отталкивают. Отказывает? Мне?. Нищенка из Котловины? Значит, обжиматься по углам с каким-то щенком-первокурсником можно, а со мной — нет? Злость выжгла жалкие остатки моего разума.

— Нет? — голос царапает наждаком...

— Нет.

— Да я тебе честь оказал! — рявкнул с яростью и самому стало противно. Что я несу? Почему так ранит ее отказ? А пустышка тут же закрылась, яркие глаза потухли.

— Да пошел ты знаешь куда с этой честью...

Светильник в углу зашипел и погас, погружая комнату во тьму. А стук в дверь прервал наше тесное общение.

— Убирайтесь! — прорычал я. Пусть все провалятся в бездну!

— Господин Вандерфилд, о-о-очень жаль вас тревожить, — раздался из коридора ехидный голос старика-смотрителя. — Но на вас поступила жалоба. Учащийся академии утверждает, что вы издеваетесь над студенткой и по совместительству вашей помощницей по хозяйству. Я обязан убедиться, что с девушкой все в порядке. Так что откройте дверь.

Я сжал кулак, в котором все еще были волосы пустышки. Она тихо охнула. Посмотрел вниз. Свет луны обрисовывал наши сплетенные тела, гадство, я практически лежу на ней. Расстегнутая рубашка и белье. Пряди ее волос в моем кулаке.

Я убью и зрителя и того, кто на меня пожаловался. Я оторву им все важные и нужные части тела и заставлю сожрать!

Я сошел с ума. Окончательно свихнулся.

Пустышка дернулась, оттолкнула меня и метнулась в ванную комнату.

— Господин Вандерфилд, мне, конечно, очень жа-а-аль отрывать вас от безумно важных дел, но позвольте напомнить, что причинение физического или морального ущерба другим студентам грозит отчислением или серьезными штрафами. Надеюсь, лучший студент ВСА помнит устав академии. Не так ли?

Я рывком поднялся, поправил штаны. Мрачно глянул на свой непристойный вид и накинул рубашку. Проклятый зритель всегда терпеть меня не мог. Как и всех, кто живет в этом крыле.

— И если вы немедленно не откроете, я буду вынужден воспользоваться своим ключом, уважа-а-аемый господин Вандерфилд!

Уважения ко мне у старика ни на грош, понятно.

Распахнул дверь, чуть не приложив по лбу вредного зрителя. Жаль, он увертливый, успел отпрыгнуть. За спиной старика мялся и бледнел студент-первокурсник Томас Грин. А вот и тот, кто пожаловался. Я прищурился, уставившись на него. Щенок посерел, сжал кулаки. Но взгляд не опустил. Однако.

— Все в порядке, господин зритель, — тихий голос пустышки заставил оглянуться. Лицо и волосы влажные, рубашка застегнута на все пуговицы, жакет через локоть. — Томас?

— Я беспокоился, Тина, — выдавил щенок.

Ничего, теперь причин для беспокойства у тебя прибавится. Я обещаю.

— Спасибо! — выдохнула она так тепло, что моя жажда убийства значительно возросла. А потом схватила щенка за руку. Я уставился на их ладони.

— Со мной все... хорошо.

— То есть вы, Тина Аддерли, утверждаете, что студент Вандерфилд не причинил вам ни морального, ни физического вреда? — насмешливо прищурился зритель.

Пустышка прикусила губу, не глядя на меня. Я же смотрел в упор. Ну, давай, скажи. Пожалуйся на меня. Расскажи, что я делал пять минут назад. Откажись от нанимателя. И уже завтра вылетишь из академии.

— Нет, — выдохнула она. — Не... причинил.

— Как скажете, — разочарованно протянул зритель. — Грин, вам штраф за ложную жалобу и похвала за бдительность. Аддерли и Вандерфилд — штрафы в двадцать синов за беспорядок в столовой. С

каждого. Доброй ночи!

Ковыляя, старик удалился.

А Тина вдруг сунула свой жакет щенку, закатала рукав рубашки. И приложила диск, который сжимала в руке.

— Ты хотел узнать уровень моих чар, — поджала она губы. — Смотри. Я покосился на чаронометр.

— Восемь, — протянул презрительно, увидев результат.

Тина смотрела растерянно и кажется — удивленно. А потом медленно кивнула и снова взяла щенка за руку.

Совсем глупая. Просто совершенно безмозглая пустышка!

— Да, кстати, — уронил я, рассматривая свои ногти. — Завтра ко мне зайдут друзья. И нам нужна м-м... прислуга. Подносить напитки и закуски. Так что вечер у тебя занят.

— Что? Я не буду прислуживать твоим... приятелям! — охнула она. Ресницы снова влажные, и меня это беспокоит... Да что за хрень!

— Еще как будешь, — смотрю в ее лицо, а вижу скрещенные с щенком руки. — Завтра в шесть.

— Завтра я еду домой, — хмуро сказала она.

— Мне плевать, — сказал я.

## Глава 19

— Тина, с тобой точно все хорошо? — неловко спросил Томас. — Я увидел, как тебя уносят из столовой. Но пока нашел зрителя, пока написал жалобу...

Я рассеянно кивнула. Губы саднят от жадных поцелуев, щеки горят... И руки чешутся придушить того, кто во всем этом виноват!

— Все в порядке, — вздохнула я.

Остановилась резко посреди пустого коридора.

— Томас, торжественно заявляю, что ты не скучный зануда. Ты благородный, честный, смелый и вообще невероятно замечательный!

— Я? — Томас покраснел, потом побледнел. И забормотал растерянно: — Да ладно тебе, Аддерли, я же ничего не сделал... Вот если бы выбил дверь и с кулаками, а так... всего лишь пожаловался зрителю.

— Ты единственный ему пожаловался, — тепло улыбнулась я.

— Другие тоже возмутились... Но черный сектор лучше не трогать, все знают... Сегодня они студенты, а через несколько лет будут управлять королевством. Никто не хочет портить себе жизнь.

— А ты вот пошел против неприкосновенных. Это дорогого стоит. Ты — мой герой!

— Да? — парень смущенно запустил пальцы в волосы и подергал себя за пряди. Выглядело это как-то по — девчачьи. Надо бы отучить его от этой привычки. Но это — после.

— Ты настоящий друг! — заявила я и чмокнула совершенно красного однокурсника в щеку. — Спасибо!

— Вот еще... Да ладно тебе...

Чтобы окончательно не ввести беднягу Томаса в ступор, я решила тему сменить. А заодно и прояснить кое-что.

— Слушай, ты же всё-всё знаешь. Скажи, потенциал может то увеличиваться, то уменьшаться? И значительно, почти на... десять единиц?

— Ну, конечно, нет, Аддерли! — Краснеть парень мигом перестал. Все-таки он умник и зануда! — Это противоречит основному закону сохранения потенциала. Чары не приходят из ниоткуда и не уходят в никуда. Это же основа основ, Тина!

— Вот совсем-совсем не бывает? Ни разу? Ни пол разика? Ни случайно, ни по ошибке?

— Тина, какая ошибка? Это просто невозможно. У детей и

случайников потенциал динамический, колеблется в пределах пяти единиц, но быстро устанавливается в одном резерве и больше не меняется. Это закон, Аддерли!

Томас довел меня до Синего Крыла и там мы распрощались. Парень ушел, окрыленный, я осталась растерянная. Либо умник Грин чего-то не знает, либо со мной что-то не так. Почему чарономер показал лишь восемь единиц, если раньше было двадцать две? Куда делось остальное? И... откуда пришло?

Я обхватила себя руками, стоя посреди пустого коридора. С картин-указателей на меня смотрели сонные персонажи: звери, птицы, люди... И вряд ли хоть кто-нибудь мог подсказать мне ответ.

Что со мной?

Может, я чем-то больна? И скоро умру от этого скачущего потенциала?

Даже моих скромных знаний хватает для понимания — происходящее со мной ненормально.

— Точно влипла! — приуныла я. — Так и знала, что будет какая-то засада с этими чарами!

Может, надо нестись в лазарет? Или в ректорат?

А если меня выгонят, узнав про скачки чар? Запретят учиться? Начнут изучать и проверять? А то и вовсе решат, что чары я получила незаконно. Что же делать? Нет-нет. Я обязана получить диплом!

Значит, лучше молчать. Прислушалась к своим ощущениям, пытаюсь найти признаки смертельной болезни. Губы болят. И немножко — грудь... но это от бесстыдных ласк и думаю, от этого я не скончаюсь. Поесть бы не мешало, но это уже привычное состояние. Еще надо посетить туалет. А больше ничего я в себе не обнаружила, все как всегда.

Значит, лучше делать вид, что все в порядке. В конце концов, Томас может ошибаться, он конечно, гений, но ведь молодой и неопытный!

Навестив помывальную, я вошла в свою комнату. Шелли спала, Брин по своему обыкновению что-то читала. Подняла на меня глаза, кивнула. На представлении в столовой девочек не было, к счастью. Хотя завтра им все равно расскажут...

— В библиотеке задержалась? — тихо спросила соседка.

— Угу, — несвязно промычала я. Говорить не хотелось. Да и что я могла поведать? Лишь стыдное...

Брин глянула внимательно, зацепилась взглядом за мои волосы, все еще растрепанные, за алеющие щеки. И ничего не спросила.

Я быстро разделась и юркнула под одеяло. И снова накатило и ошпарило. Руки, поцелуи, ласки... Как такой гад может целовать столь

нежно? Как? И самое плохое... когда Эш целовал меня, противно не было. Поначалу я просто ничего не поняла, не заметила, как уснула. А все ещё сонная, растерялась, ощутив поглаживания и ласки. И ещё мне захотелось к нему прикоснуться. И осознание этого ужасающего факта повергло в ступор. Святые праведники и Фердион-основатель. Я ведь желала погладить горячую гладкую кожу Эша, почувствовать под пальцами упругие мышцы, насладиться их силой...

Неужели белобрысый мне нравится?

Закусила кончик наволочки, чтобы не шипеть от досады.

Мотнула головой. Не нравится. Ни капельки. Он сноб и сволочь, что там может нравиться?!

Только целуется так, что заставляет забыть обо всем!

Я тяжело вздохнула. На своей кровати заворочалась Шелли, и я притихла, не желая разбудить девочек.

«Деточка, если к тебе начнет приставать мальчик, ты должна сказать мне! — запричитала в моей голове тетя. — Я расскажу, как справиться с пагубными желаниями и влечениями. Помни, парням надо лишь одно, а девушкам... другое. Ты должна выйти замуж чистой девочкой, а им лишь бы совратить мою крошку!»

Улыбнулась своим воспоминаниям. Эх, тетя, знала бы ты... Моя наивная и добросердечная родственница, боюсь, упала бы в обморок, узнав подробности моей жизни в академии!

Повертевшись, я снова закрыла глаза. Надо поспать. Ответов на мучающие меня вопросы я пока все равно не найду. А утро, как известно, мудрее ночи.

\* \* \*

К сожалению, ответов долгожданный рассвет так и не принес. Проснувшись я, как всегда, на заре и после водных процедур отправилась в столовую. И удивилась, когда ко мне подседа сонная Ари.

— Привет, — я улыбнулась. — Ты сегодня рано!

— Полночи не спала, — пожаловалась девушка, ковыряя в тарелке с кашей. — Переживала. Слышала про крылаток?

Я качнула головой. Крылатки — мелкие и безвредные существа, размером с палец. Большую часть их тельца составляют несколько пар полупрозрачных крылышек. Живут в сточных канавах, под корягами или в подполе, питаются всяким мусором, листьями и травой. К зиме впадают в

спячку. И непонятно, что именно в этих созданиях так расстроило Ари, что она вскочила спозаранку.

— Они исчезли! — трагически округлив глаза, заявила студентка. — Покинули столицу. Мне мама сказала, она специально приезжала в академию, чтобы сообщить. Возле нашего дома жил выводок крылаток, мы их даже подкармливали, а теперь они пропали!

Я уже хотела улыбнуться, но задумалась. И вспомнила рассказы дяди. Хотя он редко говорил о прорыве пятнадцатилетней давности, ведь именно после нашествия в дяде поселилась болезнь. Но смутное воспоминание заставило меня напрячься.

— Постой... это что-то значит, да?

— Да! — Ари с чувством отодвинула тарелку, едва не перевернув ее на меня. — Крылатки чувствительны к ментальным волнам, они в некотором смысле беспозвоночные телепаты... И они покидают места, которым что-то угрожает. Последний раз крылатки полностью исчезли из города перед атакой тварей Гряды. А газеты молчат. Я даже встала пораньше, чтобы прочитать «Вестник столицы», а там — ничего. Ни одного упоминания, представляешь?

— Может, ты зря паникуешь? — осторожно предположила я. — В начале зимы крылатки впадают в спячку и для этого зарываются глубоко в землю, или прячутся в деревья. Может, они уже это сделали, вот твоя мама и не нашла выводок?

— Так рано еще!

— Ну, мало ли... Это тебе рано, а крылаткам, может, самое время. Или возле вас жил особенно теплолюбивый выводок. Слушай, ну раз «Вестник» молчит, значит, все в порядке, так?

Ари почесала нос. Я уже заметила, что она дергает его до красноты, когда волнуется. Вот и сейчас ее дыхательный орган почти превратился в сливу!

— Не знаю... Папа говорит, что «Вестник» все врет!

— Мой дядя тоже так говорит, — улыбнулась я. — Но Ари, давай рассуждать здраво. Вдоль Гряды стоит дозор, границу стерегут днем и ночью. Какой прорыв? Уже много лет даже паутина к нам не прилетает. В столице проживают семьи основателей, весь цвет королевства. И поверь, они не позволят, чтобы с городом случилась беда. А ВСА? Да тут охранок и защитных заклинаний больше, чем самих студентов. Здесь точно безопасно!

— Так же считалось и в тот день, когда твари Гряды напали на город, — буркнула девушка. Но потом выдавила улыбку. — Ладно, может,

ты и права. Мои родители порой слишком впечатлительны. Мамин брат был в последнем прорыве... Погиб. Вот она и паникует. Правда, она делает это по любому поводу. В прошлом году ей тоже казалось, что крылатки исчезли, а потом они нашлись в подполе.

— Вот видишь!

Ари ещё повздыхала и ушла, оставив измученную и недоеденную кашу. А я снова задумалась. В словах девушки была правда, как ни странно, но последний прорыв произошел именно в сторону столицы. И это была массиванная и ужасающая по своей жестокости атака аспидов, виверн, змеехвостов и прочих хищников, уничтоживших множество людей.

В Котловине поговаривали, что все дело в черных заклинателях, которые специально натравили исчадий бездны на жителей.

Я задумчиво отправила в рот кусочек омлета.

В том прорыве погибли мои родители. А дядя заразился плесенью, которая растет в его теле и причиняет невероятную боль. Я была слишком маленькой, чтобы помнить тот страшный день, но, конечно, как и все в королевстве, знала о нем.

И страшилась бездновых исчадий, живущих за Грядой.

Но сейчас в окно столовой светило рассветное солнце, мой желудок был полон, и думать о плохом совсем не хотелось. В конце концов, в академии полно заклинателей, к тому же — у нас ведь есть Аодхэн. Уж он точно не пропустит в альма-матер никакого змеехвоста!

А мне сейчас важнее решить кучу своих проблем, чем размышлять о пропавших крылатках!

Так что, доев завтрак, я отправилась на занятия.

Уроки пролетели мирно и быстро. В обеденный перерыв я закусила кусочком пирога и отправилась в библиотеку за новой порцией знаний.

Но не успела погрузиться в ботанику, как ко мне подсел темноволосый парень. Последнее время ко мне пытались подходить-знакомиться, но памятуя о рассказе Ари про спор среди парней, всех желающих пообщаться я отправляла восвояси.

Новый незванный гость несколько раз оглянулся, прежде чем сесть. Но высоченные книжные шкафы надежно скрывали нас от посторонних глаз. Мне вообще порой казалось, что в библиотеке можно заблудиться — настолько она была огромной.

Я оторвалась от строчек в книге и подняла удивленный взгляд на парня.

— Привет, — как-то нервно произнес он.

Я молча кивнула, готовясь дать отпор.

И изумилась, когда на стол легла красная роза.

— Увидимся сегодня? — то ли спросил, то ли утвердил парень. — Только не болтай. Погулять не получится, давай где-нибудь подальше от любопытных глаз, сама понимаешь... Любишь сладости? А фрукты? У меня свежая клубника в комнате. Тебе нравится клубника?

Я слегка оторопело кивнула.

— Отлично! — обрадовался парень. — Так ты придешь?

— Куда? — спохватилась я. — Ты вообще... кто?

— То есть? — опешил он. И, кажется, обиделся. — Ты меня, что не узнала? Я Пелегасиус!

— Пангасиус?

— Пангасиус — это рыба! — рявкнул незнакомец, забыв, что нас не должны видеть вместе. — А я — Пелегасиус. Поняла? И только посмей перепутать! — он нервно провел рукой по волосам, на миг отклоняясь из круга света в тень.

И я его, наконец, узнала. Полутемная комната, желтое пятно света на полу, приказ Ривза «жарко»...

Этот неприкосновенный с рыбным именем был четвертым в тот день. И он тоже решил осчастливить нищенку из Котловины своим присутствием. Вот счастье-то!

Смешок сорвался с губ, а потом разросся до дикого хохота. Я смеялась и не могла остановиться.

— И ты туда же... Пангасиус с клубникой!.. ой, не могу!

— Ненормальная! — парень вскочил, уставился на меня со смесью злости и непонимания. — Прекрати смеяться. Что смешного?

Я закатилась пуце прежнего, держась за живот.

Из-за стеллажей показался смотритель.

— Прекратите нарушать порядок и тишину. Немедленно. Иначе получите штрафы!

Пангасиус, то есть Пеленгасиус, вскочил, как нашкодивший кот. Одарил меня убийственным взглядом и скрылся за шкафами.

Я же уткнулась лицом в учебник, мигом успокоившись. Но улыбнулась довольно. Я быстро поняла, что смех — лучшее, а порой и единственное оружие против некоторых недоумков. Простое «нет» не все понимают, а вот искренний хохот способен отпугнуть нежелательного ухажера похлеще пощечины. Уж лучше пусть у меня будет слава чокнутой девчонки из Котловины, чем продажной девки!

В послеобеденных занятиях значилась материализация. И, увы, у меня по — прежнему были с ней проблемы, несмотря на найденный материал.

Порой мне удавалось воплотить крошечную травинку или бутон, но на этом достижения заканчивались. Остальные попытки выходили провальными. Большая часть первогодок уже освоились и успешно практиковали материализацию, но только не я. Хотя от бумаги колело пальцы, а это верный признак «своего материала». Так что же со мной не так?

Даже Тензия терялась в догадках, глядя на мои мучения.

— Странно, милая, — прокомментировала она мою очередную неудачу. — Я ведь чувствую твои потоки, ты все делаешь верно. Но чары словно не желают ложиться так, как надо. Что у тебя с разрушением?

— Высший бал! — гордо ответила я. И правда, у Аодхэна мои дела обстояли на порядок лучше. Я почти всегда нейтрализовывала его заклятия и один раз даже удостоилась скупого кивка-похвалы.

— Может, ты прирожденный разрушитель? — задумалась госпожа Лебвест. — Хотя это и странно. Такой дар редко достается женщинам. Вернее — никогда. Максимум — агрессорство, но истинное разрушение — нет. В женском теле не хватает для этого злости, знаешь ли. Наша природа совсем иная. Да и ты девочка светлая, добрая, я ведь вижу. Созидатель по характеру. В тебе нет разрушения. Очень странно.

— Я буду стараться! — чуть ли не взмолилась я. По материализации зимой первый экзамен, надо будет воплотить три растения. А у меня лишь листик выходит, и то редко. А не сдам — могу потерять место в академии!

В памяти снова возник зверек, вылезший из корзины в этой мастерской. Но я лишь тряхнула головой, отбросив глупые мысли. Если у меня даже росток не выходит, как я могла воплотить живое существо?

— Не сомневаюсь, Тина, — светло улыбнулась преподавательница, и я в очередной раз ею залюбовалась. Какая же она хорошая. И яркая. Сегодня Тензия надела бежевое платье, подчеркивающее стройную фигуру, скромное декольте украшал жемчуг, а точеные ножки — туфли на каблукках. — И ты очень упорная. И я верю, что у тебя получится.

Снова улыбнувшись, наша красавица Тензия отошла. Я со вздохом посмотрела ей вслед, упавшее было настроение снова вернулось. Госпожа Лебвест просто волшебница, неудивительно, что Томас в нее влюбился!

Кстати, а где он?

И почему не явился на урок к ненаглядной Тензии?

На другие занятия парень тоже не пришел, и к концу учебного дня я всерьез забеспокоилась. И едва дождавшись окончания занятий, рванула на этаж, где обитали парни.

— Красавица, не меня ищешь? — крикнул незнакомый мне студент.

— Томаса Грина, — улыбнулась я. — Не подскажешь, где он живет?

— Жаль-жаль! — подмигнул весельчак. — Грин — там, последняя дверь. Зачем тебе этот жуткий зануда, лучше приходи ко мне. Я знаю, что делать с такими красивыми девочками!

Я лишь отмахнулась и двинулась в указанном направлении.

На мой стук долго никто не открывал, уже хотела уйти, но услышала шаги внутри.

— Томас. Это Тина. Ты там? С тобой все в порядке? Я волновалась...

Створка скрипнула и распахнулась. И я ахнула.

Под левым глазом парня красовался желто-фиолетовый фингал, губа кровоточила ссадиной. И правая рука висела на перевязи!

— Томас. Что случилось!

Приятель улыбнулся разбитыми губами.

— Вот, теперь я немного покалеченный, Аддерли. Сама говорила, что девушки таких любят. Так что у меня появился шанс!

Я против воли рассмеялась и сразу нахмурилась.

— Дурак ты, Томас. Это... Вандерфилд? Это он? Надо пожаловаться, слышишь? Как ты теперь будешь писать? Надо в лазарет!

Парень махнул здоровой рукой.

— Ничего, Аддерли, переживу как-нибудь. Да не переживай так, у заклинателей все срастается моментально, чары все раны латают. Да и кость мне вправили... Так что все нормально!

— Совсем ненормально! — возмутилась я. — Святые праведники, вот это фингал. Я могу тебе помочь? Понятно теперь, почему ты не явился на урок. Не хотел, чтобы Тензия видела?

— Тензия? — Томас вдруг задумался и как-то смутился. — Точно... Тензия. Не переживай. Это скоро заживет и мне совсем не больно!

— Врешь ведь, — хмыкнула я, а парень снова смутился. Я уперла руки в бока. — Это Эш, да? За то, что нажаловался на него?

— Не думаю, что дело в жалобе, — задумчиво протянул Томас. — Но... Знаешь, Аддерли, тебе стоит держаться от него подальше. Он же ненормальный. Совершенно!

— Я это знаю, — расстроено прислонилась я к стене. И стало та-ак стыдно за вчерашний вечер. За то, что мне понравился поцелуй... Как же ужасно. И как я только могла подумать, что Вандерфилд может стать мне симпатичным? Сволочь он редкостная!

— Я его терпеть не могу! — совершенно искренне выдохнула я. — Но что делать, он мой наниматель, Томас. Иначе мне не продержаться в ВСА.

Парень замолчал и нахмурился. Между бровей залегла складка.

— В таких контрактах есть пункт о переуступке. Другой студент может выкупить твой договор, Тина.

Я потерянно покачала головой. Хороший был бы выход, да только где мне найти такого студента? Который и мой контракт выкупит, и обращаться с помощницей станет нормально. В ВСА прислугу могли себе позволить лишь неприкосновенные или просто дети богачей. А среди них я нормальных не видела!

Так что придется терпеть белобрысого гада до конца учебного года.

Кстати, о нем.

— Томас, — я поднялась. — Скажи, если я могу тебе чем-то помочь. А сейчас мне надо бежать, извини.

Парень кивнул, продолжая хмуриться. А я ощутила, как закипает внутри злость. Да что этот Вандерфилд себе позволяет? Да как он смеет? И хочется рассказать кураторам, да вот только... себе же дороже. Я понимаю, почему Томас не жалуется в ректорат. Во-первых, это не по-мужски, а во-вторых, за драку на Эша наложат штраф, ну так его этим не испугать. Откупится и не заметит. А Томасу проблемы.

Я ведь тоже вчера промолчала.

А сегодня мне прислуживать Вандерфилду и его друзьям!

Вспомнила и совсем закипела. Мыть полы в одиночестве — это одно, а бегать с подносом среди богатеньких снобов — совсем другое.

И за этот приказ я сегодня особенно ненавидела Вандерфилда. Ну почему он такой... мерзавец? Ну просто чистопородный. Из достоинств лишь одно и то сомнительное — умение целоваться!

Злясь, я добежала до своего крыла, юркнула в комнату. Соседок, к счастью, не было. Я сбросила с плеча сумку, глянула на хронометр. Без пятнадцати шесть. Надо топать к снобу, хоть и тошнит от перспективы.

А что, если...

Мысль, возникшая в голове, заставила злорадно ухмыльнуться. Значит, я отброс из Котловины? Ладно, будет им Котловина. Век не забудут!

Решительно достала старую, в заплатках, юбку и блузку. Надела. Волосы распустила, растрепала, начесала, а потом кое-как завертела вокруг головы, создав чудесное и неприглядное «гнездо». Вытащила из своих запасов темную склянку, в которой булькала тетушкина настойка от разных хворей. Вкуса у нее нет, но вот запах... с ног сбивает. Также пригодились чернила для глаз — пользовалась я ими редко, но сегодня вдоволь измазала и ресницы и веки. И напоследок запустила влажные руки в горшок с чахлым растением, что стоял в коридорном углу. Основательно перепачкала свою одежду, лицо и руки. И улыбнулась во весь рот. Снобов ждет

сюрприз!

И отправилась к Вандерфилду.

## Глава 20

Уровень чар снова упал... Закрыв глаза на миг, заставляя себя собраться. Но внутри клокотала ярость.

Почему это происходит? Ночью я ведь снова измерял потенциал, после того как разбил комод в спальне и слегка успокоился под холодной водой. И чаронометр показал изрядную прибавку в единицах. А сегодня снова минус. Да какого бездного гада!

Настроение оказалось окончательно испорченным.

Хорошо, что был повод слегка выпустить злость и объяснить некоторым студентам, что от моей собственности следует держаться подальше. И плевать, что это лишь поломойка...

И все же, почему уровень снова уменьшился? И почему не дает покоя странная мысль, сверлящая голову.

Невозможная, бредовая мысль...

\* \* \*

В коридоре я осмотрелась и вздохнула свободнее.

В это время почти все студенты отправились на ужин. И все же парочке из них не повезло со мной встретиться. Бедняги шарахнулись так, словно увидели выползшую с Гряды тварь. Я их понимала. Пахла и выглядела я впечатляюще. Наверняка, к внушительному сборнику легенд академии добавится еще одна — о девушке-замарашке, живущей в канализации и выходящей оттуда раз в месяц, дабы полакомиться свежей кровью невинных студентов!

Я нервно улыбнулась. Замерла перед дверью с цифрой семь. Вдохнула. И вошла, быстрым взглядом окидывая помещение.

Внутри комнат Вандерфилда приглушенно горели лампы, создавая уютный мягкий полумрак. А на стене плясал живой неопалаяющий огонь. Я слышала о таком подобие камина — жутко дорогая, зачарованная и красивая вещь.

Играла приятная музыка.

И вся компания оказалась в сборе. На диване расположились Ривз и Эдди с невестой, на кресле — пангасиус, то есть Пеленгасиус, в стороне — Магма, еще с полдюжины незнакомых студентов рассредоточились по всей

комнате.

Похоже, в конце учебной недели неприкосновенные решили устроить расслабляющий вечер.

Эш, глядя на огонь, стоял ко мне спиной, рядом с ним что-то тихо говорила Алиссия. Ее рука мягко поглаживала плечо парня.

И все неприкосновенные повернулись в мою сторону, когда я вошла. И лица у всех одинаково вытянулись. Я даже подумала, что такая слаженность достойна восхищения. Магма вскочила и шарахнулась в сторону, зажимая нос. Эдди округлил глаза, его невеста закашляла. Пангасиус-Пеленгасиус отпрыгнул так, словно увидел нечто страшное. Кинул страдающий взгляд в сторону Вандерфилда, как бы говоря: я тут ни при чем. Поведение парня показалось мне странным, но сейчас было не до него.

Лисса ахнула и выразительно скривилась, теряя свою хваленую выдержку.

Эш смотрел в упор. Не мигая.

— Прислуга явилась разносить напитки и закуски. Как вы велели, хозяин! — бодро выпалила я, из всех сил изображая лицо, мозгами неодаренное. Проще говоря — идиотку. Схватила со стола поднос с бутербродами. На тонких ломтиках свежего хлеба плавился сыр, маслянисто блестела копченая рыбка и кусочки окорока. Рядом высилась тарелка с невиданными фруктами, за ней — бутылки с напитками. Понятно, что столовая этим богатеньким деткам не нужна!

В нос ударил восхитительный аромат свежей выпечки и мясных деликатесов, так что я чуть не подавилась голодной слюной. Но лишь тряхнула головой, распространяя вонь от тетушкиной настойки. Надо шевелиться быстрее, пока чудный запах не выветрился.

— И кто тут голодный? Кому добавки? — завопила я, кидаясь в сторону Магмы. — Отведайте рыбки. А лучше колбас. Винишка долить? Где чей бокал? А неважно. Вы же все свои, к чему стеснения!

— Эш, что происходит? Она же сумасшедшая! — завизжала брюнетка-агрессор, отшатываясь от протянутого мною бутерброда. — Убери от меня руки, ты заразная!

— У меня лишь блохи и клопы, не переживай! — радостно соврала я и демонстративно почесала «гнездо» на своей голове. — Выводятся настойкой болиголова. Поделюсь, если у тебя заведутся. Так кому закуску? О, Эдди, ты точно голодный. По глазам вижу!

Метнулась в другую сторону, заставляя девушек ахнуть, а парней шокировано дернуться в сторону. Кусок копченого мяса шлепнулся на пол,

я его подняла, подула, помахала в воздухе и водрузила его обратно на хлеб.

— Быстро поднятое не считается упавшим! — объявила я ошарашенным неприкосновенным и сунула помятый бутерброд Эдди.

Тот глянул изумленно, вздрогнул и разжал пальцы, отправляя многострадальную закуску в очередной полет.

— Зря-зря, отличное мясо. А вина кому?

Я ураганом пронеслась по комнате, схватила бутылку. Развернулась, расплескивая вино на ковер, кресло и наряды собравшихся. Незнакомая мне девица охнула и кажется, собралась упасть в обморок. Тоже мне заклинательница. Никакой выдержки!

— Ой, разлилось тут что-то. Ну, ничего, я потом уберу, мне не привыкать. Девушки из Котловины немного косорукие. Хотя, кажется, привычка все проливать есть и у присутствующих. Странно, да?

— Пошла вон, оборванка! — вдруг заорала Алиссия, и я даже удивилась. Ну, надо же, наша утонченная дива умеет орать. Да как. Помойные кошки обзавидуются!

— Так я с удовольствием, — хмыкнула я, угрожающе раскачивая поднос. — Вот только хозяин приказал явиться. Сказал, никак без прислуги не обойтись. Подносы таскать будет некому. А я честная и послушная поломойка, вот поднос, вот я!

Ривз вдруг хмыкнул и начал смеяться. Хохотал, как ненормальный, отчего неприкосновенные тоже шарахнулись в сторону. Верно, решили, что мое сумасшествие заразно. А потом повернулся к Вандерфилду.

— Отдай ее мне, Эш. В контракте возможна переуступка наемных помощников. Отдай!

— Кажется, у тебя уже есть поломойка, — негромко произнес Вандерфилд, не сводя с меня взгляда. Тяжелого. Темного.

Захотелось поежиться и обхватить себя руками, или закрыться ладонями от этих зеленых глаз. Не зашла ли я слишком далеко? Как бы ни вышло мне боком это представление.

Но...

Но перед глазами снова встал избитый Томас со сломанной рукой, и я выпрямилась, воинственно задрал подбородок.

— Считай, что уже нет! — Ривз встал рывком. — Отдай мне эту. Что хочешь за нее? Сколько хочешь? Я заплачу!

Вандерфилд молчал, и я похолодела. Отдать Ривзу? Только не это. Эш та ещё сволочь, но его друг гораздо хуже!

— Может, и отдам, — негромко произнес мой наниматель, и я чуть не заорала. Уставилась ему в глаза. Эш тоже смотрел. И снова так странно...

— Отлично! — Ривз расцвел и окинул меня жадным взглядом. — Прямо сейчас перепишешь? Я ее забираю.

— Зачем тебе эта оборванка? — презрительно фыркнула одна из девушек. Магма выглядела оскорбленной, только я не поняла, почему.

Ривз отмахнулся от вопросов друзей, продолжая рассматривать меня. Синие глаза блестели предвкушением и голодом.

Я прикусила изнутри щеку. Если Вандерфилд меня продаст Клиффорду, придется завтра же уходить из ВСА. Эш остро глянул на приятеля, и взгляд его стал еще тяжелее.

— И правда, зачем... Думаю, пустышку стоит для начала хоть чему-то... научить.

— Не отдашь? — мигом разозлился его друг.

— Не сегодня.

Двусмысленные слова заставили меня нахмуриться, а Лиссу вцепиться в руку жениха.

— Я хочу, чтобы она ушла. От нее воняет. Она грязная. Эш!

— Может, оборванки из Котловины не знакомы с водой и мылом? Может, и этому надо научить? — хищно улыбнулся Вандерфилд.

И я поняла, что он злится. Вот просто в бешенстве. Ощущение разрушительной темноты исходило от него волнами, заставляя окружающих отшатываться. Зачарованное пламя на стене зашипело, рассыпая искры, кто-то вскрикнул.

Я этого почти не замечала, потому что рука в черной перчатке жестко сомкнулась на моем запястье, и Вандерфилд потащил меня в ванную комнату. Я только и успела, что сунуть бутылку в руки Эдди.

— Отпусти! — зашипела я, когда Эш рывком перекинул меня через бортик чаши для мытья, а потом повернул латунный рычаг. Вокруг меня сомкнулись прозрачные стены, а сверху хлынула вода. Холодная. Ледяная просто!

Хотелось завизжать, как в детстве, и даже ногами затопать. Но я лишь выпрямилась, в упор глядя на мерзавца за стеклом. Зеленые глаза снова слишком яркие, зрачки — в точку. И дышит так часто, словно это его бьют студеные струи!

Зубы начали стучать. Платья и блузка промокли и прилипли к телу, в туфлях захлюпала вода. Любовно сотворенное на голове гнездо развалилось и повисло прядями вдоль лица. Дешевые чернила для глаз потекли по щекам вместе с грязью.

За спиной Эша возник Ривз, сказал что-то.

— Убирайся, — рывкнул Вандерфилд.

Неприкосновенный глянул на меня сквозь стеклянную преграду, медленно перевел взгляд на друга. На его лице застыло озадаченное выражение. Нахмурился.

Но ушел.

Только ни я, ни сам Вандерфилд не обратили на это внимания. Гад смотрел на меня, я — на него. И кажется, он тоже дрожал, хотя это и странно, ведь мерзла лишь я...

— Доволен? — прошептала я.

Он тяжело вдохнул.

— Ты испортила мне вечер, пустышка.

— Ты мне тоже. Можно считать, что мы в расчете.

Он наклонил голову.

— Извинись.

— Даже не подумаю.

Эш шагнул ближе. Стекла почти не видно. И кажется, что он рядом.

— Будешь стоять там до утра?

Я пожала плечами.

— Мне не привыкать к холодной воде, так?

Эш помрачнел. Его взгляд скользнул от моих глаз к губам, потом ниже. На грудь и облепленные тканью бедра.

Он выдохнул и резко повернул рычаг на стене. Вода литься перестала, стены раздвинулись.

— Уходи, — не глядя на меня, приказал Вандерфилд. — Убирайся!

Я выбралась из чаши и, шлепая мокрыми ногами, юбкой и волосами, прошествовала в комнату. Компания неприкосновенных встретила меня тишиной и изумленными взглядами. На стене шипел огонь. Ни на кого не глядя, я дошла до двери и вывалилась в коридор.

Постояла, оглушенная. Вода стекала на паркет, образуя вокруг меня лужу. Боги, что я натворила... Теперь Вандерфилд точно выкинет меня из академии. Но что делать, я все равно не смогла бы молчать и улыбаться этим снобам, терпеть их издевательства и ухмылки. Потерла лоб, вспоминая открытую улыбку Томаса и сжатые в линию губы Эша.

А потом подпрыгнула.

Последний вагончик от ВСА скоро уходит. А я стою. В бездну все, потом подумаю, что делать с бардаком, в который превратилась моя жизнь. И я рванула так, что и твари Гряды не догнали бы!

В комнате снова было пусто, сестры наверняка уехали домой. Я содрала с себя мокрую одежду, торопливо переделась. Запах настойки, к счастью, успел испариться. Сушить волосы было некогда, так что я просто

завернула влажные пряди под шапку, надеясь, что она убережет от холода. Накинула куртку, сунула ноги в ботинки. Смахнула в сумку тетради, закрыла комнату и понеслась к выходу из академии. Но, увы, как я не спешила, а все же, добежав до станции, увидела лишь сигнальные огни удаляющегося вагончика!

— Да что за напасть! — взывала я. На улице заметно похолодало, изо рта вырывался пар. И шапка не спасала, голова с влажными волосами, кажется, начала покрываться льдом. Я вздрогнула, обхватила себя руками. Что же делать? Логичнее всего вернуться в академию и уехать домой утром. Но тетя и дядя будут переживать, волноваться. Да и мне хочется скорее оказаться дома!

Следующий вагончик отходит от соседней станции и везет лишь до ограда, но это лучше, чем ночь в академии!

Вот только холодно.

Я решительно сжала зубы. Ничего, я сильная. Добегу. А в вагончике согреюсь.

Осмотрелась и побежала через дорогу на другую сторону. Срежу через сквер...

Черный мобиль с рычанием преградил путь, я шарахнулась в сторону и чуть не упала. И изумилась, увидев за рулем знакомое и ненавистное лицо.

— Садись, — приказал Вандерфилд.

Я поджала губы, аккуратно обошла глянцевого железного монстра и двинулась дальше. Позади хлопнула дверца.

— Ты оглохла? — разозлился сноб. — Я сказал, садись в мобиль.

— Не собираюсь.

— Хочешь, чтобы я тебя силой затаскивал?

— Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Возвращайся к своим друзьям, у тебя там вечеринка, не забыл?

Вандерфилд смотрел с такой злостью, словно был готов убить меня.

Капля стекла с моих волос на щеку, оставив след.

— У тебя что, волосы мокрые? — изумился парень.

— Да, какой-то кретин засунул меня под воду! — огрызнулась я.

— Ты вышла на холод с мокрой головой? Ты ненормальная?

Я отвернулась и пошла своей дорогой. И взвизгнула, когда рука в перчатке снова обхватила мое запястье — второй раз за вечер, между прочим!

— Отпусти меня!

Вандерфилд толкнул меня в мобиль, хлопнул дверцей. Обошел его,

сел рядом, и железный монстр сорвался с места. Да так быстро, что я пикнуть не успела!

— Шапку снимите, — сипло приказал Эш.

Я упрямо насупилась.

— Или снимите ее, или я сейчас остановлюсь и сам тебя раздеваю.

Хотела возмутиться и даже сказать что-нибудь гадкое, но... устала. Да и глупо спорить. Откуда-то сбоку дул теплый и вкусно пахнущий воздух, так что смысл сопротивляться? Не хватало еще, чтобы и, правда, этот гад остановился и принялся меня раздевать!

Сдернула вязаную торбочку с головы и замерла. Но надолго меня не хватило.

— Куда ты меня везешь?

— В лес. Закапаю и выдохну с облегчением. Достала.

Я с подозрением уставилась на застывший профиль Эша. Это он пошутил? Или нет?!

— Вспотеешь копать, — буркнула, так и не разобравшись. — Земля замерзла.

— Ничего, я чарами распарю. Как раз и ты согреешься. Напоследок.

— Не смешно! — пробормотала я и на всякий случай отодвинулась подальше. Хотя куда сбежишь из закрытого мобиля...

Эш хмыкнул. А потом, не глядя, коснулся кончиками пальцев моей головы и произнес заклинание. Возмутиться я не успела, потому что влага из волос испарилась, оставляя сухие прядки, которые послушно свернулись колечками.

Я опешила, не зная, что делать. Поблагодарить? Но моя голова намочена по его вине. И не придумав ничего лучше, лишь брякнула:

— Научишь? Этому заклинанию? Мне пригодится, слишком часто я стала намочать...

Вандерфилд глянул насмешливо, и я нахмурилась, поняв, что фраза прозвучала как-то двусмысленно. Если белобрысый хоть слово сейчас скажет...

Но он лишь снова уставился на дорогу. Правда, слово на чароите произнес. Я шепотом повторила, радуясь полезному заклинанию. Ну, хоть что-то хорошее за весь вечер!

Эш потянулся, достал серебряную фляжку и кинул мне на колени.

— Выпей.

— Решил меня сначала отравить, потом закопать? — хмуро уточнила я.

Он издал невнятный смешок.

— Ты можешь хоть иногда просто сделать, что тебе говорят, пустышка? Не пререкаясь.

— Не с тобой.

Он повернул голову, и наши глаза встретились. Я ощутила, как горят щеки. Согрелась, верно...

— Пей, пустышка, — со странной хриплой интонацией произнес Эш.

Я отвинтила крышку, понюхала. Похоже, вишневая настойка. Мед. Травы. Подумала и сделала глоток. Хмель мягко обжег горло, ласковым огнем растекся на языке. Вкус у напитка был просто божественный. Как у нашего первого поцелуя...

Второй глоток, третий... И Эш отобрал фляжку.

— Не хочу, чтобы ты напилась.

— А чего ты хочешь?

Кажется, хмель уже ударил в голову. Быстро... Но неудивительно, на пустой-то живот!

— Все, можешь начинать орать, — буркнула я.

— Я не собираюсь на тебя орать.

— Да? Разве ты не для этого меня подобрал? Не могу придумать других причин.

— Я отвезу тебя домой.

— А в чем подвох? Почему я сижу в твоём мобиле? Я же пустышка из Котловины. Смотри, ещё придется кожу на сидениях менять...

— Хватит! — припечатал парень, теряя терпение. — Я твой наниматель. Я за тебя отвечаю.

— Да ладно?!

Вот так новость. Ну, надо же!

— Отвечаешь? Ну да. Я-то думала, священная цель любого аристократа — это свести в могилу парочку поломоек. Вас, наверное, обучают этому на тайных уроках. Так и вижу, как вы, снобы, собираетесь в кружок и разучиваете самые пакостные методы. У вас, наверняка, даже есть учебники по столь нелегкому делу. Но уверена, ты и в этом сложном предмете все сдаешь на высший балл!

Вандерфилд потер лоб, словно моя болтовня его невероятно утомляла. И я услышала странный звук. Посмотрела с подозрением. Это он чего?

Эш смеялся. Вот прямо хохотал, как ненормальный. А ещё говорит что-то о моей Котловине. Сам невоспитанный конь!

— Боги, никогда не слышал такой чуши, — со стоном выдохнул парень, утирая глаза. — Что у тебя в голове, пустышка?

— Опилки, — огрызнулась я. — Как у всех девиц с окраин. Ты что, не

знаешь? А, ну конечно, из ваших золотых башен окраин не видно!

Эш покачал головой, улыбаясь, и почему-то ругаться мне расхотелось. К тому же в тепле мобилия мое тело вспомнило, что спало давно, а ело мало. Я зевнула, закрыв рот ладошкой. Даже переживать по поводу странного поведения Вандерфилда стало лень. Вот привезет на место, и узнаю, что ему от меня надо!

Дальше ехали в тишине. За окном проплывала столица. Такая, какой я ее никогда не видела. Ночная, яркая, переливающаяся огнями. Волшебные подсвеченные мосты и здания, нарядные люди, смеющиеся и гуляющие на проспектах. Во многих местах тоже стояли тепловаторы, обогревая улицы. Греть улицы, только подумать. А у нас дома даже горячей воды нет...

Утробное рычание мобилия осталось снаружи, внутри салона было тихо. И тепло. И пахло вкусно...

За проспектом вдруг выросло огромное, светящееся миллионом огней колесо, и я ахнула от неожиданности. Красиво-то как. И там кабинки с людьми, а колесо вращается... Наверное, сверху виден весь город!

Краешек знаменитого вращающегося круга, названного Колесом Бесстрашия, видно даже из Котловины, но я никогда не смотрела на него с такого близкого расстояния. Изумительное зрелище!

Эш покосился на меня, и я покраснела, смутившись. Попыталась придать себе независимый и равнодушный вид, но кажется, выходило плохо. Мой привычный вагончик всегда ехал в объезд центра, через рабочие и жилые районы. Я никогда не была в самом сердце столицы. Не видела парящих открытых террас, на которых даже в осенний холод ужинали девушки в легких платьях, не каталась на колесе, не рассматривала огромный куб с тысячью золотых рыбок, вмурованный в основание Театра. А еще здесь были увитые снежными цветами галереи, знаменитый на все королевство лабиринт иллюзий, парящий над куполом министерства воздушный змей, выглядящий как жуткий, но впечатляющий монстр, и еще сотни красот и чудес!

Магазины, рестораны и траптории, иллюзионы, театры, музеи и прочие здания, каждое из которых поражало воображение архитектурными изысками и зачарованными деталями!

И ещё тут было жутко, просто невероятно дорого. Даже за проход или проезд на территорию центра столицы нужно заплатить.

— Не была в центре? — чиркнул взглядом Эш.

— Один раз — почти удалось, — не поворачивая головы, ответила я. — Когда мне исполнилось тринадцать, дядя отвез нас с тетушкой в театр живых картин. До сих пор остались невероятные впечатления от

диковинных декораций, волшебных зверей, птиц и героев. Это был изумительный день, навсегда оставшийся в памяти. А закончить праздник мы решили в небольшой ресторации. Конечно, для нашей семьи она была слишком дорогой, но дядя накопил денег, и мы намеривались отведать местный десерт с чаем. Вот только нас туда не пустили. Вежливо посоветовали отужинать за оградой и не смущать своим видом других посетителей.

Я замолчала, уже жалея, что сказала это. Верно, настойка во фляжке дала о себе знать... Тот день стал для меня и очень радостным, и невероятно грустным. До сих пор помню обиженное, как у ребенка, лицо тетушки, и гневно сжатые кулаки дяди. И свое опустошение. Тогда я поняла простую вещь. Центр — это для богачей. Ему надо соответствовать. Одеждой, манерами, кошельком. Он не для таких, как я. И поэтому я больше никогда не пыталась сюда попасть.

Но сейчас я ведь могу просто посмотреть? Раз мы все равно тут едем?

Вот и глазела, забыв даже о Вандерфилде. К тому же, он вопросов больше не задавал и не мешал мне наслаждаться невиданными картинами за окном мобиля.

И только когда мы свернули к окраине, а огни фонарей стали реже, я вздохнула с сожалением и отлипла от окна.

Похоже, Эш и правда вез меня домой. Сияющий центр города сменился бледными фонарями жилых кварталов, потом показалась решетка, а за ней — Котловина. Я снова зевнула, на миг прикрыв глаза. Надо же, как плавно едет этот мобиль... Совсем не трясет, не то что мой дребезжащий вагончик. Украдкой я погладила темно-красное дерево панели и мягкую кожу сидения. Изумительно... Признаться, я впервые сидела в таком дорогом транспорте. И даже не думала, что доведется.

Мобиль свернул и вдруг рыкнул, плавно остановившись. Мы приехали? Всмотрелась во тьму за окном. Ни фонарей, ни света. Может, и правда привез закапывать?

Фыркнула своим мыслям, но стало не по себе.

Эш молча открыл дверцу и вышел. Я, подумав, тоже.

Мы стояли на мосту. За спиной скалились две каменные горгульи. Внизу белела скованная ледком река. За оградой всегда холоднее, здесь нет тепловаторов, согревающих улицы. И поздняя осень здесь разгулялась вовсю, вытягивая тепло из земли, камней и случайных путников.

Здесь все началось. Только луна сейчас тонко резала небо узким месяцем, а не наливалась полным боком.

Вандерфилд подошел к самому краю моста, качнулся с носка на пятку.

Там когда-то стояла я... Молчание затягивалось, и мне стало неудобно.

Зачем мы здесь?

— Знаешь, я зову этих горгулий Пыж и Кыш. — Как жалко звучит мой голос в тиши. Тонкий, легкий, слегка запинаящийся. Почему Вандерфилд меня сюда привез? Неужели все-таки хочет завершить начатое? Сбросит в реку, и никто не найдет Тину из Котловины. Я потрянула высохшими кудряшками, запрещая себе бояться, и подошла ближе. — Потому что первая каждый раз пыжится, пытаюсь протянуть ко мне когтистые лапы. А вторая смотрит презрительно, как смотрят любые создания Королевства Бездуш на таких, как я...

Затихла, недоговорив.

Фигура стоящего на краю парня сейчас тоже казалась каменной. Черные брюки, ботинки, короткая распахнутая куртка с серым мехом на воротнике. Белая рубашка. Ни шапки, ни теплых рукавиц, да и зачем они в машине? Светлые волосы серебрятся в свете месяца инеем. Четкий абрис профиля.

Словно картина грифелем. Та самая, из книги. Вот только вместо меня — он

Я вздохнула холодный воздух, стало беспокойно. Хотя это и понятно, какое уж тут спокойствие?

— Что ты почувствовала там, в реке. Боль? — Спросил Эш, не поворачивая головы. Так и смотрел на реку.

— Ничего... почти ничего, — я зябко повела плечами. — Не успела. Слишком все быстро случилось. Вот только холод... Обжигающий такой... И страх.

Эш снова качнулся. И мне вдруг захотелось схватить его ладонь и оттащить от края. Глупое желание.

Я обхватила себя руками, но я мерзла не от холода, а от этого разговора. Я не понимала, как мне реагировать. От Эша-гада спасала язвительность, от Эша-сноба — равнодушие. От Эша-злобного монстра — ненависть. А этого Эша я не знала. Не понимала.

А ведь был еще Эш, нарисовавший мост, луну и тонкую фигуру на тетрадном листке...

— Я увидел тебя лишь когда ты упала, — задумчиво сказал Вандерфилд. — И решил, что ты из тех дур-самоубийц, которые сначала влюбляются, а потом ищут брошенный мост, чтобы свести счеты с жизнью. Никогда не понимал таких глупостей.

— Тогда тебе повезло, — тихо сказала я. — Алиссия точно не станет прыгать с моста из-за несчастной любви.

Эш повернул ко мне голову. Теперь месяц освещал его спину, пряча лицо в тени.

— А ты, пустышка? Ты стала бы?

Что в его голосе? Привычная насмешка?

— Зачем ты спрашиваешь?

— Хочу знать. Ответь.

— Прыгать с моста не стала бы. Не думаю, что смерть — это выход. Бороться стала бы!

— За того, кого любишь?

Он чуть передвинулся и стали видны его глаза. Серебристые сейчас, как и волосы. И словно нить связала. Меня — его. Его — меня. Тонкая, невидимая, но такая ощутимая. Из центра моей груди — к его распахнутой куртке. Насквозь — через шелк рубашки, кожу, мышцы... До напряженной спины. И обратно — ко мне...

— Да, — прошептала я.

— Думаешь, любовь того стоит? — вот теперь я слышу привычную насмешку. И сразу ясно, что для Эша Вандерфилда это чувства недостойно и ржавого сина.

— Только она и стоит, — хмуро ответила я.

Теперь он рассматривал меня в упор, склонив голову. Выражения глаз не видно, но лицо такое застывшее. Оценивающее. Я непроизвольно сделала шаг назад. Как-то неуютно было стоять на этом мосту вместе с тем, кто когда-то меня толкнул вниз. Так и чудилось, что Эш сделает шаг и... и что тогда?

Ответа я не знала, но на всякий случай отодвинулась подальше.

Эш снова посмотрел на лед. На меня. Усмехнулся.

— Хватит смотреть на меня так, словно я тебя сейчас в реку кину. Садись в мобиль, ехать пора.

Сам двинулся, не глядя на меня, рывком захлопнул дверцу. Я села и поерзала на сидении. Покосилась на парня, все еще не понимая, что только что произошло на мосту. Но Вандерфилд молча нажал на педаль ускорения. Сильно. Словно торопился скорее от меня избавиться. Хотя, так оно, вероятно, и было.

Чтобы ни заставило сноба отвезти меня домой, порыв закончился, и теперь Эш снова злился.

До моего дома мы домчались за пять минут, а ведь расстояние неблизкое!

Вандерфилд притормозил, по — прежнему не поворачивая головы.

Я помялась.

— Э-э... спасибо.

И выскочила наружу, прижимая к боку сумку и шапку. Мобиль сорвался с места, как ошпаренный кот!

И только поднимаясь по лестнице, я подумала — а откуда Вандерфилд вообще знает мой адрес?

## Глава 21

Как обычно, день в родном доме пролетел незаметно и слишком быстро. Я помогла тете со стиркой, попутно рассказывая о волшебной прачечной в академии. Успела сбежать в мастерскую, а вечером решила навестить господина Пантерса в его чайной. Старик обрадовался, угостил меня новым сортом своего напитка, и пока я пила, привычно жаловался на жизнь.

— Взял себе новую помощницу, так она такая непоседа! — сокрушался хозяин чайной. — И делает все второпях, и слушать меня не хочет. Торопыга. Не то, что ты, Тиночка. Эх, вот ты была истинным сокровищем, отрадой для старика!

Я спрятала улыбку за чашечкой, но пришло время прощаться. Отпускал меня господин Пантерс с тяжелым вздохом. А когда я вышла на улицу, пряча нос в вязаный шарф, застыла, изумленная.

На дороге, прямо напротив чайной, раздраженно рычал уже знакомый мне черный мобиль. И вокруг уже собирались местные мальчишки, притянутые удивительным железным зверем, словно магнитом.

Неспешно падающие снежные хлопья оседали на капоте и боках мобиля, и мне показалось, что он рассерженно встряхивается, как обозленный дикий кот. Может, его нервировал снег, а может — повышенное внимание нищих. В академии рассказывали, что для богачей выпустили ограниченную серию зачарованных мобилей. То есть эти железные звери были немного живыми...

Пока я там стояла, размышляя, дверца хлопнула, выпуская Вандерфилда. А я ведь тешила себя надеждой, что обозналась. Увы-увы.

Эш снова был в распахнутой дубленке, под которой виднелся кофейного цвета свитер. А внизу — брюки и замшевые ботинки. И снег падает на светлые волосы. Красиво...

— Меня выгоняют из ВСА? — встряхнулась я. — Решил сообщить мне это лично? Не стоило беспокоиться.

Брови Вандерфилда удивленно поползли вверх.

— С чего ты это взяла?

— Не вижу других причин, чтобы твой мобиль стоял за оградой Бездуш.

Теперь Вандерфилд поморщился. Похоже, неофициальное название столицы ему не нравилось.

— Тебя не выгоняют.

— Да? Тогда зачем ты приехал?

— Садись. Объясню.

Я осталась стоять. Мальчишек стало больше, к ним добавилась несколько взрослых. Железный зверь зарычал яростнее. На пороге чайной возник господин Пантерс, прищурился подслеповато.

— Тиночка, а что это за красивый парень на таком невероятном мобиле? Это твой жених?

— Упаси Святой Фердион, господин Пантерс! — откликнулась я. — Это мой... хм... знакомый по академии. И он уже уезжает.

— Вот уж не думаю. — Вандерфилд вдруг улыбнулся. Да так, что, кажется, бледное осеннее солнце засмущалося и решило отсидеться за тучками, пока на земле бродит такое сияющее божество!

— Почему же нет, милая? — упорствовал хозяин чайной. — Смотри, какой пригожий. И мобиль дорогой, видать, сины водятся. А ты, конечно, девочка ладная, вон у тебя и тут есть, и там... — старик не мудрствуя лукаво изобразил, где и что у меня есть. Я чуть под землю от стыда не провалилась! — Но ведь ты нищая. И тетка твоя уже старая, а дядя и вовсе не ходячий... А так хоть накормит кто, куртку новую купит. У тебя же слезы одни, а не куртка. На рыбьем-то меху одежда, а впереди зима!.. Так что парня надо брать!

— Перестаньте. На куртку я сама как-нибудь заработаю! — зарычала я в унисон с мобилем. Тот даже примолк — впечатлился.

Вандерфилд ухмылялся во весь рот, вольготно опершись о край своего зверя. Похоже, Эша происходящее забавляло. И поняв, что по — другому это представление не остановить, я со злостью распахнула дверцу и села в салон.

Вандерфилд устроился рядом и нажал на педаль ускорение, оставив позади разочарованных зрителей.

— Ну? — буркнула я. — Зачем явился? Плохие новости могут подождать до завтра!

— Почему сразу плохие?

— А что ещё от тебя ожидать?

Он посмотрел хмуро, растеряв веселье.

— Я отвезу тебя в академию.

— Зачем? — опешила я. — Сама доеду, на вагончике. Утром.

— Сейчас. И со мной.

— Никуда я с тобой не поеду. У меня законный выходной!

— Поедешь.

Мы уставились друг на друга, скрипя зубами от злости. Вандерфилд выдохнул, мотнул головой.

— Пустышка, ты можешь не пререкаться и просто собрать свои вещи? Я упрямо насупилась.

— Поедешь со мной сегодня, заплачу пятьдесят синов.

— Что?

— Шестьдесят. Тебе ведь нужна новая куртка? — он окинул меня взглядом. — И ботинки, судя по всему. И весь остальной гардероб.

— И что я должна делать за эти деньги? — еще больше насупилась я.

— Ничего. Просто... провести со мной время. Я к тебе и пальцем не прикоснусь, хватит на меня так таращиться! — он ударил ладонью по рулю. — Так что?

— Зачем тебе это?

— Считаю, что я раскаиваюсь.

— Ты?

Даже смешно стало. Да и раскаивающимся он совсем не выглядел, скорее — мрачным.

— Представь себе. Думай быстрее. Шестьдесят синов за пару часов со мной.

Мысли в моей голове завертелись с лихорадочной скоростью. Просто провести время? И получить за это деньги? Подозрительно. В чем подвох? Хотя кто знает, что там у этого белобрысого в голове!

Шестьдесят синов... Шестьдесят. Можно обеда оплачивать. Или купить себе зачарованную торбочку, уменьшающую вес учебников и тетрадей. А то от сумки уже плечо болит!

И какая разница, мыть ему полы или просто сидеть рядом? Тем более, за дополнительную плату!

— Считаю, что я проникся твоими словами о золотой башне, — протянул Эш, — и решил стать ближе... к народу.

Я фыркнула. Ну да, что-то не верится. Но... Шестьдесят синов.

— Согласна! — выпалила я раньше, чем включился инстинкт самосохранения. Он у меня вообще плохо работает на голодный живот. А последнее время голод стал моим вечным спутником. Эш довольно улыбнулся, и я тут же пожалела о своем решении. Но что сказано, то сказано.

— Деньги вперед!

— Конечно. Забери свои вещи. У тебя десять минут, пустышка, — велел Вандерфилд, притормаживая у моего дома. Отсчитал шесть купюр и сунул мне в руки.

Я гневно фыркнула на ограничение времени, но все же постаралась не задерживаться. Родные расстроились моему неожиданному отъезду, пришлось соврать о срочных делах в академии. Чувствовала я себя при этом мерзко, но зато тетя сразу округлила глаза, и велела торопиться. ВСА — это же почти святое!

Побросав в сумку тетради, я вернулась к мобиллю Вандерфилда.

Сегодня Эш снова проехал через заброшенный мост, словно тот его притягивал. Правда, останавливаться не стал, лишь посмотрел на реку. И нажал на педаль, посылая черного зверя в полет. У меня даже дух захватило от скорости!

За окном мелькали фонари, а потом мы влетели... в центр. Снова!

— Разве проезд сюда не надо оплачивать? — не придумала я лучшего вопроса.

— У меня неограниченный въезд, — не поворачивая головы, ответил Эш.

Ну, конечно. Кто бы сомневался.

Когда мобиль остановился на стоянке за Колесом Бесстрашия и Вандерфилд велел выходить, я напряглась. И осталась сидеть.

— Зачем это?

— Прокатимся.

— Ты решил сбросить меня с этого круга? — ахнула я.

— Прекрати паясничать! — поморщился белобрысый гад. — Ничего я тебе не сделаю. Посмотришь город. Ты ведь не была на Колесе, так?

Я кивнула. И снова осталась сидеть.

— Позволь, уточню. Ты хочешь, чтобы мы вместе сейчас вышли из мобиля, купили билеты и залезли в одну из этих кабинок?

— Да. Что непонятного?

— Вместе. Ты и я. Со мной в кабинку? Ага, я поняла. Неприкосновенные задумали очередную каверзу. У вас сегодня экзамен по издевательствам над поломойкой? Что в программе? Облить меня какой-нибудь гадостью? Публично унижить? Заставить визжать от страха? Повесить вниз головой над кабинкой? Что?

— Я просто. Хочу. Прокатиться на этом долбанном колесе! — рывкнул Эш, теряя терпение. — И все. Никаких каверз и подстав!

Я снова посмотрела на светящееся миллионом огней чудо.

— Я не пойду.

— Почему? — процедил Вандерфилд с трудом. По бешеным зеленым глазам было ясно, что он на грани.

— Я не одета для такого мероприятия.

Вандерфилд выругался. Грязно, пошло. Совсем не аристократично. Вышел, хлопнув дверцей, обошел мобиль и вытащил из него меня. Ну да, формально даже не прикоснулся, потому что схватил рукой в перчатке!

Мою сумку бросил на сидение, закрыл своего железного зверя и дернул меня в сторону аттракциона.

— Все, я иду, иду! — огрызнулась я. Поправила сползающую на глаза вязаную шапку, глянула недовольно. Правда, Вандерфилду на мои негодующие взгляды было глубоко наплевать. Он широко шагал, не заботясь о том, что мне придется бежать. Дубленка расстегнута, руки в карманах. И снова снег тает на волосах.

Правда, потом он выдохнул и пошел медленнее, приноравливаясь к моим шагам.

— Не боишься, что тебя увидят в компании поломойки из Котловины? — хмуро спросила я, отворачиваясь.

— Я ничего не боюсь. Почти ничего.

Не глядя друг на друга, мы дошли до окошка, где продавались билеты. Вандерфилд что-то сказал зрителю, пока я топталась рядом и глазела на Колесо Бесстрашия. Вблизи оно выглядело просто огромным. Сердце зашлось от предвкушения и страха. Каково же оказаться там, наверху? Неужели я это скоро узнаю?. Поверить не могу!

— Идем, — Эш двинулся к проходу.

Перед нами плавно остановилась кабинка, но почему-то Вандерфилд ее проигнорировал. Как и следующие две.

— Нам сюда.

Я открыла от изумления рот. Ну да, разве наследник Вандерфилдов будет смотреть на город из обычной кабинки? Как бы не так!

Та, в которую мы вошли, была явно просторнее. Пол из светлого дерева с прозрачными вставками, стеклянные стены, создающие ощущение открытого воздуха. А ещё внутри было два изумительных диванчика и столик между ними, на котором в ведерке со льдом охлаждалась бутылка вина, а на белоснежной скатерти высилась горка сладостей и фруктов. Откуда-то сверху струился приглушенный свет и лилась музыка.

Невероятно.

Я стянула рукавицы, нерешительно застыв на «пороге»

Дверь закрылась, и кабинка плавно поползла вверх.

— Так и будешь там стоять? Садись.

Я подчинилась, настороженно следя за действиями парня. Он скинул дубленку и уже открывал бутылку. Пробка выскочила с хлопком, и Эш разлил пенный напиток по высоким бокалам.

— Сначала поешь. Шампанское сухое.

Я хмуρο глянула на свой фужер.

— А на вид очень даже мокрое.

Вандерфилд рассмеялся. Вольготно устроился напротив, рассматривая меня.

— Хватит трястись. Просто ешь, пей и наслаждайся. Иними уже эту ужасную шапку!

Шапку я сняла, но к угощению не притронулась. Вандерфилд поднял брови.

— Думаешь, отрава? Это уже не смешно.

— Думаю, что происходящее дурно пахнет, — помрачнела я. — Так не бывает. Я и ты. На Колесе. В компании дорогого вина и закусок, которым я даже не знаю названия. Что-то здесь не вяжется, Вандерфилд.

— Твои бесконечные подозрения очень утомляют, пустышка. Кстати, это шоколадный мусс, здесь заварные пирожные, а там — ягодное желе. Теперь ты все знаешь и можешь попробовать. Должно быть неплохо.

Я прикусила губу, не понимая, что происходит, и как себя вести. За прозрачной стеной проявлялся ночной город. Такой, каким его никогда не увидеть с земли. Там мы всегда можем наблюдать лишь краешек, один лоскуток от общего полотна, а с высоты полета птицы видно все, до самой академии, и даже еще дальше — почти до Гряды.

Я безотчетно схватилась за подлокотник, потому что прозрачные стены создавали иллюзию незащищенности. Кабинка ползла неспешно, но с каждой минутой вид становился все более захватывающим. Я и не знала, что столица столь прекрасна. Хотя откуда мне знать... я дальше Котловины не выбиралась.

— Как же красиво! — поневоле прошептала я.

— Выпей. — Не заметила, когда Эш успел пересесть на мой диванчик. Его рука, лежащая на спинке, почти касалась моего плеча. Вторая держала бокал. — Это вино из предгорного винограда. Растет на юге, возле моря... Очень... ценный сорт. Шампанское из него получается особенным. Попробуй.

Я осторожно сомкнула пальцы на хрупкой ножке фужера, сделала глоток. Пузырьки защекотали язык, а небо обволокло фруктовое послевкусие.

— Нравится?

— Да.

Еще глоток, и в голове стало легко и радостно. И даже огни города, кажется, вспыхнули ярче.

— Тебе надо поесть, пустышка, — голос Вандерфилда приобрел низкие, царапающие нотки. — Ты снова голодная... И слишком быстро пьянеешь. Вот, возьми это.

В моей руке оказалось что-то с восхитительным воздушным кремом. Безумно вкусное.

— Божественно, — промычала я, когда смогла говорить.

И тут же Эш сунул мне в рот еще кусочек, коснувшись губ пальцами. На этот раз — без перчатки... Посмотрел напряженно, вздохнул. Я медленно прожевала, не совсем понимая, что именно ем. Но вкус был просто потрясающий. Запила.

— Здесь довольно тепло, — негромко произнес Эш. — Ты можешь снять куртку.

Признаться, мне было уже не тепло, а жарко. И я не знала, от чего — тепловатора в углу, игристого вина или слишком близкого присутствия Эша. Куртку я стянула неловко, пристроила в угол. И поняла, что парень меня рассматривает. По Котловине я гуляла не в форме, а своем обычном платье — длинном, синем, с белым воротничком и рядом пуговичек от горла до талии. И теперь Вандерфилд, кажется, считал эти пуговицы. Одну за другой. Не отрывая от них тревожных глаз. Досчитал до последней и посмотрел мне в глаза. И то, что я там увидела, заставило снова схватить бокал и допить залпом.

— Думаю, мы можем потанцевать, — произнес он.

— Это ещё зачем? — чуть не подавилась я пирожным.

— Почему нет? Нормальным девушкам нравятся танцы.

— Вот с нормальными и танцуй, — буркнула я.

Эш внимательно всмотрелся в мое лицо и вдруг широко улыбнулся.

— Ты не умеешь. И никогда не танцевала с парнем?

— Все я умею, — огрызнулась, уже жалея, что подписалась на это безумие. И зачем я вообще с ним пошла? — Что там уметь? Топчешься с ноги на ногу и все дела!

Вандерфилд усмехнулся и встал, протягивая ко мне руку в перчатке.

— Топчешься на месте... Ясно. Вставай, Аддерли.

— Я не буду с тобой танцевать.

— Боишься? — вкрадчиво произнес он.

— Не боюсь. Ты сказал, что не прикоснешься ко мне!

— Танцы не в счет. Давай, покажи, что не боишься, Аддерли. Ты же такая смелая, можешь явиться на вечеринку и распугать всех своим видом, можешь швырнуть тарелку. А трусишь танцевать со мной? Я тебя не съем. И знаешь, мне как-то не приходилось раньше уговаривать девушек!

Я неуверенно встала. Посмотрела на свои руки, надеясь, что на ладонях не осталось крема. Сделала шаг в сторону. И коснулась кончиками пальцев руки парня.левой. Без перчатки. Он медленно, глядя мне в глаза, положил вторую руку мне на талию. И так же медленно повернулся, ведя за собой.

— Танец вдвоем — это не просто топтаться на месте, Аддерли, — насмешливо сказал Эш. — Это, прежде всего, доверие.

Я напряглась, ощущая себя деревянной куклой в руках мастера. Он двигался легко и гибко, медленно вплетая наши тела в чарующий ритм музыки. Шаг влево, скольжение вправо, поворот... и снова влево. Касаясь лишь кончиков моих пальцев и невесомо придерживая за спину.

— Доверие надо заслужить, — прошептала я.

— Я попробую. Закрой глаза, — тихо приказал Вандерфилд. И снова улыбнулся. — Просто закрой глаза. И слушай музыку. Это третья симфония Риарди.

О великом композиторе я знала лишь то, что он жил пару веков назад, был заклинателем и создателем. Его симфонии хранят частицу чар композитора и дарят покой и счастье всем, кто способен ее понять. Но такую музыку не слушают в Котловине. А ведь она действительно прекрасна...

И я подчинилась — закрыла глаза. Не из-за Эша, а из-за нежных звуков, проникающих в душу.

— Вот так... — тихий голос Вандерфилда с царапающими хриплыми нотками тоже кажется частью волшебной симфонии. И как ни странно, он оказался прав. С закрытыми глазами, не видя его лица, стало легче. Остались лишь звуки и ощущения. Полет. Движение. Тепло рук. Легкое дыхание у виска. Запахи... И такое желанное головокружение. Томление и непонятный жар внутри...

Достаточно!

Я открыла глаза и отстранилась.

— Красивая симфония. И она закончилась.

— Еще шампанского?

Я покачала головой и отошла к прозрачной стене, пытаюсь прийти в себя и очнуться от магии танца. Вандерфилд оказался прекрасным партнером — чутким и умелым, с ним я ощутила полет. И меня это испугало. Все-таки танец — это слишком личное. У нас в Котловине тоже пляшут — на праздник Костров или в Ночь Тысячи свечей, но это совсем другие движения. Любящие люди у нас просто обнимаются и качаются из стороны в сторону, но это позволительно лишь с мужем или

возлюбленным.

А такой танец, как показал Эш, совсем иной.

Я тряхнула головой, замирая у стены.

Ахнула от восторга и ужаса. За время нашего странного танца кабинка успела подняться, и сейчас внизу открывался вид, от которого сердце сделало кульбит и застучало сумасшедшим ритмом. Город сиял и переливался, словно зачарованная игрушка, которую вешают на деревья зимой.

Справа вилась снежной змеей река, слева выросли шпили Магистерии и Часовой башни. Впервые в жизни я видела знаменитый циферблат так близко. Несколько сияющих кругов с цифрами, звездами, лунами и даже изображением зверей и птиц. Пять стрелок, показывающие точное время, множество двигающихся фигурок и Хранитель Сновидений, прогуливающийся по узкому карнизу вокруг Башни... Легенда утверждает, что пока этот механический человечек совершает свои бесконечные круги, городу ничего не грозит. Но впервые я смогла рассмотреть и его задорную шляпу, и очки, и тросточку. А когда наша кабинка поравнялась с циферблатом башни, хранитель ударил каблуками и приподнял цилиндр!

Невероятно. Я ахнула и, не сдержавшись, поклонилась в ответ.

А дальше был виден прекрасный королевский дворец и реющие над ним флаги с изображением короны и грифона.

Слева тянулись парки, Плоское Озеро, дома богачей и мосты вплоть до самой академии.

Котловина тонула во мраке, за сиянием центра окраины не видно.

Зато были хорошо различимы два зеркально расположенных гребня Гряды. Левый зовется Фобос, что означает «страх». А правый — Деймос, и это значит — «ужас». Между ними завис узким лезвием месяц. И даже во тьме пики кажутся подсвеченным с изнанки. Хотя все знают, что это иллюзия, за Грядой лишь пустоши и дикие, непроходимые леса.

Смотреть на Гряду не хотелось, и я снова начала разглядывать красоты города. Как же он прекрасен. И сколько огней!

— Нравится?

Я замерла. Почему Эш снова так близко? Стоит за спиной. Не прикасается, но я чувствую тепло чужого тела и дыхание на виске.

— Это волшебно... Кажется, что весь мир для меня одной. Раскину руки и полечу, прямо в это сияние. Я никогда не ощущала... подобного!

Боги, похоже, вино все же ударило мне в голову.

— Вот как? Полетишь в сияние... Ты такая...

— Глупая? — чуть повернула голову. И зря. Потому что смотрел Эш не

на город, а на меня.

— Необычная.

— Ну да. Это Котловина. Очень необычное место. Мы там все такие!

Выразительно хмыкнула, пытаясь перевести все в шутку. Вандерфилд не улыбнулся и взгляда не отвел. Напротив, тот стал тяжелее и темнее.

— Может, все-таки объяснишь, зачем мы здесь?

— Хочу кое-что проверить, — отозвался он. — Одну теорию. Не думай об этом.

Думать мне вообще становилось с каждой минутой труднее. И это почему-то напрямую зависело от сокращающегося между нами расстояния.

Эш поставил ладони на стекло, по обе стороны от меня. Так что мне поневоле пришлось прижаться к почти невидимой преграде.

— Страшно? — его шепот лизнул слух, как голодный зверь.

— Немного. — Я поежилась, убрала за ухо прядь волос.

— Не бойся. Это Колесо зачаровано. Никогда не ломается.

— Очень радуется...

— Смотри, отсюда видно ВСА.

— Да.

И правда, вдали поднимались остроконечные башни академии.

— А вон там, над Министерством, парит механический змей. Видишь? Ты знала, что внутри него расположен пункт наблюдения за небом? Дозор, оповещающий о появлении опасности. Небесной паутины или безгрозовой молнии. Или даже летающих тварей Гряды. Такие змеи охраняют и границу.

— Я никогда об этом не слышала, — пробормотала я, запинаясь. Дыхание Вандерфилда щекотало мне висок. И почему-то рядом с ним я ощущала себя совсем маленькой... Тонкой. Беззащитной.

— Зато часовая башня — самое высокое здание столицы. Даже выше дворца.

— Надо же...

— А вон там показывают спектакли на воздушной сцене, внутри зачарованного купола, по которому стекают звездные искры.

— Угу...

— В роще у плоского озера до сих пор растут деревья предков, в которых когда-то они устраивали себе дома. Настоящие гиганты, а не деревья. Их осталось всего пара десятков и ночами оттуда и сейчас выходят духи. По крайней мере, так говорят. В детстве мы с друзьями пытались их поймать...

— Не знала...

— И я хочу тебя поцеловать, пустышка.

Я осеклась, проглотила свою очередную бессмысленную реплику.

— Ты сказал, что не прикоснешься ко мне.

— О губах речь не шла. Повернись, — хрипло приказал он.

Я замерла, уже не видя сияние города.

— Нет.

— Почему? Тебе понравится.

— Потому что в этом нет смысла. И это плохо заканчивается.

Втянула воздух и повернулась. Не потому что приказал, а чтобы доказать, что не боюсь.

Он глянул на мои губы и снова в глаза. Темно. Дико...

— Нет, — четко произнесла я. — Ты Вандерфилд. Я — пустышка. И здесь отрабатываю шестьдесят синов. А в расписании лишь разговоры, Эш.

— Ты странно произносишь мое имя. Скажи еще. Это ведь не противоречит... расписанию?

Он снова смотрел на губы, словно не мог оторваться.

Я нахмурилась, не понимая, в какую игру он играет.

— Эш.

Сказала твердо. Почти. Кажется, голос все же дрогнул.

— Еще...

— Прекрати...

— Скажи. Просто скажи...

— Я не хочу...

— Что с тобой не так, пустышка? — почти яростно выдохнул он.

— А может, с тобой? — прошептала я.

— Может, со мной, — легко согласился он и прикоснулся губами к моему виску. Скользнул вниз открытым ртом... По скуле. По губам. Еще не целуя, но уже заставляя дрожать.

— Не надо!

— Снова нет? Я тебе не нравлюсь?

— Я хочу уйти...

Еще одно прикосновение губ. К глазам. Щеке. Краешку губ. И горячая волна, испугавшая меня до дрожи.

— Тебе ведь нравится. Не отрицай, я чувствую.

Горячее прикосновение губ к шее.

— Прекрати...

— Щенку Грину ты позволяешь не только поцелуи?

Вот про Томаса он зря. Разум вернулся, и я уперлась ладонями в грудь Вандерфилда.

— Ты избил парня. За какую-то жалобу. Он просто пытался меня защитить!

— Ну надо же, благородный какой. Слабак.

— Он не слабак!

— Он даже не защищался.

— Он не умеет драться!

— Если мужчина способен защищать девушку лишь языком, то он слабак! — рявкнул Вандерфилд, отстраняясь.

— Ты сломал ему руку!

— В другой раз будет держать свои клешни при себе. Твоего дружка даже бить неинтересно. Щенок!

— Да что ты понимаешь?! — разъярилась я. — Томас честный, умный и благородный. Тебе с ним не сравниться!

Лицо Эша застыло, в глазах появилось что-то убийственное. Я прикусила язык, опасаясь сделать Томасу хуже. Вандерфилд наклонился, вдавливая меня в стекло. Я задохнулась от подступившей паники. Казалось — ещё миг, и хрупкая преграда не выдержит. И тогда мы оба рухнем вниз!

— Да я бы повесился, сравнись я с ним, пустышка! — презрительно усмехнулся блондинистый гад.

Я по-прежнему упиралась ладонями в его грудь. Эш по-прежнему нависал, не давая мне отодвинуться. Глаза в глаза, сплетая дыхание. Пульсируя напряженными до дрожи телами. Эш поднял руку и запустил пальцы в мои волосы, сжал в кулак. Что происходит с нами? Мы горим...

Наверху заскрежетало, загрохотало и запищало. Кабинка дернулась, встряхнулась и... замерла.

Вандерфилд поднял голову.

— Что случилось? — отмерла я. — Что? Колесо не крутится. Мы что же.... Сломались?

— Это невозможно, — все ещё хрипло пробормотал Эш. Отошел от меня, осмотрелся.

— Да? Но мы стоим. Не двигаемся!

Наше ненадежное пристанище зависло почти на пике Колеса, и земля отсюда казалась неимоверно далекой. В железных перекрытиях что-то скрипело и скрежетало, на миг возникло жуткое ощущение, что кто-то отгрызает нашу кабинку от центральной оси. И через минуту мы рухнем вниз!

— Святой Фердион. Я, кажется, боюсь высоты!

— Прекрати паниковать! — приказал Вандерфилд. Выглядел он собранным и спокойным. Разве что немного злым... — С нами ничего не

случится. Колесо зачарованно и сейчас снова поедет!

Жуткий треск и грохот прервал его слова. Нас качнуло. Я вскрикнула. Мы падаем. Боги, мы падаем. Снаружи разлетелся сноп искр, кажется, что-то загорелось... Внутри кабины повалил черный удушливый дым. Я затравленно осмотрелась.

— Не бойся! — Эш схватил меня за плечи, встряхнул, отвлекая от душевынимающего скрежета. — Слышишь меня. Ну же, пустышка. Тина!

Я так удивилась, что он знает мое имя, что перестала дрожать и уставилась в сосредоточенное лицо парня.

— Слушай меня. Здесь нельзя оставаться. Сейчас мы попытаемся спуститься...

— Что?

— Спуститься вниз. Ты не будешь бояться, поняла?

— Эш, мы выше Часовой Башни!

— Ниже, — усмехнулся он. — И с башни я уже спускался. На спор.

— Что?

— Мне было пятнадцать, и спор я выиграл.

— А?

Сноп искр уже висел пеленой, дыма стало больше.

— И сейчас мы тоже спустимся. Поняла?

— Но как мы это сделаем? Это невозможно. Я не пойду!

Одна из стен кабинки, та, возле которой я совсем недавно рассматривала город, начала плавиться и трещать. Мы шарахнулись в сторону. Эш снова сжал мне плечи.

— Верь мне. И не бойся. Ясно?

Я кивнула, хотя ничего ясно не было. Но почему-то от его уверенного голоса становилось легче. Вандерфилд, конечно, гад и сволочь, но он знает, что говорит.

Эш дернул ручку, с усилием отодвигая дверь. Порыв ледяного воздуха тут же напомнил, что снаружи почти зима. Вандерфилд высунулся, повертел головой.

— Так я и думал! — довольно и непонятно крикнул он.

Прозрачные стены затянуло маревом, из-за искр и огня я уже ничего не видела. Дышать внутри стало нечем, из глаз хлынули слезы, а горло разодрал кашель.

— Спокойно, — снова приказал Вандерфилд. — Вдоль основной оси есть лестница. Нам придется доползти до нее. Сможешь?

Я неуверенно кивнула. А разве у меня есть выбор?

— Я нас свяжу.

Батистовый платок под действием заклинания удлинился и обвязал нас веревкой.

Вслед за парнем я зависла над открытой дверью.

— Не смотри вниз.

Эш жестко схватил меня за шиворот, придержал, пока я искала опору для рук и ног. В редких просветах черного дыма виднелись бегающие на земле люди. Отсюда они казались букашками... Боги, как же высоко!

Эш грубо дернул меня за прядку.

— Не смотри, я сказал. Ступенька левее. Давай, пустьшка, ты сможешь!

Ветер ударил в лицо, грозя оторвать от хлипкой опоры.

— Тина! — я подняла голову. Эш смотрел мне в глаза. — Я не дам тебе упасть. Поняла?

Медленно кивнула. Руки дрожали. Стылое железо обжигало, и пальцы скользили по нему, не давая ухватиться. Но рядом был Вандерфилд, и почему-то это внушало надежду, что мы выберемся. Такой засранец, как он, просто не может погибнуть, грохнувшись с Колеса Бесстрашия. Такая смерть точно не для него!

И еще я почему-то поверила в его слова. Хотя разве не странно доверять белобрысому снобу? Моя ступня встала на опору.

— Молодец, Аддерли. Держись. Теперь шаг влево. Вот так. Еще.

Я поползла вниз, цепляясь за холодный металл и дрожа от напряжения. В уши бил ветер, но голос Вандерфилда звучал ясно и четко. Подол длинной юбки хлестал по ногам, ботинки скользили... Лесенка. Боги, какая же тоненькая и хлипкая!

— Мы почти спустились, ногу на ступеньку. Хорошо. Мы уже близко. Еще немного. Я держу тебя.

Слова успокаивали. Спокойные, уверенные слова высокомерного сноба. И я ползла, уже почти не чувствуя рук и ног. Но ползла. И даже не поверила, когда меня подхватили внизу сильные руки незнакомого бородача в форме охранителя.

— Смогли. Спустились! — закричали слева. — Нет, это же что творится? Как полыхнуло. Да с чего бы полыхать? А я говорил... А они — зачарованно... Спустились. Они спустились. Девочка, с тобой все в порядке?

Кивнула и повернула голову, разыскивая глазами Эша. Он возник рядом, рывкнул:

— Дай сюда!

Забрал меня зачем-то у бородача, прижал к себе. И остался стоять со

мною на руках.

— Я в порядке, — ошалело пробормотала я, глядя во тьму зеленых глаз. — Только куртка... осталась. В реке пальто, а здесь куртка. Вот.

— Куртка. Что в твоей голове, пустышка? — усмехнулся он.

— Отпусти, — тихо пробормотала я, испугавшись. Не знаю, чего. Но до дрожи. Сильнее, чем там — наверху. Испугалась его глаз, его сжатых до дрожи рук и явного нежелания меня отпустить. Испугалась своего волнения.

Вандерфилд медленно поставил меня на землю, отступил. И тут же налетели люди, закружили, закричали. Кто-то накинул мне на плечи плед, кто-то принялся спрашивать.... И Эш отвернулся.

Я обхватила себя руками и посмотрела вверх. Кабинка уже не искрила, только дым валил. Вот и покаталась на Колесе Бесстрашия...

## Глава 22

В ВСА мы вернулись почти ночью. Когда зрители Колеса узнали, кто именно чуть не погиб в кабинке, началась паника. Прибежал пугливый заклинитель, следом еще трое — врачеватели... И все они считали своим долгом осмотреть Эша. Меня вниманием почти не удостоивали, позволяя тихо сидеть в углу небольшой комнаты, куда нас привели. Благо, дали горячий чай и укутали в плед. Эш стоял посреди комнаты и говорил таким ледяным тоном, что даже мне хотелось спрятаться. Главным его требованием было — никакой огласки.

«Вы ведь понимаете, что вам грозит, если мое имя окажется в газетах? Мое и моей... спутницы?» Приехавший владелец Колеса Бесстрашия и всего парка аттракционов явно понимал. Потому что краснел, бледнел и уверял, уверял....

Я прихлебывала чай и смотрела на Эша. То ещё зрелище. Высокомерие в каждом жесте, взгляде, повороте головы. Но надо признать, на окружающих это все действовало убийственно. Одним взглядом Эш был способен поставить на место толпу. Такой способности не научиться за пять минут, с этим надо родиться и впитать с детства. Чувство несомненного превосходства.

Все это продолжалось, пока Вандерфилд не рявкнул, велел оставить его в покое. Резким росчерком что-то подписал, схватил меня за руку и потащил к мобиле.

На мне все еще был плед, на Эше — лишь запачканная сажей рубашка. Его дорогая дубленка тоже осталась в кабинке.

Железный зверь сорвался с места, как бешенный, выдавая злость хозяина. Я молчала, глядя в окно. Эш хмурился.

И лишь когда мобиль замер, ворча, на стоянке академии, я сказала:

— И все-таки это было невероятно. Колесо. Никогда такого не видела. И... спасибо, что вытащил, Эш.

Вандерфилд втянул воздух. Повернул резко голову. Обжег взглядом. И мне показалось, что не отпустит.

Я дернула ручку и выскочила наружу, убегая от него. И от себя, пожалуй. Юркнула в тень здания, понеслась по дорожке, прижимая к боку сумку. И все казалось — догонит... Но в академию я входила сама, едва успев вбежать в закрывающуюся на ночь дверь.

Три часа ночи. Тишина. Дневник с застежкой в форме скалящегося волка. Перо. Чаронометр. Кружка с крепким кофе.

Приступим.

Придвинул к себе дневник наблюдений, сделал очередную надпись.

«Результаты замеров и анализа. Дата — время»

Выпил кофе. Отставил кружку. И приложил измеритель к руке.

Почти семьдесят.

Означает ли это, что моя теория подтверждается?

Отодвинул исписанный подробным отчетом лист и задумался. Бредовая на первый взгляд идея пришла в голову после того, как пустышка вылезла из моей ванной — мокрая и дрожащая. Шлепая своей жуткой обувью и размазывая по лицу потекшую грязь. И, кажется, уже по привычке я запер дверь и прижал измеритель к коже. Цифра на серебристом диске заставила зарычать и разбить прибор. Меньше пятидесяти. Зеленый сектор, мать вашу. У Вандерфилда!

Открыл кран, вылил на голову холодной воды, пытаюсь взять себя в руки.

«То, что с тобой происходит, наказание за твой сволочный характер!»

Голос пустышки так отчетливо прозвучал в голове, словно она стояла за спиной. И я вздрогнул и очнулся. А ведь все началось с той ночи. Проклятой ночи, когда я вытащил ее из реки!

Глядя на воду в чаше для мытья, я застыл. Не обращая внимания ни на встревоженные голоса друзей за дверью, ни на воду, льющуюся на ноги. Анализ... Сопоставление... Выводы. Мне нужна холодная голова.

Заставил себя вспоминать и думать.

Первое падение потенциала произошло пятого октября.

Я его не зафиксировал, потому что давно перестал измерять собственный уровень. Зачем? Он не менялся годами. Но когда выставил щит перед аспидом, ощутил, что мне не хватает... мощности. Такое бывает в дрянных мобелях, жмешь на педаль ускорения, а без толку — ни силы, ни скорости... Щит оказался слабым и тварь Гряды мною закусила.

Когда я вышел из лазарета, то увидел уменьшение потенциала. Но цифра оказалась не постоянной. Стрелка носится по циферблату, как умалишенная, мой уровень то вырастает, то снова падает вниз.

Когда-то люди ничего не знали о чарах и верили в богов. Сегодня это звучит смешно, но в Тритории и других королевствах до сих пор

сохранились древние отринутые храмы. Вера в нечто мифическое заставляет меня лишь презрительно усмехаться, но... Но что, если я не прав? Великого Фердиона в нашем мире почитают, как Святого Творца, но каждый понимает, что он лишь человек. Непревзойденный, но человек. А боги? Бородатый дедушка, сидящий на облачке и кидающий вниз молнии? Бред.

Как и то, что происходит со мной. Древние верили, что каждому воздается по его делам. И это тоже бред, но возможно... возможно!

Возможно, меня постигло ранее неизвестное проклятие. Не магическое. А... так сказать, наказание судьбы. В Откровении Фердиона есть непонятный мне раздел, описывающий странное явление. Я мало понял, но речь идет о некоем судьбоносном воздаянии. Если даже сам Патрик Фердион упоминал такие вещи, то может, и мне стоит поверить? И если все началось с пустышки, то может ли мой потенциал зависеть от отношения к ней?

Теория зияла дырами и казалась весьма странной. Но... но. Другой у меня пока не было.

Прищурился, обдумывая.

Когда пустышка приложила чаронометр к своей руке, я увидел восемь единиц. Но ведь Аодхэн посылала в нее паутину и нити. А значит, уровень был выше. Неужели потенциал девчонки тоже меняется?

И происходит это из-за меня? Из-за нас!

Необходима проверка. Немедленно!

В тот вечер я закрыл кран, вытер руки, швырнул полотенце в корзину.

Вернулся в комнату.

— Вечеринка окончена, — объявил я недоумевающим приятелям. Лисса поджала губы, изображая негодование, но я на него давно уже не реагирую.

Схватил куртку и вышел, засекая в голове мысль сверлила разум.

Срочно проверить!

Пустышку пришлось ловить возле станции. Эта чокнутая стояла на холоде с мокрой башкой и в какой-то куцей одежонке. Отвез ее домой, пытаясь не задумывать о том, как это выглядит со стороны. Плевать. Чтобы вернуть свой уровень, я готов ублажить пустышку так, что ей и не снилось.

Почему-то эти мысли не вызывали отторжения или злости... Напротив. Стоило ей сесть в мой мобиль, как уже привычный аромат легко коснулся обоняния. Тонкий запах, присущий лишь ей... такой же нераспознаваемый, как и ее вкус.

Вкус...

В горле пересохло. Сам не знаю, зачем поехал на мост, зачем говорил с ней...

Высадил у двери в ее нищенском квартале и рванул прочь, ощущая себя пьяным, хотя не сделал ни глотка... Можно было бы поехать домой, но эту идею я отмел сразу...

Отправился в центр, в закрытый клуб. И проезжая по проспекту, все вспоминал, как смотрела девчонка в окно, как горели ее глаза...

Утром вернулся в академию.

Чаронометр показал прибавку потенциала на девять единиц.

Сегодня повез ее прокатиться на Колесе Бесстрашия. Решил — пусть смотрит и восторгается. Накормлю ее деликатесами, напою отборным вином. Покажу город. Что еще надо нищенке из Котловины?

Все пошло не так с самого проклятого начала. Снова ее запах. И шапка, которая меня бесит. И платье, как у школьницы, с рядом мелких белых пуговичек. Я забыл, зачем притащил пустышку на Колесо, и что должен улыбаться. Я смотрел на эти пуговицы и видел, как обрываю их — одну за другой. Как укладываю девушку на диван. Как задираю платье и касаюсь кожи. Что у нее на ногах? Жуткие шерстяные колготки? Ботинки со сбитыми носами? Я хотел снять с нее все. Прижать ее, голую и дрожащую, к прозрачной стене. Спиной... а потом наоборот. Я хотел почувствовать ее язык у себя во рту, а кожу — влажную от удовольствия — под пальцами левой руки.

И... сколько там крутится это Колесо? Мне точно не хватит. Но плевать, поедem на второй круг... или на третий.

Я так явно представлял все, что сделаю с ней, что не сразу заметил дым. Непростительная ошибка для почти дипломированного заклинателя. Что случилось с Колесом? Почему кабина загорелась?

Потряс головой, выныривая из воспоминаний.

И все же мой потенциал снова увеличился. Я в красном секторе. Бредовая теория воздаяния продолжала работать!

Снова отпил остывший кофе, придвинул дневник.

«Вывод.

Поступки, заставляющие пустышку улыбаться или испытывать положительные эмоции, вероятно, провоцируют возвращение моего потенциала. Даже несмотря на смертельную опасность и страх Аддерли, мой уровень возрос. Говорит ли это о том, что эмоции, направленные не на меня — не влияют на мой уровень? Благодарность за спасение можно отнести к эмоциям положительным, а значит, для меня полезным.

План дальнейших действий...»

Откинулся на спинку кресла, размышляя.

Итак, что может порадовать нищенку и по моей теории вернуть черный сектор?

- «1. Подарки. Начать с куртки.
2. Вкусная еда и напитки.
3. Танцы.
4. Прогулки и прочая ерунда.
5. ...Влюбленность?»

Действительно, что ещё может вызвать максимально возможную эмоциональную отдачу? Любовь. Для девушки она всегда на первом месте, даже если девушка никогда в этом не признается.

Улыбнулся своим мыслям. Хронометр показал четыре утра. Пустышка сейчас сладко спит в своей кроватке и еще не знает, что ее ждет.

Повертел в пальцах перо. После ранения пришлось писать левой рукой, хорошо, что меня с детства учили владеть обеими. И все же было неприятно...

Последняя на сегодня запись:

«Вопрос:

Если теория подтвердится и хорошие дела по отношению к пустышке вернут мой потенциал, то как поступить, когда я наберу все свои единицы?

Ответ:

Допустить повторное снижение уровня непозволительно. Это недопустимо ни при каких условиях...»

Закрыв зачарованный дневник, убрал в ящик стола. Неоспоримое преимущество таких тетрадей в том, что, кроме хозяина, их никто не сможет прочитать.

Потянулся, разминая затекшие мышцы. Несмотря на позднее время и усталость, хотелось не спать, а действовать. Неизвестность и бездействие для моей натуры хуже всего, злость копится внутри и требует выхода. А сейчас я, наконец, нашел направление для движения и горел желанием продолжить работу.

Может, навестить пустышку в ее комнате? Она сегодня одна, соседки уехали на выходной... Ласки ведь можно отнести к... положительным эмоциям? Ей понравится. Я ведь чувствую ее отклик, когда прикасаюсь...

От этой мысли сладко заныло в паху, горло перехватило. Похоже, я даже получу удовольствие от процесса возвращения своих чар.

О, да. Зажмурился, пытаясь восстановить дыхание. Но ничего не выходило. Искра желания снова разгорелась пожаром, заставляя работать воспаленный разум. Показывать картины. Одну другой развратнее. И в

каждой была она — девчонка из Котловины... Сегодня я с трудом заставил себя ее отпустить. Сейчас с трудом сдерживаю желание снова найти...

Вероятно, необъяснимая и дикая тяга к ней тоже результат этого странного проклятия. Это желание, сводящее меня с ума и заставляющее шептать ее имя даже в постели с Алиссией? Надеюсь, Лисса этого не слышала.

Да, это точно проклятие.

Но писать про то, что я хочу сделать с оборванкой, я, пожалуй, не буду. Я просто воплощу свои желания в жизнь.

## Глава 23

С утра академия гудела от ужасающей новости: Колесо Бесстрашия сломалось. Погибли люди. Чары выдающихся заклинателей больше не работают. Хотя к обеду в газетах вышло опровержение, убеждающее, что все с Колесом в порядке и не стоит верить сплетням, студенты разделились на тех, кто верил новости в первое, во второе, или вообще ни в то, ни в другое, считая обе публикации попыткой разжечь интерес.

В пользу последнего говорил тот факт, что никаких имен в газетах так и не появилось. Видимо, Эш в разговоре с владельцем был очень убедителен.

Я, само собой, тоже не торопилась рассказывать правду о ночных событиях. Самой бы в них разобраться...

Занятие по «Разрушению чар» сегодня провел скучный и шепелявящий профессор, объяснивший, что господин Аодхэн временно отсутствует. Кто-то даже утверждал, что граница нарушена и профессора вызвали на подмогу, как военного заклинателя. Болтали о появившейся в городе красной плесени, которая тоже ползет от Гряды.

Но в газетах ничего подобного не писали, так что большинство сочло панику преждевременной. Мало ли куда мог отправиться профессор?

Паутина, молнии, жалящие шары и прочее сегодня по аудитории не летали, и студенты откровенно скучали, лениво записывая скучную теорию.

Меня отсутствие Аодхэна огорчило, я уже привыкла к его непредсказуемым, но зато интересным урокам. Эш тоже не явился, словно заранее знал, что главного разрушителя ВСА сегодня не будет.

И, увы, нудное бормотание профессора не могло заглушить мыслей в моей голове. А заводилой там была: что собственно происходит? Зачем Вандерфилд потащил меня вчера на Колесо?

Ответов я, к сожалению, не находила.

Зато карман оттягивали честно заработанные синь, и я расщедрилась на академический обед. Правда, решила ограничиться лишь первым блюдом — горячим куриным супом с клецками. А вот остальные деньги потратила на вожденную сумку, несколько тетрадей и огромную упаковку дешевой серой бумаги. Раз это мой материал, то нужно всегда иметь его под рукой. Да и стоит на досуге потренироваться в материализации, с ней по-прежнему проблемы.

Сытая и довольная, я вольготно устроилась на парте в «своей» ученической и принялась скатывать бумажные шарики, пытаюсь воплотить из них цветок.

Пол под ногами уже был усеян бумажным мусором, мое настроение и энтузиазм скатились к нулевой отметке, а ничего путного так и не получилось.

И когда открылась дверь, я сидела посреди всего этого хлама в глубоком унынии.

— Создаешь вокруг себя привычную обстановку? Грязь, мусор, отбросы? — хмыкнул Вандерфилд, глядя на меня сверху вниз. К боку он прижимал полотняный сверток.

— Очень смешно, — буркнула я. — Зачем пришел? И как ты меня нашел, кстати? Это моя аудитория, ее никто не находит, кроме меня!

— Вообще, это аудитория как раз моя, — поднял левую бровь парень. — Она не используется, и я прихожу сюда с первого курса. И специально ставил отвод от чужих глаз. А вот как ты сюда каждый раз попадаешь — большой вопрос.

От удивления я даже взбодрилась.

— Твоя? Да у меня само как-то получилось... Видимо, твое заклинание отвода не работает!

Вандерфилд неопределенно хмыкнул. Обозленным он не выглядел, что само по себе было странно. И даже подозрительно. Эш почти улыбался, рассматривая меня. Задумал очередную гадость?

— По глазам вижу, что ты рада меня видеть, пустышка, — сказал он. — А сейчас обрадуешься еще больше.

— С чего бы это?

Эш развернул сверток, и я увидела курточку с меховым воротником и прелестную шапочку.

— Это тебе, пустышка.

Я осталась сидеть среди своих бумажных шариков.

— Не хочешь примерить?

— Нет, — отозвалась я. — Сомневаюсь, что это мне. Я отсюда вижу ярлычок, такая вещица мне точно не по карману. Ты меня со своей невестой не перепутал?

— Трудная ты, Аддерли, — вздохнул Вандерфилд. Прищурился, размышляя. — Но вещи все же для тебя.

— Я не возьму.

— Не любишь подарки?

— Не люблю быть обязанной.

Ну вот — в зеленых глазах появилось удивление и даже привычная злость. А я уже переживать начала. Вдруг заболел.

— Какая ты... Ладно, это не от меня. Это... от владельца Колеса Бесстрашия. Твоя куртка безвозвратно испорчена, эта взамен.

— Только эта стоит раз в двадцать больше.

— Компенсация за пережитые неприятности.

— Да? — задумалась я. Курточка так и манила мягкой замшей и светлым мехом. Хотелось запустить в нее руки, потрогать... Я снова с подозрением глянула на Вандерфилда. Но он выглядел предельно честным.

— Хватит так глазеть, Аддерли. С чего бы мне тебе что-то дарить? Ты берешь или нет? Нет, так я выкину...

— Беру! — подскочила я.

Обновка легла так, словно по мне и сшили. Почти не дыша, я погладила бархат внутри куртки — зачарованный... Значит, никакие холода этой зимой мне не страшны. Мех ласково пощекотал щеки, словно поприветствовал, и я не сдержала вздоха удовольствия.

— Шапка еще, — с хрипловатой насмешкой произнес Эш.

Шапочка — чудесная, с меховой оторочкой в тон курточке, тоже пришлось впору. Я радостно улыбнулась.

— Ой, надо ведь поблагодарить!

— Я передам от тебя пламенное спасибо, — серьезно уверил Вандерфилд.

В зелени его глаз плясали золотые искры. Смеется надо мной? Над глупым восторгом нищенки? Ну и пусть!

Снова погладила мех, не в силах оторваться. От радости даже захотелось поцеловать белобрисого гада, даже дернулась к нему навстречу, но вовремя от этой глупости удержалась. Покрутилась вокруг себя, с восторгом рассматривая обновку.

— Скажи владельцу Колеса, что это самая красивая курточка на свете. Что я никогда не видела лучше. А она точно теперь... моя? Никакой ошибки? И не заберут? Правда-правда?

Вандерфилд медленно кивнул. Засунул руки в карманы. Качнулся с носка на пятку. И все это — не отрывая от меня глаз.

— Не заберут. Кстати, раз уж мне все равно пришлось тебя искать... Зайди вечером.

— Надо убрать? Конечно, — рассеянно отозвалась я, все ещё наглаживая обновку. Святой Фердион, да я в этой курточке и спать, наверное, буду. Так снимать не хочется!

— В шесть, Аддерли, — четко произнес парень, глянул потемневшими

глазами, развернулся и вышел.

— У меня новая куртка и шапка! — чуть не лопаюсь от восторга, сообщила я бумажным шарикам. — И меня повесили до Аддерли. Фьють!

Рассмеялась, не выдержав. Бумажная куча пошатнулась, словно сквозь толщу снега пробился бутон подснежника. Я упала рядом, рассматривая это чудо. Получилось. Моя материализация все же удалась. Какой прекрасный день!

\* \* \*

До шести я успела написать доклад по хронологии и даже отработать штраф за опоздание на урок. Любуясь обновками, пропустила звон колокола и влетела в аудиторию позже преподавателя. Но профессор Клаус лишь велел протереть после занятий доску, полить цветы в аудитории и вынести мусорную корзину. Всего-то!

Когда студенты отправились на ужин, я поколебалась, размышляя, не устроить ли себе сегодня праздник по всем пунктам? Но пересчитав оставшиеся сины, решила воздержаться, не так уж я и проголодалась!

В комнату Эша поднялась, предварительно переодевшись в свой «уборочный наряд» и завязав волосы лентой.

За дверью с цифрой семь царил мягкий полумрак. Из освещения — лишь настольная лампа и зачарованный огонь на стене. Рядом с диваном накрыт столик. Я глянула мельком — вино, закуски...

Вандерфилд явно планирует приятный вечер в компании беловолосой красавицы Алиссии. На миг стало неприятно, вспомнился такой же столик в кабинке Колеса Бесстрашия. И тело, прижимающее меня к стеклянной преграде...

Отвернулась.

Эш вышел из спальни, остановился в проеме.

— Может, мне зайти после твоего свидания? — не глядя на парня, произнесла я. — Хотя я быстро справлюсь, тут и делов-то — полы помыть и посуду убрать. Кстати, где посуда? И во сколько она придет?

— Кто?

— Твоя невеста. Ну, или другая девушка, которую ты ждешь. Не знаю, сколько их там у тебя...

Вандерфилд усмехнулся.

— Я жду тебя.

— Угу. Смешная шутка.

Зашла в ванную, вытащила ведро и тряпку. Странно, но и здесь не было видно последствий вечеринки. Словно кто-то уже все убрал до меня!

Эш появился за спиной, рывком отобрал инвентарь.

— Я соврал насчет уборки, Аддерли. И стол накрыл для тебя.

— Это еще зачем?

— Хочу... заключить перемирие, — он смотрел сверху вниз, но что там творится в его белобрысой голове, я понять не могла. — Мы плохо начали и я... раскаиваюсь. Я не такая сволочь, как ты обо мне думаешь.

— Что-то не верится, — протянула я. — Два дня назад ты запер меня в этой ванной и поливал холодной водой.

Его глаза потемнели, губы сжались.

— Кажется, это ты явилась сюда, воняя, словно ходячая помойка, и испортила мне вечер!

— А ты приказал мне прислуживать, чтобы унижить. И избил Томаса!

— Надо было свернуть щенку шею! — рявкнул Эш. Выдохнул, потер виски, беря себя в руки. — Аддерли, почему ты постоянно мне дерзишь? Я просто хотел... извиниться. Но бездновы твари, как же с тобой трудно. Ты намеренно меня бесишь?!

Я насупилась, рассматривая его.

— Хорошо. Извиняйся.

— Что? — показалось, что Вандерфилд и мне сейчас свернет шею.

— Ну, ты хотел извиниться. Вот, я слушаю.

— Я передумал, — проскрипел Эш. — Обойдемся ужином. Руки помой!

Развернулся и покинул ванную, хлопнув дверью. Я показала двери язык. Но руки помыла. Не потому что приказал, конечно.

Вернувшись, неуверенно потопталась у столика, и Эш махнул рукой.

— Садись и ешь.

— Жри и проваливай, поломойка, — буркнула я.

Вандерфилд сжал челюсть, и мне вдруг стало смешно. Присела на диван, расправила складки старенькой юбки.

— Ладно, пошутила я. Ты такой смешной, когда злишься. Не могу отказаться себе в удовольствии и не развлекься.

Светлые брови Эша поползли вверх.

— Это ты мои слова припомнила? Дразнишь, Аддерли?

— Только учусь, куда мне до тебя! — рассмеялась я. — И я снова не знаю названия этих закусок!

— Я расскажу. Это блюда Королевства АренгЛай, ты там была?

— Конечно. Ездила прошлым летом. Как тебе горячие источники?

Незабываемо, правда? Только моя прислуга забыла предупредить насчет острых камней на побережье, и я исколола все ноги. Пришлось уволить негодяйку!

Эш недоуменно моргнул. Еще раз. Хмыкнул, а потом рассмеялся по-настоящему.

— А ты далеко пойдешь, Аддерли. Ладно, вопрос был глупым, конечно, ты не была в Аренг-Лае. Откуда знаешь про источники?

— Есть такая волшебная штука, книга называется, — сделала я большие глаза.

Вандерфилд снова рассмеялся и придвинулся еще ближе. Я сунула между нами подушку. На всякий случай.

— Я читала, что путь до соседнего королевства непростой, несколько дней по горной дороге, — я протянула руку к тонкой лепешке, смазанной маслом и посыпанной тертым сыром. Сунула кусочек в рот и не сдержала стопа наслаждения.

— Или несколько минут через Туннель, — хмыкнул Вандерфилд, наблюдая за мной.

Я открыла рот. Туннель? Ну, конечно. Зачарованный путь, позволяющий войти в одну дверь, а выйти где-нибудь за морем. Перемещение одного человека потребляет чары десятков заклинателей, и стоит такое удовольствие дороже мобилы.

— Ты был в нем? Это страшно? Проход через такой Туннель? Мне было бы страшно...

— Неприятно, — подумав, ответил Эш. — Сжатое пространство ощущается словно толща воды. И дышать тяжело.

— Тогда расскажи о приятном, — улыбнулась я, отправляя в рот ещё кусочек лепешки. — Что тебе понравилось в Аренг-Лае?

— Это королевство с древними и интересными традициями.

— Я не о них спросила. О традициях написано куча книг, и многие я читала. Что ты вспоминаешь, когда произносишь это название?

Парень глянул на меня удивленно. Провел рукой по волосам, словно в растерянности.

— Запахи, — как-то неуверенно произнес он. — Да, запахи. Аромат соли, морских водорослей, благовоний и острого перца. Местные жители добавляют его во все блюда, это часть их верований. И стоит мне подумать об этом королевстве, я всегда вспоминаю именно это. И еще море.

— Значит, это их блюдо? То самые, с перцем? — я указала на ароматное мясо. — Как называется?

Эш нахмурился, вспоминая. Неужели есть то, что божественный Эш

не знает? Его лицо на миг снова стало растерянным и оттого — искренним. А я сдержала улыбку.

— А знаешь, плевать на название. Я просто хочу попробовать. У аренглайцев ужасный язык, правда?

Вандерфилд усмехнулся, с интересом рассматривая меня. И кивнул.

— А у каждого блюда жуткое и не выговариваемое название, их просто невозможно запомнить. Я учил их язык с детства и все равно не смог привыкнуть. К тому же, аренглайцы так повернуты на этикетке и застольных церемониях, что можно сдохнуть от голода, прежде чем тебе позволят хоть что-нибудь съесть. Был у них как-то с родителями, так пришлось три часа соблюдать идиотский предобеденный ритуал. Думал, слюной захлебнусь.

Я протянула руку и, взяв кусок мяса, сунула в рот. И демонстративно причмокнула, вытянув губы уточкой.

— А если бы я сделала в Аренг-Лае так, то меня бы казнили?

— С особой жестокостью!

— Тогда в бездну приборы! — скомандовала я. — Едим руками.

Вандерфилд напрягся, я сунула в рот ещё кусок, пытаюсь не рассмеяться. Смотреть на мучительную борьбу воспитания с бунтарством было забавно.

— Трусишь? — я облизала пальцы и запила мясо соком. — Боишься, что я нажалуюсь в представительство Аренг-Лая и тебе сделают а-та-та?

— Что сделают?

— По попе надают.

— По попе я сам сейчас кому-то надаю, — пробормотал Эш. Вздохнул и взял мясо левой рукой. Посмотрел на свои пальцы, испачканные в соусе. Сунул кусок в рот.

— Ого! — восхитилась я. — Да ты просто варвар. Только держать надо двумя руками.

Эш сдвинул брови, размышляя. Потом зубами стянул перчатку с правой руки. И посмотрел на меня.

— Так, — важно одобрила я.

Он снова посмотрел, будто ища подвох. Уж не знаю, что он хотел увидеть, но явно это что-то обнаружено не было.

Следом за мясом отправился печеный картофель и маринованный гриб.

— Дикарь. Никаких манер!

Я подхватила огурчик, захрустела, сдерживая смех. Высокомерный аристократишка, с остервенением вгрызающийся в утиную ножку — то

еще зрелище!

— Не знаю почему, но так явно вкуснее, — удивленно протянул он.

— А как научишься облизывать пальцы, вообще переродишься, — хмыкнула я, заедая мясо сырной лепешкой.

— Пожалуй, к этому я пока не готов.

— Ну, это высший уровень, не спорю. Не всем дано, — с неискренним сожалением вздохнула я.

— Не всем, значит? — он сверкнул глазами, и я снова сдержала улыбку. Ну, кто же так легко ведется на детские разводилки? Эх, сразу видно, что Вандерфилд вырос не в Котловине. Слишком он правильный.

Но тут парень сжал мое запястье и облизал МОИ пальцы!

— Что это ты делаешь? — задохнулась я.

— Двигаюсь к высшему уровню, Аддерли, — хрипло сказал Эш. — Кстати, отличный соус, не находишь?

Втянул в рот мой мизинец, прижал зубами и поласкал языком. Я застыла. Внутри разливалось губительное тепло. Вот читала я где-то об огне бездны, в котором варятся грешники. Похоже, я уже одной ногой там.

— Ты не понял. Засовывать в рот надо свои пальцы.

— Да неужели? — мурлыкнул Вандерфилд, переходя от мизинца к безымянному. — Кажется, ты многого не знаешь, Аддерли. Не ту книгу читала.

— А есть еще и та? — изумилась я, пытаюсь отвлечься от разгорающегося внутри пожара.

— Есть. Только вряд ли ты ее найдешь в библиотеке ВСА, — усмехнулся Эш, продолжая ласкать мою ладонь. От пальцев — к ладони... и выше по нежной и слишком чувствительной коже... Косточки у запястья, бьющиеся венки вдоль... Не думала, что можно ощутить такие эмоции от ласки рук. — Но если попросишь... я покажу тебе краткое содержание первой части. Или не краткое... или не только первой...

— Она ещё и в нескольких частях? — пискнула я.

Вандерфилд рассмеялся. От этого низкого звука жар свернулся внизу живота кольцом и растекся по венам. А Эш положил правую руку мне на талию, притягивая к себе.

— Там несколько томов, Аддерли. Хочешь изучить?

— М-м-м, не думаю.

— А я вот хочу начать твоё обучение, — он едва уловимо коснулся губами моих губ. Слово пером провел... — Так хочу, что с трудом соображаю, Аддерли...

— Тогда подождем, когда твоя голова будет работать лучше.

Снова прикосновение губ.

— Почему с тобой я или смеюсь, или злюсь, как спятивший псих?

— Потому что ты он и есть? — осторожно предположила я и снова услышала его смех. Определенно, Вандерфилда сегодня как подменили. Вот только с этим надо что-то делать!

— Кажется, твои извинения стали очень... горячими. А я пока не готова изучать твою любимую книгу.

— Мы пройдемся лишь по первой главе.

— И что же там? — ляпнула я, не подумав.

Эш рывком отбросил подушку, разделяющую нас, таким же рывком дернул меня, укладывая на диван. Навис сверху.

— Предварительные ласки, Аддерли.

— Всего одна глава? Фи, — не сдержалась я.

Эш глянул сверху вниз. Качнул головой. И, обхватив мой затылок, поцеловал. Мягко скользнул языком по губам, заставляя их раскрыться, лизнул. Я попыталась воспротивиться, но парень глянул совершенно дикими глазами.

— Только одна глава, Аддерли. Я обещаю.

— Зачем? — тихо спросила я.

— Потому что я схожу с ума...

Хотела бы я ему возразить. Вот правда, хотела бы. Но что-то не получалось. Особенно, когда он так целовал. Нежно, чувственно, создавая иллюзию игры. Это ведь лишь поцелуй... Даже не поцелуй, а так... Касание языка языком, ласка, медленное скольжение внутри рта... Или уже не медленное. Уже жадное и почти агрессивное. Но почему меня это совсем не пугает? Почему хочется больше? Больше его рта, его рук, его тела? Почему, забирая меня Грядя!

— Боги, где ты берешь платья со всеми этими пуговицами? — почти простонал Эш, пытаясь добраться до меня. — Я свихнусь, пока их расстегну!

Где-где... в Котловине. Там, где нет таких, как ты. И наверняка твоя невеста такие наряды не носит.

Эта мысль отрезвила. Словно мне на голову вылили ведро помоев.

— Не надо! — я оттолкнула его руки, вывернувшись.

— Почему? — он смотрел, не понимая.

— Я уже говорила. Ты Вандерфилд, я — пустышка. И у тебя есть невеста. Которая, кстати, в любой момент может войти.

— Да плевать... Лисса на все согласна...

— На измены? — нахмурилась я.

— Тебя это не касается, — помрачнел Эш. И перевел взгляд на свою правую руку, сжимающую мое запястье. Вандерфилд напрягся, словно лишь сейчас осознал, что снял перчатку. — Вот в чем дело... Тебе противно?

— Что? — не поняла я. Тоже посмотрела. Моргнула пару раз. И сообразила, наконец. Боги, да он думает, что я отказываю из-за его шрамов? Вот же... ненормальный!

— При чем тут это? И нет, мне не противно. Ощущается иначе, да и только... Но я не хочу служить твоим временным развлечением, Эш. Давай я просто буду мыть полы, а ты просто не обращай на меня внимания. Так всем будет лучше...

— Снова «нет», Аддерли? — его зеленые глаза потемнели. Закипал Эш моментально, вот только что — улыбался, а уже придушить готов. Разрушитель... истинный. Даже спрашивать не надо, чтобы это понять. Поэтому он так легко поддается негативным эмоциям, они — его сила и двигатель.

— Всегда будет «нет», Вандерфилд, — тихо уронила я, поправляя юбку.

Эш зацепился глазам за мои колени, бедра... Вздохнул.

— Нет? А если заставлю?

Я с сожалением посмотрела на стол. А как все хорошо начиналось. Я ведь даже почти поверила.

Поднялась.

— Полы я помою завтра. И вещи отнесу в прачечную. Доброй ночи.

Развернулась и пошла к двери.

Он догнал почти сразу, схватил за руку, сжал.

— Никуда ты не пойдешь. Я тебя не отпускал! — сжал губы, яростно глядя сверху вниз.

Я подняла брови, терпеливо пережидая очередной приступ разрушительной злости. Эш постоял, сверля меня взглядом. И разжал руку.

— Доешь сначала. Я из ресторации заказывал. Для тебя.

— Это такое неудачное извинение? — уточнила я.

Он медленно кивнул и усмехнулся, словно над самим собой. Улыбка вышла кривой, но злость явно отпустила.

Я покачала головой:

— А я наелась уже. Вкусно было, спасибо. Посуду помою и пойду.

— Не надо мыть, — остановил он. — Доставщик заберет грязную.

Я пожала плечами.

— Тогда я просто пойду, мне доклад ещё писать. И вообще...

Эш не возразил, лишь глянул то ли хмуро, то ли растеряно. Но что именно приводило сноба в замешательство, я не знала.

Когда уходила, Вандерфилд шагнул в коридор, глядя на меня.

— Тина.

Мое имя отозвалось внутри тихой лаской. Осторожным прикосновением. Легким, невесомым, воздушным. Словно погладили изнутри перышком. И я запнулась, помедлила.

Повернула голову. Его взгляд обжигал, но Эш не двигался. Только смотрел... Если бы он попросил остаться, то смогла бы я снова отказать? Развернувшись, я почти бегом бросилась к лестнице.

## Глава 24

«Дата — время. Результат замера — семьдесят три единицы»

Швырнул чарономерт на стол и закрыл глаза. Пока теория подтверждается, потенциал растет. Но почему волнует совершенно другое? Например, это проклятое «нет» из уст пустышки? Разве я не должен радоваться?

Да хрен там!

Как радоваться, когда ниже пояса все стоит колом и дышать трудно?

Пошел в ванную комнату, на ходу сдирая с себя одежду. Мне нужна холодная вода. Много холодной воды!

Залез в чашу и повернул ручки. Поток хлестко ударил в спину и плечи, но легче не стало.

«Тебе противно? Нет, просто ощущается иначе...» И не соврала ведь. Просто иначе. С Лиссой случилась истерика, когда она впервые увидела мою руку. А ведь мы знакомы всю жизнь. Моя невеста кривится от омерзения каждый раз, когда я снимаю перчатку. Я и не снимаю, даже привык.

А для этой — просто ощущается иначе... Я прижался лбом к холодной стене. Все с ней иначе. Мясо руками, смех, который невозможно сдержать, и желание, раздирающее напополам. Кажется, что сдохну, если не прикоснусь к ней. Если не почувствую ее вкус.

Какой же у нее вкус...

Разве может нищенка из-за ограды иметь такой вкус?

И мне с ней хорошо.

Подышал открытым ртом, пытаюсь переварить нелепую мысль. Бред. Глупость. Сглотнул холодные капли. Ни хрена не помогло. Мне хорошо с нищенкой.

Внизу горит огнем и кажется, я сойду с ума, если хоть что-то с этим не сделаю. Ладонь неосознанно потянулась вниз. Удовлетворять себя, думая о девчонке из Котловины? Да я точно свихнулся!

Вздрогнул, как ошпаренный, помотал головой. Ну, уж нет. Я не один из тупых щенков, пускающих на нее слюни. Пустышка послужит моим целям, не более того. Я был и есть Вандерфилд, а Вандерфилды берут то, что им нужно, отбрасывая эмоции.

Вбитые с детства слова охладили воспаленный разум. Телу они не помогли, но я смогу это пережить. Я все смогу.

И лучший способ сбросить ярость — отправиться на состязание. Твари Гряды мигом отбивают любую ненужную мысль. То, что мне сейчас нужно.

\* \* \*

Доклад не желал писаться ни в какую. Верно, оттого, что мысли мои были очень далеко от правления короля Карла Седьмого. В моих мыслях вообще не было королей, все больше один блондинистый и непонятный гад.

Сдавшись, я уже решила оставить написание скучного сочинения на завтра и отправиться спать, как мимо пронеслась Ари. Притормозила, увидев меня, вскинула брови.

— А ты что сидишь? Не едешь?

— Куда? — не поняла я.

— Так состязание ведь!

— А?

— Ну что, едешь? У меня одно место осталось. Ну же, Аддерли, думай скорее!

Состязание? То самое, о котором болтают потом студенты?

— Еду! — неожиданно для самой себя подскочила я, сгребла свои тетради в сумку.

— Через пятнадцать минут у северных ворот! — крикнула Ари, убегая. — Опоздаешь — ждать не буду!

Дикой козой я доскакала до своей комнаты, оставила сумку, натянула новую курточку и шапку, переобулась. Сунула в карман несколько синов и побежала к выходу из академии. Слегка запуталась в воротах и к северным принеслась уже покрасневшая от беготни.

— Тина!

В ограде темнел неприметный выход, а за ним громоздился мобиль. Ничего общего с черным хищником Вандерфилда. Этот зверь был серым, нескладным и неповоротливым. Но больше всего я изумилась, увидев за рулем скромную пичужку Ари.

— Садись скорее! — махнула она рукой. В салоне пахло горячим маслом, пирожками и сладкими духами забившихся внутрь девушек.

Они улыбнулись мне и представились. Я втиснулась между Лейлой и Линой, а Ари нажала на педаль ускорения. Мобиль заворчал, как больной старик, заскрежетал, заскрипел так, словно собирался скончаться!

— Давай, давай, поднажми, — убеждала железяку хозяйка. — Поехали. Мы не можем пропустить состязание. Аддерли, ты за кого болеешь? Только не говори, что за белых!

На меня уставились негодующие глаза всех присутствующих.

— Я? Да как бы... Я ни разу не была на состязании, — призналась я смущенно. — И поэтому я пока ни за кого не болею.

— Никогда-никогда? — вскричала Лейла.

— Болей за черных! — подхватила Лина.

— Черные лучше всех. Эш — наш чемпион! — заголосили все хором, и мне захотелось зажать уши. Ну, или выйти из чихающего мобиля. Но, увы, был поздно.

Девушки развернули огромный лист бумаги. Я открыла рот, не зная смеяться или плакать. С холста на меня смотрел Вандерфилд, восседающий на виверне. Ну, вот только короны не хватает!

— Правда, он красивый? — с придыханием произнесла Лейла. — Я сама нарисовала. И зачаровала!

Портрет криво улыбнулся и подмигнул мне. Я чуть не заорала.

— О... очень здорово. Как живой. Да.

— Мне тоже нравится. Он такой невероятный, скажи?. Какие руки. А плечи. Глаза. Как трава. Нет, как изумруды! — девушка блаженно зажмурилась, а я приуныла. Похоже, я попала в тот самый клуб почитательниц божественного Эша. Хотя чего я ожидала, связываясь с Ари? Вот в следующий раз подумаю, прежде чем совершать спонтанные поступки!

Но зато можно разжиться полезной информацией. Раз уж все равно приходится слушать о Вандерфилде!

— А вы не знаете, куда делась его прежняя помощница по хозяйству?

— Знаем. А то! — подмигнула Лейла, и остальные рассмеялись. — Все это знают. Вся академия. Девчонка глупой оказалась. Как-то вместо уборки залезла в постель Эша и стала ждать. А как он пришел — предложила себя во всей красе.

— И что? — неожиданно заинтересовалась я.

— Вот так в неглиже по всей академии и бегала! — расхохоталась Лина. — Эш на нее заклинание жжения наложил, представляешь? Так эта дурочка носилась по этажам, как кошка с горящим хвостом да орала ругательства. Выгнали ее из ВСА просто мигом. Эш терпеть не может тех, кто к нему пристаёт. Гордый.

Я промолчала. Только подлая память любезно подбросила ласки Эша... и то, как он шептал: поцелуй меня...

— А перед этой жженой кошкой была неумеха, которая испортила Эшу парадный костюм. А до нее ещё одна горе-соблазнительница. Глупые девчонки липнут к нанимателю, как рыбы-прилипалы, он замучился их выкидывать. Хорошо, что ты не такая. Ари говорила, у тебя есть жених, Тина? Ой, девочки, а вы помните последнее состязание? Эш был неподражаем, правда?

Я отвернулась к окну. Впрочем, девушки могли говорить о своем ненаглядном Вандерфилде и без моего участия. Им даже не нужны были ответы!

— А где проходит состязание? — решила я хоть немного отвлечь их от жаркого обсуждения кумира.

— Возле питомника, — отозвалась с переднего сидения Ари. — Там и арена. Разводят виверн и дубогрызов, а ночами устраивают бои. Эти твари хоть и выращены в неволе, но все равно слишком злобные, им надо выпускать свою агрессию. Вот ребята и договорились... Наши команды натыкали везде оповещалок, так что не попадемся. Хотя если завоет, беги, Аддерли. Поймают — выгонят из академии.

Я совсем скисла. Сидела бы себе в библиотеке и разбиралась в нудной жизни Карла Седьмого. Так нет, потянуло меня на приключения. Любопытство — порок, тетя так всегда говорила. А я вот не слушала. Но кто же знал, что эти состязания под запретом? Хотя могла бы и догадаться, вряд ли ВСА одобряет подобные развлечения среди студентов!

— Да ты не бойся, каратели всего пару раз нас накрывали! — «успокоила» Ари. — За ареной лес, беги, если что, там не найдут!

Еще лучше. Я представила себя улепетывающей по оврагам от стражей закона и очень захотела вернуться в уютную башню с книгами. Но, увы, за окном дребезжащего мобиля уже показалась окраина.

Мимо проплыл жидкий лесок, озеро, редкие дома. Скоро исчезли и они. Фонари тоже остались в городе, но Ари вела свою железяку вполне уверенно. Девушки продолжили обсуждать любимую команду, а я осталась наедине со своими мыслями.

Судя по всему, Вандерфилд тоже будет на этом состязании. Ари поведала, что он заявил о своем участии неожиданно, вот девчонки и сорвались болеть за кумира.

А вот что заставило сорваться меня?

Словно против воли потянуло в ту же сторону, что и белобрысого гада. И это странное совпадение с его-моей-нашей заброшенной ученической. Я так легко нашла ее. А вот Томас не смог обнаружить ни разу и постоянно удивлялся, когда я открывала дверь. Выходит, отведи-заклинение

Вандерфилда все-таки работает. Но не для меня. Разве так бывает?

И кстати, о Томасе. Надо бы навестить парня, надеюсь, ему уже лучше. Одно из весомых преимуществ чар в крови — быстрое заживление ран. Заклинатели болеют редко и живут дольше обычных людей. Эх, были бы у дяди в крови эти волшебные s-единицы, плесень не смогла бы его свалить... Но, увы. Ничего, заработаю синов и найму врачавателя, который сможет дядю излечить.

Задумавшись, я не заметила, как закончился лес, и мы вылетели на поляну. Здесь уже толпились десятки, а то и сотня парней и девушек, переносные лучевики расплескивали желтый свет, рычали мобили — дорогие и не очень.

Новые знакомые выпорхнули на заснеженную землю, Ари дернула меня за руку.

— Не теряйся, Аддерли!

Легко сказать. Здесь все куда-то шли, смеялись, что-то спрашивали и говорили. Сопровождающих я потеряла почти сразу, но потом увидела на другой стороне поляны натянутый плакат с подмигивающим Вандерфилдом и расслабилась — теперь найду. А пока можно и осмотреться. Стайка хохочущих девушек подхватила меня и увлекла вперед, к каменной ограде. И тут я увидела сбегаящие вниз ступени, присыпанные снегом, и поняла, что никакая это не полянка, а самая настоящая Арена. Только заброшенная.

Дядя рассказывал, что раньше Арены были в каждом городе королевства, на них устраивались жестокие бои между людьми и тварями Гряды. Но дед нынешнего правителя запретил жестокое развлечение. Правда, сами Арены остались. Некоторые переделали под открытые театры, иные просто ветшали. Как, например, эта.

Я расчистила ступеньку и присела, радуясь, что моя новая курточка надежно оберегает от холода.

— Начинается! — возликовал рядом со мной незнакомый парень.

И на заброшенную арену медленно выползли две виверны...

\* \* \*

— Все как обычно? — спросил Ривз, скидывая свою куртку и потягиваясь. — Команда черных против команды белых? Ставки будут? Эш, ты с нами? Вид отсутствующий. Не проспи состязание.

Приятель рассмеялся, Эдди хмыкнул и махнул рукой.

Я не отреагировал, молча затянул шнуровку на высоких ботинках, проверил заклинение от ядовитых шипов на куртке и перчатках.

— Тебя Лисса так заездила, что ты едва дышишь? — не унимался Ривз. — О, смотрите, уже и плакаты растянули. Жуткий портрет, Вандерфилд!

Я скривился. Компания ненормальных девчонок, таскающаяся на каждое состязание и выкрикивающая мое имя, изрядно надоела. Благо, стоило пару раз рывкнуть, и приближаться ко мне они больше не рисковали. Иногда лишь просили расписаться в тетрадках, дурно пахнущих сладкими дешевыми духами. Я старался обходить этих ненормальной стороной.

Ривз лениво приложил к глазам увеличитель.

— Народа набежало, видели? Ух ты, надо же. Твоя поломойка тоже здесь, Эш. Ты только посмотри!

Шнурок треснул в руке, я нахмурился.

— Ты обознался.

— Точно она, — теперь смотрел и Эдди. — Сидит рядом с болельщиками белых. Вот же... Котловина!

Парни рассмеялись и Эдди отошел. Ривз подмигнул, глядя на меня.

— Не переживай, друг, я научу пустышку правилам. За кого надо болеть и кого слушаться. Ты же не против? Я немного развлекся с твоей поломойкой.

— Развлекся? — горло сдавило, но я по-прежнему смотрел спокойно.

— Она горячая штучка. Я ведь просил ее продать, хоть сины получил бы, — пожал плечами Ривз. — Я знаю законы неприкосновенных, но девчонка так просила... Можно считать благотворительностью. Мы ведь должны помогать нищим, так, Вандерфилд? Вот я и помог. Несколько раз. Пожалуй, она даже стояла потраченных на нее монет!

Ривз рассмеялся.

— И когда успел? — спросил я равнодушно. Затянул ремень, проверил запасы для материализации. Поднял голову.

— Да вот успел, — приятель улыбнулся и небрежно подбросил на ладони кусочек стекла — свой любимый материал. Острые грани блеснули в свете ламп. — Сама прибежала, крошка. Нищенки все одинаковые, и все готовы раздвинуть ноги за сины. Ты ведь не против?

Я застегнул куртку. И посмотрел Ривзу в глаза. Кусочек стекла завис в воздухе.

— Я не люблю, когда трогают то, что принадлежит мне. Даже если это поломойка. Кажется, мы давно не выходили на индивидуальные поединки, Ривз. Стоит начать.

И вытащил из кармана один син. Швырнул в лицо бывшего друга. Монета блеснула в воздухе и обернулась ядовитой змеей. Ривз раздавил ее ботинком, прищурился. Вызов брошен. Вызов принят.

\* \* \*

\* \* \*

— У них будет личный поединок!

Парень рядом со мной схватился за голову в приступе какого-то непонятого восторга.

— Боги, Вандерфилд против Клиффорда. Да они же сильнейшие игроки!

Толпа всколыхнулась, забурлила. Похоже, новость оказалась впечатляющей.

— С ума сойти! — завопил парень и сунул мне в руки фляжку. — Выпей. А то свихнемся!

Я понюхала содержимое и решила воздержаться.

В длинном здании слева от арены медленно открылись ворота, оттуда выползла виверна. Я рассматривала ее с ужасом и восторгом, впервые увидев так близко. Чешуйчатая хищница повела мордой, глядя на людей. Опустила голову к земле. И я увидела на ее спине седока. С другой стороны выползла вторая ядовитая тварь, и все на арене затаили дыхание.

Управлять вивернами очень трудно хотя бы потому, что их тела сплошь усыпаны ядовитыми колючками. Потому на соперниках сейчас красовались штаны и куртки из толстой черной кожи, а нижнюю часть лица закрывали платки, защищающие от смрадного дыхания зверей. Грузные тела виверн казались неповоротливыми, но все знают, что это иллюзия. При желании хищник разгоняется до скорости хорошего мобиля. И нужна значительная сила и смелость, чтобы управлять им.

Я поежилась.

Внизу, на арене, кружили две виверны с седоками. Ривз и Эш... Белые волосы Вандерфилда блестели в свете луны и фонарей — не перепутать. Ривз выбросил вперед руку, что-то швыряя в лицо друга, и я увидела сноп разлетающихся искр. Следом взлетел ядовитый шар, но его разрушило встречное заклинание.

— Он применил сияние. Эш ответил молнией. А Ривз воплотил сразу

сотню ос. Боги!

Я нахмурилась.

— Они материализуют?

— Да. И разрушают. У них равное количество нугат, ну то есть разных предметов для заклинаний. Использовать что-то другое — песок там, или камни с арены, нельзя, за это сразу проигрыш. А еще надо следить за вивернами, которые тоже кусаются и дерутся. Это черный сектор, девочка. Здорово, правда?

— А что будет, когда у кого-то закончатся предметы для материализации? Ну, эти нугаты?

— Он проиграет, понятно. Ну, или раньше свалится с виверны. Ты первый раз, что ли? О, так тебе повезло, внизу два сильнейших игрока. Вот это бой. Я, кстати, Майк!

Мне в руки снова всунули фляжку, и на этот раз я сделала пару глотков. Потому что смотреть на арену становилось все труднее. Происходящее совсем не казалось игрой. На щеке Ривза уже алела кровь, повязка слетела с его лица, открывая усмехающийся рот. Лица Эша я не видела, его виверна повернулась к зрителям хвостом. Но зато я хорошо рассмотрела длинные порезы на шкуре хищника. А ведь их оставили заклинания. Что будет, если один из студентов не сможет отразить подобный удар?

Толпа всколыхнулась, когда тварь под Ривзом раскрыла крылья и взлетела, атакуя сверху. Виверны плевались ядовитыми сгустками — попадет такой в человека, и никакая защита не спасет. Мое сердце зашлось рваным ритмом. Вандерфилд пригнулся, почти распластался на узком участке между шипами своего хищника. Его виверна ужом проскользнула между когтей нападающего и тоже взлетела.

Арена взорвалась криками и одобрительными снопами огня среди зрителей. Похоже, материализацией здесь баловались многие.

— Какой у Ривза потенциал? — спросила я, не в силах оторвать взгляд от арены. Там творилось что-то невообразимое. Два хищника, похоже, вознамерились друг друга убить. И это я не о вивернах.

— Восемьдесят шесть единиц, — с восторгом прошептал мой сосед.

Я зябко сжала кулаки, хотя было уже жарко. У Вандерфилда потенциал ведь больше? Он должен быть больше. Но спрашивать я не стала. Побоялась.

Честно говоря, смотреть на арену было жутко, происходящее все меньше походило на игру. Даже среди зрителей слышались испуганные крики. Большинство уже стояло, прижимая ладони ко рту, чтобы сдержать

вопли.

А я не сдержала. Ривз снова атаковал огнем, и виверна Эша завалилась на бок, грозя придавить своей тушей всадника. Да что они творят? Боги, зачем я вообще приехала. Смотреть на эту бойню просто невозможно. Едкий дым стелился над местом боя, мешая хоть что-то увидеть. Я до рези в глазах всматривалась во тьму, пытаюсь рассмотреть там светлые волосы... Он жив? Этот белобрысый гад жив? Он ведь не мог погибнуть, правда? Это невозможно. Только не... он.

— Эш. Ривз!

Над ареной покотился восторженный рев, порыв ветра разогнал дым. И стало видно, что соперники теперь вбивают друг в друга кулаки. Видимо, нугаты у них все-таки закончились, но вот желание друг друга размазать — нет!

Удар Ривза заставил Эша отклониться и зашататься. Его соперник тут же бросился в атаку, но не успел. Миг — и Вандерфилд ушел влево, сделал обманное движение и свалил Ривза на землю. Снова черный дым, ветер и... и я увидела, что Вандерфилд сидит верхом на друге и методично вколачивает его тело в землю.

— Эш Вандерфилд. Победил!!!!

Толпа вспенилась и выплеснулась на арену, подхватывая своего кумира и закрывая его от меня. Студенты орали, кто-то, кажется, подвывал... от глубины впечатлений, видимо. Я стерла со лба испарину и мрачно посмотрела на свои дрожащие руки.

— Выпьешь? — сосед понятливо сунул мне в руку фляжку.

Я бездумно сделала пару глотков, закашлялась. И полезла наверх — прочь от этой арены, хрипящих виверн и сумасшедших неприкосновенных. Мне хотелось убраться отсюда как можно дальше.

Шла, ругая себя. И зачем только поехала? Зачем? И не хотелось признаваться, что в момент, когда арену заволокло дымом, я жутко, до дрожи, до испарины и выпрыгивающего из клетки ребер сердца... испугалась. За Эша.

— В какой же стороне теперь мобиль Ари? — повертела я головой. Всюду деревья и какие-то развалины, куда идти?

Неужели заблудилась? Вот дорога, вот поворот...

Черный мобиль вылетел так неожиданно, что я шарахнулась в сторону. Взвизгнули колеса, хлопнула дверца. И сильная рука впихнула меня внутрь.

— А ты разве не там? — изумилась я, когда Эш обошел мобиль и сел за руль.

Железный зверь сорвался с места. Вандерфилд не ответил. Он вообще изо всех сил пытался на меня не смотреть. Зато я внимательно рассмотрела его распахнутую черную куртку и свитер, кожаные штаны, высокие ботинки со шнуровкой, грубые перчатки. И кровь на лице и волосах — местами подсохшую. Выглядел Вандерфилд непривычно и пугающе. Словно надменного аристократа стерли, оставив лишь агрессивного и злого дикаря. Удивительно, но и в подобном виде Вандерфилд выглядел вполне органично. Ну и еще немного... возбуждающе.

Вот только... что происходит? Я растерянно оглянулась.

— Эш? — позвала негромко. — Куда ты меня везешь?

— Здесь недалеко, — бесцветно ответил он.

Бледный профиль словно изображение на древней монете... отстраненный и непонятный.

— Недалеко? — отмерла я. — Но мне надо вернуться в академию. Остановись немедленно!

Вандерфилд глянул на меня, и я сжалась от ярости в этом взгляде.

— Эш, что случилось?

Он снова не ответил. Лишь нажал на педаль ускорения, да так, что мобиль с рычанием полетел вперед, соревнуясь с ветром.

Я обхватила себя руками, пытаюсь не паниковать. Может, Вандерфилд все ещё не отошел от состязания? Только что-то не видно радости победы!

— Это было очень впечатляюще, — нервничая от гнетущей тишины, произнесла я. — Ривз жив?

Эш снова посмотрел в мою сторону, и я прикусила язык. Красивое лицо парня исказилось от ненависти. Да что я такого сказала? Просто вежливость проявила...

— Переживаешь за него? — хрипло уронил Вандерфилд.

Я благоразумно промолчала. Не слишком я переживаю, просто не знаю, что сказать...

— Не бойся, без синов не останешься, — с убийственной интонацией произнес Эш.

Я не успела выяснить, что это значит. Пролетев незнакомый квартал, мобиль остановился. Сквозь ограду виднелся дом.

— А где мы...

Наружу меня вытащили так же, как засунули. Не церемонясь.

— Да куда ты меня... Прекрати. Эш!

Он не слушал. Произнес отпирательное заклинание — и внутри дома зажегся приглушенный свет, приветствуя хозяина. Парень втолкнул меня внутрь. Я только и успела увидеть небольшую комнату, стол, загоревшуюся

под абажуром лампу...

И сразу Вандерфилд развернул меня, встряхнув так, что слетела на пол шапка. И впился в губы. Без нежности, грубо. Терзая мой рот, лихорадочно расстегнул куртку, отбросил ее. Совершенно потерявшаяся под этим напором, я уперлась ладонями в его грудь.

— Нет. Стой. Хватит!

— Снова нет? — выдохнул он яростно. — Я для тебя недостаточно хорош? Или масть не та? Предпочитаешь темную, да, пустышка?

— Что? Я вообще не понимаю о чем ты...

— Ты с ним спала?

— Я?

— Не отрицай!

— Да что происходит?...

— Как ты посмела?!

— Что?

— Я с ума схожу, не видишь?

Снова целует. Мучительно, сильно. Со злостью, с безумием в каждом прикосновении. Потянул за волосы, заставляя откинуть голову, провел языком по шее.

Да что с ним? Отпрянула, когда Вандерфилд дернул воротник моей рубашки, пытаюсь добраться до кожи.

— Эш... постой...

Он остановился, выхватил из кармана пачку синов, швырнул мне под ноги.

— Нет, значит? Нет?. Три сотни, хватит? Больше? Что ты так смотришь? Вот еще! — на пол полетели купюры. — Мало? Все возьми. Тысяча, две? Сколько надо, скажи. А под Ривза легла за сколько?

Я ударила его кулаком. Пощечинами пусть развлекаются неженки из Бездуш. А я из Котловины, и знаю, что кулаком в нос — гораздо действеннее.

Жаль, что реакция у Эша оказалась, как у аспида. Отклонился и даже успел перехватить руку. Дернул, прижал к стене.

— Ты мне должна желание! — рывкнул он. — Должна, слышишь? Я хочу тебя. Сейчас!

## Глава 25

В голове пусто. И только снова и снова прокручивается картинка. Пустышка и Ривз. Ривз и пустышка. Горячая штучка, сказал он. Подстилка из Котловины. Дальше я не слушал.

Я его убью.

Кажется, я почти это сделал. Даже с моим теперешним уровнем.

Впрочем, состязание почти не помню. И голова была холодная...

Толпа орала, но я растолкал тянущиеся ко мне руки, рванул... Запрыгнул в мобиль, чуть не задавив чересчур рьяных. Полетел...

Как нашел ее — снова не знаю. Словно привязанный... и не первый ведь раз нахожу, всегда знаю, где она. Не думаю, а знаю.

Думаю. Постоянно.

Она и Ривз.

От темной, дикой ярости не могу дышать. Притащил ее в один из наших домов. Родители редко в него заглядывают... Пустышка смотрит удивленно и испуганно. Дрожит. Нервничает. Правильно нервничает.

А потом она меня ударила. И ведь почти смогла. В своем безумии я пропустил движение, лишь отработанные годами реакции спасли мой нос. Сжал ее запястье, встряхнул... И потребовал желание. Низко, подло. Как последняя сволочь.

Пустышка скривилась и замерла. И я замер. Уставился на ее лицо. Смотрит вниз и ресницы мокрые. Снова мокрые, забери ее бездна. И эти проклятые ресницы снова что-то сделали со мной, переключили... Что я творю?!

Прижался лбом к стене. Дыши...

— Я отвезу тебя в академию, — выдавил, не глядя на девушку. — Забудь, что я сказал. И от желания освобождаю.

Она молчала. Смотрела в пол. На разбросанные сины. А потом подняла голову и глянула на меня. И медленно стерла с моей щеки что-то влажное.

— У тебя кровь, Эш.

Что? Не соображая, прижал ее руку к лицу. Она смотрела. И что-то мучительное дрожало между нами, наизнанку выворачивая души.

Не сдержавшись, снова притянул ее к себе. Потребность чувствовать ее пугала...

— Если скажешь — я отвезу. Но я хочу, чтобы ты осталась.

Она застыла в моих руках, такая напряженная. Тонкая, сладко пахнувшая... Не уверен, что отпущу, если она захочет уйти... не уверен.

Покрываю голодными поцелуями ее лицо, снова и снова. Не могу оторваться... И слышу шепот, выдергивающий меня из этой реальности.

— Я... останусь.

\* \* \*

— Останешься? — Эш смотрит в упор, со злостью. — Почему?

— Потому что я тоже схожу с ума, — честно сказала я.

Он на миг прикрыл глаза. И схватил, приподнял меня, прижал к себе. Так, словно не верил. Я и сама не верила... Обхватила его ногами, обняла. И он снова поцеловал. С отголоском ярости, но уже мягче и слаще... Понес наверх, придерживая меня под ягодицы. И как мы только не грохнулись? За лестницей три двери, Вандерфилд нетерпеливо толкнул ближайшую. Внес меня в комнату, отпустил. И снова — к губам, жадно...

И принялся расстегивать мой жакет. Лизнул голодным взглядом шелковую рубашку и выступающие под ней очертания груди. Запустил ладонь мне в волосы, стягивая ленту... Я несмело коснулась его черной куртки, под которой был тонкий свитер. Забралась под него пальцами, коснулась горячей кожи и напряженного живота. Погладила выступающие кубики пресса. И ощутила вспышку удовольствия, когда Вандерфилд вздрогнул.

— Проклятие... Аддерли!

Моя фамилия заставила улыбнуться, уж очень не к месту звучала она в такой момент. Я хотела что-то сказать, но Эш снова целовал меня, стягивал остатки одежды и освобождался от своей. Торопливо, почти ругаясь. Моя юбка, рубашка, чулки... Его свитер и кожаные штаны... все грудой свалено в одну кучу, и впервые в жизни мне на это наплевать. Я плавлюсь под его руками и губами, ощущаю себя хмельной и не совсем нормальной... И как-то неожиданно на нас ничего не осталось. Ни единого клочка одежды, кроме перчатки на его правой руке. Впервые в жизни я стояла совершенно обнаженная перед парнем. Смутилась, инстинктивно прикрылась руками. Эш сжал мои ладони, разводя в стороны.

Ничего не сказал. Но то, как он на меня смотрел, говорило без слов. Нервно, я скользнула взглядом по его телу, залюбовалась. И вспыхнула, увидев красноречивое свидетельство мужского желания.

— Иди ко мне... — прошептал он, притягивая. И вдруг замер,

рассматривая следы от своих рук на моей коже. Ну да, грязные. Кажется, он только сейчас осознал, что все еще в земле и крови после состязания. Перевел ошарашенный взгляд со своих ладоней на меня. И медленно, предвкушающе улыбнулся.

— Идем.

— Куда?

— Под воду.

С ним? Под воду? Вот же чистоплюй-аристократишка!

Но кожа уже покрылась мурашками ожидания. И зеленые глаза потемнели от едва сдерживаемого желания. Я кивнула неуверенно. Он втянул воздух, тяжело выдохнул. И потащил меня к двери в ванную комнату. Правда, то, что я увидела за дверью, больше напоминало небольшой бассейн, чем обычную чашу для омовения. Внутри мягко мерцали тысячью крошечных огоньков стены и потолок. Какой-то невероятный и наверняка зачарованный светильник. Но полюбоваться им мне не дали. Эш повернул ручку, и в чашу ударил маленький водопад.

Я несмело перешагнула бортик, стеклянные стены тихо сомкнулись, отрезая нас от мира.

И Эш тут же притянул к себе, раздвинул языком мои губы. Теплая вода струилась сверху, ласкала кожу и расслабляла мышцы. С трудом оторвавшись, Вандерфилд щедро плеснул на ладони ароматную жидкость, прошелся по своим плечам и ниже. Я повторила его движение, вспенив мыло между пальцев.

— Повернись, — приказала, смущаясь.

Он окинул меня голодным взглядом и рывком подчинился, уперся ладонями в стену и опустил голову. Я погладила его спину, с удовольствием ощущая напряженные каменные мышцы и вслушиваясь в прерывистое дыхание. На плечах и спине — желто-фиолетовые следы ударов, на боку — уже заживающий порез, сбитые в кровь руки. Похоже, победа досталась Эшу нелегко. И снова сердце глухо ударилось в ребра — от пережитого страха. Вандерфилд несколько минут не двигался, может, давал мне возможность привыкнуть, а может — себе... Я провела скользкими ладонями по его плечам, потом ниже — вдоль позвоночника до ямочек на пояснице. Красивый... Побитый, напряженный до дрожи и красивый.

От мыла защекотало в носу, вот только смеяться совсем не хотелось...

Особенно когда Эш, не сдержавшись, развернулся.

Не помню, чтобы я так хотел девушку... Или это задушенные эмоции? Разрушительная ярость, нашедшая иной выход? Поцелуев катастрофически мало, хочу наконец почувствовать все. Встряхиваюсь и прижимаю пустышку к стеклянной стене, почти так, как и хотел сделать там, на Колесе. Какое же у нее тело. Эта картинка — как она стоит посреди комнаты, прикрываясь ладонями, наверняка будет сниться мне по ночам. И просыпаться я буду с таким жутким желанием, что не поможет ледяная вода.

На нее хочется смотреть. На нежное лицо в обрамлении светлых кудрей, на яркие глаза и зацелованные губы. На изящную шею и тонкий разлет ключиц. На высокую грудь, идеальную для моей руки. На тонкие ребрышки, проступающие сквозь кожу. От этих ребрышек чувствую себя сволочью... Хотя так и есть.

Узкая талия и плавные линии бедер. Длинные стройные ноги. Пустышка даже не понимает, насколько она красива. Меня трясет каждый раз, когда я смотрю на нее.

Хочу смотреть, но еще больше хочу обладать. Вбиваться, держать, иметь, заставлять ее стонать мое имя... Я никогда не испытывал такого всеобъемлющего, выворачивающего наизнанку желания.

Я снова целую ее шею — россыпью жадных поцелуев, опускаюсь к груди. Приподнимаю девушку выше, чтобы захватить губами сосок, покатавать на языке, прикусить... и поймать ее полустон-полувдох, от которого у меня так сносит крышу... или это от ее рук? Которыми она исследует меня. Неуверенно, почти робко. Гладит спину, трогает затылок, потом сбегает пальцами вниз. Мне хочется, чтобы она впилась ногтями, и словно почувствовав это, Аддерли сжимает пальцы на моих бедрах почти до боли... И я понимаю, что все. Не могу больше. Слишком хочу ее...

Не отрываясь от ее губ, подтягиваю ближе. Еще ближе... провожу между ее ног, задевая самые чувствительные места. Тина снова выдыхает, но позволяет мне ласкать ее. Сказать бы, что эти ласки — лишь начало, но на слова нет сил и дыхания.

Она снова тихо стонет, и я слизываю капли с ее губ.

— Эш?

— М-м?

— Сними...

Не понимаю, но Тина подносит к губам мою правую руку, прихватывает зубами перчатку. И я почти взрываюсь, когда она стягивает ее, а потом прикасается языком к сбитым костяшкам и пальцам. Моим ужасным пальцам. Задевает губами. Своими распухшими и такими

чувственными губами. Исчадия бездны. Это выше моих сил!

Отвожу ее колено, вклиниваюсь между ног, прижимаюсь. От этого прикосновения трясет нас обоих... И помогая рукой, пытаюсь проникнуть глубже. Тина замирает, закусывает губу. У меня ничего не выходит... Слишком тесно... Какого хрена? Она ведь хочет, я знаю... И снова. Пустышка откинула голову, зажмурилась. Я протолкнулся глубже, она поддалась ко мне, обвив руками шею, а потом прикусила плечо. И болезненно вскрикнула, я зарычал... и замер, не веря. Расплавленный разум отказывался принять очевидное, то, что я должен был понять раньше. То, о чем говорили сейчас разводы крови на белой коже.

Я... первый?

Но ведь щенок Грин... и урод Ривз... И... Она такая красивая...

И я ведь поверил, что Клиффорд был с ней. Поверил. И чуть не оторвал уроду голову!

— Тина?

Она вскинулась, тихо вздохнула. А я сжал ее лицо в ладонях, пытаюсь поцеловать. Первый... Первый. Никогда... Никого!

— Не останавливайся, Эш!

Да как тут остановиться. Не сумел бы, даже будь я меньшим эгоистом. Она так тесно сжимала меня внутри, что бедра двинулись непроизвольно. Наружу. И внутрь... И снова. До ее стога, до моего... Вперед и назад. Сильнее.

— Эш...

И то, как она выстанывает мое имя — с придыханием, тоже сводит с ума. Мне настолько хорошо, что хочется заорать. Сжимаю зубы, не позволяя себе этого. Знаю, что вряд ли она улетит со мной — первый раз для девушки слишком болезненно, но я так хочу этого. И рывком отстраняюсь. Поворачиваю ее спиной, чтобы дать доступ рукам. От краткой заминки и возвращения внутрь ее тела темнеет в глазах, я слишком близко от финала. Ласкаю ее пальцами и губами... Тяну волосы, заставляя прогнуться ещё больше. И Тина снова стонет, а я слышу в этом звуке так необходимое мне удовольствие. Круговые движения пальцем и сильное проникновение, мы оба на грани... Она откидывает голову мне на плечо, и я вижу затуманенные глаза, в которых плещется наслаждение, распухшие губы. И не могу сдержать уже сильные, шальные удары.

— Эш!

Ее удовольствие запускает в полет нас обоих...

Эш завернул меня в огромное полотенце, больше похожее на простыню. Сам встряхнулся, сбрасывая капли, обернул другое полотенце, только маленькое, вокруг своих бедер. Я молчала, все еще переживая случившееся. Да и не знала, что надо говорить в таких случаях. И надо ли.

Вандерфилд достал из шкафчика зеленую склянку, протянул.

— Это что?

— Снадобье. Зачарованное. Устраняет последствия.

Я заторможено кивнула, Эш вытряхнул на ладонь желтую пилюлю, и я послушно сунула ее в рот.

— В шкафчике есть мази... — добавил Вандерфилд. — Мигом снимают боль. Если надо.

Я покачала головой, пряча взгляд. Эш нахмурился, а потом обхватил мое лицо ладонями, заставляя смотреть ему в глаза. И спросил резко:

— Почему ты не сказала?

— Ты не спрашивал...

— Я был уверен, что ты...

Он осекся, снова помрачнел.

— Что у тебя было с Ривзом?

— Ривзом? — удивилась я. — Ничего, конечно. Что у меня могло с ним быть? Правда, он предлагал мне помощь. Сины в обмен на... благосклонность. Настойчиво так предлагал. Постой... он что-то сказал, да? Сказал про меня? Поэтому ты был такой?

Вандерфилд сжал зубы так, что хрустнула челюсть.

— Кто еще из неприкосновенных к тебе подходил?

И как только догадался? Отвечать не хотелось, но я Эш смотрел требовательно.

— Кто? Я все равно узнаю, Аддерли. Кто?!

— Эдди. И этот... Пангасиус.

В зелени глаз мелькнуло что-то убийственное. Но тут же Вандерфилд легко коснулся губами моего рта, не давая рассмотреть выражение лица.

— Тебе надо поспать, пустышка, — насмешливо протянул он. — Хотя мне просто дико хочется продолжить. Но вряд ли ты сегодня на это способна. Идем.

Он потянул меня в комнату. Я двинулась следом, отчаянно путаясь в полотенце-простыне.

— Чей это дом?

— Моих родителей. Один из многих. Они редко сюда навещаются, не переживай. — Эш равнодушно пожал плечами. Открыл шкаф, подумал и вытащил хлопковую рубашку. Отдал мне. — Надевай. А я поищу что-нибудь съедобное.

Он, не смущаясь, отбросил полотенце, натянул свободные домашние штаны. Глянул на меня, все ещё кутающуюся в ткань, и вышел.

Я осталась стоять посреди роскошной комнаты, переваривая случившееся. Я испытала первое в своей жизни удовольствие от близости с мужчиной. И этим мужчиной стал... тот, кого я поначалу так ненавидела!

Вздохнула и присела на край кровати, потерла лоб. Видимо, Вандерфилду тоже надо как-то пережить это, потому и сбежал сейчас.

— Бедовая ты, Тина, одни проблемы с тобой, — голосом тетушки прошептала я. Надела рубашку Эша и залезла с ногами на кровать. Зевнула. Неплохо бы все обдумать...

## Глава 26

Внизу я первым делом вытащил чаронометр. Постоял, раздумывая. И зашвырнул его обратно в ящик. Потенциал проверю завтра. Не хочу ничего знать. Не сейчас. Из съедобного в доме оказались лишь сухие запасы, но когда я поднялся наверх, оказалось, что и они подождут. Аддерли спала. Свернулась кошкой на покрывале, прикрылась его углом.

Я застыл, глядя на нее. Девчонка устала. Я ведь знаю, в каком ритме она живет и как мало ест... Сегодняшний вечер для нее уже перебор. Повинуясь глупому порыву, осторожно приподнял девушку и устроил под покрывалом удобнее. Сунул в рот кусок вяленого мяса с хлебом, пережевал. Запил. И улегся рядом, закинув руки за голову.

Аддерли тихо сопела у моего правого бока. Я покосился, не зная, что делать. Тянуло обнять. Прижать к себе. Забраться к ней под одеяло и забыться до утра, ведь мой день тоже оказался насыщенным.

Не стал.

Отодвинулся дальше, начиная злиться. Пустышка заставляет меня ощущать ненужное. Смех, стыд, вина, слишком горячее желание. И радость. Я не хочу с ней этих чувств. И не хочу... обнимать ее. Не хочу и не должен.

Рывком поднялся и ушел в другую комнату. На этаже три спальни, отец и мать всегда спали отдельно. И я никогда не оставался с Алисией до утра. Кстати, о Лиссе. Боюсь, что если она узнает о Тине, будут проблемы.

Хотя они в любом случае будут.

Тина.

Покатал имя на языке. Непривычно. Странно. Мягко так... Обволакивает небо, ласкает...

Растянулся на кровати, прикрыл глаза. Хочу еще. Я до одури хочу ее снова...

\* \* \*

Проснулась я, как обычно, до рассвета. Потянулась, с легким недоумением прислушиваясь к ощущениям в теле. И вспомнила. Состязание, страх, когда Эш упал, его злость... капли воды, стекающие по

коже. Поцелуи до распухших губ. Соединение...

Вздыхнула и открыла глаза.

В комнате мягко горит ночник, за окнами еще темно. И я здесь нахожусь одна. Тихонько сходила в туалетную комнату, потом умылась и оделась. Заправила постель. И выбралась в коридор.

На другой стороне оказалась распахнута дверь, я заглянула. Эш спал, раскинувшись на кровати. Я привалилась к косяку, размышляя. Ну и что мне теперь делать? Будить его? Или ждать, пока сам проснется?

И что будет, когда он откроет глаза?

Нахмурилась.

Постояла еще, глядя на его спину с выступающим рельефом мышц, мотнула головой и прикрыла за собой дверь. Отошла от двери и тихонько спустилась на первый этаж. Осмотрелась.

Красивая мебель из светлого дерева, камин с мраморной полкой, лестница, украшенная резными перилами, изящные безделушки и пейзажи на стенах. Все подобранно со вкусом и ненавязчиво шепчет о достатке хозяев. Я не разбиралась в дорогих вещах, но не надо быть экспертом, чтобы оценить обстановку. У двери рассыпаны сины. Блестящие монеты и мятые купюры. На некоторых — отпечатки грязных ботинок. Эш просто топтался по ним, не придавая значения деньгам, на которые моя семья могла бы жить несколько месяцев.

Я сжала виски.

И что я делаю здесь?

Да я словно сорняк, случайно выросший посреди оранжереи. Не к месту.

Вчерашний день прокатился в памяти. Подснежник из бумаги, поцелуи в полумраке, страх за Эша... Мои чувства к нему — пугающие и непонятные. То желание придушить, то нежность и страсть до какой-то невообразимой высоты...

И ведь знаю, что нельзя мне все это чувствовать. К нему — нельзя.

И еще есть Алиссия. Невеста. Которая идеально подходит и Эшу, и богатой обстановке этого и любого другого дома семьи Вандерфилд. Мне первая красавица ВСА сильно не нравится, но я с детства усвоила, что нельзя брать чужое. И поэтому сейчас испытывала стыд и вину. Снова посмотрела вверх, но из спален не доносилось ни звука.

Тихо подобрала свою куртку и шапку, обулась, осторожно переступила через сины и вышла на улицу.

Квартал богачей порадовал спящими домами, витыми оградами и фигурками зверей и птиц, созданными из вечнозеленых кустарников. Кое-

где стояли тепловаторы, создавая приятную температуру для прогулок. Яркие фонари освещали мой путь серебристыми кругами света.

Никого не встретив, я подошла к станции и там села на первый вагончик до ВСА. На проезд ушли все сины, которые я взяла с собой. Зато доехала до самой академии, в которой как раз открылись двери. Первым делом я прокралась в свою комнату, соседки ещё сладко спали. Тихонько раздевшись, я взяла учебники и отправилась в столовую. Есть хотелось просто ужасно!

Вандерфилд ворвался в столовую, когда я доедала вторую тарелку каши. Голова как обычно непокрыта, куртка нараспашку... Его напряженное лицо испугало студентов, которые, как и я, пожертвовали сном ради еды.

Эш сел напротив и уставился на меня.

— Почему ты сбежала?

Я с легким сожалением отложила ложку.

— Разве ты не должен был обрадоваться? Я избавила нас обоих от неприятных минут, Вандерфилд. Тебе не пришлось высаживать меня подальше от академии, чтобы нас не увидели вместе. А мне не пришлось из-за этого расстраиваться. И кстати, ты сел со мной за один стол. На нас уже смотрят.

Он прищурился.

— А ты бы расстроилась, значит? Если бы я тебя высадил?

— Да какая разница. Ты Вандерфилд, я пустышка из Котловины, со вчерашней ночи ничего не изменилось.

— Тогда почему ты вчера осталась? — его слегка охрип.

Я не стала отвечать. Эш смотрел слишком пристально.

— Не надо на меня так глазеть, — занервничала я. — И сидеть рядом. Студенты вон уже шепчутся.

— То есть, это ТЫ не хочешь находиться рядом со мной? — изумился он.

— Мне и без тебя хватает проблем, — буркнула я. — А с тобой их прибавится.

Он сжал губы. А потом положил на стол конверт. Я заглянула внутрь и с недоумением увидела внутри сины. Краска бросилась в лицо, дышать стало нечем. Конверт упал на стол.

— Да как ты...

— Аддерли, это не то, что пришло в твою ненормальную голову! — рявкнул Эш на всю столовую. Кто-то даже покосился на меня с жалостью, верно, подумали, что неприкосновенный меня за что-то отчитывает.

Вандерфилд выдохнул, потер лоб и добавил: — Это то, что я тебе должен. Ты свой контракт читала?

Все еще пыхтя от злости, я качнула головой.

— Так я и думал. Вот, смотри. Здесь твоя подпись, мне прислали бумагу из Магистерии. Я нанимаю помощницу по хозяйству и за это плачу ей ежемесячную плату. Видишь?

Строчкиплыли перед глазами. И правда. Что-то такое там сказано... Но так размыто, что я даже не поняла, что речь о деньгах. «Наниматель обязуется обеспечить поддержку помощника в рамках установленных Магистерией норм и правил...»

— То есть ты должен был мне платить с самого начала? — дошло до меня. — Должен был. И ты это знал. Да я месяц живу впроголодь!

Челюсть Эша сжалась до хруста, глаза потемнели.

— Ненавидишь меня? — спросил он.

Я честно кивнула. Как вспомню вечное урчание в животе...

— Ненавидишь, понимаю. Но я даже видеть тебя не мог. Думал, придушу где-нибудь за углом. Поначалу...

— Поначалу?

Он помрачнел. А потом посмотрел мне в глаза, и я снова вспыхнула от этого взгляда. Так он смотрел там, под маленьким домашним водопадом, в окружении зачарованных звезд...

Вандерфилд припечатал конверт к столу.

— Поднимись ко мне. Тина. Сейчас.

Я прикусила губу, глядя в потемневшие глаза. О да, я уже знала этот взгляд. И желание, которое билось за расширенными зрачками. Покачала головой.

— Нет.

— Снова? — разозлился он. Разрушительные эмоции бурлили в нем постоянно, легко вскипая до белой пены ярости.

И вряд ли наш разговор так закончился бы, но кто-то из студентов не выдержал — подбежал, восторгаясь вчерашним соревнованием. Мигом налетели остальные, окружили Вандерфилд плотным кольцом почитателей. Даже о еде забыли!

Я сунула в рот ещё одну ложку каши, глядя на начавшийся переполох. Эш кому-то ответил, криво улыбнулся. Но даже эту снисходительную усмешку многие встретили с восторгом. Ненормальные!

Отодвинув тарелку, я вытерла рот и поднялась.

Эш рывкнул на докучливых поклонников, шагнул ко мне.

— Мы не договорили.

— Разве? Не понимаю, что ты хочешь обсудить. Тебя вон... почитатели ждут. Еще немного, и плакаты развешат в честь божественного Эша.

Вандерфилд медленно улыбнулся.

— Ты ревнуешь, Аддерли?

— Мне все равно. У тебя своя жизнь, у меня своя. Они у нас разные, Вандерфилд.

— Поговорим в моей комнате, — недовольно косясь на восторженных студентов, процедил парень.

— Да не о чем тут говорить, — упрямо повторила я. Ну как он не понимает, что делает лишь хуже? Нам обоим! — На этом все.

На миг показалось, что Вандерфилд не сдержится и стол полетит в стену вместе со всеми тарелками и моей недоеденной кашей. Но он лишь глянул сверху вниз, словно ушатом ледяной воды окатил.

— Все будет тогда, когда я скажу, пустышка.

Развернулся и ушел.

\* \* \*

День покатился своим чередом — занятия, учебники, задачи и доклады. В обеденный перерыв я наведальась в столовую, чтобы съесть тарелку супа и мясное рагу. От сытости захотелось спать, так что я расщедрилась еще и на кружку бодрящего кофе. Заветный конверт я спрятала на самое дно сумки и все еще не могла поверить в то, что голодовка закончилась. Неужели я теперь смогу нормально питаться и даже покупать необходимые мне вещи? И неужели поломойкам полагается такая большая сумма? Тогда неудивительно, что в Магистерии очередь из желающих служить неприкосновенным. Вот расскажу родным, порадую. А то дядя с каждым моим приездом все больше мрачнеет, а тетя подсовывает кусочки мяса и сладости, которые прежде редко водились на нашем столе. Подкармливает.

Но теперь я и сама смогу купить конфет, чтобы порадовать тетушку и дядю!

Урок чароита был прерван самым удивительным образом. На аудиторию напозла тень, и кто-то подскочил, глядя в окно.

— Абстраликсы полетели!

Студенты повскакивали со своих мест, кинувшись к окнам. А потом и вовсе — вон из помещения. И даже наш строгий профессор на такое

вопиющее нарушение дисциплины лишь улыбнулся и похромал следом за толпой учеников. В коридорах уже царило столпотворение. Хлопали двери аудиторий, горохом сыпались из них ученики. И все кричали:

— Абстраликсы полетели. Скорее на галерею!

Толпа закружила меня и увлекла на открытые галереи, полукругом соединяющие башни академии на уровне третьего этажа. Пристроившись за здоровым старшекурсником, мне удалось пробиться к самым перилам и застыть, с восторгом наблюдая изумительное зрелище.

Абстраликсы — изумительные создания. Теплое время года они проводят, зарывшись в ил на берегах реки, напоминая при этом огромные мраморные валуны. Их вполне можно принять за камни, так неподвижно они лежат. Свою жизнь Абстраликсы проводят в полудреме и ленивом поедании водорослей. А вот с наступлением холодов стая неожиданно выбирается на берег, отряхивается, раскрывает то ли плавники, то ли крылья и, лениво перекатываясь, взмывает в небо. И как этим грузным и огромным созданиям удастся летать, я не понимаю по сей день.

Но все знают, что проводить взглядом улетающую стаю — значит благополучно пережить наступающую зиму. И потому сейчас все жители столицы отбросили свои дела и задрали носы, глядя в небо.

Над шпилями ВСА медленно плыли грузные Абстраликсы. Массивные продолговатые тела, величиной с корову, лениво шевели парусами-крыльями, заслоняя солнце. Стая оказалась огромной — не менее четырех десятков этих удивительных созданий. И впервые в жизни я видела Абстраликсов настолько близко. Руку протяни — и можно коснуться, погладить пятнистую шкуру. В воздухе эти создания плыли также медленно и неспешно, как делали все в своей неторопливой жизни.

Студенты восторженно примолкли, когда возле галереи зависло несколько зверей. В нашу сторону повернулась голова одного из них, и лиловые глаза моргнули, рассматривая нас. Совсем близко. Я даже видела крохотные белые перышки на огромном брюхе и смешные перепончатые лапки, прижатые к нему. И длинные кошачьи усы, топорщащиеся на морде!

— Он на тебя смотрит. Нет, на тебя!

Создание с лиловыми глазами смотрело прямо мне в лицо. Очень внимательно. Разумно. Ну да, ведь это не совсем звери... Парус-крыло надулось, ловя ветер. И стая медленно потянулась в сторону южного моря.

Студенты примолкли, наблюдая их полет.

— Ну все, улетели. На днях похолодает, — со знанием дела оповестила стоящая рядом Грейс.

И это тоже было правдой. Полет абстраликсов означал, что осень

закончилась.

— Наконец-то! — обрадовались многие. — Значит, сегодня Костры, а там и до Ночи Тысячи Свечей недалеко. И занятия сегодня отменяют!

— Отменяют? — удивилась я.

— Ну, конечно. Большие Костры ведь. Эй-ей. Здорово. Погнали. Бежим!

Про Костры я поняла, эту традицию свято чтут все жители города. Как только тень абстраликов накроет столицу, горожане высыпают на улицы, чтобы сжечь кучи сухих листьев. Их намеренно не убирают, считается, что костры можно разводить лишь с отлетом стаи.

Но если большинство студентов Костры радовали и означали для них скорое наступление Ночи Свечей и праздников, то я по привычке поехала. Для жителей Котловины зима — тяжелое время. Наши тротуары заносит сугробами, дорожки покрываются льдом. Холодная вода в домах бежит с перебоями, ведь трубы замерзают. Да и расходы становятся больше — на тепловаторы, на огонь, на теплую одежду и горячую еду. И это не говоря о болезнях, норовящих свалить с ног замерзающих жителей окраины!

Нет, я не любила зиму, хотя именно на это время выпал мой день рождения. Но ведь эта зима совсем другая, и проведу я ее в академии!

Подхватив чей-то радостный вопль, я снова побежала за гомонящей толпой, прижимая к боку свою сумку.

Костры. И надо обязательно сжечь охапку листьев, оставить в огне все дурное. И надо сказать, в этом году я как никогда желала это сделать!

Со смехом студенты высыпали наружу и понеслись на поле за академией. В стороне от облетевших кленов их уже поджидали преподаватели. С радостью я увидела вернувшегося господина Аодхэна, он выглядел уставшим, но спокойным. Рядом топтался профессор арифметики, сияла Тензия, и даже улыбалась госпожа ректор. И ещё здесь были неприкосновенные!

Меня быстро определили в какую-то группу и велели собирать листья. Я с азартом принялась за дело. Работать на свежем воздухе оказалось одно удовольствие, к тому же вокруг царил радостная и оживленная атмосфера. Я орудовала граблями, когда рядом возник ухмыляющийся Эрик.

— Эй, Котловина, вот ты где? — во весь рот улыбнулся он, показав щербатую улыбку. И воровато оглянувшись, сунул мне в руки фляжку. — Держи. Это чтобы согреться и отметить Костры. Да не бойся ты, я же по доброте. И вообще... — он взъерошил вихры на затылке. — Ты хорошая девчонка, Котловина. Добрая!

— Угу, — несколько ошарашено проговорила я. На дне фляжки болталось что-то горячительное, пить я не стала, но вид сделала. Этому трюку я обучилась давно, зря что ли на окраине выросла?

— Ты меня прости, если что, да? Я же тебя не со зла тогда дразнил. Понимаешь?

Я снова кивнула. Традиция просить прощения на Кострах тоже древняя и обязательная. Повеселевший Эрик приложился к своей фляжке, неожиданно обнял меня, заставив крикнуть, и удалился.

Я покачала головой, улыбаясь. И вздрогнула. За насыпанными кучами листьев стоял Эш и сверлил меня недобрым взглядом. Вандерфилд тоже, оказывается, был здесь. Без куртки, в одной рубашке, с закатанными рукавами. Рядом топталась Алиссия, но на лице красавицы застыло такое мученическое выражение, словно сжигать собрались ее. Ривза не было, хотя это и понятно — после того, что сделал с ним Эш на состязании. Зато в стороне я заметила хмурого Эдди и с удивлением обнаружила на его лице знатный фингал. Увидев меня, неприкосновенный скривился, как от кислого, и отошел подальше.

Но меня как-то мало волновал Эдди, а вот в сторону Вандерфилда я иногда смотрела. Против воли. Рядом с неприкосновенным усердно размахивали граблями десяток студентов, похоже, Эш у них был за главного.

Лисса, которая не желала пачкать свои холеные ручки и лишь брезгливо отбрасывала листья носком дорогого сапожка, тронула парня за руку. И тот склонил голову, слушая невесту. Я отпрянула, пытаюсь скрыться за наваленными для костров кучами. И снова перед глазами поплыли картины того, о чем я старалась не думать. Такие стыдные и такие чувственные прикосновения, нежные губы и жесткие руки... А потом наоборот...

— Снова с кем-то пьешь? — хриплый голос за спиной заставил вздрогнуть и обернуться. Оказывается, Вандерфилд стоял совсем рядом, и я занервничала, отодвинулась к деревьям.

— Твоя невеста там не заскучает? — буркнула я.

— А тебя это беспокоит? — усмехнулся он. — Со своей невестой я сам разберусь, пустышка. А вот тебе не стоит пить со всяким сбродом.

Я подняла брови. Кажется, меня как раз причисляют к последним.

— А ты теперь будешь отдавать мне приказы с кем пить?

— И не только. Кстати, у этого идиота во фляжке дешевый дурман. Поймают за его распитием преподаватели — влепят столько штрафов, что за год не отработаешь. А то и вылетишь из ВСА.

Я похолодела, поняв, чем рисковала, улыбаясь Эрику. Вот же бестолковый засранец. И ведь не злой парень, глупый только. Но за его дурость могла поплатиться и я!

— Дошло, ну надо же, — скривился Вандерфилд.

— Иди командуй в другом месте. Как вижу, сам ты грабли в руках сроду не держал!

— У меня другие таланты, пустышка. А чтобы граблями размахивать не надо ни ума, ни способностей.

Я сжала древко своего инвентаря и набросилась на ещё не причесанный кусок земли.

— А может, надо просто родиться в Котловине!

Эш пожал плечами. И добавил, заставив меня вспыхнуть:

— Увижу ещё раз рядом с этим рыжим — накажу. Обоих.

И развернувшись, ушел. Я подумала, не швырнуть ли вслед кучу мусора. Но пока размышляла, Вандерфилд скрылся за сложенными кострами. Пару раз потом мелькала между кучами его белая голова и распахнутая куртка, но я старалась не смотреть.

К ранним сумеркам кучи были готовы, и студенты собрались вокруг. С неизменной кривой усмешкой Аодхэн поджег центральную. Просто сделал взмах рукой, посылая в полет камушек, и тот расцвел в воздухе огромным огненным цветком, а потом осыпался вниз тысячью звезд. Студенты взорвались восторженными воплями. Остальные кучи загорелись от рук неприкосновенных. Вандерфилд тоже поджег свою, материализовав над листьями скалящегося волка, сотканного из огня. Поле за академией разразилась криками, воздух вспыхнул от искр и материализованных цветных вспышек. Все смеялись и желали друг другу благополучной зимы.

Я на миг загрустила, ведь впервые в жизни на Кострах рядом не было тети и дяди. Но мысленно послав им пожелания, я со смехом влилась в круг девушек, толпящихся вокруг пылающей кучи, чтобы согреться и повеселиться. Откуда понеслась задорная музыка и, не выдержав, я схватила за руку Шелли.

— Ты что? — удивилась та.

— На Костры надо плясать и хохотать! — рассмеялась я в ответ. — Вы что, не знаете?

Девушка изумленно моргнула и улыбнулась.

— Тина, ты просто чудо. Брин, дай руку!

Втроем мы запрыгали вокруг пылающего костра, хватая других студенток и вовлекая в круг. И вскоре я с изумлением поняла, что в танцующем хороводе кружат не только соседки, но и Ари с подругами, и

вечно серьезная Грейс, и девушки со старших курсов. Парни тоже оживились и хлопками и топаньем поддерживали плясуний. А некоторые, не сдержавшись, влились в круг, с гоготом хватая девичьи ладони. А еще здесь была Магма, что удивительно. Она смеялась, откидывая темную голову. Раскрасневшиеся щеки и искреннее веселье стерли высокомерное выражение с ее лица и сделали девушку удивительно красивой.

Алиссия стояла в стороне и смотрела на происходящее с обычной снисходительностью и долей презрения. Для нее наши простонародные танцы были слишком убогими. Она что-то шептала Эшу, но он не отвечал. В свете рассыпающихся искр и оранжевых языков пламени я видела его взгляд, направленный на меня. И в этих глазах тоже жило пламя, способное обжечь сильнее костров...

Но больше Эш ко мне не подходил.

В стороне от смеющихся студентов я заметила Томаса. Он разговаривал с худенькой девушкой, та что-то оживленно рассказывала, порой дотрагиваясь до перевязанной руки моего друга. Я помахала приятелю, и Томас смущенно глянул в ответ. А потом широко и искренне улыбнулся, все-таки мои уроки не прошли бесследно. И, похоже, мой прогноз сбылся, слегка покалеченный парень сумел привлечь женское внимание!

Когда костры догорели, Тензия Лебвест объявила о торжественном ужине, ожидающем в столовой всех студентов. Разгоряченная и счастливая толпа повалила обратно в стены альма-матер.

## Глава 27

Засыпала я в этот день радостная и сытая. Праздничный ужин оказался просто великолепным, кухарки постарались на славу. Столы ломились от мясных и рыбных блюд, закусок и сладостей. Даже привередливые неприкосновенные соблаговолили почтить своим присутствием и заняли столы у окон.

Я сидела между Ари и Лейлой, девчонки жарко обсуждали танцы у костров. А я смотрела в свою тарелку и чувствовала взгляд, прожигающий мне затылок. Но оборачиваться не стала. Если кто-то из черного сектора решил просверлить мне глазами череп, то я просто не буду на это реагировать!

Из столовой я сбежала до того, как основная часть студентов наелась. Посетила помывальную, а потом залезла под одеяло. Костры догорели, и уже завтра снова начнутся занятия, надо набраться сил, пока есть возможность.

Но, увы.

Среди ночи синее крыло вздрогнуло от пронзительного вопля.

Я подскочила на кровати, Шелли и вовсе грохнулась на пол.

— Что случилось? Пожар? Нападение? Кто орал?

Встрепанные, сонные и испуганные, мы вывалились в коридор, где уже толкались девушки из соседних комнат.

— Если эту орущую еще не убили, то я сама ее добыю, чтобы спать не мешала. Что случилось? — со смачным зевком уточнила девушка в ярко-розовой пижаме.

Мы дружно пожалы плечами и двинулись на звук.

Кричали из угловой комнаты, там проживали две второкурсницы.

— Чудовище! — всхлипывала одна, кутаясь в одеяло. — Прямо на моей кровати. Чудовище!

— Если это был Ник с четвертого курса, то надо было врезать ему как следует, а не пугать все крыло, — заметила «розовая пижама», остальные захихикали.

— Я видела чудовище, и я не вру! — разозлилась пострадавшая. — Жуткая... ящерица. Или нет... змея. Но с ушами, хвостом и какой-то гадостью на боках. И оно шипело!

— Диана, ты случайно не пробовала хмель, который предлагали девушкам парни на кострах? — с пониманием поинтересовалась Брин. —

Знаешь же, что эти идиоты чего только туда не мешают... после такого пошла ещё не такое может присниться!

— Я не спала! — вскочила Диана. — И я видела это существо. Белое. Жуткое. Оно залезло на мою кровать и принюхивалось. А потом открыло ужасную пасть и зашипело. Да я чуть с ума не сошла от страха!

— Маленькое? Существо это? — вдруг заволновалась я. — Размером с бумажный лист?

— Да какой там лист. Размером с собаку. А что, ты тоже его видела?

— Нет, — честно ответила я. — Размером с собаку не видела!

— Диана, ну и куда это жуткое существо могло деться? — хмыкнула прагматичная Лиана. — Ты же знаешь, академия зачарована. Сюда не может проникнуть животное с улицы, охранка не пропустит.

— Оно было здесь. Белесое, гадкое!

— И куда делось? Дверь ведь была закрыта?

Мы всей толпой боязливо осмотрелись, ожидая нападения из-за шкафа или кровати.

— Надо посмотреть, а вдруг... — что вдруг — я продолжать не стала, но пока девушки жались к стенам, заглянула во все углы и даже под комод. Ко мне присоединилась Лиана, следом — Брин и соседка перепуганной Дианы.

— Нет здесь никого, — вынесла последняя вердикт. — Я даже в сумках посмотрела. Хотя если чудовище размером с собаку, да еще и белое, мы уже его нашли бы!

— Оно было!

— Диана, таких существ, как ты описала, просто не существует, — протянула Лиана. — Я специализируюсь на изучении фауны и о подобном никогда не слышала. А ведь пишу дипломную работу по редким тварям Королевства. Тебе просто приснилось. Наплясалась у костров, насмотрелась на огонь и вот и почудилось!

Диана притихла, размышляя. На ее лице застыла растерянность.

— Что происходит? — ворвался в комнату смотритель крыла. — Почему нарушаем? Дебош, разврат, драка?

— Дурной сон, — отрапортовала Лиана. — Последствие жирного и обильного ужина. Переедание у мелкой и крупной живности характеризуется беспокойством, необоснованными метаниями и приступами агрессии или страха. Возможна рвота или неконтролируемое опорожнение кишечника.

Мы ошарашено замолчали, переваривая ценную информацию. Особенно задумалась Диана, верно, пыталась понять, крупная она

живность или мелкая.

— Разойтись по комнатам! — скомандовал смотритель. — Иначе всем штрафы влеплю. И не посмотрю, что сегодня Костры!

Мы живо вернулись к себе, Шелли и Брин, ворча, снова улеглись спать. А мне вот сон не шел. Чудовище Дианы подозрительно напоминало создание, которое я увидела в мастерской Тензии. Но то было не больше ладони, а испуганная девушка рассказывает о существовании гораздо больших размеров. Может, у страха глаза велики? Но даже если и так, то куда делся зверь? И почему меня не отпускают сомнения на его счет? А вдруг каким-то непонятным образом мне и правда удалось его материализовать?

Нет, глупости. Я ведь учила основы материализации. Чтобы воплотить существо размером с крысу, нужен красный уровень. И такое создание живет не более получаса, а после возвращается в исходное состояние. Даже самые сильные заклинатели могут воплотить зверя лишь на ограниченное количество времени. Ну и само собой разумеется, материализованное существо не способно расти и развиваться. Это просто невозможно!

Так почему я продолжаю сомневаться и ощущать себя... виноватой?

Сон исчез, словно и не было. Надо разобраться. А для начала попытаться найти этого зверя.

Подпрыгнув на кровати, я села, нащупала впотьмах свою одежду. Торопливо натянула форму и выскользнула из комнаты.

За дверью снова воцарилась тишина, приглушенные ночники освещали пустые коридоры академии. Я прокралась до лестницы, зорко всматриваясь в чернильные тени. Ночью ВСА ощущалась совершенно иначе. Не было шумных студентов, не было света, бьющего в окна, смеха и топота. Даже картины-указатели спали и не отвечали на мои вопросы. Я бесцельно плутала по переходам, заглядывала под лестницы, тщетно надеясь обнаружить белесое существо. Если это и, правда, моих рук дело, то найти его надо раньше преподавателей. Найти и разрушить, срочно!

— Эй, ты где? Кис-кис! — шептала я, заглядывая в углы.

И уже решила плюнуть и вернуться в кровать, как мелькнул белый хвост. Я припустила следом. Пробежала открытую галерею, ежась от холода, нырнула в темный коридор. И застыла. Существо было. И оно точно было то же самое, из мастерской. Только в разы больше!

Если раньше зверь поместился бы у меня на ладони, то сейчас его макушка доставала до моего колена. Но я никогда не забуду этот серо-белый цвет его шкуры, узкую морду, кривые лапы и хвост. Странные свернутые трубочки-отростки на боках тоже были на месте. Только глаза изменились. Из подслеповатых и затянутах мутной пленкой они стали

ясными и... зелеными!

— Гад белобрысый... — с ужасом понимания прошептала я. Кажется, именно это я говорила до того, как швырнуть бумажку в корзину. Вот тебе и... гад. Белобрысый!

Но как я могла создать... это? Как это возможно? Да у меня потенциала и умений не хватит!

Но вот хватило. Потому что, глядя на белое существо, я совершенно четко осознавала — оно моих рук дело. Вернее, моих чар и мыслей. А значит, его следует разрушить. Немедленно!

Словно почуяв недоброе, зверь стукнул хвостом и шустро юркнул в приоткрытую дверь. Я понеслась следом, припоминая заклинание разрушения. И встала, как вкопанная, услышав голоса.

Видимо, бодрствовала в этот ночной час не только я.

— ...я почти уверен, Аделия, — негромкий голос чуть не заставил меня застонать.

Аодхэн. И ректор ВСА. Вот я попала. Не хватало только, чтобы они меня застукали. Объясняй потом, что я делала посреди ночи в преподавательской части здания. Уже хотела тихонько ретироваться, как слова профессора разрушения заставили повременить.

— Но мы рискуем.

— Прежде всего, рискует он, — мягко и непонятно ответила госпожа ректор. — И девушка тоже, конечно. Но Вандерфилд... Я знаю твое отношение, Аодхэн. И я понимаю тебя. Но как жаль парня. Такой участи не пожелаешь и врагу. А он... Боги. Я не могу спокойно думать об этом. Почему? Почему это снова случилось? За что? И они снова здесь, в академии... Аодхэн. Ну, скажи же хоть что-нибудь!

Я наострила уши. Вандерфилд? Они говорят об Эше? Что с ним? Почему его надо жалеть?

— Я не знаю, что сказать, Аделия, — глухо отозвался ее собеседник. — И во мне нет жалости, ты права. Она вся закончилась в тот день. И, увы, не в наших силах отменить то, что произошло.

— Я в это не верю. Мы ошибаемся. Этого не может быть!

— Может. Я вижу динамику потенциалов. И мы оба знаем, что это возможно только в одном случае. Нет других вариантов.

— Это ужасно. Боги, как несправедливо. Лучший ученик ВСА. Наша гордость. Бедный мальчик... — кажется, ректор почти плакала, и я изумилась этому открытию. Что происходит? Что с Эшем? Ведь речь точно о нем. Неужели белобрысый заболел?

— Этот бедный мальчик зарвавшийся эгоист. Как и весь черный

сектор, впрочем, — равнодушно протянул Аодхэн. И вздохнул.

— Возможно, мы ошибаемся...

— Возможно. — Тон Аодхэна ясно давал понять, что он не верит в ошибку. — Понаблюдаем до Ночи Тысячи Свечей. Если ничего не изменится...

— Альшер сразу увидел их связь, — прочистив нос, просипела госпожа Вельвет. — Но не смог объяснить ее природу.

— Твой брат талантливый заклинатель. И грамотный распределитель. Ты ведь ему не сказала?

— Конечно, нет. Что я могла сказать? Я ведь понимаю... — возмутилась Аделия Вельвет. Помолчала. — И все же, я не верю. Это не lastfata. Только не снова!

— Если оно, то все мы крепко попали, — мрачно отозвался Аодхэн. — Ты знаешь, чем это грозит.

Ректор издала какой-то сдавленный, придушенный звук.

— Доказательств нет, Аодхэн.

— Конечно, нет. Откуда бы им взяться? Lastfata официально не существует. Ни свидетелей, ни описания... Но мы с тобой знаем, что она реальна. Мы видели. Не так ли?

— К сожалению, — вздохнула госпожа ректор.

— Камелия тоже не верила в lastfata, — настолько тихо, что я едва смогла расслышать слова, ответил разрушитель.

Гнетущая тишина повисла за дверью, и я напряглась. Кажется, давно пора уносить ноги. Но любопытство пересилило страх быть застигнутой.

— Ты вспоминаешь? — со странной интонацией спросила Аделия. — Ее?..

— Нет, — последовал равнодушный ответ.

Звякнули блюда. Булькнула вода.

— Подождем до праздника, — твердо произнесла Аделия. — Я надеюсь, все не так плохо. Мы могли ошибаться тогда, Аодхэн, мы были так молоды. И можем ошибаться сейчас. Подождем. Кстати, Мариус Вандерфилд потребовал, чтобы совет академии разрешил его сыну тренировать аспида. Очень настойчиво потребовал. Пришлось сослаться на устав.

— Надо было просто послать его в задницу, — угрюмо протянул Аодхэн, и я чуть не прыснула. Оказывается, наш строгий преподаватель умеет ругаться! — Мариусу плевать на сына. И он не понимает, что Эш погибнет, если снова сунется к аспиду. У парня просто не хватит сил сдержать эту тварь.

— Но парень тоже требует это разрешение. И боюсь, тренируется самостоятельно в питомнике. И еще эти состязания!

— Разрушителям надо выпускать пар, Аделия. Пусть лучше так, чем они разнесут ВСА.

— Конечно. К тому же, это вполне устраивает тебя, ведь так? Их состязания вполне можно считать ещё одним уроком, весьма действенным. Но аспид, Аодхэн. Эш настаивает. И я не знаю, как его удержать!

— Ты не сможешь удержать Эша. Он — Вандерфилд, — с непонятой интонацией произнес Аодхэн.

— К сожалению, ты снова прав, мой друг, — вздохнула ректор.

За дверью повисла тишина, нарушаемая звяканьем чашек и бульканьем чая. Я сделала осторожный шаг в сторону.

— Аделия, когда ты перестанешь прятаться за этой жуткой носатой иллюзией? И передай мне джем.

— Кто бы говорил, — с грустным смешком отозвалась женщина. — Никогда, мой друг. Быть красивой и молодой чароодаренной женщиной в нашем мире слишком опасно. Так что пусть будет так. Меня терпят на посту ректора лишь пока я изображаю ворону, сам знаешь. Впрочем, я давно готова уступить это место тебе, Аодхэн.

— Не выйдет, — весело усмехнулся мужчина. — Министерство никогда не одобрит мое руководство. И это ты тоже знаешь, ненаглядная Аделия.

Мужчина тихо рассмеялся, словно в сказанном было что-то забавное.

А я подумала, что пора бежать. Не оглядываясь. Если меня тут застанут...

Словно почувствовав, разрушитель спросил:

— Ты давно обновляла заклинание непроницаемости? Мне показалось...

— На днях. Но зачем спрашиваешь, ты ведь видишь — оно на месте.

— Да, конечно. Вижу...

Я тихонько отлепилась от стены и почти не дыша поползла в сторону лестницы. А за ней уже припустила, что было мочи. Но что я сейчас услышала? О чем говорили в ночи эти двое? Что грозит Эшу?

К сожалению, ответов не было.

Миновав галерею, пару поворотов и слетев на этаж вниз, я выдохнула и села на ступеньку, раздумывая. Однако... Похоже, за плечом женщины-вороны тенью стоит профессор разрушения. И возможно, именно он принимает в академии основные решения. Подслушанный разговор оставил внутри ощущение непонимания и страха. Что скрывают эти двое?

Что случилось с Эшем? И о какой девушке говорила ректор?

Поначалу я подумала, что речь об Алиссии. Но упоминание Альшера Вельвета заставило сомневаться. Неужели, говорили... обо мне? Нет, глупости. Я и Вандерфилд в одном предложении — смешно ведь. Но червячок сомнения и беспокойства продолжил точить меня.

Ведь и со мной что-то происходит. Что-то странное. Мои чары, откуда они? Аодхэн упомянул динамический потенциал, он видит его во мне? Но почему ничего не говорит? Что за тайны?

И что такое это загадочное lastfata? Почему самые сильные заклинатели ВСА говорят о нем с испугом?

Я подперла подбородок кулаком, копаясь в памяти и выуживая слова мертвого языка. Last... fata... Если разделить на составляющие и перевести... То получится — копьё судьбы. Или карающее копьё. Или возмездие. Или... начало и конец. Разрушение и создание.

Проблема в том, что многие слова в чароите имеют несколько значений. Какие именно имелись в виду?

И почему мне так не нравится то, что я услышала?

Боги. Во что я вляпалась?

Шуршание под ступенькой отвлекло от размышлений. Неужели крыса? Но из-за перил показался вовсе не серый наглый зверек, а белая длинная морда!

Я застыла, боясь спугнуть зеленоглазое нечто. Существо неуверенно втянуло носом воздух, чихнуло. Бочком выползло из-за ступенек, не спуская с меня настороженного взгляда. Я медленно протянула ладонь.

— Иди ко мне, не бойся, — заворковала я, испуганно припоминая заклинания разрушения. Так, там ударение на первый слог или второй? От всех этих ночных прогулок ум за разум заходит!

Зверь плавно двинулся на голос, и я изумленно моргнула, поняв, что его белесое тело порой становится совершенно прозрачным. Так вот почему его так трудно обнаружить. Он умеет становиться невидимым!

— Иди сюда, иди... — приманивала я. Мягко ступая, зверек подкрался, стукнул об пол хвостом. И я вскрикнула: — Interitum!

Но за мгновение до заклинания, словно почуяв опасность, белесое нечто метнулось в сторону и исчезло. А пока я вертела головой, возникло возле моей ноги и укусило!

— Ай! — я подпрыгнула от вполне ощутимой и реальной боли. — Вот же гаденьш!

Потерла прокушенную лодыжку. Похоже, я снова потерпела неудачу. И где теперь искать эту кусачую зверюгу? Надеюсь, она хотя бы не заразная,

и я не покроюсь чешуей!

— Вот же гадость! — вслух пожаловалась я. Откуда-то из темноты углов донеслось рассерженное шипение, и все стихло.

А я поковыляла к своему крылу. Пока я носилась по академии, ночь закончилась.

## Глава 28

Но попасть в свою спальню я не смогла. Стоило свернуть за лестницей, как мое плечо сжала крепкая рука, разворачивая.

— Где ты была?

Я ошарашено уставилась в лицо Вандерфилда. Спокойное, даже слишком. Как маска, под которой бушует ураган эмоций. Ладонь Эш убрал, но продолжил сверлить меня взглядом.

— Ты оглохла? — вкрадчиво произнес он. — Я задал вопрос.

— Не понимаю, почему должна на него отвечать, — буркнула я.

— Ты среди ночи ушла из своей комнаты. Куда отправилась?

— Не твоё дело.

Даже если бы я очень хотела рассказать о своей прогулке, то тон аристократишки мигом отбил такое желание.

Вандерфилд прищурился, заложил руки за спину.

— Где. Ты. Была.

— Гуляла.

— В темноте по коридорам? — хмыкнул он.

— Да. У меня... бессонница, может.

— С чего бы это, интересно, — прошипел он. В коридоре появились зевающие студенты, кто-то уставился на нас с любопытством. Эш сделал от меня шаг назад. Я насмешливо фыркнула.

Вандерфилд собрался что-то сказать, но тут из-за угла вырулил бесцеремонный Эрик.

— Эй, Котловина, вот ты где. Хорошо, что перехватил до уроков, ты мне срочно нужна!

— Уже иду, — сказала я, ежась от равнодушно-застывшего лица Эша. И его потемневших глаз.

Не прощаясь, белобрысый гад развернулся и ушел. Эрик, ничего не подозревая, принялся тараторить что-то о новом докладе, я молчала, плохо понимая его слова. И лишь на словах про оплату встрепенулась. Хотя деньги ведь теперь есть... можно обойтись и без вынужденных подработок!

— Ты меня слушаешь, Котловина? Доклад нужен через неделю.

— Угу, — буркнула я. — Давай потом поговорим, ладно? Я пока не позавтракаю, совсем ничего не понимаю. Потом!

Сбежала от рыжего и в столовую вошла с опаской. Но никого из неприкосновенных там не было.

За своими переживаниями я совсем упустила из вида Томаса. Последнее время у нас не было времени на разговор. И еще он перестал ходить на материализацию. И если поначалу я объясняла это нежеланием светить фингалы перед Тензией, то вскоре засомневалась. А на мой вопрос Грейс удивленно подняла брови.

— Ты не знаешь? Грин перешел к другому преподавателю. У нее по материализации отлично, пора дальше двигаться.

— К другому? — изумилась я. Хотя, что тут странного, Томас не может вечно торчать в мастерской и притворяться неумехой. Но почему он мне ничего не сказал?

Наверное, пытался, но я была слишком занята... Вандерфилдом. И занятия наши забросила!

Раскаившись и обругав себя за черствость, я помчалась искать Томаса. Нашла парня в коридоре на третьем этаже, правда, не сразу признала. Вместо прилизанных гелем волос на голове Томаса красовалась короткая стрижка. Такая же, какую носил Вандерфилд.

— Ох, ты подстригся, — удивилась я. — Тебе идет. Как рука?

— В порядке, срослась. Я же говорил, ничего страшного, подумаешь! — студент посмотрел растерянно и почему-то виновато.

— Томас, я за тебя переживаю.

— Все в порядке, честно. Я тут... познакомился кое с кем.

Я улыбнулась. Ну, конечно. Та худышка с Костров!

— Она очень милая, — похвалила я.

— Она чудесная, — просиял парень. — Учится на юриста, умная. И знает много!

— Просто прелесть. Значит, Тензия в прошлом? — поддакнула я.

Томас покраснел и сгорбился, снова становясь собой.

— Тензия? Хм... Знаешь, Аддерли, я подумал, что надо пообщаться с кем-то, кто увидит во мне не только ученика. Или... друга.

Я моргнула. А это он сейчас о чем? Вернее, о ком?

Приятель поправил ремень сумки и быстро ушел, а я осталась размышлять.

Настроение почему-то испортилось. На уроках я была невнимательна, умудрилась несколько раз перепутать слова чаройта, забыть заклинание изменения жидкого вещества в твердое и даже заработать еще два штрафных бала за рассеянность.

Мысли постоянно возвращались то к подслушанному ночью разговору, то к белесому существу, бродящему по ВСА, то к Эшу и тому, что между нами случилось. И я никак не могла понять свое отношение к этому. От картинок в моей голове горели щеки и тело тряслось в странном лихорадочном ознобе. И я или плавилась от эмоций, или пугалась последствий.

«Это не должно повториться», — пообещала я себе, устав от изматывающих эмоциональных качелей.

Не должно!

\* \* \*

«Описание эксперимента.

Результаты эксперимента:

Утром после секса с пустошкой уровень моего потенциала составил 90 единиц. И это максимальный показатель, начиная с 5 октября. Возможно, ночью он достиг и более высокой величины, но замер не был произведен.

После разговора в столовой уровень снова снизился до 72 единиц.

После моих вопросов сегодня утром до 67.

Произошло ли это в результате того, что пустошка расстроилась или разозлилась?

На данный момент можно утверждать, что близкий контакт с ней дал максимальное количество притока чар.

Для подтверждения или опровержения теории взаимосвязи моего потенциала с настроением пустошки необходимы дополнительные эксперименты и близкая связь с ней».

Перечитал написанное, отодвинул дневник и задумался. Неужели я прав и моя безумная идея реальна? Пока выходило, что так и есть — мой потенциал каким-то невероятным образом зависит от девчонки из Котловины.

Нужны дополнительные исследования и новые... связи. С ней.

Горло пересохло мгновенно, стоило вспомнить. Какая она была нежная... Какая трепетная. И чувственная. Капли воды на ее коже. Распухшие губы. Робкие ласки... Наслаждение — тугое, горячее... И мои эмоции, которые я не могу удержать в рамках беспристрастного исследования!

Хоровод картинок в голове мучил образами. Снежные ресницы... Пустошка в коридоре ВСА... или возле Костров — пляшет, хохочет,

запрокинув голову. Такая... дикая. И сразу следующий образ — в душе. Сладкая и разнеженная горячими струями и моими губами.

Тело мучительно напряглось, требуя удовлетворения.

Потер переносицу, пытаюсь вернуть спокойствие. Но какое к тварям бездны спокойствие, если от одной мысли о пустышке все мышцы свело от напряжения, а в паху тянет тяжело и даже болезненно? Я дико хочу... новых экспериментов. Хочу до пересохшего горла и каши в голове!

Со злостью встал, скривился, глянув вниз. Проклятие... все дело в нем. В этой связи с девчонкой. Не знаю, что за магия связала нас, но лишь она виновата в моем состоянии. В моей порочной и неконтролируемой тяге к этой девушке!

Щелкнул зачарованным замком на обложке дневника и убрал его в ящик. Чтобы вывести кривую моего потенциала, нужно больше данных. А значит... Значит, Аддерли должна прийти ко мне. Немедленно. Предвкушение заставило облизнуться. Хочу... на столе. Или на полу. Или у стены... Надо хоть немного остыть. И попытаться вспомнить, для чего мне пустышка... Надо!

Прошел в ванную, плеснул в лицо холодной водой. И, уже возвращаясь в комнату, услышал треньканье сообщителя. На мраморную подставку выкатился из полый трубки стеклянный шарик. Легкое заклинание разрушения и вместо бусины — бумага с фамильным гербом. Я досадливо вчитался в резкие строчки отцовского почерка. Впрочем, сообщение как всегда оказалось коротким.

«Советник Клиффорд отвез сына в королевский лазарет. Ты избил парня до полусмерти. Я разочарован. Забудь о новом мобиле, который был обещан тебе к Ночи Тысячи Свечей»

Швырнул бумагу на камень и поджег. Фамильный аспид на гербе Вандерфилдов оскалился, подыхая в пламени, и дышать стало легче.

Без новых колес я переживу, хоть и обидно. Сейчас у меня есть более важные вопросы, способные разочаровать Мариуса Вандерфилда. От мыслей, что постыдную тайну моего потенциала узнает отец, возбуждение мигом схлынуло, и волосы на загривке встали дыбом. А если до родителя дойдет, на что я иду, чтобы этот потенциал вернуть...

Потер ладонями влажное лицо. Гадство. Проклятие. Надо скорее вернуть себе чары и покончить с пустышкой. Дам ей денег, выкину из академии и забуду, как жуткий кошмар.

Точно забуду.

А сейчас мне надо ее увидеть. Немедленно!

— Аддерди, тебя Вандерфилд ждет, — бросила девушка с бантом, имени которой я так и не узнала. — Велел поторопиться. Он злится.

— А... зачем он меня ждет? — глупо пролепетала я, пытаюсь найти хоть одну причину для отказа.

— Откуда я знаю? Может, испачкал что. Или пора полы мыть да пыль протереть. Ты не забывай, благодаря кому ты в академии!

И окинув меня снисходительным взглядом, вестница удалилась. Я приуныла. Да тут и захочешь — не забудешь. Впрочем, девушка права, моих обязанностей ещё никто не отменял.

Так что, переодевшись в свой наряд для уборки и подвязав волосы, я потащилась в крыло богачей. Дверь оказалась открыта. Я вошла в полутемное помещение и застыла, глядя на стоящего посреди комнаты Эша. На парне были мягкие домашние брюки и тонкий свитер. И при взгляде на него я вдруг ощутила желание забраться пальцами под ткань, почувствовать горячую гладкую кожу и напряженные мышцы...

— Зачем ты нацепила этот балахон? — с хриплой царапающей ноткой в голосе спросил он.

— Ты позвал меня убирать. Не хочу пачкать форму.

Он сделал несколько мягких шагов, заставляя отступить и прижаться лопатками к стене.

— Думаешь, я позвал тебя для уборки, Аддерли? — спросил он вкрадчиво.

— Эш... не надо.

— Почему? — он скользнул губами по моему виску и ниже — на скулу, щеку, шею... — Ты уже дрожишь, пустышка...

— Эш! — перехватила я его ладони, поглаживающие мою спину. — Я не хочу... больше!

В его глазах появилась злость — разрушительная. И показалось, что Вандерфилд плюнет на мои слова, заставит. Но он лишь втянул воздух.

— Нашла кого-то другого?

— Тебя не касается моя личная жизнь, — вспылила я. Боги, ну почему мы опять ругаемся? Потерла лоб, пытаюсь вернуть ясность мыслей. — Послушай... У тебя есть невеста. А у меня — Котловина и нищие родственники. Ты говорил, что я грязная, помнишь?

— Я помню, как помыл тебя, — насмешливо произнес Эш, и я чуть не застонала.

— Зачем я тебе? — я вскинула голову, глядя на него в упор. Сердце ударило в ребра и кажется, остановилось. И я увидела в зеленых глазах Эша растерянность. Лишь на миг. А потом они снова стали холодными и горячими одновременно. И как только у него это получается?

— Я так хочу.

— Значит, просто прихоть богатенького наследника? — с горечью протянула я. — Думаешь, я игрушка?

— Думаю, что любая нормальная девушка в твоём положении была бы рада моему вниманию! — рявкнул он. Выдохнул, закрыл на миг глаза. И прижал меня к себе — сильно, собственнически, не давая отодвинуться.

— Хорошо, пустышка. Как хочешь.

Отстранился, глянул насмешливо.

— Делай то, зачем пришла. Но прежде поешь, у тебя глаза как у голодной кошки.

— Я не попала на ужин, — пробормотала я, слегка растерявшись от резкой смены его настроения. Что Вандерфилд задумал? Решил, что я наемся и растаю? Не дождется!

Не обращая внимания на мой насупленный вид, Эш отошел к холодильному шкафу и принялся выставлять из него колбасы, сыры, мясные закуски и фрукты. Расставил деликатесы на столе и поманил меня пальцем.

— Не стой столбом, Аддерли. И хватит смотреть на меня так, словно стоит тебе шевельнуться, и я на тебя наброшусь. Не переживай, девушек в академии достаточно, мне хватит. Поешь, я не хочу, чтобы окружающие упрекали меня в дурном обращении с... помощницей по хозяйству.

Он ехидно усмехнулся и уселся в кресло, раскрыв книгу. Я еще потопталась, не понимая, что делать, и косясь на хозяина комнат. Но Вандерфилд, похоже, потерял ко мне интерес. И это почему-то огорчило. Пытаясь не показывать обиду, я выбрала на столе персик, съела. Эш продолжал с заинтересованным видом читать. И даже страницы переворачивал, гад!

Я взяла второй фрукт, Эш закинул ногу на ногу.

Окончательно расстроившись, я ушла в ванную и хлопнула дверью. Посмотрела на себя в зеркало — глаза блестят от слез, а губы почти дрожат. И почему? Потому что Вандерфилд поступил так, как я и хотела. Оставил меня в покое!

— Идиотка, — прошептала я, открывая кран. — Просто ненормальная. На что ты рассчитывала? Все... правильно!

Плашмя ударила рукой по водяной струе, брызги оросили лицо.

Внутри надулась обида — глупая и нелогичная. Надо приниматься за работу. И уходить. Соберись, Тина!

Я снова в сердцах ударила по латунному крану и вскрикнула, когда в ответ брызнул фонтан воды. Вскрикнув, я повернула вентиль, но он отскочил, оставшись в моей ладони. А следом вылетела и трубка, зато вода продолжила течь. Да что там. Бить с таким напором, что я не удержалась — поскользнулась и рухнула на плиточный пол. Ойкнула от боли в ноге и тут же меня окатило сверху. Ледяной водой. Да что это такое. Сколько можно-то?

— Ты что творишь? — ошарашено спросил Эш, возникая в двери. Окинул одним взглядом и разворочанный кран и меня — мокрую и дрожащую.

— Я не хотела. Он сам!

Вандерфилд сказал то, что не положено знать ни аристократишкам, ни приличным девушкам, как я.

— Отойди!

Я отползла, потому что нога дергала и болела, не давая подняться. Вандерфилд попытался закрыть кран, но не тут-то было. Струя воды словно взбесилась, заливая все вокруг. Внутри стен раздался глухой гул, все увеличивающийся и пугающий.

— Давление внутри труб растет! — крикнул Эш.

— Может, заткнуть полотенцем? — растеряно предложила я.

Он хмыкнул.

— Ну да, еще свои ленточки от косичек предложи. Девчонка!

Я попыталась обидеться, но новый поток ледяной воды, промоливший до нитки нас обоих, заткнул мне рот.

Эш помотал головой, фыркнул по-кошачьи, отошел на шаг. Прикинул что-то. И выкрикнул заклинание. Труба, торчащая на месте крана, закашляла в ответ, выплюнула кривую прерывистую струю и затихла.

Вандерфилд присел возле меня.

— Что с ногой?

И как только понял, удивилась я.

— Ударилась. Ничего страшного. Я сейчас встану... ой!

Выполнить это не удалось — при новой попытке опереться на лодыжку, тело прострелила боль.

— Не дергайся, — произнес Вандерфилд и поднял меня на руки.

Дергаться? Да я от шока едва дышать могла. Белобрысый сноб поднял меня на руки? Меня?

— И прекрати так смотреть. Раздражает.

Я не послушалась, продолжая таращиться в лицо парня. Его светлые волосы потемнели от воды и рассыпались на тонкие пряди. Как тогда... на реке. Кажется, и у него возникла та же картинка в голове, потому что взгляд Эша стал холодным и отстраненным.

Он опустил меня на край дивана, быстро ощупал ногу и отошел.

— У тебя обычное растяжение, ничего страшного. Надо наложить обезболивающую мазь и перевязать. Я сделаю.

— Ты разбираешься в лекарском деле? — снова изумилась я.

— У студентов с уровнем выше красного это обязательный предмет, — хмуро отозвался Эш. — С таким потенциалом мы запросто можем убить или покалечить. И должны знать, как этого избежать. Ну, или оказать помощь, если потребуется. Тебе надо снять одежду и согреться. Я дам тебе... что-нибудь.

Вернулся с одной из своих рубашек, и я улыбнулась.

— Я скоро их все перемеряю.

В глазах Эша что-то блеснуло. То ли предвкушение, то ли ожидание... и стало горячо. Но голос его прозвучал спокойно.

— Вряд ли. У меня их слишком много.

Я засмузилась, не зная, как переодеться, и Вандерфилд разозлился.

— Я уже все видел, если ты забыла, — резко бросил он. — Так что снимай свой балахон, живо. А мне надо найти смотрителя и мастера, чтобы починить кран. Моя заглушка долго не удержит такой поток.

Резко отвернувшись, Вандерфилд скрылся в спальне, а уже через пару минут вышел в сухой одежде. Бросил на меня быстрый взгляд и ушел.

А когда вернулся, я сидела замотанная в плед до самого носа. Смотритель крыла — незнакомый мне упитанный мужчина, качая головой и таща за собой работника в форме ВСА, скрылся в ванной. Эш отправился с ними, и я услышала их возбужденные голоса.

— Ничего не понимаю! — восклицал смотритель. — Трубу просто разорвало, вы понимаете?

— Излишнее давление? Но откуда ему взяться?. Очень странно... — прогудел мастер.

— Это крыло возводили по проекту Хельмота Дьорса, вы слышали о нем? На стройматериалы гарантия в сто лет. Внутренние трубы с улучшенным составом металла, защитой от коррозии и заклиниванием повышенной износостойкости! — возмутился смотритель. — Мы ведь понимаем, кто именно проживает в этом здании. Но вы только посмотрите на этот кран. А труба? Ее же просто разорвало, как будто изнутри выгрызал дикий зверь. Как такое возможно? Вы когда-нибудь такое видели?

Мастер отрицательно загудел в ответ. А потом в ванной снова булькнула вода, звякнули трубы...

Я почесала нос и чихнула.

— Не вздумай заболеть, — приказал Эш, возвращаясь ко мне с бинтами и остро пахнувшей мазью. Присел рядом, не церемонясь, вытащил из-под пледа мою ногу и принялся перевязывать.

— А то полы будет некому мыть? — пролепетала я.

Он поднял голову, посмотрел в глаза. Расширились и сузились — словно вздохнули, зрачки... И я смутилась. Эш смотрел, поглаживая мою ногу поверх бинта. И кажется, не осознавал, что делает...

Понял и ладонь убрал.

— Что случилось с краном? — просипела я, пытаюсь разрушить опасную тишину.

Вандерфилд моргнул и поднялся. Пожал плечами.

Через полчаса смотритель и мастер покинули комнаты, не переставая удивляться и возмущаться. А я осталась. И тут со всей неотвратимостью встал вопрос, который мучил меня все это время.

Я не знала, как добраться до своей комнаты. От мази лодыжка болела меньше, но при попытке опустить ногу на пол и встать, отозвалась острой болью.

— Что ты делаешь? — разозлился Эш.

— Пытаюсь идти. Не могу же я сидеть на твоём диване до утра!

— Ещё как можешь. За ночь мазь подействует, тогда и уйдешь.

— То есть? — не поняла я.

— То есть ночевать ты останешься здесь, — отчеканил Вандерфилд. — И это не обсуждается.

Я открыла рот. У него? Ночевать? Да ни за что!

## Глава 29

Понятия не имею, как я на это согласилась!

Хотя у меня просто не оказалось выбора. Пройти самостоятельно несколько коридоров и лестниц я не смогу, а мою просьбу позвать Томаса Вандерфилд демонстративно проигнорировал. Да и вряд ли мне помог бы щуплый первокурсник. С его помощью я могу доковылять, конечно, но нога этому не обрадуется и лишь сильнее распухнет.

Так и получилось, что я осталась на диване Вандерфилда. Он снабдил меня подушками и ещё одним одеялом, сухо кивнул и ушел в спальню. Сквозь приоткрытую дверь я видела Эша, сидящего в кресле с книгой. Хотелось спросить, что он читает с таким интересом, но я промолчала. Вандерфилд и так сегодня возится со мной весь вечер, наверняка, ему это надоело. Поэтому и хмурится.

К тому же, за окнами давно ночь.

Я свернулась под пледом. В соседней комнате раздались шаги, щелкнул выключатель. Мягко прошелестело постельное белье, принимая в объятия тело Эша...

Я закрыла глаза. Полет абстраликов, как всегда, оказался верной приметой и в королевстве похолодало. Уже по-зимнему студёный ветер облизывал каменную кладку ВСА, заглядывал в трубы и вытяжки, завывал. Деревья в одну ночь сбросили остатки сухих листьев, и на дорожках парках теперь радовали глаз зеленью лишь вековые ели. Зима стояла у порога и заглядывала в окна.

Поежилась, вслушиваясь в звуки. И не понимая, что здесь не так.

Дома, в Котловине, никогда не бывает так тихо. То капает кран, то шуршит крыша, то гудят трубы или нагревательный шкаф. За тонкими стенами слышны голоса соседей, мяуканье кота, скрип половиц. Кряхтит во сне тетя, похрапывает дядя. Эти звуки убаюкивают меня с детства.

В моей комнате синего крыла тоже хватает ночных шорохов, сопения Шелли и Брин, шагов за стеной.

А вот в комнатах Вандерфилда было иначе. Верно, дело все в том же знаменитом архитекторе, который создал это крыло для наследников известных фамилий королевства. Здесь ничто не должно нарушать сон богатых мальчиков и девочек. Даже ветер за окном шелестел еле слышно, робко. Словно и он боялся обеспокоить тех, кто спустя несколько лет встанет у руля Тритории.

Я перевернулась, неловко устроила на подушке больную ногу. Прислушалась. За дверью в спальню царила тишина. Эш уснул? Приподнялась на локте, всматриваясь в полумрак. Бледный свет луны гладил обстановку комнаты, смягчал углы и разбавлял тени.

Пытаясь не шуметь, я села, потом поднялась, поджимая ногу. Прикинула расстояние до ванной, вздохнула. Ничего, допрыгаю. Главное, сделать это бесшумно...

Шажочек, другой...

И вспыхнул свет, а в проеме показался Вандерфилд. Глаза ясные, словно и не думал спать!

— Ты сегодня успокоишься? Спать мешаешь! — с досадой спросил он, и я надулась.

— Я не жаждала ночевать у тебя, знаешь ли!

— Но уже ночуешь. Поэтому можно просто поспать до утра. В тишине!

— Мне надо в туалет! — буркнула я, не понимая, почему он злится. Тоже мне неженка. Закрыв бы дверь в спальню и дрых, делов-то!

Снова шагнула-прыгнула и чуть не рухнула. Нога тут же наградила болезненным выстрелом.

Эш помянул бездновых тварей и подхватил меня, не давая рухнуть на пол. Я вцепилась в плед, в который упрямо куталась.

— Да отпусти ты эту тряпку! — и видя, что я продолжаю держать, вырвал покрывало из рук, отбросил. Вздохнул тяжело. — Аддерли, почему ты меня так раздражаешь?

— Потому что ты сноб и терпеть не можешь нищенок из Котловины? — предположила я, хватаясь за его плечо.

Рука парня обвилась вокруг моей талии, и сверху раздался смешок.

— Потому что от тебя одни проблемы. Ногу подними. Да не эту. Вот же...

И ругнувшись, просто подхватил меня на руки и потащил к ванной. Я обняла его шею и почувствовала, как напряглись мышцы на спине.

— Когда справишься, позовешь, — недовольно буркнул Вандерфилд, захлопывая за мной дверь.

Я показала створке язык и глянула на развороченную стену. К счастью, у аристократишки был еще один кран — за стеклянными дверцами помывальной. Хотя уверена, что повреждения уберут уже завтра, это же крыло богатеев...

Справившись с делами и освежившись, я попрыгала к двери. Она распахнулась, чуть не хлопнув меня по лбу.

— Я же сказал — позовешь. Что непонятного? Ты слышишь, что я говорю?

— Хватит на меня орать. Я не виновата, что этот кран взбесился и повредил мне ногу. А ты мог бы просто помочь мне добраться до своей комнаты!

— Чтобы к утру твоя лодыжка ещё больше опухла? У вас туалет в конце коридора, если ты забыла.

Я прикусила язык. Да уж, захотелось бы среди ночи по делам, и что? Будить девочек, чтобы помогли доковылять? А ногу нельзя нагружать хотя бы семь часов.

— Дошло? — ехидно протянул гад. — Теперь ты, наконец, уснешь?

Я неуверенно кивнула, и Эш снова обнял меня, поднимая. Я окончательно смутилась, прикусила губу. Он втянул воздух и понес меня в спальню.

— Эш! — возмутилась я.

— Да в бездну! — царапнул он в ответ хрипотцой.

И поцеловал — сильно и как-то агрессивно... Словно почти наказывая, то ли меня, то ли себя. Матрас под нами прогнулся, принимая два тела, но Вандерфилд от моего рта не оторвался. Я попыталась взбрыкнуть, но он лишь прижал крепче. Его руки погладили меня поверх шелка рубашки, и я ощутила сладкую негу, расплывающееся в теле.

— Никуда ты не пойдешь, — яростно прошептал он, стискивая в кулак мои волосы. — Поняла?

Ответить я не смогла, мой рот снова запечатали поцелуем. От дикой ласки горело в груди, воздуха не хватало. И останавливаться не хотелось. И лишь когда Эш понял, что я не сопротивляюсь, что отвечаю на его поцелуй и уже сама исследую его рот, слегка расслабился, и агрессия сменилась томительной жадностью. С трудом оторвавшись от моих губ, Эш опустил голову, прокладывая влажную дорожку из поцелуев вниз по моему телу. Раздвинул полы рубашки и сжал мои бедра, сладко целуя живот. Я нервно вздрагивала от каждого прикосновения его языка, с трудом удерживая рвущиеся из горла стоны. Боги, хорошо-то как!

Я и не заметила, как за поцелуями Эш умудрился стянуть с меня белье и сам освободился от штанов. Прижался горячим, возбужденным телом, и у меня в голове зашумело. Уплывающее сознание выдало дельную мысль, что надо остановиться, но ее тут же смыло новой волной удовольствия.

— Все еще хочешь уйти? — мурлыкнул Эш и прикусил мне мочку уха. — Или остаться? Скажи мне... Скажи!

Почему-то ему был важен ответ.

— ...Остаться, — с трудом соображая, выдохнула я. И ощутила его вдох — словно Эш не дышал.

Нас обоих трясло, как в лихорадке. Сводило с ума желание касаться, вбиваться, чувствовать. Ощувив поглаживания между ног, я выгнулась, безмолвно умоляя о большем. И увидела, как сжалась челюсть Эша, он с трудом сдерживал себя.

— Хорошо...я тебя все равно не отпустил бы...

Его хриплый и срывающийся шепот — еще одной изысканной лаской, тонко бьющей по оголенным эмоциям. Его прикосновения все откровеннее и порочнее, и дарят все больше наслаждения. Я вцепилась в каменные плечи парня, провела ниже — вдоль бороздки позвоночника до поясницы и ягодиц. И обхватила его бедра, с каким-то глубинным наслаждением ощущая, как Эш вздрагивает, а потом всем телом подается навстречу. Он сжимал зубы, не позволяя себе стонать, а мне так хотелось услышать этот царапающий душу звук.

И может поэтому я прикусила ему плечо, медленно лизнула сверху. А потом провела ноготками по горячей коже и стиснула крепкие ягодицы, с удовольствием ловя его хриплые, надрывные вздохи.

Правда, Эш почти сразу перехватил инициативу и медленно провел языком вдоль моей шеи, груди, живота, спускаясь все ниже и мучая порочной лаской.

Луна удивленно заглянула в незашторенное окно, залила светом комнату. И осветлила наши волосы, руки, тела... Лишь глаза Эша казались в этом серебряном мраке совсем темными, без капли цвета...

— Тина...

Я подумала, что он зовет меня по имени лишь когда забывается. Когда желание обладать становится сильнее разума. И как только эта эмоция схлынет, снова вернется пустышка. И было бы правильнее потребовать отнести меня на этот проклятый диван. Вот только... я уже не смогла остановиться. Мы оба не могли. Потребность обладать друг другом оказалась сильнее разума.

Сначала осторожно, а потом смелее я провела ладонью, изучая чужое тело. Впитывала его тепло, его вкус и такой знакомый пьянящий запах. Мне нравилось трогать Эша. Гладить горячую кожу, скользить ладонями по его спине и рельефному животу, сжимать бедра. Прикусывать выступающие лопатки и даже немного царапать. Удивляться, насколько мы разные. И Эшу тоже все это нравилось. Я видела, насколько он возбужден, как прерывисто дышит, как пытается держать себя в руках. И как сдается... Язык и пальцы, пряди волос и губы, влажная разгоряченная кожа...Мы

испытывали друг друга, пробуя все новые и новые прикосновения. Его напряженные, каменные мышцы и моя податливая мягкость... Оказывается, все это ощущается так по-разному. И одинаково сладко. От возбуждения нас трясло, самоконтроль давно с нами попрощался. Скольжение губ по разгоряченному телу, моего языка по его шее, его языка по моей груди. Эш точно знал, что надо делать, чтобы пробудить мою чувственность, и я забыла, что должна смущаться. Близость завораживала, словно это тоже было волшебством. Его пульс бился там, где я прикасалась, мой — под его пальцами и губами.

И хотелось больше. Сильнее, ярче, ближе!

— Да! — выдохнул Эш, ощутив мои руки на своем животе. И задышал тяжело и хрипло, когда я тронула ниже. Я мягко погладила ту часть тела, которая разительно отличает мужчину от женщины. С удивлением провела пальцами по бархатистой поверхности, изучила. И улыбнулась, когда Эш накрыл мою руку своей ладонью и почти зарычал: — Ти-ина...

А потом рывком подтянул к себе и наконец дал нам обоим то, чего мы так хотели. Я ахнула, ощутив вторжение его тела внизу, откинула голову. Мне казалось, что он заполнил меня целиком, что не осталось Тины и Эша, что мы едины, словно странное мифическое создание — умирающее от наслаждения и счастья. Я цеплялась за его плечи, обхватывала ногами, а он сжимал руками мои бедра. Замер на миг и поцеловал — желая ощущать и губами. Желая ощущать всеми органами наших чувств...И когда задвигался сильными равномерными толчками, я все-таки услышала его сдавленный стон. Приглушенный, задушенный.

— Проклятье... как же хорошо...

\* \* \*

Пустышка уснула в один момент. Вот только извивалась подо мной, льнула, стонала шептала мое имя, взрывая мне разум и раздирая на клочья безумным, диким наслаждением. Такая хрупкая и...страстная. Кажется, девчонка меня пометила, на спине следы от ее коготков. Странно, что я позволил ей это. Правда, думать, когда пустышка подо мной не получалось, я забылся... Совершенно забылся. Аддерли так сладко стонет, когда спазмы удовольствия ее уносят, что мой контроль тоже улетает к звездам. А потом она уткнулась мне в плечо. Подышала тихонько, посопела. И уснула!

Как ей удастся этот трюк — ума не приложу. Обычно девушки ждут после секса объятий, поцелуев, каких-то слов. А это — повернулась на бок

и спать!

Я хмыкнул, удивляясь.

Отодвинул девчонку и раскинулся на кровати, сыто жмурясь. Двигаться не хотелось. Внутри все ещё звенели отголоски ярчайшего экстаза. Тянуло в сон. Или разбудить пустышку на второй раунд. Не знаю, что сильнее. Но я заставил себя не думать о произошедшем, не вспоминать порочно изогнутую подо мной спину или раскрытые припухшие губы. Поднялся, прошел в комнату, вытащил дневник и чаронометр. Стрелка дрогнула и живо доползла до отметки в 87 единиц. Уже неплохо. Довольно улыбаясь, я записал дату-время и результат. Подумав, добавил краткое описание вечера и ночи.

Щелкнул замочком на обложке, запечатывая записи, и прошел в ванную.

До сих пор не понимаю, что случилось здесь. И если верить зрителю, произошедший разрыв труб просто невозможен. Как невозможен мой динамический потенциал. Или возгорание на Колесе Бесстрашия.

Я нахмурился, размышляя. Выходило, что все ниточки вели к пустышке. Рядом с ней испортилась зачарованная рубашка. С ней загорелась кабина, возле нее взорвались трубы. Или это лишь череда случайностей, и я зря придаю значение несущественному?

Но меня учили замечать и анализировать каждую мелочь. Рядом с Тиной уже несколько раз выходят из строя вещи, улучшенные магией. Случаются поломки, которые не могут случиться. Три раза — это почти закономерность.

Задумчиво взъерошил волосы и потянулся.

Надо попытаться найти в архивах сведения о таких вот невозможных поломках. Если о динамическом потенциале любой уважающий себя заклинатель будет молчать как рыба, то несчастные случаи, связанные с поломками и авариями, не скрыть. О Колесе Бесстрашия писали неделю, но так и не нашли причин возгорания кабины. А самое смешное, это вывод, сделанный комиссией по расследованию. Возгорания не могло произойти, потому что это противоречит всем наложенным заклинаниям и принятым магическим мерам безопасности.

Вот только я прекрасно помню, как задыхался в дыму на высоте полета птицы!

Вернулся в кровать, прихватив чаронометр. Пустышка успела завернуться в одеяло, лишь нос наружу торчит. И светлые кудри разлетелись по подушке. Мерзнет девчонка, что ли?

Решив проверить очередную догадку, размотал кокон и подтянул пустышку ближе, обнял. Прижался губами к макушке. Аддерли что-то сонно шепнула, уткнулась мне в шею, завозилась. И затихла. Я лежал, отмеряя про себя минуты.

На двадцатой осторожно отодвинулся, приложил к руке измеритель. 93. От простых объятий потенциал вырос. Я насмешливо улыбнулся. Как и все девчонки, пустышка млеет от нежностей и заботы.

Что ж, кажется, я нашел, как пополнить свой резерв. Но вот как его удержать? Как сделать так, чтобы чаронометр снова показывал 99 независимо от пустышки? Всегда. Ведь эта связь не может длиться вечно!

Хотя не спорю, что желание к ней превышает все допустимые пределы. Я хочу оставить ее рядом. Поселить в этих комнатах и не спускать с нее глаз. Не отпускать от себя ни на минуту. И вбивать ее тело в матрас по несколько раз на день. И не только в матрас, в моих комнатах куча подходящих и не очень поверхностей!

От порочных образов, возникших в моей голове, стало жарко. Я покосился на спящую девушку. Может, так и сделать? Оставить ее рядом... Ну да, конечно. Что за глупости?

Я нахмурился, потер уставшие глаза.

Зевнул.

Пока продолжу эксперименты и наблюдения. Запрошу в архиве все сведения о поломках зачарованных вещей. Пустышку буду держать в поле зрения и иногда баловать. Предстоящие экзамены меня не волновали, я давно опередил программу академии. Вот только... тренировки Тварей Гряды. Мои прошения на тренировку аспида учебный совет снова отклонил!

Я скрипнул зубами, ощущая, как меняется настроение и возвращается злость. Мне снова отказали, мотивируя идиотскими правилами. Будто я не способен удержать аспида с покалеченной правой рукой!

Моя рука в порядке, шрамы ничему не мешают. Сжал в кулак ладонь в перчатке и почему-то вспомнил, как стаскивала ее пустышка... Но в этот раз я не позволил. Словно прикосновения к моим шрамам задевают что-то глубинное... то, чего не должна касаться моя случайная любовница. Близость с ней ничего не значит. Ничего!

Если я выйду на арену не с аспидом, меня засмеют. Первый Вандерфилд тренирующий какую-нибудь обыкновенную виверну или игольчатого дубогрыза? Позор...

Утром подам новое прошение. Совет обязан мне разрешить. Они не смеют. На арену я поведу черного грядного аспида. Семья будет мною

гордиться. Я не позволю опозорить наш герб, династию и фамилию. Я не дам опозорить себя.

Пустышка завозилась под боком, мягко провела губами по плечу. И из моей головы испарились и аспиды, и совет, и обязательства перед семьей... осталось лишь ощущение нежной кожи под ладонью, легкого тела и едва уловимого запаха пустышки... я так и не разобрался, чем она пахнет. Но во мне этот аромат будит запретное. Ненужное...

На сегодня довольно.

Перенес бы пустышку на диван, но это расстроит девушку, и мой уровень сна сползет вниз. Оставляю здесь. Утром запишу наблюдения и выводы...

А пустышка во сне, оказывается, сопит. Спать мешает. И как я теперь усну?...

## Глава 30

Глаза я открыла привычно на заре. Потянулась и удивилась, ощутив тяжелое тело, придавившее к кровати. И тут же вспомнила бесстыдные ласки, откровенные поцелуи, шепот и стоны в серебряном свете луны.

Тихонько подняла руку Вандерфилда, которой он собственнически прижимал меня к себе. Эш во сне недовольно буркнул и руку сжал, не отпуская. Я полежала, раздумывая, что делать. И бочком начала выползать, пытаюсь не разбудить сладко спящего парня. Он недовольно заворчал и подгрёб меня ближе, практически придавив своим телом. Освободиться удалось лишь с третьей попытки.

Вздохнув от облегчения, я осторожно спустила ноги на пол. В ушибленной лодыжке все ещё тянуло, но боли не было. Ковыляя, я добрела до ванной, умылась. Потом тихонько натянула свое платье. И улыбнулась. Снова сбегая. Но Вандерфилд не привык просыпаться на заре, а мне вот надо успеть к завтраку, да и учебники полистать перед занятиями не помешает. Вчера все из головы вылетело!

Досадливо заплела волосы и покосилась на дверь спальни. Но там было тихо.

ВСА привычно в это время встретила тишиной и полумраком. Верхний свет на ночь выключали, оставляя лишь настенные бра, от которых плыли по коридорам бледные пятна. И в одном из них сидел белый зверь. Я застыла с занесенной ногой, рассматривая его. Похоже, это непонятное создание снова подросло. Незначительно, но все же. На узкой морде образовались какие-то шишки, ровным рядом стекающие на худую длинную шею и спину. Боковые отростки увеличились и теперь напоминали две грязные бумажки, прилипшие к ребрам. Кривые лапы создания увеличились, а узкий крысиный хвост стал шире. Грудина казалась раздутой, с четким рисунком ребер. Может, это непонятное существо голодает? Скорее всего... Накатила неуместная жалость. Я растерянно потопталась, не понимая, что делать.

И пока размышляла, белесый гад опустил морду к полу и бочком начал подбираться ко мне. Как-то неуловимо напоминая... хищника на охоте. Стоило это осознать, как зверь куснул меня за здоровую ногу, издал кряхтящий звук и, нелепо загребая кривыми лапами, скрылся за углом.

— Скотина неизученная! — разозлилась я, потирая место укуса. — Вот я тебя найду, гад. Получишь у меня!

Ругаться в пустоту смысла не было, так что я поковыляла к своему крылу, хромая на обе ноги. Тихонько вползла в комнату и потянулась к своим вещам. На кровати завертелась Шелли, а Брин открыла глаза.

— Тина? Уже проснулась?

— Угу, — невнятно пробурчала я.

— Ты вчера во сколько вернулась?

— Вы уже спали, — соврала я, не зная, что ответить. — Не вставай, ещё рано.

Брин посмотрела на меня и отвернулась к стене. Я переоделась в форму, расчесала и заколола волосы. И с сумкой на плече снова вышла в коридор. До завтрака успела решить задачки по арифметике и просмотреть новые слова чаройта. Но когда вошла в аудиторию, в дверь заглянула высокая девушка в строгом платье.

— Тину Аддерли вызывает ректор академии, — звонко провозгласила она. — Идите за мной!

Холодея под удивленными взглядами сокурсников, я поплелась за вестницей и даже попыталась узнать, на кой я сдалась госпоже Вельвет. Но провожатая лишь поджала губы и не ответила.

Меня привели в кабинет на первом этаже, который я видела, когда переступила порог академии впервые.

За широким темным столом устроилась госпожа ректор, а у окна, к моему удивлению оказался Аодхэн. Похоже, я права в своих предположениях. Этот мужчина был настоящим руководителем ВСА, и думаю, именно он принимал многие решения. Хотя профессор разрушения стоял спиной и даже не повернулся, когда я устроилась на краешке стула. Похоже, темнеющие на горизонте пики Гряды интересовали его больше какой-то нерадивой студентки.

Я нервно сжала ладони, гадая, в чем провинилась. Преподаватели узнали о моем скачущем потенциале? Или о странном белом звере? Что?

— Тина, как проходит ваше обучение? — женщина-ворона сняла с носа круглые очки. Склонила голову и стала еще больше похожа на черную носатую птицу. Только вот я знала, что ее внешность — иллюзия. И что Аделия Вельвет настоящая красавица. Но делиться своими знаниями не стоит. Тем более что сегодня я и не видела истинную внешность ректора. Может, мой потенциал снова уменьшился? Странно...

— Все хорошо, спасибо, — ответила я, нервничая все больше.

Аодхэн оторвался от созерцания оконных видов и повернулся ко мне. Лучше бы продолжал пялиться на Гряды.

— Что-то случилось? — не выдержала я.

Преподаватели переглянулись.

— Тина, расскажите, что произошло вчера.

Вчера? Кажется, я покраснела.

— Что именно вас интересует, госпожа Вельвет?

— Поломка крана в комнате Эша Вандерфилда. Скажите, Тина, вы произносили заклинания, находясь в его комнате?

Что? Я так удивилась, что даже слова растеряла. Меня вызвали, чтобы я рассказала о сломанном кране?

— Понимаете, Тина, вопрос серьезнее, чем кажется. Итак, вы произносили слова на чароите?

— Нет! — очнулась я. — Ничего такого я не говорила. Я всего лишь хотела набрать воды, чтобы вымыть пол. Я помощница по хозяйству, я хотела убрать. И только. Вы думаете, что я сломала кран? Но я этого не делала!

— Не пугайтесь так, — чуть улыбнулась ректор. — Мы просто хотим понять. И вовсе не обвиняем вас в этой поломке.

Она со вздохом надела очки, стеклышки весело мне подмигнули.

— Да и вряд ли у вас хватило бы физических сил выдернуть латунный кран из стены. Или разорвать трубы. Понимаете, Тина... Внутри труб образовался пузырь непонятно откуда возникшего давления. Он повредил не только комнату вашего нанимателя, но и пополз дальше. Хорошо, что Эшу хватило ума и сил поставить магическую заглушку, она сдержала разрушительную силу. Но... не совсем. Пузырь повредил систему водоснабжения на нескольких этажах. А если бы не своевременная помощь Вандерфилда, то...

— То что? — похолодела я.

— То разорвать могло не только трубы, но и камни. Вполне вероятно, башня не устояла бы.

Я ощутила, как по спине сполз кусочек льда. То есть когда мы с Эшем предавались сомнительному, но приятному занятию на кровати, на нас могла рухнуть крыша? Ужас какой!

— К счастью, все обошлось. Почти обошлось, — успокоила госпожа Вельвет. — Но мы не можем недооценивать опасность. А самое главное, обязаны понять — откуда она взялась.

— Но я не виновата. Я ничего не делала. Я не умею делать всякие там... пузыри!

— Это могло получиться неосознанно, — вмешался Аодхэн и вытащил из кармана чаронометр. — Замерьте ваш потенциал, Аддерли.

— Разве вы не видите его? — тихо пробормотала я.

Профессор улыбнулся краешком губ.

— Не с такой точностью, как считают студенты.

Я с некоторой опаской взяла серебристый кругляш. И в этот момент дверь распахнулась, впуская Эша. Злого Эша!

Он одним взглядом окинул и преподавателей и меня.

— Вас не учили стучаться, Вандерфилд? — поднял брови Аодхэн. — Что вы здесь делаете? Выйдите.

— Прошу извинить за вторжение. Но я узнал, что мою... помощницу по хозяйству вызвали к ректору.

— И что? Вызвали ее, а не вас, Эш.

— Согласно распоряжению Магистерии 270/8 по наемным помощникам наниматель имеет права присутствовать на всех разбирательствах с привлечением этих самых помощников, — отчеканил Эш.

Аделия Вельвет хмыкнула и снова сняла очки, Аодхэн остался бесстрастным, лишь глаза потемнели.

— У вас прекрасная память, Эш, — то ли осудила, то ли похвалила ректор. — Ну что же... Тогда присаживайтесь.

— Благодарю, — чуть склонил голову Вандерфилд, и я пораженно уставилась на него. Нет, я, конечно, понимала, что он умеет разговаривать вежливо, но убедиться не успела. А оказывается, это интересно.

— Раз вы так прекрасно изучили законы, то озвучьте нам, пожалуйста, меру наказания для недипломированного заклинателя, создавшего опасность для иных лиц? — с насмешкой протянул Аодхэн.

Я испуганно сжалась. Но на меня Эш даже не взглянул. Он, не мигая, смотрел в темно-синие глаза профессора разрушения.

— Прежде всего, вина обвиняемого должна быть доказана. Что именно вменяется моей помощнице?

— Мы никого не обвиняем, — с досадой произнесла госпожа Вельвет и махнула рукой, словно разрезая невидимый жгут, протянувшийся от Эша к Аодхэну. — Успокойтесь. Мы лишь хотим понять. Вчера был создан магический пузырь, разорвавший трубы водоснабжения и чуть не обваливший крыло. И я хочу узнать, как это произошло!

— Но я не могла такое сотворить! — пискнула робко. — Я не умею. К тому же... у меня потенциал... вот, смотрите!

— Шесть, — озвучила госпожа Вельвет. — А поступали вы с тройкой. Неплохая прибавка, Тина.

— Спасибо, — тихо сказала я, не сводя глаз с дрожащей стрелки чаронометра. Показалось или дрогнула? Дрогнула и начала движение. У

меня на глазах!

Я быстро отдернула измеритель от руки, опустила рукав. На Аодхэна не смотрела, но ощущала его внимательный взгляд. Что видит профессор разрушения? Ведь он точно знает, что мой уровень был выше. Но почему тогда молчит? Или они с вороной в сговоре и лишь проверяют меня? Я нервно прикусила губу. Может, надо честно все рассказать? Или нет? Скачки потенциала — это ненормально. Что со мной сделают, когда расскажу? Выгонят из академии как бракованную?

Я подняла голову и встретилась глазами с Вандерфилдом. Взгляд — тяжелый, темный заставил меня сглотнуть и... промолчать.

Ничего я не скажу. Академия нужна мне как воздух, а с потенциалом буду разбираться сама. Раз Аодхэн молчит, то и я закрою рот на замок. Может... может, этот проклятый потенциал успокоится и перестанет скакать!

— Вы убедились, что моя подопечная не могла создать пузырь, способный причинить видимые разрушения, — удовлетворенно произнес Эш. — Мы можем идти?

Я поразила его невиданной наглости, но ректор махнула рукой.

— Идите. Тина, вы точно не произносили заклинаний?

— Нет! — почти выкрикнула я.

— Свободны, — процедил Аодхэн.

Я вскочила и вылетела из кабинета, Эш не торопясь вышел следом. Оглянулся и затащил меня в какую-то нишу, скрытую от коридора старинным гобеленом. Прижал к шершавой стене, не давая пошевелиться.

— С тебя нельзя глаз спускать, Аддерли, — прошептал Вандерфилд, касаясь губами моего виска. — Стоит отвернуться — ты уже во что-то влипла.

Я попыталась отодвинуться от его рук и губ.

— Ни во что я не влипла. Преподаватели просто спросили...

— И ты совсем не испугалась? И не дрожала там, как мышка?

Я втянула воздух, чтобы возразить. И не стала.

— Испугалась, — тихо ответила я. — И... спасибо, что пришел.

Он замер, переваривая.

— Простого спасибо мало, Аддерли... Хочу иной благодарности...

Его губы прижались к моим, язык проник внутрь рта.

— Не здесь...

— Здесь.

— Нас увидят... — придушенно выдохнула я.

— Наплевать...

— Наплевать, что тебя увидят целующим чучело из Котловины? — чуть слышно пробормотала я. В тесном пространстве было темно и пыльно, я вкинула голову, всматриваясь в лицо Вандерфилда. Сердце замерло. Он глядел на меня — пристально.

— Мы не закончили, — с привычной насмешкой ответил Эш. И отодвинулся.

Я вышла из ниши. К счастью, студенты в это время были на уроках и свидетелей нашего поцелуя не оказалось. Вандерфилд отвернулся и быстро направился к лестницам.

Я еще потопталась, размышляя, куда отправиться. И пожалела, что не успела сбежать, когда передо мной возникла темная фигура Аодхэна. И как ему удастся так быстро и неслышно двигаться?

Преподаватель окинул меня внимательным взглядом. Я смутилась, уверенная, что он отметил и растерянный вид, и растрепанные волосы, и нацелованные губы...

— Тина Аддерли, — сказал Аодхэн так, словно пробовал мое имя на вкус.

— Да? — напряглась я. — Вы хотите что-то ещё узнать? Про тот пузырь?

— Я хочу узнать, как вы сработались с вашим нанимателем.

— А? О... Все хорошо. Спасибо.

— Правда? — профессор поднял темные брови. И снова окинул меня взглядом, заставляя уже не краснеть, а злиться. И что он так уставился? На мне цветы не растут, как говорят в Котловине!

— Да!

— Очень рад это слышать, — вкрадчиво отозвался заклинатель. — И все же... Вам стоит быть... более благоразумной, Тина.

— Я вас не понимаю, профессор.

— Думаю, понимаете, — криво улыбнулся мужчина. — Хорошего дня.

— Хорошего дня... — повторила я в спину удаляющегося профессора.

\* \* \*

Раз уж урок я все равно пропустила, то решила навеститься в библиотеку. Книжная башня встретила меня тишиной и пустотой, в это время здесь никого, кроме зрителя не было. А он, услышав, мой невнятный запрос, покряхтел, повздыхал и указал на огромный талмуд, занимающий отдельный стол. Это была не книга. Эта была книжица!

— Сама ищи!

Похоже, после учиненного с Ривзом беспорядка, старик меня крепко невзлюбил. Но огорчаться я не стала. Несмело приблизилась к старому талмуду, на обложке которого красовалась птица — символ знаний. Красные глаза-камушки поглядывали остро и внимательно, выгнутая шея, разведенные крылья и острые когти олицетворяли полет к новому и трудность учения.

Я робко погладила птицу, словно попросила прощения за то, что тревожу. Внутри оказался указатель, мелкие строчки ползли сверху вниз как бесчисленные полчища букашек. Искать среди них нужные можно годами. Желтые страницы пахли тленом... И вдруг вспомнились слова Аодхэна о том, что бумага — удивительный материал. Начало и конец.

Я быстро повертела головой, но смотритель ушаркал куда-то за стеллажи. Погладила хрустящие листы. Сосредоточилась, ощущая уже знакомое покалывание в пальцах. Вот бы книга помогла мне с поиском. Что я хочу найти? Во-первых, любое упоминание о lastfata.

— Ищи... — прошептала я книге.

Талмуд дрогнул, снова очнулся. Хлопнули крылья-обложки, стряхивая пыль. Шевельнулись листы. И завертелись с такой скоростью, что я отшатнулась от налетевшего ветра!

Бум. Бухнулись страницы, раскрывая фолиант почти в конце.

Я присмотрелась. Всего три упоминания искомых слов. Первое найдено в книге «Откровение». Автор — Патрик Фердион.

Второе — заметка пятнадцатилетней давности в газете «Скандалы и опровержения».

Последнее — исследование некоего заклинателя, чье имя стерлось на обложке, и остался лишь номер в указателе.

Я выписала данные по местонахождению материалов. И задумалась. Может, мне удастся найти еще что-то?

Ласково погладила книгу, листы в ответ шевельнулись и загнулись углами, словно пытаюсь коснуться пальцев. Затрепыхались, как живые. Мне нужно найти что-то про Камелию. Вот только знать бы ее фамилию. Верно, напрасная затея... Сколько источников выдаст мне талмуд? Одна надежда на то, что это женское имя — редкое для Королевства, в Тритории его почти не используют. Может, это мой шанс? И если я правильно запомнила разговор профессора разрушения с ректором, то искать надо что-то об академии.

— Найди всех студенток ВСА с именем Камелия! — приказала я книге.

Фолиант замер, словно задумался. А потом очень медленно, неуверенно перевернул страницу. Еще одну. И еще несколько!

Я склонилась над книгой, разбирая бисер буковок.

«Судебные постановления и процессы». Стеллаж 17, секция «Законов и сводов», полка 358. Ого, это же где-то под потолком!

— Спасибо, — снова погладила я фолиант, и тот качнул листами.

А я отправилась вглубь башни разыскивать нужные мне полки и секции. Откровения Фердиона оказалось в закрытом отделе, куда у меня не было допуска. Но я вспомнила, что видела книгу у Вандерфилда. Может, Эш разрешит ее посмотреть? А за последним справочником и правда пришлось лезть по дрожащей лесенке почти под самую крышу, обмирая от ужаса и пытаясь не смотреть вниз. Хотя Брин как-то говорила, что эти шаткие и ненадежные с виду конструкции тоже зачарованны и ни один студент с них пока не упал. Но с моей везучестью я вполне могу стать первой!

К счастью — обошлось.

Добыв нужные материалы, я уселась за стол и включила лампу.

«Скандалы и опровержения» оказались бульварной газетенкой самого низкого пошиба. Несколько плохо пропечатанных листков, сшитых между собой белой ниткой. Такие продают в Котловине, правды в них ни на син, люди так и говорят про обман — белыми нитками шито. И даже странно, что такое чтиво оказалось в архиве ВСА. Впрочем, судя по размерам, здесь хранилась почти вся бумажная продукция за многие годы. Библиотека академии уступает только королевской, это все знают.

«Что скрывают от людей заклинатели?» — кричал заголовок газетенки. Я вчиталась в смазанный текст на серой дешевой бумаге.

«Долгие годы нас обманывают. Не верьте заклинателям. Бездушные виновны!»

Наша замечательная газета и лично я, Марк Правдивый, открою вам глаза на бесчинства, творимые нелюдями с магией вместо души!

Читайте мои статьи и знайте правду!

Уже не первый раз я пишу о том, что чары — зло. Они отбирают души. Бездушные заклинатели способны на всякого рода злодеяния и преступления. Но самое ужасное, именно они повинны в бедах простых людей, живущих за оградой. Небесная паутина, ядовитые споры, черный туман... Сколько жизней унесли эти проявления чар? Да-да, я не ошибся. Именно чары повинны в появлении сих ужасных и смертоносных явлений. Богачи Бездуш напускают их на нас, а сами прячутся в своих каменных домах. Но это ещё не все. Твари Гряды. Нападения жутких хищников на

беззащитных людей окраины. В этом также виноваты заклинатели...»

Я хмыкнула. Макс Правдивый, похоже, был обычным бульварным писакой, изо всех сил раздувающим скандал для своей газетенки, чтобы повысить продажи. Но что дальше?

А дальше не было листа. Край бумаги, похоже, кто-то вырвал. Зато следующий начинался с оборванного слова «...lastfata!»

И дальше:

«Копье судьбы, мои дорогие. Так называется этот ужас. Этот кошмар, порожденный самой магией и обернувшийся наказанием для тех, кто потерял душу. Но больше всего для нас. Мы все обречены. Гибель уже стоит на пороге, поджидает за каждой дверью. Пока копьё живо, пока оно дышит в телах бездушных, покоя не будет. Твари Гряды уже вздыбили шерсть. Вы думаете, что видели худших из них? Вы ошибаетесь. Худшие впереди!

Читайте Макса Правдивого и покупайте следующий выпуск, в котором я расскажу о...»

Я отложила газетенку. Из всего прочитанного я лишь поняла, что надо спасаться, и скоро мы все умрем. Но так как газета была пятнадцатилетней давности, надежда все же есть. Хотя... я нахмурилась и уставилась на дату выпуска. Потом выхватила из сумки свой учебник по хронологии, перевернула страницы.

И рухнула на скамью. А ведь получается, что безумный Правдивый Макс в чем-то был прав. Спустя три месяца после появления его статьи случилось кровавое нападение хищников Гряды на столицу. Этот день назван черным, каждый год королевство вспоминает трагедию опущенными флагами. Число жертв исчислялось сотнями... Звери просто обезумели, они лавиной накатывали на оградительные барьеры, гибли на пиках заклинателей или от огнестрелов, но продолжали двигаться в сторону столицы. Исследователи до сих пор спорят, что с такой невероятной и неистовой силой влекло сюда этих тварей. От того дня остались страшные хроники, которые тут же внесли в секретные грифы. Дядя рассказывал, что день стал черным от ядовитого тумана и смертоносных исчадий бездны — летящих, ползущих, бегущих или прыгающих. Но одинаково опасных для людей. Слово все, чего желали дикие твари — убить. Уничтожить.

Я снова посмотрела на страницу в учебнике хронологии. Но при чем тут загадочное копьё? И почему Правдивый Макс считал его предвестником трагедии?!

А самое пугающее, как с этим связаны Эш и я?

Не найдя ответа, я придвинула к себе тоненькую брошюрку «Исследование природы изменения чар». На мятой обложке стояла широкая красная печать «Отклонено!» Похоже, высший ученый совет королевства не принял изыскания некоего исследователя и именно поэтому брошюру я нашла не в отделе научной литературы, а в развлекательном чтиве, где она пылилась годами.

Попыталась читать и скривилась. Язык написания оказался тяжелым, пестрил множеством научных терминов и слов на чароите. Надо время, чтобы разобраться. Поэтому я отложила чтение на потом.

Последнее — справочник для заклинателей-законников: «Судебные постановления и процессы». Подумав, я нашла дату пятнадцатилетней давности. И даже не удивилась, увидев запись.

«Дело № 253 о гибели Камелии Янсон, студентки-вольнослушательницы ВСА.

Тело студентки найдено утром 12 апреля у стен башни академии без признаков жизни из-за падения с высоты. Под подозрение в совершении сего жестоко злодеяния попало несколько студентов данного учебного заведения. Однако вина подозреваемых так и не была доказана. Присутствующий на слушании состав судей и свидетелей пришел к выводу, что имел место несчастный случай. Подруга г-жи Янсон утверждала, что Камелия плохо себя чувствовала, страдала галлюцинациями, повышенной возбудимостью и общим тревожным состоянием. Именно это и стало причиной ее смерти, Камелия сорвалась с верхнего этажа башни. Что девушка делала в окне здания, выяснить не удалось. Дело об убийстве вел дознаватель Э. Харлин. Дело закрыто и передано в архив...»

Я вздрогнула. В библиотеке повеяло холодом. Святой Фердион... Что случилось в тот страшный год? Неужели госпожа Вельвет и Аодхэн говорили об этой девушке? Камелия Янсон, случайница. Как и я. Почему в рассветный час она поднялась на башню и прыгнула вниз? И прыгнула ли? Или ее все-таки толкнули?

Я снова подняла к глазам листок и вздрогнула. Теперь понятно, почему так мало данных по этому делу. Камелия Янсон умерла через два дня после нападения тварей Гряды. Слушание по ее смерти состоялось значительно позже, уже почти летом. Очевидно после всеобщей трагедии было не до выпавшей из окна студентки.

Вот только и ректор ВСА, и Аодхэн до сих пор помнят никому не известную Камелию Янсон. Так почему? Что означала ее смерть и жизнь для этих двоих?

И почему мой внутренний голос настойчиво твердит, что все не так

просто, как записано в сухом отчете из архива?

Додумать не успела, за стеллажами раздался вопль зрителя:

— Украли. Обокрали. Воры. Помогите!

Я подхватила сумку и бросилась на голос. Оказывается, пока я сидела, библиотеку наполнили другие студенты и сейчас все они испуганно толпились у стола библиотекаря. В дверях вертела головой удивленная Тензия Лебвест, а откуда-то из темноты показалась фигура Аодхэна.

Я удержалась от простонародного желания поплевать через плечо. Вот же... только думала о разрушителе — и вот он!

— Что произошло? — властный голос профессора разрушения, кажется, привел зрителя в чувство. И дрожащей рукой тот указал на стол между шкафами.

— Украли. Стащили. Архивный указатель стащили!

Толпа любопытствующих удивленно охнула.

Зритель увидел меня и ткнул пальцем.

— Это все она. Она. Она стащила!

— Я?

Отшатнулась, смутившись от внимания окружающих.

— Господин Олди, — скучающе протянул Аодхэн. — Вы утверждаете, что книгу взяла эта девушка? Студентка Аддерли?

— Да!

— Архивный каталог, весом в тридцать аров, который, насколько, я помню, здесь размещали с помощью четверых здоровых мужчин? Ибо меньшее количество людей просто не смогло поднять сей фолиант?

Зритель запнулся и начал наливать багрянцем. В толпе студентов раздались смешки.

— Она его зачаровала и уменьшила! — нашел выход библиотекарь.

— Архивный каталог зачарован от зачаровывания, как не смешно это звучит, — вздохнул Аодхэн. — Кажется, несколько лет назад вы обновляли чары, Тензия?

— Именно так, господин Аодхэн, — звонко подтвердила преподавательница. Выглядела она растерянной и встревоженной. — Я и госпожа ректор. Мы наложили заклинания против тления и порчи вредителями, как и на все книги архива. Ну и конечно, защиту от воровства. А в конце добавили запрет на любое постороннее вмешательство и новые чары. В общем, обычная практика с академическим имуществом.

— Могла ли студентка обойти ваши заклинания, госпожа Лебвест?

Тензия скептически подняла брови и улыбнулась.

— Если это удастся кому-либо из моих учеников, думаю, придется уступить ему преподавательское кресло! — весело объявила она, и толпа рассмеялась. — За двенадцать лет моей практики такого не случилось ни разу!

Двенадцать лет? — удивилась я. Госпожа Лебвест выглядит почти юной, надо же. А у нее, оказывается, солидный опыт!

— И тем не менее, книга исчезла! — взорвался зритель. — Была и нету. Где она, скажите мне? Со всеми вашими заклинаниями? Где?

Все дружно посмотрели на пустой стол. Дерево сохранило темный контур архивного каталога, но и только. Самого фолианта не было.

— Испарился он, что ли?

Аодхэн вытащил из кармана плоскую коробочку, достал мелкий камушек, тихо сказал какое-то заклинание и бросил. Стол окутала дымка, в которой показалось изображение каталога. Деревянная обложка, медленно шелестящие листы. Студенты застыли в изумлении и восторге, мало кому удается вживую увидеть действие заклинания времени. И мало кому удается его воплотить. Я прониклась к Аодхэну невольным уважением, профессор действительно сильный заклинатель. Его чары отмотали время в конкретном пространстве на несколько минут назад, туда, где архивный каталог все еще лежал на отведенном ему месте.

А потом на наших изумленных глазах, древний талмуд встряхнулся, похлопал обложкой, чихнул пылью и... взлетел!

— А? — дружно выдохнули мы и подняли глаза к высоченному потолку книжной башни. Купол тонул во мраке.

— Материализация? — изумилась Тензия. — Но это... невозможно. Размеры, материал... Немыслимо!

— Лух! — выкрикнула Тензия, сдувая с руки кусочек ткани.

А я и не знала, что это ее материал... Лоскут взмыл к верхним полкам стеллажей и загорелся ровным белым светом. И словно испуганная птица с балки вспорхнул наш потерянный фолиант. Вот только он уже мало походил на книгу. Из обложки выступило изображение птицы, приподнялась нарисованная, а теперь вполне материальная голова с красными глазами. Раскрылись страницы, ставшие крыльями и усыпанные перьями-строчками. Выдвинулись когти. И это непонятное и пугающее существо устремилось к нам!

— Спасите! — завопил кто-то, студенты попадали на пол, заползая под столы. Книга-птица, угрожающих размеров вихрем пронеслась над нашими головами.

— Principio! — крикнул Аодхэн заклинание для возвращения предмета

в первоначальный вид. И я впервые увидела на лице профессора живую эмоцию — удивление и гнев, когда чары не сработали. Издав угрожающий клекот, талмуд взлетел к куполу башни.

— Там воздуховодное отверстие. Она улетит! — истерически завопил смотритель. — Ловите мою книгу!

— Mortem, — выдохнул Аодхэн и я похолодела. Слово на чароите было мне незнакомо, но от него веяло угрозой. И смертью...

Заклекотала книга-птица. И рухнула с высоты. Я зажмурилась, когда деревянная обложка глухо ударилась о пол.

В наступившей тишине Аодхэн склонился над талмудом, осмотрел. И велел:

— Я прошу всех покинуть помещение. Библиотека временно закрыта!

Студенты, перешептываясь и оглядываясь, двинулись к выходу. Я тоже. И чуть не застонала, услышав:

— Тина Аддерли, задержитесь.

Поймала на себе несколько косых взглядов и чуть не взвыла. Ну, все, теперь к сплетням обо мне добавится и эта. Даже если Аодхэн решил просто узнать у меня который час, то молва припишет мне всевозможные жуткие преступления. А я только-только наладила общение с однокурсниками!

Вздыхая, вернулась к лежащей на полу книге. Обложка распахнута, страницы примяты... и почему мне жаль ее, словно подстреленную птицу? Ведь это лишь старый фолиант. Тензия уже сидела рядом и что-то шептала, водя руками над обложкой.

— А я говорил, что это все она! — закричал противный смотритель.

— Прекратите, господин Олди! — не сдержалась солнечная преподавательница. Хотя сейчас улыбки на ее лице не было, скорее тревога и непонимание. — Студентка не могла сделать такое. Это не могу даже я. Даже госпожа Вельвет. Вы ведь умный человек, вы понимаете возможности чар. А у Тины довольно скромный потенциал и совсем незначительные успехи в материализации!

Я закивала, всем своим видом подтверждая — да-да, я полный профан!

— Но она трогала указатель. Она единственная сегодня его трогала!

— Разве это не ваша обязанность, господин Олди? — оборвал Аодхэн.

Смотритель смутился и зыркнул на меня недовольно. Ну да, ему было лень искать, вот и отправил к фолианту меня.

— Тина, вы произносили заклинания над этой книгой?

Я покачала головой. Второй раз за день мне задают этот вопрос.

— Нет, госпожа Лебвест. Я нашла нужную мне запись и ушла. Я ничего не делала!

— Она не могла, это очевидно, — устало произнесла Тензия, и я испытала желание расцеловать учительницу. — К тому же я не вижу остаточного следа заклинания. А при такой мощи он должен быть... Думаю, мы столкнулись с так называемой стихийной материализацией. Множественные чары, наложенные на книгу и это место, а также бесконечное повторение магических слов из уст студентов, могло дать такой удивительный эффект.

Смотритель глядел скептически. Похоже, объяснение его не удовлетворило, но другого не было.

Я перевела взгляд на профессора разрушения и вздрогнула. Аодхэн смотрел в упор. И его темный взгляд мне совсем не нравился. И тут в голове возник главный вопрос: если книга ожила из-за стихийных чар, то почему не сработало заклинание разрушения. Мужчина просто «убил» книгу. Но не отменил то, из-за чего она смогла взлететь.

И похоже, этот же вопрос сейчас вертелся и в голове Аодхэна.

— Вы свободны, Аддерли, — глухо произнес он, отворачиваясь.

Уговаривать не пришлось — я вылетела из библиотеки.

И тут же попала в крепкие руки Эша.

— Что случилось? — рявкнул он. — Ты... цела?

Я как-то заторможено кивнула, удивляясь и его тревожному взгляду и ладоням, продолжающим меня ощупывать. Он что же... беспокоился? Обо мне?!

Вандерфилд окинул меня еще одним цепким взглядом, выдохнул и разжал руки. Кажется, с неохотой.

— Мне сказали, что в библиотеке ожили чудовища, и они съели тебя и профессора Лебвест, — он усмехнулся, потер виски.

— Всего лишь стихийная материализация, — пробормотала я, почему-то ужасно смутившись. Я все ещё ощущала на себе горячее, требовательное прикосновение. И в то же время — заботливое. И это поразило меня сильнее, чем ожившая книга. — Ничего страшного не случилось. У кого-то слишком богатое воображение. Ты что... волновался обо мне?

Вопрос вылетел от потрясения, и удержать его я не успела. И тут же покраснела, коря себя за глупость.

— Не отвечай! — буркнула я, боясь верить. — Понятно, что нет.

— Я этого не сказал, — медленно произнес Эш.

Я вскинула голову и замерла, глядя в его глаза. Сердце встрепыхнулось

птицей и быстро-быстро забилось, словно надеясь взлететь. Мир исчез. Коридор академии, голоса, студенты... Все исчезло. Я смотрела в зеленые глаза с расширенными зрачками и теряла себя.

А может, наоборот, находила?

Время тоже исчезло, и мне показалось, что мы стоим так целую вечность. Бесконечно прекрасную вечность, в которой плыли образы. От него ко мне. От меня — к нему. Картины наших поцелуев. И прикосновений. Его страсти, моей нежности... Нашего общего безумия. Множество, множество образов, из которых можно сложить новый мир. Один на двоих.

Холодная река и бледное лицо...

Дверь с номером семь...

Первый поцелуй...

Мои пальцы у его губ...

Обледеневшие ступени Колеса Бесстрашия...

Я держу тебя, слышишь?

И страх, когда он упал под лапы виверны...

И мягкое рычание черного мобиля...

И капли воды на моей коже, на его коже... Прикосновение...

Это лишь танец, пустышка. Закрой глаза...

И руки, прижимающие так крепко, что мир может катиться в бездну.

А потом...

— Эш. Я везде тебя ищу!

Капризный голос Алиссии разбил зарождающийся новый мир, как стеклянный шар. Щеки горели, и я приложила к ним холодные ладони и отвернулась, все еще ощущая взгляд Вандерфилда.

Рядом с блондинкой шествовала Магма, похоже, подруги просто не ходят поодиночке!

— Все судачат о какой-то ожившей книге, это правда? — девушка хозяйски взяла Вандерфилда за руку, и я отвела взгляд.

— Я не знаю, — ответил Эш.

В его голосе скользнула досада. Или мне показалось? Он все еще смотрел, и в глубине его глаз мелькала растерянность.

Хотя вряд ли. Разве блистательный Эш бывает растерян? Не думаю.

— Наверняка, очередные байки глупцов, — сморщила точеный носик Алиссия. — Некоторым просто не хватает ума, вот и выдумывают. Кстати, Эш, скажи своей полемой, чтобы убрала у меня в комнате. Моя прислужница надумала замерзнуть и заболеть. Я ведь говорю, некоторым не хватает ума...

— Я вообще-то стою здесь и все слышу, — обозлилась я. — И убирать у тебя ничего не буду.

— Эш, милый, реши эту проблему, — не глядя на меня, пропела девушка. Словно меня здесь и не было. Словно я пустое место! — После банкета я хочу вернуться в чистые комнаты!

Ну конечно, кто-то учится и работает, а у кого-то сплошные вечеринки. Я дернулась, собираясь уйти. Видеть руку Алиссии в ладони Эша оказалось невыносимо.

— Лисса, ты уже выбрала платье? — не обращая внимания на мебель в моем лице, спросила Магма. — Все-таки официальное объявление даты свадьбы. Соберутся все сливки королевства, я даже немного тебе завидую...

Что?

Внутри меня стало холодно-холодно и пусто-пусто. Глупая Тина... Чему удивляться? Я ведь и раньше знала, что они жених и невеста. Но решила, что это лишь договор. Ну конечно. Символ договора — кольцо с крупным прозрачным камнем оттягивало своей роскошью и значимостью палец белокурой красавицы.

— Это давно не новость, но ты права, Магма. Банкет будет впечатляющим. А дата... в конце зимы. Эш такой нетерпеливый, не хочет ждать выпуска, чтобы назвать меня женой...

Вандерфилд поморщился. Недовольно дернул плечом. Но не возразил. Значит, все правда.

«А теперь разворачивайся и уходи, Тина» — приказала я своему окаменевшему телу. И почему внутри так пусто? Такая противная, тянущая дыра... Как раз в том месте, где разрушился новый прекрасный мир.

Девушки ещё что-то говорили, но я плохо слышала. Кажется, обсуждали платья и украшения, которые наденут на знаменательное событие. Лисса будет в голубом, ее шею обовьет несколько рядов фамильного жемчуга, а голову увенчает тиара. На столы подадут изысканные и дорогие закуски, в фужеры польется шампанское по тысяче синов за бутылку, а гости будут желать будущим супругам счастья и плодovitости.

А я пойду, съем парочку сухарей, запью дешевым чаем, напишу доклад за три сина и лягу спать в комнате синего крыла.

Подняла взгляд и увидела лицо Магмы. Она смотрела в упор, яркие губы шевельнулись.

И мне очень захотелось вернуться в библиотеку, снова оживить птицу-талмуд и напустить на этих проклятых снобов. Чтобы выдрала все патлы —

и темные, и светлые. Чтобы царапала и крушила, заставляя аристократов кричать и выть. Чтобы хоть на миг им стало больно...

Как мне.

Магма жадно облизнулась, глядя мне в глаза. И руку обожгло.

Я вскрикнула, стряхивая с запястья задымившийся браслет. Мой экран. Святой Фердион, да это ведь...

— Она применила ко мне ментальное воздействие! — возмутилась я. Вспыхнувшая ярость погасла, оставив вместо себя пепелище. На мой возглас обернулись другие студенты, некоторые подошли ближе. Кажется, все из родовитых... Но я лишь выше подняла подбородок. Не собираюсь отказываться от своих слов!

— Эта нищая идиотка сдурела, — скучающе протянула брюнетка, но я заметила быстрый обмен взглядами между подругами. И улыбки. Ничего мне не показалось. Магма снова раскачивала мою обиду и злость!

— Ментальное воздействие запрещено уставом академии, — прогудел незнакомый мне парень-старшекурсник.

Магма пренебрежительно фыркнула.

— Эш, думаю, тебе пора поменять поломойку, — заявила Алиссия, демонстративно сморщив носик. Словно учуяла что-то дурно пахнущее. Вот же гадина! — Эш, ты слышишь?

— Магма, ты действительно ее резонировала? — вкрадчиво спросил Вандерфилд. Брюнетка пожалала плечами и ахнула, когда Эш сжал ее плечо. — Я задал вопрос, Магма.

— Эш!

— Я. Задал. Вопрос.

— Да что с тобой? Она всего лишь мусор.

Лицо Вандерфилда осталось бесстрастным. Только зрачки сузились...

— Что ты внушала?

— Обычное развлечение, немного воплей и злости, — огрызнулась Магма. — Нам с Лиссой стало скучно. Мы могли бы немного посмеяться, как раньше. Тебя ведь это забавляло. Ты сам говорил, что надо поставить поломойку на место. Не понимаю, почему сейчас ты злишься!

Я выдохнула, ощущая разрастающуюся внутри дыру. Что будет, когда она станет величиной с меня? Может, я просто исчезну?

Перевела взгляд на Эша. Его это забавляло, значит... Он попытался удержать мой взгляд, но я отвернулась.

— Вы просто отвратительны, — выдохнула я. — Вы все.

Развернулась и пошла прочь.

В спину долетело:

— Я не поняла, дворняжка вымоет мои полы или нет?

Я остановилась. Развернулась. И вернувшись, ткнула в Магму пальцем:

— В отличие от некоторых, я чту устав академии. И не делаю гадости исподтишка. Поэтому вызываю тебя на дуэль за применение ментального воздействия. Время и дату позволяю выбрать тебе.

Студенты ахнули. Я увидела удивленные взгляды. Старшекурсники смотрели с насмешкой, верно, поражаясь, на что рассчитывает желторотик в моем лице, выступая против Магмы.

Но я точно знала, что больше не позволю над собой издеваться. И если не проучить зарвавшуюся брюнетку, то мне никакой экран не поможет.

— Эта чокнутая совсем сдурела...

— Девочка, да ты не выступишь против агрессора и минуты!

— Вызвать аристократа на чаропоединок может лишь равный по рождению, — протянул неизвестный мне парень. — Ну и потом, это делают лишь мужчины.

— Ничего, я сама поборюсь за свою честь, — бросила я. — Так ты будешь со мной драться или струсишь?

Повисла тишина. Магма кусала губы, не зная, как поступить. Алиссия выглядела оскорбленной, впрочем, как всегда.

— Я запрещаю дуэль, — сказал вдруг Эш. — Как наниматель и ответственное лицо.

— Не смей! — разозлилась я.

— Я. Запрещаю, — отчеканил белобрысый гад, сверля меня взглядом.

Теперь все заговорили разом, но я слушать не стала, развернулась и двинулась к дверям, высоко держа голову. Сейчас я хотела лишь убраться подальше от компании неприкосновенных. Эш схватил за руку, дернул.

— Постой, — сквозь зубы процедил он.

— Не трогай меня, — вырвала руку, на коже остался красный след. — А то друзья засмеют. И не переживай, нищенка поняла свое место!

— Я не говорил такого! — рявкнул Вандерфилд.

Чего? — хотелось заорать мне. Чего ты не говорил? Что я пустышка? Нищенка и дворняжка? Поломойка? Или того, что скоро женишься? И, конечно, брак этот будет самым настоящим...

Как же я могла так влипнуть?

На нас смотрели. Алиссия сказала что-то компании друзей, некоторые рассмеялись. Я набрала побольше воздуха.

— Это все неважно. Не приближайся ко мне. Лучше беги за своей невестой, она уходит. У вас свадьба... скоро, — глухо пробормотала я

— Я ни за кем не собираюсь бегать.

Он разжал пальцы. Я нервно поправила сумку и пошла к лестницам, пытаюсь что-то сделать с дырой на месте своего сердца.

## Глава 31

Ночь выдалась беспокойной. ВСА гудела как улей, обсуждали то случай в библиотеке, то размолвку Вандерфилда с его невестой, то одну наглуго девицу из Котловины, посмевшую бросить вызов самой Магме. Слушать домыслы я не желала, сбежала в свою комнату и с головой накрылась одеялом. Но спала тревожно — воспоминания мучили.

Завтракала я без аппетита и на занятиях слушала в пол уха. Мне хотелось остаться одной, хоть немного побыть в тишине и подумать. Слишком много всего свалилось, и я не знала, как относиться к вихрю событий, кружащему меня. Чувства бушевали внутри все разрастающимся смерчем, и я уже ничего не понимала. И потому сбежала в башню ключницы, где и просидела несколько часов, пытаюсь привести свою душу хоть к какому-то спокойствию.

А стоило вернуться в центральное здание, поняла — что-то изменилось.

Вышел новый выпуск газеты «Хроники ВСА». Вернее, он не вышел. Им просто завалили всю академию. Газетные листки были повсюду. На досках пола, подоконниках, столах, лавках, даже в кадках с растениями. Студенты ахали, ловили кружащие в воздухе листы, жадно вчитывались.

Предчувствуя недоброе, я тоже подняла один.

На центральной полосе красовалось мое изображение. Кажется, такой я вошла в академию впервые. Серое платье-балахон, жуткая шапка, выбившиеся из-под нее прядки, прижатая к груди сумка и испуганные глаза. Нелепая и немножко смешная. А рядом... рядом было изображение Йена. Того самого парня, к которому я так и не пришла на свидание. На чарографии он был изображен в рабочей и грязной одежде, в надвинутой на глаза шапке. В руке Йен держал какой-то мешок. Рядом зияла яма.

А ниже красовалась огромная надпись:

«Трогательная история любви студентки и землекопа. Счастливое воссоединение любящей пары!»

И его письмо. То самое, которое я так и не нашла.

Мой взгляд скользил по строчкам, а сердце застывало кусочком льда. Если бы эти слова сказал мне любимый человек, какой счастливой я стала бы. Йен писал о своих чувствах и ожиданиях, как пишет обычный, малообразованный парень из Котловины. Просто, искренне и потому ужасно коряво... И я видела за словами с ошибками его — черноглазого и

улыбающегося, того молодого мужчину, что день за днем ждал понравившуюся девушку возле памятника святому Фердиону. Она не приходила, а он продолжал ждать...

Я хлипнула носом.

Йен написал так, как чувствовал. Бесхитростно и просто. Но то, что могло стать невероятно трогательным признанием в любви, стало циничной и жестокой насмешкой.

Корявые строчки признания выложили в «Хроники» на потеху. Вывернули наизнанку, понимая, насколько нелепы выглядят чувства обычного землекопа. И я ощутила, как внутри поднимается злость.

Внизу темнела надпись:

«Как сообщил «Хроникам» достоверный источник в лице Ари Бергенс, влюбленные с трудом переживают расставание и ждут того часа, когда смогут соединиться. Свадьба назначена на лето, пожелаем прекрасной паре любви и согласия. Группа доброжелателей решила помочь нашей студентке и пригласить принца-землекопа в академию. Сегодня мы все сможем увидеть возлюбленного полемойки из Котловины. Приходите в главный зал ВСА. Вас ждет грандиозное представление. Мы обещаем!»

Я скомкала гнусное послание, осмотрелась. Со всех сторон на меня поглядывали и перешептывались. Кто устроил мне эту пакость? Магма с Алиссией? Отвергнутый Ривз? Или... Вандерфилд?

Что за зрелище обещано студентам? Чего еще ждать?

Святой Фердион. Надо остановить Йена. Надо предупредить его!

Развернувшись, я бросилась на первый этаж, молясь, чтобы успеть. Хоть бы Йен не пришел. Наверняка ему прислали записку от моего имени, позвали на свидание. Хоть бы он заболел, опоздал, не смог!

Слетела по ступенькам и замерла. В главном зале собралась толпа, а я так надеялась, что эта глупая насмешка никого не заинтересует. Но какой там. Под огромной люстрой уже теснились студенты разных курсов, потрясая «Хрониками ВСА» и делая вид, что просто прогуливаются. Девушки перешептывались, парни позевывали, но тоже не уходили.

И везде, везде желтели проклятые листки. Это сколько же бумаги извели, чтобы поиздеваться надо мной!

— Вот он! — крикнул кто-то.

Йен?

Я растолкала чужие спины, пытаюсь пробиться.

— Да пустите же!

— Тина. Как же я рад тебя видеть! — Йен непонимающе оглянулся на глазающих студентов и широко улыбнулся.

Я окинула парня быстрым взглядом. Серые штаны из грубой ткани, как у многих работников Котловины, стеганный ватный жилет, под ним — свитер грубой вязки. Тяжелые ботинки со сбитыми носами, аккуратно начищенные и натертые коричневой ваксой. Взъерошенные каштановые волосы. Взгляд, в котором испуг смешался с восторгом. Он рассматривал хрустальную люстру, мраморную лестницу и колонны, открыв от удивления рот. Одним словом — окраина. Среди студентов ВСА парень смотрелся нелепо и смешно. Так же, как смотрелась я в свои первые дни.

В руках Йен мял вязаную шапку. И держал несколько желтых кленовых листьев.

— Тина, какая же ты красавица! — выдохнул он. Протянул мне шапку, смутился и отдал свой осенний букет. — Вот... нашел... Тебе.

— Спасибо, — выдохнула я, незаметно отталкивая его к выходу. — Нам надо выйти...

— Постой, я получил твою записку. Ты правда хочешь выйти за меня замуж?

— Что? — опешила я. Злости внутри стало больше. Вот же гады. Так, значит?

— Тина, я не против! — гаркнул Йен, продолжая терзать свою шапку. — Ну, то есть... Я согласен. Фу... Выходи за меня. Как-то все это странно, конечно...

— Йен, мы поговорим на улице, — почти простонала я, хватая парня за руку.

— Но почему? Я никогда не был в академии... Да я и в центре-то не был... Святые праведники, да ты же будущая чароисса. Вот заживем!

— Заклинательница, — поправила я, продолжая тащить упирающегося Йена к выходу. Процесс сильно затрудняло то, что парень весил как минимум в два раза больше меня, уходить не хотел и глазел по сторонам с восторгом ребенка. Ну и ещё то, что зеваки окружили нас плотным кольцом, мешая пройти.

— Он сделал ей предложение, вы слышали? — завопила в толпе какая-то девица.

— Достойная пара, — с насмешкой отозвался мужской голос. — Поломойка и землекоп!

— Котловина к котловине...

— Жуткая одежда...

— А мне он кажется милым...

— Фу, Кэйти, ну и вкус у тебя!

— А что здесь происходит? — дошло до Йена.

— Кто-то жаждет бесплатного развлечения, — прошипела я. — Идем, я все объясню...

— А поцелуй будет? — снова чей-то выкрик.

Йен глупо улыбался, вертел головой, явно не понимая, куда попал. Я тащила нас к выходу. И тут впереди выросла темная фигура. Подняла глаза — Ривз. На лице все еще следы состязания, губа разбита. Но глаза прищурены насмешливо.

На меня он глянул лишь раз, повернулся к Йену. И выдохнул почти неслышно:

— Жарко...

Рука парня в моей ладони стала горячее. Он втянул воздух и замер столбом. Повернулся ко мне.

— Нет-нет! — почти завопила я. — Не вздумай поддаваться. Йен!

— Тина... Если бы ты знала, как я тебя ждал... думал... мечтал... — он рывком прижал меня к себе, и я ощутила каменные мышцы под грубой одеждой. Ну да, Йен зарабатывает на жизнь физическим трудом, куда мне тягаться с ним. Он неумело ткнулся мне в губы.

— Ти-и-на...

— Прекрати! — я попыталась вырваться, уворачиваясь от поцелуев парня.

Он пыхтел, пытаюсь крепче прижать меня и совершенно не слыша улюлюкающую толпу. Кто-то одобрительно присвистнул, кто-то ахнул. Я почти ничего не видела. И мне было стыдно, безумно стыдно. Не за себя. За простого и хорошего парня, который по чужой злой воле стал объектом насмешек!

— Йен, хватит. Это ненастоящее. Это ментальное воздействие. Очнись!

— Настоящее! — горячо выдохнул он. — Я люблю тебя. Ты станешь моей женой? Станешь? Дай я тебя поцелую. Ти-и-ина!

Я дернулась и вдруг увидела... Эша. Его лицо казалось застывшее маской, а зеленые глаза — черными дырами. Вандерфилд на миг замер на ступеньке лестницы, а потом рванул к нам, расталкивая толпу. В стороне насмешливо улыбалась Алиссия, лениво обмахиваясь новостным листком. Магма за ней подняла руку и провела пальцем по шее.

И на месте моей души вдруг вспыхнул пожар. Да как они смеют?. Как смеют играть человеческими судьбами? Издеваться. Насмехаться. Я не позволю!

— Довольно! — мой крик взметнулась к потолку, отразился и приумножился. Жалобно звякнули тысячи подвесок на люстре и стекла в

огромных окнах. Налетевший сквозняк ударил по щекам и взметнул мне волосы.

Йен отшатнулся, заморгал, приходя в себя. Но я на него не смотрела.

— Никто не смеет над нами издеваться. Ясно? — выкрикнула я, с ненавистью глянув на валяющиеся под ногами «Хроники». Первым вспыхнул листок возле моего ботинка. Следом тот, что лежал за ним. А потом разом — все. Те, что валялись на полу или лестнице, те, что держали в руках студенты. Вспыхнули желтым огнем — ярким, пугающим, невозможным, а после рассыпались в пепел.

Толпа всколыхнулась, заорала, кто-то в панике бросился бежать. Кто-то упал и завыл. А кто-то пялился на меня так, словно увидел нечто невероятное. Ривз даже протер глаза. Магма побелела, Алиссия растерянно смотрела на свои руки, испачканные сажей. Но странный огонь, уничтожив гадкие листки, исчез, как не было.

В наступившей звенящей тишине, голос Йена прозвучал слишком громко.

— Тиночка... а что тут происходит? Я не понимаю...

— Уже ничего не происходит. Представление закончено, дверь сам найдешь, — мрачно сказал Эш гостю из Котловины, возникая рядом.

Я поперхнулась.

— Тина? — растерялся Йен. — А это кто...

— Никто! — выкрикнула я.

— Только я не понял, ты выйдешь за меня?

— Да, — брякнула я и сама опешила. Что?

— А? — Йен тоже удивился, ошалело моргнул. И расплылся в широкой улыбке. — Правда? О, ты не пожалеешь. Ты никогда не пожалеешь, я клянусь. Да я все для тебя сделаю!

На Вандерфилда я не смотрела, хотя и ощущала его тяжелый взгляд.

Ответить не успела, потому что за спиной раздался холодный голос профессора Аодхэна.

— Тина Аддерли. За мной. Живо!

Ну, вот и все, подумала я. Прощай, ВСА.

Теперь меня точно выгонят!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ